

Библиотека «Цифровой истории»

Борис Кипнис

Славный ГОД

«... славный год сей минул, но никогда не пройдут и не умолкнут содеянные в нем громкие дела и подвиги ваши: потомство сохранит их в памяти своей»

из Высочайшего приказа российской армии императора Александра 1 го от 5(17) февраля 1813 года.

Об учреждении медали, для награждения всех солдат, офицеров и генералов, участвовавших в Отечественной войне 1812 года.

Издательский дом «Тион»
Москва 2023

УДК 327.51
ББК 66.4(2Рос)
К42

К42 Борис Кипнис
Славный год — М.: Издательский дом «Тион», 2023 — 424 с., 16+

ISBN 978-5-6048407-6-4

Отечественная война 1812 года. С тех пор прошло более 200 лет, а интерес к данной теме всё не ослабевает. Каковы истоки этого затяжного конфликта? Так ли просто определить его причины? Какие события подготовили почву для открытого противостояния двух сильнейших государств того времени? Повлияли ли интриги царедворцев на развитие ситуации? Можно ли провести параллели с событиями современности?

В данной работе автор рассматривает известные и забытые факты относительно событий тех далёких времён, а также развенчивает некоторые мифы, созданные в XX веке. Читатель встретится с Суворовым, Кутузовым, Александром I, Наполеоном Бонапартом, Мюратом и другими знаковыми историческими фигурами, узнает о тайных мотивах царей, вельмож, военачальников. Книга будет полезна широкому кругу читателей: школьникам, студентам, преподавателям, всем интересующимся историей.

Редакционный совет серии «Цифровая история»:

Егор Николаевич Яковлев, директор фонда «Цифровая история» (главный редактор)

Кирилл Борисович Назаренко, доктор исторических наук

Елена Давыдовна Браун, кандидат исторических наук

Александр Ильич Филюшкин, доктор исторических наук

Михаил Сергеевич Трофименков, кандидат искусствоведения

УДК 327.51
ББК 66.4(2Рос)

ISBN 978-5-6048407-6-4

© Кипнис Б.Г., 2023
© ООО «Тион», 2023

Введение

Трудно представить себе более известное, хотя бы по имени своему, русским людям в нашей истории событие, чем Отечественная война 1812 г. Ещё сложнее представить себе эпоху более романтическую, более овеянную преданиями рыцарственного самопожертвования нашими офицерами жизнью своею для общего блага; воспоминаниями о пламенном мужестве простых солдат в смертном огне грозных сражений, когда пренебрежение опасностью перед лицом общей беды доходило у них до самозабвения, позволявшего с кротостью духа и стойкостью тела переносить все тяготы и ужасы войны. Как не вспомнить о самоотверженности крестьянства и мещанства, шедшего по велению сердца в дружины ополчения или бравшего в руки топор и вилы, чтобы отомстить мародёрам-грабителям, разоряющим их мирные очаги. Как не признать, думая обо всём этом, что в те великие и тягостные месяцы кровавой войны народ наш воспрянул ото сна мелочных дел повседневности, сплотился в несокрушимом единстве и снова обрёл право именоваться великим народом.

Эта грандиозная кровавая борьба подвела собою итог более чем столетнему превращению Московского государства в Российскую империю. Именно поэтому в народном сознании укрепилась привычка сравнивать все прежние военные подвиги русского народа с 1812 г., и всё, что он впоследствии совершил на бранном поле, также стали соотносить с этой колоссальной военной страдой. Даже грандиозные войны XX в. не изменили этой оценки: Первую мировую сразу же, в 1914 г., стали называть Второй Отечественной войной, и то величайшее военное испытание, которое наступило 22 июня 1941 г., получило официальное название Великой Отечественной войны. По-

тускневшая за предшествующие десятилетия слава 1812 г. теперь вспыхнула с новой силой. Для интеллигенции это была духовная «территория», свободная от излишней идеологизации, для народа — пробуждение понимания, что его история началась вовсе не 25 октября 1917 г., а для власти — великолепная возможность присоединиться к великой истории России и представить себя её продолжателями и преумножателями. Тут уж все средства были хороши: и портрет Кутузова в кремлёвском кабинете, и орден, носящий его имя, и кинофильм, снятый в 1943 г.

Происхождение конфликта

Откуда возникла Отечественная война 1812 г.? Для

Жан Огюст Доминик Энгр.
Бонапарт, первый консул.
1803–1804

большинства наших читателей ответ известен с детских лет (хвала нашим учителям!): она выросла из непомерного властолюбия и честолюбия Наполеона Бонапарта, напавшего на Россию, стоявшую на его пути к мировому господству. Милые люди, всерьёз принимающие такую точку зрения, даже и не подозревают, что являются невинными жертвами исторической мысли образца 1945–1955 гг. Она, надо отметить, подкупала всегда обычного человека, на которого, кстати, и была рассчитана, своей «простотою», которая, как известно, хуже

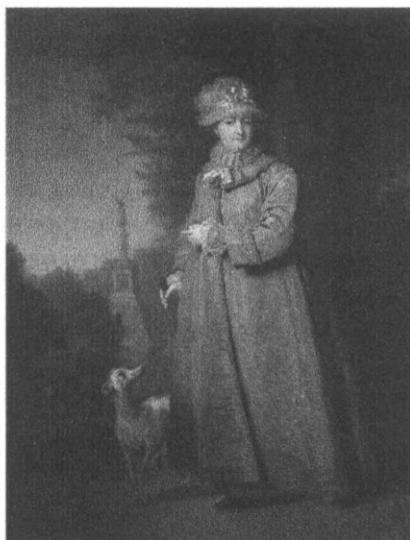
воровства. Заметим, что народ русский в своих пословицах редко когда ошибается.

Эта концепция, как её ни модернизируй, очень хорошо укладывается в созданную тогда же идеологемму, что страна наша постоянно была окружена только врагами, всегда коварно и внезапно нападавшими на неё. Народ же наш в своём героическом мужестве, также всегда вопреки бездарности высшей власти спасал Родину, стоявшую уже на краю гибели, и увенчивал её новой небывалой славой. Идея хорошая, патриотическая, вполне в духе времени, но ...если бы в ИСТОРИИ всё было так просто и ясно.

Люди более образованные, т.е. не остановившиеся в своём изучении родной истории на уровне школьного учебника и незабвенной героической кинокомедии «Гусарская баллада» (которую автор и сам с детства любит, но только как художественный фильм), могли узнать из вузовского курса — правда, если это не был односеместровый курс, обычно читаемый в техническом вузе, — что всё было несколько сложнее и конфликт начался на двадцать лет ранее.

Высшее образование могло познакомить вас с концепцией, оформившейся уже в 1960–1970 гг. и относившей истоки войны к концу XVIII столетия, когда в 1789 г. во Франции вспыхнула Великая революция. Тогда-то и разгорелся непримиримый идеологический конфликт между самодержавно-крепостнической империей и революционной Республикой, начертавшей на своих санкюлотско-якобинских знамёнах — СВОБОДА, РАВЕНСТВО, БРАТСТВО. Эти лозунги были смертельно опасны для царского деспотизма и ужасали крепостников, угнетавших миллионы русского крестьянства по тысячам своих вотчин и поместий.

Исходя из этой концепции становилось ясно, почему Екатерина II объявила войну Французской республике, а Павел I послал Суворова и русских солдат сражаться с

В. Л. Боровиковский.
Екатерина II на прогулке
в Царскосельском парке. 1794

С. С. Щукин. Павел I.
1798–1801

армиями этой республики в Италию. Правда, там русские не встретились с Наполеоном, но зато впервые победили всех других французских генералов. Из этого напрашивался вывод, что смогут побивать их и впредь, где бы и сколько ни встретили. При этом как-то среди грома военных побед ухитрялись подзабыть, что Северная Италия вовсе не русская губерния и, следовательно, в 1799 г. не французы напали на русских, а как раз наоборот. Хотя, впрочем, как известно, русские ни на кого первыми напасть не могут просто потому, что они русские, а значит, всегда хорошие. Велика сила традиционной психологии, и совсем не смешно, когда столь «простые» суждения исповедуются так часто и с такой серьёзностью. Вообще-то, от них исходит дух мальчишеской дворовой идеологии ребяческих войн в «наших» и «немцев». Но, как мы знаем, в каждом нормальном мужчине никогда не уми-

рает мальчишка, жаль только, если это сохраняется и на интеллектуальном уровне.

Однако и этот, более глубокий экскурс в историю требовал снова, уже после рассуждений о духе Революции, заговорить о Наполеоне: ведь это он, а не Революция, напал в 1812 г. на Россию. Требовалось объяснить, почему он это сделал и как это связано с грозовой революционной эпохой. Обычно предлагалось два варианта. Вариант А: карьерист, примкнувший к Революции, получивший от неё возможность выйти из мрака неизвестности, а потом предавший её, узурпировавший у народа власть и развязавший по указке буржуазии или из личных интересов ряд кровавых войн в Европе, приведших его сначала к столкновению, а потом и к борьбе не на жизнь, а на смерть с Россией. Вариант Б (более интеллектуальный): человек, искренне присоединившийся к Революции, но оказавшийся неспособным пойти с нею до конца в её якобинский период, начавший приспосабливаться к новой власти после гибели Максимилиана Робеспьера и проч., искренне презиравший буржуазно-пошлую Директорию, выхвативший власть из её дряблых рук, постепенно опьяняющийся этой властью до того, что забыл великие уроки Революции, стал деспотом и завоевателем, поработившим Европу и, в приступе цезарского честолюбия, напавший на Россию в 1812 г.

Это было отлично, точно, психологично и логично. Но снова возникла маленькая неувязочка. Как и в варианте А, движущей силой конфликта является Наполеон, но это полбеды (хотя политические отношения всегда двухсторонни), гораздо хуже было другое. И в варианте Б история отношений России и Франции ДО истоков конфликта просто отсутствует; обе противоборствующие державы выскакивают перед нами как чёртик из табакерки, равно как в 1789 г., так и в 1812 г., и сразу же начинают схватку. Так и хочется задать далеко не риторический вопрос: а

что же, до этого никаких серьёзных отношений не было и ответ о причинах грандиозной войны вот так прост и залегает так неглубоко от исторической поверхности? Вот теперь мы и подошли к сути проблемы и попробуем на неё ответить.

Свыше столетия шли Франция и Россия к этой беспримерной схватке, сама ИСТОРИЯ своей могучей, хотя и невидимой рукой вела их по этому пути. Великодержавность — вот причина этой исторической драмы. Немногие из народов способны выдержать её сверхмерную тяжесть и шествовать этим путём из века в век. Франция, вступив на него в конце XIII столетия ещё при Капетингах, никогда уже с этого пути не сворачивала. К концу XVI в. Франция была уже могущественна настолько, что уже почти сто лет вела борьбу за гегемонию в Западной и Южной Европе с могущественным домом Габсбургов, царствовавшим одновременно в Вене и Мадриде. Французская дипломатия оказалась настолько прагматически изощрённой, что сумела доставить своим христианнейшим королям против его Апостолического величества в Вене и его кузена в Испании могущественнейшего союзника в лице Блистательной Порты Оттоманской, боровшейся на Балканах с австрийцами, а на Средиземном море с кастильцами. Несмотря на разницу в вероисповедании, стратегический союз Франции и Турции выдержал испытание временем вплоть до 1789 г.

Тогда же, в конце XVI в. зародился политический дуэт королевства Французского с Речью Посполитой, и последний из Валуа, прежде чем встать на престол Франции, целый год пробыл королём Польши. С той поры узы этих двух стран постоянно крепили и разрастались.

Наконец, в первой трети XVII столетия, когда уже царствовали Бурбоны, великий министр, знаменитый кардинал, герцог де Ришелье, направляя борьбу протестантов Германии в годы Тридцатилетней войны против деспо-

тизма фанатичных католиков Габсбургов, сумел привлечь на свою сторону в 1629 г. Густава II Адольфа, короля Швеции. Теперь и она до рокового 1789 г. стала стратегическим союзником Франции.

Однако всё в нашем мире имеет обратную сторону, и ни одно государство не существует само по себе. И Швеция, и Польша, и Турция в это историческое время являлись соседями и одновременно противниками Московского государства, возникшего в конце XV в. и тогда же вставшего на путь великодержавия, провозгласив своей миссией стать третьим Римом. В течение XVI в. это Франции никак не касалось: Московия была далеко, на другом конце Европы, дипломатических отношений с нею для Лувра попросту не существовало, торговые контакты были незначительны и редки.

Но после Смутного времени положение начинает постепенно меняться. В 1629 г. у Ришелье были основания для удовольствия: царь Михаил Фёдорович подписал торговый договор с его посланцем Деге де Курмененом, стал продавать хлеб и селитру Швеции, воевавшей с Габсбургами, и в 1633–34 гг. сам напал на Польшу, бывшую тогда союзником Вены. Но эти первые контакты не переросли в установление постоянных и дружественных отношений, тем более, что главным торговым партнёром Москвы давно уже была Англия. С середины века отношения стали ухудшаться: царь

Неизвестный художник школы
Оружейной Палаты.
Царь Алексей Михайлович.
Конец 1670 — начало 1680

Гиацинт Риго.
Людовик XIV. 1701

Алексей Михайлович, под-
держав Богдана Хмельниц-
кого, начал в 1654 г. войну с
Речью Посполитой, которая
чуть не исчезла тогда с по-
литической карты Европы.
Это вызвало неудоволь-
ствие и раздражение Па-
рижа, он оказал военную и
финансовую помощь Поль-
ше, помог ей примириться
со Швецией в 1660 г. и этим
лишил Москву большей ча-
сти её завоеваний в преды-
дущие годы. Ещё больше
ухудшило отношения то
обстоятельство, что с сере-

дины XVII в. основным торговым партнёром Московского государства в Европе становится Голландия, которую Людовик XIV объявил своим главным врагом в Европе. После осады Вены турецкими полчищами в 1683 г. Габсбурги сумели примирить Москву и Варшаву и включить их в Священную лигу против Порты Оттоманской, а значит, ещё больше ослабили Францию.

Стоит ли говорить, что на фоне всего этого отноше-
ния между Москвой и Парижем были испорчены, по
сути, не успев ещё и начаться. А между тем XVII столетие
близилось к концу, и на смену осторожным заимствова-
ниям отдельных западных новаций «тишайшим» царём
Алексеем Михайловичем наступало время русского про-
рыва в Европу, время его великого сына. Версаль кичли-
во не пожелал аккредитировать в 1687 г. русского посла
кн. Я.Ф. Долгорукого и тем самым закрывал себе дорогу
в Кремль. И поэтому рядом с юным русским монархом,
стремившимся как можно больше узнать об интригующе

недоступной Европе, оказался не какой-нибудь пылкий и отважный сын Гаскони, а весёлый и бурный гражданин славного города Женева, Франц Лефорт.

Именно он, офицер и протестант, стал главным наставником юного царя и сумел привить 15-летнему Петру Алексеевичу отвращение к Людовику XIV за его бесчеловечные гонения против несчастных гугенотов Лангедока и Севен. Зато он возбудил уважение к герою

протестантской Европы, статхаутеру Голландии, принцу Вильгельму Оранскому, когда тот в 1688 г., можно сказать, на глазах у молодого московского царя, совершил

*Питер Лели. Вильгельм III
Оранский. 1677*

А. М. Матвеев. Пётр I. 1724

политический подвиг, изгнав из Англии, по просьбе парламента, короля Якова II, тайного католика и верного клеврета французской короны. А в 1689 г., когда пала царица Софья, Вильгельм Оранский возглавил борьбу Аугсбургской лиги против Людовика XIV и его претензий на гегемонию в Европе. Так и получилось, что те, кто олицетворяли успехи европейской цивилизации, — англичане и голландцы, — те, кто были союзниками по

Бой малых гребных судов при Ла-Хог. Худ. Бенджамин Уэст, 1778

борьбе с Турцией, — австрийцы, — стали друзьями Петра в дни его юности, и они же были врагами Франции. Что же удивляться, что, когда 2 июня 1692 г. на рейде порта Ог в Нормандии англо-голландский флот одержал победу над французским, она была отпразднована в селе Преображенском с иллюминацией и пушечной пальбой. Хотя, казалось бы, какое может быть дело Москве до кровавых событий этой совсем для неё чуждой войны?

Но до положения в соседних странах дело было. Когда в 1697 г. должны были состояться выборы короля Речи Посполитой, царь Пётр в письме кардиналу-примасу Польши Радзиевскому от 31 мая выразил свою позицию предельно ясно: «Мы, великий государь, ...такого короля со французской и с турецкой стороны бытии не желаем, а желаем бытии у вас на престоле королевства Польского... королем... какого народу ни есть, только б не с противной стороны». Так Франция была определена как противная сторона. Вскоре она отплатила Петру тем же, запретив своему послу, участвовавшему в выработке условий Ри-

свикского мира, поехать в Гаагу с другими европейскими дипломатами, чтобы приветствовать прибывшее в Голландию Великое посольство во главе с царём.

Все последующие месяцы 1697 и 1698 гг., проведённые Петром в Нидерландах и Англии, его свидание с Вильгельмом III Оранским убедили его, что назревает новая война между Людовиком XIV и членами Аугсбургской лиги, которые дорого бы дали тому, что помешает Швеции поддерживать Короля-Солнце. Вот почему таким многозначительным стал обмен любезностями между Леопольдом I Габсбургом и Петром 10 июня 1698 г. на бале-маскараде в Вене, когда император, обращаясь к своему московскому гостю, сказал: «Я знаю, что русский царь вам знаком, выпьем же за его здоровье». — «Правда, — отвечал Пётр, — я его знаю, как и то, что он вам приятель, а вашим недругам — недруг». Воистину, ни туркам, ни шведам, ни французам в этот час Пётр I другом уже не был.

Начавшаяся через два года Северная война ещё более усложнила отношения с Францией, но не сделала их всё-таки безнадёжными, в 1717 г. их удалось нормализовать, так как король Людовик XIV к этому времени уже умер. Однако ни о какой искренней дружбе речи не шло.

Через пятнадцать лет интересы России и Франции снова столкнулись, и теперь уже в Речи Посполитой. В 1733 г. французский двор пытался сделать её королём Станислава Лещинского, на чьей дочери к этому времени женился

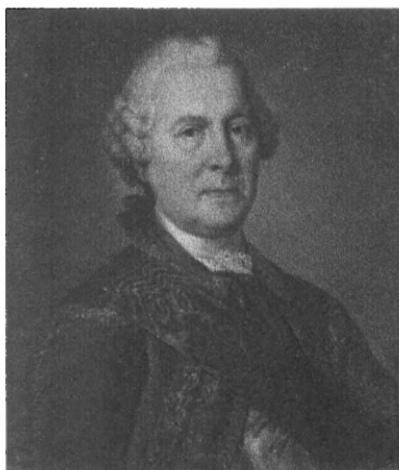
Давид фон Крафт.
Станислав Ин Лещинский.
Конец XVIII века

*Морис Картер де Латур.
Король Людовик XV. 1745*

Людовик XV. Лещинский, бывший протеже Карла XII, уже в молодости три года был польским королём, но победа Петра I при Полтаве стоила тогда ему короны. Теперь при французской поддержке он был снова избран, но Россия добилась его низложения, введя свои войска в Польшу. Станислав I бежал в Данциг (современный Гданьск) и ожидал там французской помощи. Город был осаждён русской армией под началом

гр. Б.-Х. Миниха, 24 апреля 1734 г. русские штурмовали город, но неудачно, 24 мая прибыла французская эскадра из 11 кораблей и высадила десант силою в 2400 человек. Через два дня был бой, о котором Миних донёс императрице Анне Иоанновне: «Сего числа первый славный день, в который Вашего Императорского Величества счастливым оружием славная победа над французами учинена». Десант был разбит, погиб в атаке командовавший им королевский посол в Копенгагене маркиз де Плелло, эскадра вскоре ушла, убоявшись русского флота, а остатки десанта 12 июня

*Неизвестный художник.
Фельдмаршал Б.Х. Миних.
Вторая половина XVIII века*

были пленены. Город Данциг сдался русским, а незадачливый король Станислав перед этим тайно бежал. Так закончилось первое военное столкновение России и Франции.

Вскоре Версаль нанёс ответный удар, спровоцировав войну России с Блистательной Портой в 1735 г. Едва та закончилась в 1739 г., как французская дипломатия начала подталкивать Швецию к реваншу за поражение в Северной войне, тем более, что это позволило бы помешать русским оказать помощь Австрийской империи в борьбе с Францией и Пруссией, на-

чавшейся в 1740 г. Уже летом 1741 г., пользуясь слабостью правительницы России Анны Леопольдовны, Швеция объявила войну с французского благословения. Тогда же версальский кабинет разрешил своему послу в Санкт-Петербурге маркизу де Шетарди оказать денежную помощь заговорщикам, действовавшим в пользу Елизаветы Петровны. Правительница Анна Леопольдовна была свергнута, а императрицей стала дочь Петра I. Париж рассчитывал, что теперь Россия войдёт в орбиту французского влияния, но Елизавета Петровна предпочла руководствоваться интересами своей Родины, а не служить расчётам Людовика XV и его министров. Шведы были побеждены в 1713 г., а появление 37-тысячного русского корпуса на берегах Рейна во Франконию весной 1748 г. заставило Францию и Пруссию примириться с Австрийской империей.

В середине XVIII в. русско-французские противоречия

*Поль Доминик Филиппото.
Смерть графа Племло на
Вестерпляйте 23 мая 1734 года.
Конец XIX века*

несколько смягчились, и в Семилетнюю войну страны были в союзе против Пруссии, но искренности и подлинной дружбы даже теперь между ними не установилось. По окончании же войны на первый план опять выступила ставшая уже традиционной враждебность Франции по отношению к России, которая, преследуя свои великодержавные цели, снова стала усиливать свои позиции за счёт традиционных союзников Версаля.

Новый раунд франко-русской борьбы падает на царствование императрицы Екатерины II. Едва утвердившись на русском престоле, она начала укреплять влияние России в Польше, потребовав от возведённого ею на престол Станислава-Августа Понятовского уравнивать православных в правах с католиками. Король был согласен, шляхетский сейм — нет. Тогда русские полки в 1767 г. вошли в Варшаву и вырвали согласие у депутатов сейма. В ответ ультракатолическая шляхта организовала конфедерацию при поддержке министра иностранных дел Франции герцога Э.-Ф. де Шуазеля. Гражданская война охватила Речь Посполитую.

Не надеясь на силы одних конфедератов, французский посол в Константинополе засыпал королевскими подарками визирей султана, и в ноябре 1768 г. Порта объявила России войну.

Длившаяся почти шесть лет тяжёлая война закончилась победой России в 1774 г. Турция потеряла устье Днепра, Крым и Кубань. Русские приобрели протекцию над балкански-

Луи Мишель Ван Ло.
Этьен-Франсуа герцог
Шуазель-Стенвилль. Около 1763

ми христианами и Святыми местами Палестины — таков был результат их оглушительных побед при Кагуле и Чесме. Несчастливая же Польша подверглась своему первому разделу в 1772 г. Воистину Версаль сам губил своих союзников, стравливая их с Россией.

Однако скажем честно. Российская империя во всех этих войнах вовсе не была невинной жертвою, только тем и занятой, что отражающей удары агрессивной Франции. Нет! Россия энергично возводила здание собственной великодержавности за счёт своих ранее столь могущественных, а теперь на глазах слабеющих соседей. Вообще, с момента воцарения Петра Великого ветер политической удачи и исторической надежды стал дуть в паруса Романовых и любезного Отечества нашего, тогда как дом Бурбонов скудел и всё стремительнее катился к катастрофе, увлекая за собою как своих союзников, так и всю феодално-монархическую Европу, чьим символом он, по традиции, всё ещё считался. Конечно, Россия в глазах раздражённых её успехами европейских дворов и кабинетов того времени была молодым и полным сил полуварварским агрессором. Но было что-то эпически завораживающее в правлении Екатерины II, заставлявшее корифеев Просвещения годами переписываться с нею, как Вольтер, либо, бросив все свои дела, ехать на студёные берега Невы, как Дидро. Положительно, что-то было в этой стране крепостного права и самодержавной власти такое, чего не было в свободной от того и другого и как будто такой цивилизованной Европе. То ли это бесконечные русские просторы, то ли молодая, ещё не утолённая жажда Просвещения, то ли та самая таинственная славянская душа, которой ещё предстояло показать себя.

Прошло тринадцать лет, и, когда в 1787 г. разразилась новая русско-турецкая война, Версаль уже был не в состоянии играть прежнюю роль активной политической силы. Когда в мае 1788 г. Швеция, подстрекаемая Англией

и Пруссией, стала готовиться к войне с Россией, Франция уже не могла поддерживать её, ибо, как отметил в своём дневнике секретарь императрицы А.В. Храповицкий, по точному замечанию Екатерины II, «во Франции может последовать междоусобие по сильному упорству Парламентов против власти королевской, и тем важны будут следствия, ежели Англия тут замешается»¹. А когда война через полтора месяца началась и Швеция уже в сентябре искала посредничества Версаля для заключения мира, императрица ядовито заметила: «Смешны Франция (со своими проектами посредничества) — он (Густав III, король шведский — Б.К.) во всем Дворам адресовался, кроме меня, от кого мир зависит»². Достоинство уважения точное осознание Екатериной II своей, а следовательно, и российской силы и тонкое политическое чутьё: ведь она смеётся над версальскими претензиями всего за девять месяцев до штурма Бастилии!

Политический и социальный ураган, разразившийся 14 июля 1789 г., опрокинул все тонкие расчёты королевских министров. Теперь уже надо было не престиж королевства упрочивать, а спасти от гильотины собственные головы. Возможный крах сгнившей на корню монархии Бурбонов был весьма очевиден для императрицы: «Со вступления на престол я всегда думала, что ферментации там должны быть; ныне не успели пользоваться расположением умов: Фазта...³ — взяла бы к себе и сделала своим защитником!» Конечно, на такую глубину политической мысли ни Людовик XVI, ни Мария-Антуанетта никогда не были способны, и теперь их дни были сочтены. Королевство Французское как серьезная сила, как великая держава стремительно исчезало, но радоваться этому у его дальних соперников особого повода не было. Чувствова-

1. Храповицкий А.В. Памятные записки статс-секретаря Императрицы Екатерины Великой. М., 1990. С. 62.

2. Там же. С. 109.

3. Там же. С. 202.

лось, что там, в мрачной глубине разверзшейся бездны, в которую проваливается трон Бурбонов, нарождается нечто новое, нечто неведомое доселе изящным придворным остроумцам и куртизанам. На смену им с их мелким тщеславием и грошовыми расчётами тяжёлой поступью, от которой сотрясаются все троны Европы, обуреваемой вихрями страстей, шествует Его Величество Народ Французский.

Войну кабинетов Российская империя у королевской Франции явно выигрывала, но теперь всё стало по-другому, и отсчёт сил начался заново. На смену борьбе кабинетов пришла борьба идей; на смену изящному фехтованию дипломатов и лощёных придворных генералов явился грубый штык 14 республиканских армий; изысканную тонкость дипломатической ноты сменил медный рёв революционного лозунга: «Мир хижинам — война дворцам!». Благородные позы были отставлены в сторону, маски сорваны, и каждая сторона делала и говорила то, что считала нужным, — открыто. В Париже императрицу называли не иначе как «престарелую развратную Мессалиной», а в Петербурге Максимилиана Робеспьера и Комитет общественного спасения именовали «вертепом кровавых убийц и разбойников».

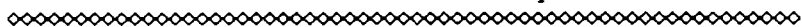
После казни Людовика XVI в январе 1793 г. Екатерина II тут же объявила войну Французской республике, но, верная своему политическому обычаю, предоставила вести её по-прежнему австрийцам, пруссакам, англичанам и всем прочим, у кого дверь стала тлеть от французского соседственного пожара. Сама же она выжидала, благо общей границы с якобинцами у России не было, однако дождалась Великая Екатерина только неизбежно определённого всем нам природного конца — её не стало 6 ноября 1796 г.

Император Павел I унаследовал эту войну в совершенно иной политической обстановке: Робеспьер и не-

истовые якобинцы уже полтора года как были гильотинированы, и в Елисейском дворце поселилась совсем не революционная, хотя и вполне буржуазная Директория, которая хотела бы пользоваться плодами Революции, но изжив её самое и успокоив слишком уж буйный французский простой народ. С этим-то правительством император Всероссийский был готов подписать мир. Этого же хотел и его министр иностранных дел, так же как и сами дела, унаследованный от матушки гр. А.А. Безбородко. Но переговоры, длившиеся в Берлине большую часть 1797 г., оказались безрезультатны. Франция в первую очередь стремилась сохранить за собой завоёванные ранее Фландрию, Нидерланды, западный берег Рейна, североитальянские княжества. Только на таких условиях Директория была согласна на мир. Когда же в июне 1798 г. генерал Наполеон Бонапарт по пути в Египет без единого выстрела овладел Мальтой и ликвидировал Державный орден Св. Иоанна Иерусалимского, который с января 1797 г. находился под протекцией императора Павла I, все переговоры были прекращены, и уже в начале сентября война разгорелась.

Итало-Швейцарский поход 1799 г. А.В. Суворова и поход адмирала Ф.Ф. Ушакова к Ионическим островам и Неаполю слишком хорошо известны, чтобы описывать их здесь подробно. Отметим лишь то обстоятельство, что, пока Суворов стоял во главе войск наших в Италии, а Наполеон был отрезан англичанами в Египте, военное счастье сопутствовало русским знамёнам, и даже из катастрофической ситуации в Швейцарии Суворов сумел выйти с честью. Но закончился знаменитый в истории 1799 г. совсем уж неожиданно. Вырвавшийся в октябре из Египта Наполеон совершил 18–19 брюмера VIII года Республики (8–9 ноября 1799 г.) государственный переворот: упразднил Директорию и Совет Старейшин, разогнал Совет Пятисот. Установилась консульская республика, а её Первым

консулом стал генерал Бонапарт.

Удивительно интересно наблюдать законы развития истории, в них всегда присутствует логика, но весь вопрос в том: какая? Казалось бы, русская самодержица и первая душевладелица империи (вспомните её знаменитое: «Я сама казанская помещица», написанное в грозовом 1773 г. для ободрения дворянства, парализованного ужасом перед яростью пугачёвцев) должна была напрячь все силы, чтобы задушить Французскую революцию, чьи идеи могли вызвать новую пугачёвщину. Однако она лишь после того, как 21 января 1793 г. был казнён Людовик XVI, разорвала все отношения с Францией. Но примкнула к коалиции лишь официально, так и не послав своих войск на берега Рейна, о чём, кстати, страстно мечтал и куда так рвался в 1794 г. А.В. Суворов. Конечно, было бы интересно увидеть его на полях Фландрии рядом с его другом принцем Кобургским при Жемаппе против армии якобинской Республики. Но нет, этого не произошло, и с самым своим опасным врагом Екатерина II оружия так и не скрестила. Конечно, её удержали отнюдь не сентиментальные воспоминания о разговорах с Дидро и переписке с Вольтером. Нет, дело было в том, что революция ослабила Францию, в 1789–1794 гг. она не существовала, с точки зрения императрицы, как великая держава и не могла более мешать России ни в Швеции, ни в Польше, ни в Турции. Конечно, якобинские идеи были ужасны, но, к счастью, Франция была далеко, а публицист Радищев оказался чуть ли не в единственном экземпляре осмелившимся подать свой голос протеста. А народ, эти милые русские крестьяне, они вообще неграмотны. Так что будем много говорить о войне, но зачем же воевать на самом деле? Нет, всё-таки самым глубоким политиком Европы монархов была эта удивительная женщина.

Итак, с революционной Республикой война не состоялась, но почему же тогда император Павел стал сражаться

с гораздо более идеологически безопасной Директорией? Да потому, что, стремительно сдав в архив идеи Революции, эти буржуазные дельцы, хотели они этого или нет, начали, используя военные успехи Республики, снова возрождать французское великодержавие, но уже не по-королевски, а по-торгашески, ибо ни на что другое не были способны. Но именно этим они снова перешли дорогу русскому имперскому великодержавию, и именно оно в первую очередь, и только во вторую — рыцарственные увлечения подтолкнули Павла I к войне. Её сомнительные результаты показывают, насколько была правильна политика покойной государыни России, но, увы, время начало меняться.

И не только меняться, но и ускоряться, ибо Директория растаяла под порывами политического шторма, который на смену коллегиальной диктатуре вынес на авансцену одного человека — то ли диктатора в генеральском мундире, то ли избранника судьбы. В этом предстояло ещё всем, в том числе и ему самому, разобраться.

Он занял своё место во главе Франции неслучайно и по праву, ибо если серьёзно и трезво задуматься над тем, что такое РЕВОЛЮЦИЯ, то станет ясно, что Бонапарт такой же её законнорожденный сын, как и Робеспьер и Марат. Он сын маленького народа, веками прозябавшего на окраине Европы и незадолго до его рождения насильственно присоединённого к Франции. Он чуждый французам и по языку, и по нравам своей маленькой родины, с детства долгие годы был среди них получужим по культуре, а уж среди французских офицеров-дворян и вовсе являлся чужаком. Однако он к 19 годам стал своим в мире идей и творений великих французских просветителей, сильнее Вольтера и Монтескье, Руссо и Рейналя, Гельвеция и Мабли, его языком стали стихи Расина и Корнеля, он плакал над страницами гётевского «Юного Вертера» и дрожал от жажды подвигов над строфами Оссиана. Так стал он французом,

так сделался европейцем. Но этот огромный внутренний мир молодого лейтенанта артиллерии был совершенно не нужен внешнему миру, миру королевской Франции, миру подгнивающих в своём роскошном бесплодии Версаля, Сен-Клу и Малого Трианона. Он был по-прежнему «всегда один среди людей», и не только в 1786 г., когда им была выведена гусиным пером на бугристой коричневой бумаге эта фраза, но и все последующие годы, вплоть до того дня, когда Революция своей окровавленной рукой разорвала притворявшиеся вечными трухлявые декорации Старого режима, и перед ним открылся её новый и подлинный мир. Маленький корсиканец вдохнул в себя его необычные и хмельные запахи и смело шагнул им навстречу.

Когда совершается ВЕЛИКОЕ, каждый, кто верит в него, кто хочет его победы, находит в нём своё место. Один становится его трибуном, другой его поэтом. Молодой Бонапарт в конце концов стал генералом Революции. Они были нужны друг другу: Революция — чтобы он мог, наконец, явить свой внутренний мир миру внешнему; он — чтобы защитить её от смертельных врагов. Лучше всех почувствовал и выразил эту теснейшую и законнейшую связь Революции и Бонапарта такой же, как он, пылкий сын итальянского эмигранта из Пьемонта Александр Поджио, русский офицер и декабрист, в 1869 г. написавший: «Конвент должен подавить внутреннего и внешнего врага! Эшафот против первого. 14 армий против другого! Революция изменяет свой вид, но характер движения остаётся всё прежним. Наполеон всё тот же революционер, тот же представитель нового времени. “Лучший день моей жизни, — пишет он из Италии, — будет день водворения эры республиканской”. И, пока он искренне или поддельно идёт к этой цели, народы в каком-то ожидании почти ему сочувствуют! Как новый человек, он всё старое громит, и громит старых ничтожных

правителей, которые замыслили уничтожение Франции. Наполеон выказал всю ломкость тогдашних престолов; он обнаружил всю слабость ничтожных тогдашних народовладельцев, и до какой степени они прикосновенны и удобоязвимы! И не было ни предела, ни препон! За Пиренеями, за Альпами, за Рейном он всех их равно поражает, равно срывает с них личину и выставляет в жалкой, презрительной наготе! Казалось, что час старины ударил — и возникнуть, и быть новому миру на новых началах. Нет! Наполеон не понял духа времени, не понял своего назначения и пал, как падают и все строители на песке, т.е. на властолюбивом бесправии. Отуманенный громкими, но лёгкими успехами и удачами небывалыми, объясняемыми ничтожною посредственностью его современных соперников, Наполеон становится тылом к Революции и ищет силы другой, силы божьей, которой он стал верить. Сбрасывает с себя фригийскую шапку... и хватается за венец, и за какой же другой, как не императорский?»⁴

Пусть уважаемый читатель простит столь обширную цитату, но поверьте, что просто безжалостно и обидно обрывать хорошую мысль на середине строки. Старый декабрист писал свои «Записки» уже по возвращении из Сибири, подводя итоги на склоне дней, и его мнения были итогом длительных размышлений и глубокого анализа. С этой оценкой хорошо согласуется знаменитая брошюра — памфлет молодого Бонапарта «Ужин в Бокере», написанный в 1793 г.; она вся проникнута духом якобинским и революционным, а также деятельность его в 1789–93 гг. на родной Корсике в пользу Революции. Определённо в эти годы он себя от Революции не отделял.

Однако молодой Наполеон, как бы он ни поддерживал якобинцев, никогда не был в восторге от политики террора и лично в ней, благо он был в действующей ар-

---

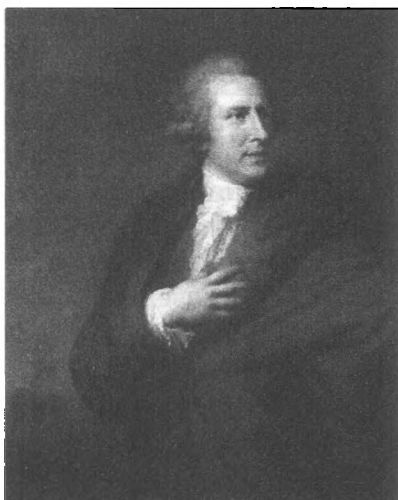
4. Поджио А.В. Записки декабристов. М.–Л., 1930. С. 45–46.

мии, никогда не участвовал. Поэтому гибель Робеспьера и его политических друзей он мог пережить без внутренней ломки. Что же касается режима Директории, то он стал служить ему только потому, что она теперь была правительством Республики. Уважать этих политических дельцов было немыслимо, и поэтому он относился к ним хоть и брезгливо, но прагматически, не их, а Республику спасал он в вандемере (сентябре) 1795 г. от монархического мятежа в Париже; не ради них, но ради Республики он повёл голодных и оборванных французских солдат летом 1796 г. в Италию, чьё освобождение он провозгласил тогда же после своих первых оглушительных побед над австрийцами. Он не воровал солдатское жалованье, не хищничал, подобно прихвостням Директории, составляя себе капитал, наплевав на мораль и право. Его репутация в глазах солдат и офицеров, в глазах простого народа, который узнавал о его победах из газет и правительственных бюллетеней, была безупречна. Не его громил грозный и загадочный русский старик Суворов в роковое лето 1799 г., и поэтому, когда он вырвался из Египта, его Франция простых людей приняла как героя; о положении дел в оставленной им армии никто толком не знал. И поэтому, когда он протянул руку к верховной власти, кроме директорианцев, этот переворот приветствовали все друзья Республики, надеясь, что этот молодой генерал, этот маленький сын Корсики, и есть тот человек, который Франции так необходим.

Наполеон прекрасно понимал, что страна поддерживает его сейчас именно потому, что надеется: он даст ей, наконец, столь необходимый мир. С кем же из врагов Республики можно начать переговоры о нём? Он быстро понял: это тот, кто не имеет общих границ с Францией; тот, кто остро недоволен поведением своих своекорыстных союзников, — император Павел I. Действительно, к концу 1799 г. государь был разгневан на политику Ав-

стрии, старавшейся за его спиной аннексировать в свою пользу области Италии, освобождённые Суворовым, и чуть не погубившей его и русскую армию в Швейцарии. Не лучшего мнения был он и об Англии после того, как осенью русско-английская армия, высадившаяся перед этим в Голландии, едва смогла унести оттуда ноги из-за бездарного командования герцога Йоркского. Павел стал понимать, как умело эти горе-союзники эксплуатируют его рыцарственные настроения бескорыстного освободителя Европы. Оценив всё это, Первый консул уже в январе 1800 г. писал своему послу в Берлин: «Мы не потребуем от прусского короля ни армии, ни Союза; мы просим его оказать лишь одну услугу — примирить нас с Россией... Франция может иметь своей союзницей только Россию»⁵.

А что же Санкт-Петербург? В те же самые январские дни, узнав о начавшемся французском зондаже, император

*Иоганн Баптист Лампи Старший.
Чарльз Уитворт. 1789*

пишет резолюцию на донесении своего берлинского посланника: «Что касается сближения с Францией, то я бы ничего лучшего не желал, как видеть её прибегающей ко мне, в особенности как противовесу Австрии»⁶. А уже 1 февраля он формально потребовал отзыва английского посланника Ч. Уитворта; 29 февраля отсылает, так и не приняв, заклятого врага Республики генерала Дюмурье; 16 марта отдано повеление при-

5. Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. Сухуми, 1989. С. 299.

6. Там же. С. 293.

остановить военные действия против Франции; в апреле был отозван русский посол в Лондоне гр. С.Р. Воронцов.

Дипломатические шаги — это хорошо, но главные аргументы в пользу франко-русского союза можно добыть лишь на полях войны, и Бонапарт это хорошо понимал, ибо на мир с Францией ни Англия, ни Австрия за истекшие пять месяцев так и не согласились. А это значило, что настроения общественности и, в первую очередь, собственников, поддерживающих его в брюмере, могли измениться. То, чего ждали они от него, выразил тогда же знаменитый Неккер, один из богатейших банкиров Франции, в письме к своей дочери госпоже де Сталь от 28 брюмера: «И вот полная перемена сцены. Будет сохранено подобие Республики, а полнота власти будет в руках генерала... Я убеждён, что новый режим даст многое собственникам в правах и силе»⁷. Оказанное доверие надо оправдать, иначе... пример Директории говорил сам за себя. Но Наполеон был неизмеримо выше свергнутых им интриганов и казнокрадов, он не собирался юлить и торговаться ради сохранения власти, нет, он просто обнажил меч и опустил его на головы австрийцев. Одним ударом он хотел исторгнуть у них мир, укрепить к себе доверие французского общества и проложить путь к союзу с Россией. Этим ударом стала его победа над Австрией при Маренго 14 июня 1800 г.

Дав громовому известию об этой битве кругами разойтись по Европе, Бонапарт начал дипломатический поход на Санкт-Петербург. Министр внешних сношений Республики, уже стяжавший широкую известность своими дипломатическими способностями, ренегат старой аристократической касты, Ш.-М. Талейран 19 июля отправил письмо русскому министру иностранных дел гр. Н.П. Панину, которое, несомненно, должен был прочесть император Павел. По сути, это Наполеон обращался к русскому

⁷ Там же. С. 255.

*Франсуа Паскаль Симон Жерар.
Шарль Морис де Талейран-Перигор.
Начало XIX века*

самодержцу: «Граф, Первый консул Французской республики знал все обстоятельства похода, который предшествовал его возвращению в Европу. Он знал, что англичане и австрийцы обязаны всеми своими успехами содействию русских войск; и, так как он почитает мужество, больше всего стремится выразить своё уважение их храбрым войскам, он поспешил распорядиться, чтобы комиссарам, которым поручен был Англией и Австрией

обмен пленных, предложено было включить в этот обмен и русских, находившихся во Франции, и даже оказал им некоторое предпочтение, так как они менее привычны к этому климату, и пребывание в этой стране могло быть им вредно.

Но это предложение, столь естественное и повторенное несколько раз, осталось без успеха. Сами англичане, которые не могут не сознаться, что они обязаны русским своими первыми успехами в Батавии, и плодами, которые они пожали безраздельно, и своим безопасным отступлением (потому что без русских ни одному англичанину не удалось бы сесть на корабль), англичане, говоря, имеющие в эту минуту у себя двадцать тысяч пленных французов, не согласились на обмен русских.

Поражённый этой несправедливостью и, не желая более удерживать таких храбрых воинов, которых покидают коварные союзники, сперва выдав их, Первый консул приказал, чтобы все русские, находящиеся в плену во

Франции, числом около 6 тысяч, возвратились в Россию без обмена и со всеми военными почестями. Ради этого случая они будут обмундированы заново, получают новое оружие и свои знамёна.

Его Императорское Величество Всероссийский Государь решит, следует ли ему потребовать, чтобы Англия вернула во Францию подобное же число французских пленнных, но Первый консул стремится лишь засвидетельствовать своё отменное уважение к русским войскам и своё желание сделать что-нибудь приятное Русскому Императору.

Только необходимо будет, граф, чтобы ваше сиятельство изволили сообщить мне, по какому пути Его Императорское Величество желает направить свои войска для возвращения в его империю, и я должен просить ваше сиятельство не замедлить ответом, чтобы войска Его Императорского Величества могли пуститься в путь до наступления осени»⁸.

В этом немногословном послании Наполеон предстаёт перед своим августейшим корреспондентом по-рыцарски с поднятым забралом. Он не враг России; не он скрещивал недавно с нею оружие; он презирает англичан и австрийцев, которых также презирает и Павел; он воздаёт должное русской армии, а значит, и Павлу, сделавшему её таковою; он бескорыстен, возвращая русских пленных без каких-либо условий; пусть император сам судит: кто России враг, а кто друг. Очевидно, что письмо было написано с хорошим знанием психологии русского самодержца, и принято оно было с удовольствием.

Ещё не дождавшись ответа на это послание, Наполеон делает новый шаг вперёд. Талейран снова пишет Панину. Теперь речь шла о Мальте. Ситуация была чрезвычайно болезненная, очень важная для престижа императора,

8. Сборник Русского исторического общества (далее СБРИО). Т. 70. СПб., 1890. С. 1–3.

являвшегося Великим магистром Мальтийского ордена и ясно теперь осознававшего, что англичане, если овладеют островом, то не уступят уже его России. Поэтому-то новое письмо из Парижа предлагало объединить французские и русские интересы в этом вопросе, и как мастерски предлагало:

«Первый консул французской Республики, будучи вполне убеждён, что интерес всех государств континента положить предел могуществу англичан, флот которых в настоящую минуту сильнее всех флотов Европы, соединённых вместе, поручил мне сообщить вашему сиятельству, что остров Мальта, обложенный английской эскадрой в течение нескольких лет, может ещё продержаться несколько месяцев, по истечении которых, однако, возможно, что гарнизон, лишённый съестных припасов, будет принужден сдать крепость осаждающим войскам.

В силу этого предположения Первый консул, заботясь только об общем интересе континентальных держав, предпочёл бы принять меры, чтобы остров Мальта не пал и не достался в руки Англии, и, чтобы достигнуть этой цели, он не прочь теперь же принести все жертвы, которые оказались бы необходимыми.

С этой целью он уполномочил меня отправить бывшего в плену во Франции господина Сергеева, майора службы Его Величества Императора Всероссийского, который передаст вашему сиятельству письмо, которое Вы уже давно получили бы, если представился бы удобный случай переслать его.

Ваше сиятельство поймёте, насколько желательно быстрое возвращение г. Сергеева, дабы мы не замедлили узнать намерение Его Императорского Величества как относительно возвращения его войск в Россию, так и относительно мер, касающихся Мальты»⁹.

Конечно, в первую очередь поражает дерзость авторов

9. СБРИО. Указ. соч. С. 3–4.

письма: о мальтийских делах написано так, как будто это вовсе не генерал Бонапарт захватил остров в мае 1798 г.; изгнал оттуда державный орден Св. Иоанна Иерусалимского, который теперь и возглавил русский царь; тем самым создав нынешнее положение дел, когда английская эскадра вынуждена блокировать французский гарнизон, засевший на Мальте. Нельзя не восхититься тем, как ловко развёрнута ситуация в новой политической реальности: оказывается, что французы защищают Мальту против английских агрессоров не для себя, а в интересах всей Европы, и чуть ли не для того, чтобы передать остров его законному владельцу — российскому монарху! Фактически Первый консул предлагал заключить союз против Англии и на этой почве заключить мир между двумя странами. Содержание письма непосредственно целило и в его формального адресата — гр. Н.П. Панина, лидера англофильской партии при дворе, уже начавшего раздражать Павла своей постоянной критикой его деспотизма. Чем более могло понравиться содержание письма императору, тем менее мог поддерживать это предложение министр, а значит, тем скорее он потеряет свой пост и перестанет мешать. Так, собственно, и произошло в скором времени: гр. Панин попал в опалу, а его пост достался стороннику сближения с Францией гр. Ф.В. Ростопчину. Одного только не могли учесть в Люксембургском дворце в Париже: того, что гр. Панин уже организовал, в глубокой тайне, заговор против своего монарха и, удаляясь в ссылку, оставил все его нити своему коллеге по тайному комплоту, гр. П.А. фон дер Палену, который и доведёт его через 9 месяцев до кровавой развязки.

Между тем в сентябре уже были решены переговоры об обмене пленными, они начались в Брюсселе в октябре и быстро стали превращаться в переговоры о мире и союзе. Успех их был так необходим Бонапарту, что 21 декабря он сам (!) отправил послание российскому императору:

«Я имел великое удовольствие видеть вчера г. генерала

Я тщетно пытался в течение года восстановить мир и спокойствие в Европе: мне не удалось это; ещё продолжают драться без причины и, как кажется, единственно благодаря подстрекательству английской политики. Но стоит В. И. В-ву снабдить какое-нибудь лицо, пользующееся Вашим доверием и знающее Ваши желания, особенными и неограниченными полномочиями — и через двадцать четыре часа спокойствие водворится на материке и на морях. Ибо, когда Англия, немецкий император и все другие державы убедятся, что как желания, так и руки наших двух великих наций соединяются в стремлении к одной цели, оружие выпадет у них из рук, и современное поколение людей будет благословлять В. И. В-во, избавившее его от ужасов войны и раздоров партий.

Если В. И. В-во разделяет эти чувства, в чём я не сомневаюсь, зная Ваш искренний и возвышенный характер, то я думаю, приличие и достоинство требуют, чтобы одновременно были распределены границы различных государств и чтобы Европа узнала в тот же самый день о подписании мира между Францией и Россией и о взаимных обязательствах, принятых ими на себя для умиротворения всех государств.

Это твёрдое, откровенное и честное поведение может не понравиться некоторым кабинетам, но оно вызовет одобрение всех народов и потомства.

Я прошу В. И. В-во верить чувству уважения, которое я к Вам питаю, чувства, выраженные в этом письме, служат тому самым высшим доказательством, какое только я могу Вам представить. Бонапарт»¹⁰.

10. Там же. С. 24–25.

К моменту отправки этого письма Павел I был уже убеждён, что опасаться генерала и Первого консула нет нужды, он уже не республиканец, в сентябре в беседе с датским послом император заявил, что во Франции «в скором времени водворится король, если не по имени, то, по крайней мере, по существу, что изменит положение дела». Вот почему, ещё не успев получить столь важную депешу из Парижа, государь 30 декабря обратился прямо к Бонапарту:

«Господин Первый Консул. Те, кому Бог вручил власть управлять народами, должны думать и заботиться об их благе. Ввиду этого я Вам предлагаю условиться с нами относительно мер к прекращению бедствий, которые в течение 11 лет угнетают всю Европу. Я не говорю и не хочу пререкаться ни о правах человека, ни о принципах различных правительств, установленных в каждой стране. Постараемся возратить миру спокойствие и тишину, в которых он так нуждается и которые так соответствуют непреложным законам Предвечного. Теперь Я готов Вас слушать и беседовать с Вами. И Я считаю себя тем более вправе предлагать Вам это сделать, что Я был далек от борьбы и если участвовал в ней, то лишь как верный помощник тем, которые со мною поступили иначе. Вы уже знаете и ещё узнаете, что Я предлагаю, чего Я желаю, но это не всё. Я предлагаю Вам вместе со Мною восстановить всеобщий мир, который, если Мы этого пожелаем, вряд ли кто может у нас отнять. Сказанного довольно, чтобы Вы могли оценить мой образ мыслей и мои чувства.

Да осенит Вас Бог Своим Святым и достойным Покровом. Павел.

Мой уполномоченный Колычев отправится вслед за этим письмом»¹¹.

Это было практически официальное предложение за-

---

11. Там же. С. 27–28.

Неизвестный художник.
Степан Алексеевич Колычев.
До 1806

ключения мира. Основывалось оно на уже высказанной ранее мысли и теперь повторенной в инструкциях Колычеву, отправляемых в Париж: «Расположить Бонапарта и склонить его к принятию королевского титула, даже с престолонаследием в его семействе. Такое решение с его стороны я почитаю единственным средством даровать Франции прочное правительство и изменить революционные начала, вооружившие против неё всю Европу»¹². Что

ж, если русский царь считает, что Наполеон должен стать французским королём, то виноват в этом сам Наполеон, чей образ действий дал основание так считать, и тем теперь хуже для Республики, раз никто из власть имущих в ней более не нуждается. Тем хуже для Франции, ибо прочный мир могла дать ей только Республика; любой другой политический режим мог дать стране и народу новые завоевания, военную славу, страх и трепет соседей, короче, что угодно, но только не настоящий мир, так как прочный мир и единоличная власть, узурпированная гражданином у народа, несовместимы.

Однако на коротком отрезке политического времени мир может быть весьма необходим для режима личной власти, исходящей из тактических соображений текущего момента, вот почему его так добивается сейчас Первый консул Бонапарт. Воспользовавшись тем, что правительство Великобритании, расценив договор России, Швеции,

12. Окунь С.Б. История СССР. Лекции. Часть I. Л., 1974. С. 118.

Дании и Пруссии от 4–6 декабря о правилах нейтральной торговли как вызов себе и торговым интересам Англии, объявило в конце декабря эмбарго на суда и товары России и её союзников, Талейран вручил генералу Спренгпортену 20 января 1801 г. следующую ноту:

«Нижеподписавшийся спешит сообщить господину генералу Спренгпортену решение, которое было принято вчера консулами Республики касательно навигации судов его И. В-ва императора Российского. В ту самую минуту, когда было получено известие о насильственных мерах, принятых в Англии, первый консул пожелал, чтобы немедленно было прекращено всё, что ещё оставалось враждебного в отношениях Франции к России.

Первый консул рассудил, что Россия подвергается теперь преследованиям Англии лишь потому, что она энергически высказалась против злоупотреблений этой державы на море, и он не желает, чтобы русские корабли, преследуемые на море местью и хищничеством англичан, должны были ещё чего-нибудь опасаться со стороны французских крейсеров.

Сверх того, первый консул искренне убеждён, что все намерения его И. В-ва клонятся к восстановлению мира, и, приписывая замедление подписи лишь большому расстоянию между обеими странами, он не колебался прекратить на деле враждебные действия прежде, нежели они могли быть прекращены по праву, в силу заключения договора. Его И. В-во не может не увидеть в этом добровольном решении Первого консула явное доказательство особенного уважения, которым он преисполнен к его велю и к благородству его характера. Чрезвычайные курьеры будут направлены в Испанию, Голландию и Женеву, чтобы пригласить эти три правительства присоединиться к мерам правительства французского, и нет сомнения, что они изъявят свою готовность»¹³.

13. СБРИО. Указ. соч. С. 31–32.

Это был, конечно, смелый ход: прекратить состояние войны до начала переговоров о мире, ибо посланец русского государя ещё только 15 января выехал в Париж. Но игра явно стоила свеч: как пойдут переговоры о деталях мирного договора, ещё было неизвестно, а быстрое сближение с Россией делало этот договор неотвратимым в принципе и ещё до его заключения могло принести политические дивиденды Наполеону прямо сейчас и внутри Франции, и вне её. Тем более, что эта нота могла подхлестнуть русского императора на новые встречные шаги. И действительно, расчёт оказался верен. Вzbешённый действиями англичан, захвативших к этому времени до 400 торговых судов участников договора о нейтральной торговле, Павел I, ещё не получив французской ноты от 20 января, сам 27 января 1801 г. обратился к Бонапарту с предложением, после которого надо было уже заключать не мир, а военный союз с Францией против Англии: «Господин Первый Консул. Пользуюсь этим случаем, чтобы написать Вам это письмо, так как меня принуждает к этому поведение англичан не только относительно России, но и относительно других северных держав в особенности. Не мне указывать Вам, что Вам следует делать, но я не могу не предложить Вам, нельзя ли предпринять или, по крайней мере, произвести что-нибудь на берегах Англии, что в то время, когда она видит себя изолированную, может заставить её раскаться в своём деспотизме и в своём высокомерии. Прошу Вас принять в соображение то, что я Вам предлагаю и указываю. Да осенит Вас Бог своим святым и достойным покровом»¹⁴.

Получив это послание, Наполеон понял, что расчёт его был правилен, более того: желания русского самодержца в точности совпадают с его целями, а посему медлить нельзя. Надо форсировать вовлечение императора Павла в официальный антианглийский союз и военные действия, тем более что он сам к этому и призывает. Тогда

14. Там же. С. 32–33.

англичане, увидав столь мощный комплот, поумерят пыл и станут сговорчивее, а остальной Европе будет хороший урок. В результате 27 февраля 1801 г. Первый консул отправляет в С.-Петербург личное послание императору, в коем разворачивает широкую панораму военно-политических инициатив, которые он готов начать немедленно совместно с русским государём:

«Заносчивость и наглость англичан беспримерны. Я соединю, как, по-видимому желает Ваше Величество, 3 и 4 сотни канонёрских шлюпок в портах Фландрии, где я соберу армию. Я отдал приказ, чтобы в Бретани была собрана армия, которую можно будет посадить на эскадру в Бресте.

Одна дивизия французской армии находится на границах Неаполитанского королевства; я просил короля Обеих Сицилий, чтобы он наложил запрещение на английские суда, которые стоят в портах его владений. Господин маркиз де Галло приехал с своими полномочиями. Я мог только выразить ему моё удивление и моё неудовольствие по поводу того, что министры немецкого императора и английского короля названы в его полномочиях как лица, которые должны переговариваться совокупно с ним, тогда как министры В. В-ва поставлены ни во что. До обмена договора он должен будет достать себе другие полномочия. При теперешнем морском положении Европы важно, чтобы король обеих Сицилий хорошо знал, что он обязан сохранением своих владений покровительству В. В-ва.

Я отправил в подкрепление из Бреста в Тулон 10 кораблей, которые и прибыли туда благополучно. Испания сосредоточивает эскадру в Кадиксе, дабы эти эскадры, если обстоятельства потребуют, могли соединиться с черноморской эскадрой В. В-ва. Но для этой цели, мне кажется, необходимо быть обеспеченным относительно одного порта в Сицилии и одного у берегов Тарента, и эскадры, которые будут находиться в этих портах, только тогда будут в безопасности, когда последние будут заняты русскими и фран-

цузскими войсками. Вот почему я бы желал, чтобы русский гарнизон находился в одном из главных портов Сицилии, а французский — в одном из портов Тарентского залива.

Г. маркиз Люкезини сообщил мне ноту прусского короля, из которой видно, что, кажется, этот государь исполнил, наконец, то, чего ожидали от него В. В-во и Европа, закрыв Эльбу и Везер англичанам. Не считает ли В. В-во приличным, заняв Ганновер до всеобщего замирения, отправить туда войска г. Спренгпортена, к которым можно бы было присоединить одну французскую дивизию? Я взялся бы в таком случае доставить ему все военные снаряды, которые могут понадобиться»¹⁵. Далее Бонапарт отмечает, что если все вышеперечисленные меры в Германии будут выполнены, а французы принудят это же сделать Португалию, то «англичане не будут иметь никакого сообщения с Европой». Но и этого мало Первому консулу, он уже в следующей строке своего письма старается «пристегнуть» Россию к своей египетской политике:

«Я поручаю В. В-ву французских пленных, которые находятся на каторге в Константинополе.

Англичане пытаются высадиться в Египте. Интерес всех держав Средиземного, а также и Чёрного морей требует, чтобы Египет остался за Францией. Суэцкий канал, который должен соединить Индейское море с Средиземным, уже начертан; эта работа лёгкая и не требующая много времени, которая может принести неисчислимые выгоды русской торговле. Если В. В-во всё ещё держится мнения, что Вы часто высказывали, чтобы часть торговли севера перешла на юг, то Вы можете связать своё имя с таким великим предприятием, которое так сильно повлияет на будущее положение материка, взяв на себя посредничество перед Портой в египетских делах. В мирном договоре, заключённом между Францией и Австрией, В. В-во, конечно, видели, что всё было рассчитано так,

---

15. Там же. С. 38–41.

чтобы исполнить все ваши желания»¹⁶.

План, предложенный Наполеоном, потрясает своей грандиозностью, Первому консулу явно не занимать размаха замыслов и пылкости воображения. Однако встаёт вопрос: нужно ли и удобно ли участие во всех этих предприятиях России как великой державы? Кажется, для русских позиций на Средиземном море выгодно занять какой-либо главный порт Сицилии. Но, во-первых, это скомпрометирует Россию; её позиция в отношении итальянских государств перестанет быть бескорыстной, т.е. неуязвимой с моральной стороны, а это в политике так важно; во-вторых, это отвратит от русских уважение итальянцев и поставит на одну доску с алчными до итальянской земли австрийцами. В-третьих, как поддерживать русский гарнизон на острове, если владычество англичан на море неоспоримо? Поистине, предложение Наполеона — это «дар данайцев», а его, как известно, надо бояться. Предложение послать русские войска в Ганновер, наследственное владение английских королей в Германии, должно будет смертельно посорить Россию с Англией, примирение будет уже никогда невозможно, а следовательно, утратится свобода политического манёвра, как утратила её уже одряхлевшая Испания, связавшая свою судьбу с Францией. Наконец, вмешательство в египетские дела на стороне Наполеона испортит навсегда отношения с Турцией, которая, конечно же, не смирится с потерей Египта и будет союзничать с Англией. Проливы Босфор и Дарданеллы закроются для русских судов, и как тогда поддерживать связь с Сицилией и торговать через Суэцкий канал? Да, союз с Францией осуществится, но будет ли он союзом равноправных? Не окажется ли Россия в полной изоляции и не обнаружит ли однажды себя впряженной в колесницу политических триумфов Первого консула?

Увы, Павел I как будто даже не задумывается над этой

---

16. Там же.

опасностью; над скрытыми под изъятиями искреннего уважения и деловитостью военно-политических предпочтений стальными сетями неразрываемой ничем будущей зависимости России от Франции. Наоборот, очертя голову он идёт навстречу скрытой опасности: ещё не получив послания Наполеона от 27 февраля, император сам 16 февраля шлёт вдогонку своему послу в Париже С.А. Колычеву рескрипт, вполне отвечающий по духу ещё не высказанным пожеланиям Бонапарта, явно продиктованный ослепляющей государя ненавистью к Англии: «Господин вице-канцлер Колычев! Англия, продолжая хранить самое глубокое молчание относительно острова Мальта, велела наложить запрещение на суда России, Швеции и Дании и объявила мне войну. Когда я получу её манифест, я буду отвечать тем же... Я хочу заставить эту деспотическую на морях державу отдать мне отчёт в её поступках и удовлетворить моим требованиям. Тесный союз северных держав облегчит успех, и, чтобы ещё стеснить торговлю англичан и сделать их посговорчивее, я повелеваю вам войти по этому поводу в соглашение с Первым консулом и выставить ему, какое благо было бы для Северной лиги, если бы французское правительство, сообщая с Испанией, добилося от лиссабонского двора присоединения к трактату морской конвенции, заключенной здесь недавно, и привлечь к этому также Соединённые Штаты Америки. Вы приступите к делу тотчас же, как только условитесь с Первым консулом относительно самых верных мер»¹⁷.

Однако именно старый и опытный дипломат екатерининской школы, представлявший теперь интересы России в Париже, С.А. Колычев после первого же раута переговоров с Ш.-М. Талейраном забил тревогу относительно истинных настроений, с которыми властитель Франции распахивает свои объятия, и изложил их 9 марта в рапор-

---

17. Там же. С. 43.

те своему монарху:

«Государь. Долгом почитаю донести В. И. В-ву всё то, что мог увидеть из первой конференции с Талейраном. Соотнеся слова его с тем, что узнал дорогою и от некоторых людей здесь, Бонапарте, видя, что власть утверждена только на близком воспоминании побед и потому неосновательна, и, принужден будучи согласовать противные партии, у коих он в некотором роде зависимости, имеет целью продолжать войну, дабы удаль войска и лучших генералов, успехами их занять общее внимание, обессилить другие державы и основать собственную власть свою. Не взирая на чрезвычайные почести и словесные уверения, кажется, что в сближении Франции с Россиею ни малейшей нет искренности. Сверх того, весьма ясно желание правительства вовлечь Россию в убыточную войну не только с Англией, но и с самою Портою, дабы лишить её сего союзника и, удаляя со временем от Пруссии, ослабить и унижить государство, которое одно только может удержать равновесие Европы. Талейран предложил мне употребить против Англии находящиеся здесь российские войска. В рассуждении Египта, кажется, Бонапарте никак не согласится оставить его, тем паче, что завладение оным весьма согласно с видами его противу Порты... Я искренне желаю, чтоб мнение моё было несправедливо; доношу только о нём по самой справедливости, коею обязан я по долгу и по честности...»¹⁸

Ещё более критичен в суждении о положении дел во Франции старый дипломат был в тот же день, составляя шифровку министру иностранных дел гр. Ф.В. Ростопчину. В ней он не пощадил ни Бонапарта, ни его образ правления:

«Шифровано: ...я очень сомневаюсь в исполнении различных статей, в которых мы даже удостоверились бы. Вообще я сомневаюсь в успехе моего поручения. Здесь господствует чрезмерное честолюбие со времени осла-

18. Там же. С. 45.

Я очень сомневаюсь, чтобы мы дождались чего-нибудь хорошего от Франции; повторяю, что она старается поссорить нас со всеми, поставить нас в затруднение с намерением, может быть, вызвать смуту в Польше. Умоляю вас, граф, убрать меня отсюда как можно скорее: я всё вижу в чёрном свете и оттого заболел; к тому же, в самом деле, я чувствую, что моё поручение свыше моих сил, и сомневаюсь в успехе... Осмеливаюсь просить об этом серьёзно... Я никогда не привыкну к людям, которые здесь управляют, и никогда не буду им доверять... С людьми, которые здесь управляют, нужно быть твёрдым и ни в чём не уступать им, ещё менее входить в их виды. Нужно требовать от них уважения и верить им лишь тогда, когда они будут исполнять свои обещания, ибо никогда не нужно забывать, что они стремятся господствовать повсюду, лстя нам; и что мы нужны им лишь как орудие, чтобы обмануть нас и поработить Европу; наконец, они знают, что могут достигнуть этого, лишь запутав нас»¹⁹.

19. Там же.

думать эти послания своего верного слуги. Судьба его уже начала свершаться: давно задуманный против него заговор уже созрел, придворные круги, англофильская партия, графы Воронцовы и клан Зубовых, бывшие вельможи Екатерины Великой, отстранённые от власти, и гвардейские офицеры, не желающие больше переносить унижения, которыми осыпает их император, все они спелись в зловещий комплот во главе с умным, дерзким и ловким гр. П.А. фон дер Паленом. И не так уж важно, насколько к этому было причастно английское правительство и его посол Ч. Уитворт, высланный из Петербурга ещё осенью 1800 г. Важно другое: на русской почве уже давно была «здоровая» традиция дворцовых переворотов, резко менявших политику страны в XVIII веке вместе с исчезновением бездарной Анны Леопольдовны или незадачливого Петра III.

Конечно, англичанам было выгодно свержение Павла I, но в первую очередь он пал жертвою собственного деспотизма, приведшего к отсутствию стабильности из-за недопустимых к этому времени приёмов правления. Императора убило так же резкое изменение внешнеполитического курса, неприемлемое для влиятельных придворных кругов, но самое главное — это то, что его убило само самодержавие, выведенное из-за границы разумного.

В ночь с 11 на 12 (22–23 нов. ст.) марта 1801 г. Павел был убит заговорщиками в своей спальне в Михайловском замке в Санкт-Петербурге. Он лежал обезображенный в своей спальне на своей «растерзанной» борьбою за жизнь кровати, и вместе с ним мгновенно умирал план морской блокады Англии, умирал так блестяще задуманный Бонапартом и такой фантаσμαгоричный план похода в Индию, куда уже как месяц шли донские казаки во главе с атаманами Орловым и Платовым. Над его обезображенным лицом хлопотали придворные художники-гримёры

20. См. инструкции имп. Павла I С.А. Колычеву // Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 70. СПб., 1890. С. 41–42.

Глава I

Ему было двадцать три года, он был хорош собою, обаятелен, хорошо воспитан, хорошо образован, умен и наблюдателен, но он не был трудолюбив в том смысле, как был трудолюбив великий Пётр, т.е. не мог и не любил отдавать труду всего себя целиком, но и лентяем никто бы назвать его не смог. В известном смысле был прав и член Негласного Комитета граф П.А. Строганов, говоря о «мягком и вялом характере молодого государя»²¹. Но только прав он был в том, что воля Александра I никогда не бывала явно и резко выражена, но присутствовала она всегда и во всём. Очень верно заметил о его деловых качествах знаменитый русский историк, вел. кн. Николай Михайлович: «Замечательно, что молодой Государь, заставляя работать всех его окружающих, отлично разбирался в столь разных характерах и умел вовремя выдвигать того или другого деятеля, оставаясь лично как бы в стороне и не оказывая наружного предпочтения любимцу данной минуты»²². Очень верно заметил о его качествах и такой проницательный человек и историк, как бар. М.А. Корф: «Подобно Екатерине, Александр в высшей степени умел покорять себе умы и проникать в души других, утаивая собственные ощущения и помыслы»²³. Наконец, весьма яркий, хотя и саркастический поневоле, что было свойственно авторскому характеру, портрет императора оставил нам один из умнейших и наблюдательнейших современников, живший в С.-Петербурге с 1803 по 1817 г. пьемонтский посол, гр. Ж. де Местр: «...Его Величество»²⁴ не должен надеяться на многое от российского Императора. Это добрый и превосходный человек, исполненный

21. Великий князь Николай Михайлович. Император Александр I. М., 1999. С. 36.

22. Там же. С. 37.

23. Там же. С. 35.

24. Король Сардинии (Пьемонта) Виктор Эммануил I.

гуманности, но что касается силы характера, она оставляет желать много большего...²⁵ У российского Императора всего лишь две идеи: мир и бережливость²⁶. Я понимаю, что доведенные до крайности добродетели превращаются и изъязны, но уверяю вас, ...что не могу не преклоняться перед мудростью молодого монарха, окружённого всевозможными соблазнами. Личные его расходы устанавливаются на каждые четыре месяца. Если в конце сего срока ничего не остаётся, он совершенно серьезно говорит: “У меня больше нет денег” — и берёт в долг. Он не носит никаких драгоценностей, даже кольца или часов. Он ходит без свиты. Когда ему встречается кто-нибудь на набережной, он не хочет, чтобы выходили из экипажа, достаточно простого поклона. К несчастью, подобная простота, приятная, может быть, южному глазу, который умеет видеть в ней величие, по-видимому, совсем иначе воспринимается русскими... Тем не менее должно преклониться перед таковою любовью к людям и к своим обязанностям»²⁷.

Вот вам, внимательный мой читатель, самый что ни на есть эскизный портрет личности нового русского монарха, который должен был отстаивать державные интересы России перед лицом такого оппонента, каким был уже тогда Бонапарт. Каковы же были пристрастия Александра I во внешней политике? Никто лучше не изложил их, чем сам император в письме к русскому послу в Берлине бар. А.И. Крюднеру от 5(17) июля 1801 г.: «Будучи далек, как в силу моих убеждений, так и в силу моих природных склонностей, от каких бы то ни было завоевательных планов и проектов территориальных приобретений и убежденный в том, что такое стремление должно быть чуждо монарху великой империи... содержащей в своих недрах все источники общественного процветания со всеми элементами силы и могущества, если я и применю ору-

25. Местр Ж. де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 23.

26. Это сказано в письме от 17 (29) июля 1803 г.

27. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 24.

жие, которое они мне предоставляют, то только для того, чтобы отразить несправедливую агрессию, защитить мои народы или жертвы честолюбия, угрожающего безопасности Европы... и какова бы ни была форма правления, которую по общему желанию устанавливают себе нации, они могут сохранять добрые отношения с моей империей, если только они руководствуются по отношению к ней подобным же духом справедливости»²⁸.

В этих строках государь предстаёт перед нами прилежным учеником философических концепций века Просвещения. Так, может быть, он либеральный доктринер? Не торопитесь, давайте прочтем его письмо далее: «Если Первый консул... будет продолжать связывать поддержание и укрепление своей власти с раздорами и волнениями, потрясающими Европу, если он не признает, что могущество, основанное на несправедливости, всегда непрочное, потому что порождает ненависть и узаконивает возмущение; если он позволит увлечь себя революционному потоку; если, наконец, он будет надеяться на свою фортуна — война может продолжаться; Германия и Италия поочередно попадут под гнёт республики и в этих условиях мои усилия в деле восстановления всеобщего спокойствия могут быть поддержаны весьма слабо, и мой представитель... во Франции должен будет ограничиться наблюдением за действиями правительства и тянуть время до тех пор, пока более благоприятные обстоятельства позволят применить более действенные средства»²⁹.

Как можем видеть мы с вами, здесь уже звучит голос не идеалиста, а трезвого аналитика, отдающего себе отчёт в том, кто стоит во главе Франции и к каким приемам в проведении внешней политики привык гражданин Бонапарт. Но Александр не хочет выносить скоропалительных решений, он надеется, что время выявит истину и

28. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел (далее ВПР). Сер. I, Т. I. М., 1960. С. 51.

29. Там же. С. 51–52.

расставит всё на свои места: «Но в том случае, если Первый консул, лучше поняв свои действительные интересы и стремясь к истинной славе, захотел бы залечить раны революции и придать своей власти более прочную основу, уважая независимость правительств, многие весьма веские соображения могут пробудить у него желание добиться искреннего соглашения с Россией и принять меры, имеющие целью восстановить равновесие в Европе. Тогда переговоры, начатые в Париже, могли бы привести к удовлетворительным результатам.

Исходя именно из этого предположения, я предписал моему полномочному представителю предложить вниманию французского правительства несколько статей, которые могут послужить основой общего умиротворения. Готовность, с которой Бонапарт соглашается принять большинство из них, не представляется для меня достаточным ручательством того, что он полностью присоединяется к моим видам. Возможно, что он согласится содействовать их осуществлению, когда убедится в их честности и бескорыстии. Однако ясно, что во время царствования блаженной памяти императора консул в особенности преследовал цель заручиться поддержкой моего августейшего родителя против Великобритании. А сегодня он, возможно, только стремится выиграть время для того, чтобы узнать мою систему и соответствующим образом рассчитать свои политические операции, не принимая во внимание обязательств, которые он в этот промежуток времени возьмёт на себя. Последующие действия консула определяют моё суждение по этому предмету, которое вполне законная осторожность не позволяет мне ещё вынести»³⁰.

Пусть простит меня терпеливый читатель за столь обстоятельное цитирование императорского письма. Но, по совести говоря, как иначе составить себе представление о мыслях и чаяниях молодого монарха, как не взглянув че-

---

30. Там же. С. 52.

рез его плечо, когда он обстоятельно и доверительно излагает их своему послу. Это письмо яснее, чем двадцать страниц рассуждений любого историка, открывает перед нами истинный взгляд на Францию и её вождя, присуший русскому царю, которому теперь надо строить отношения с дарованным судьбою знаменитым партнёром. Позиция, занятая Александром, сдержанная, но честная, в ней нет проявления инстинкта «зоологического» монархического самосохранения, наоборот, он выступает в роли правителя, стремящегося отстаивать принципы «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. Он великолепно усвоил уроки как своей царственной бабки, так и приглашённого ею швейцарского наставника³¹ — умеренный либерализм — вот его ответ на вызов «духа времени».

А чего же хочет теперь гражданин Первый консул Республики? С чем посылает он в далёкий Петербург, приветствовать нового русского императора, своего близкого друга и доверенное лицо полковника М.-Ж.-Х. Дюрока? В наставлениях, составленных 24 апреля 1801 г., победитель при Маренго пытается добиться посредством продолжения переговоров через голову неуступчивого русского посла в Париже сохранения за Францией всех захваченных ею в Европе и Африке позиций: «Как в Берлине, так и в Петербурге вы всегда будете говорить о Египте, как будто бы мы уверены в обладании им; о сардинском короле вы скажете, что мы очень жалуемся на то, что английский флот снабжают провиантом и что армия генерала Аберкромби снабжается значительными подвозами³²; о неаполитанском короле — что мы в совершенном мире с ним... об экспедиции англичан в Египет — что она неудачна, прибавив, что если бы она удалась, то это было бы весьма большим несчастьем для европейского мате-

31. Ф.-Ц. Лагарп (1754–1838) в 1783–1794 гг. был наставником вел. князя Александра Павловича.

32. Английская армия, действующая против французов в Египте, кроме того, такая позиция сардинского короля, по мысли Бонапарта, лишала его права пользоваться защитой России.

рика; о Екатерине II — что это была государыня, которая предвидела падение Турецкой империи и понимала, что русская торговля может процветать только тогда, когда будет производиться через Юг... Говоря о наших настоящих отношениях, вы скажете, что прежде всего необходимо заключить мир, что проволоочки вредны, так как оба государства очень удалены друг от друга, и события в Германии и Италии растут с каждым днем... Вы скажете, что мы всегда считали участие, которое Павел I принимал в некоторых итальянских государях, интересом частным, а не политическим, что, впрочем, мы понимаем, что Россия может принимать некоторое участие в неаполитанском короле, вследствие торговли на Чёрном и Средиземном морях; ...что сардинский король до того раздражил своих подданных, что трудно будет поддержать его на престоле иначе, как при помощи многочисленной армии»³³.

Из этих инструкций хорошо видно, что если Александра I волнуют принципы, то Бонапарта — практика внешней политики. Он намекает на возможность раздела Турции, вызывает к памяти Екатерины II, «по уму и сердцу» которой обещал править молодой русский император в манифесте, возвещавшем о его восшествии на престол, подчеркивает прочность мира с Неаполем и преувеличивает неудачи англичан в Египте, где хотя вскоре и погибнет упомянутый в письме английский генерал Аберкромби, но французская армия генерала Мену всё равно капитулирует перед англичанами и турками 30 августа 1801 г. и Египет будет потерян для Франции навсегда. Но, конечно, главное, что нужно Первому консулу, — это мир с Россией, поэтому он не жалеет комплиментов русскому государю и шлёт к нему своего друга и доверенного слугу.

Дюрок встретил в Зимнем дворце тёплый и ласковый приём, молодой император сумел пустить в ход всё своё,

33. Сборник Императорского Русского исторического общества (СБИРИО). Т. 70. СПб., 1890. С. 115–116.

так хорошо впоследствии известное всей Европе, обаяние и «обволочь» им француза, который сам пишет об этом своему другу и повелителю 24 мая (5 июня) 1801 г. из Петербурга: «Мне было совсем легко с ним... В императоре красивая и приятная внешность соединяется с большой мягкостью и вежливостью. Он кажется, обладает хорошими правилами и образованностью. У него есть вкус к военному. Его любят солдаты, которых он часто видит и заставляет упражняться, но не утруждая и не утомляя их. Его любят офицеры, с которыми он очень ласков, стараясь всячески удовлетворять их. Его любит народ за простое обхождение и за ту большую свободу, которая так противоположна стеснительной жизни в прошлое царствование»³⁴. Естественно, что такая лестная оценка русского монарха выростала под пером Дюрока не только от приятных манер, но и от доверительных заявлений, обращенных через него к Бонапарту: «Я всегда желал (прибавил он³⁵) видеть Францию и Россию соединенными: это — две великих и могучих нации, которые доказали взаимное уважение и должны сойтись, чтобы прекратить мелкие раздоры на материке... Я очень желаю прямо сговориться с 1-м консулом, искренний характер которого мне хорошо известен, избегая стольких и всегда опасных посредников... Ещё скажите ему, что я привязан к его славе и что не нужно, чтобы считали его завоевателем»³⁶. Последняя фраза ключевая, под славой разумеется вовсе не военная, а гражданская слава Бонапарта как успокоителя Франции после неистовой бури Революции и слава миротворца, который, правда, военными средствами при Маренго и Гогенлиндене, но всё же добился подписания Австрийской империей мира с Францией в Люневиле 9 февраля 1801 г. Вся она — призыв быть благоразумным и идти на уступки, прекратить захваты и искренне водворить мир.

34. Там же. С. 180–181.

35. Александр I.

36. СБИРИО. С. 179–200.

Кстати о искренности: сам император Александр тоже уже отступился от неё и прибег к вполне прозаическим средствам, присущим всем деловым людям. В тот самый момент, когда Дюроку так «было совсем легко с ним», он сам требует от С.А. Колычева 22 июня (4 июля), чтобы облегчить ход переговоров в Париже, ради ускорения выгодного редактирования статей тайной конвенции, прилагаемой к будущему договору с Республикой, узнать каковы «...обязательства, принятые на себя Францией перед дворами берлинским и венским. Тайные статьи Люневильского договора заключают, конечно, всё, что может уяснить взгляды и намерения обоих кабинетов. Мне очень важно приобрести эти сведения, и вы должны употребить все усилия, чтобы добыть их»³⁷. Увы, вот так незаметно совершается грехопадение: давно ли молодой государь писал бар. Крюднеру о высоких моральных принципах своей политики? А теперь он требует от своего посла в Париже применения банального подкупа для лучшего осуществления этой самой высокоморальной политики. Так холодная проза повседневности остужает наши сердца и делает из нас, ещё недавно таких чистых и идеалистичных, сегодняшних трезвых прагматиков, которые так легко могут обратиться в завтрашних циников.

Ради чего же прилагаются все эти усилия, ради чего жертвуются и принципы и высокая мораль? Сам же государь открыто об этом и сказал: «Так как я не преследую никаких личных интересов и одушевлен единственным желанием содействовать общему благу ...то мои взгляды не могут быть заподозрены; но достоинство империи требует, чтобы оно отражалось в переговорах, которые ведутся при моём посредничестве»³⁸. Вот оно, роковое «достоинство империи», то самое великодержавие, трагическое бремя, которое обречена нести Россия, хочет она

---

37. Там же. С. 199.

38. Там же. С. 126–127.

того или нет, обречена своими гигантскими размерами, обречена самой своей великой и тяжелейшей судьбою, великодержавие, которого раз достигнув, более уже никогда нельзя терять, не потеряв вместе с ним как достоинства, так и чести.

Нужно ли после этого удивляться, что переговоры о мире шли очень туго, так как император постоянно связывал их с судьбою пьемонтского и неаполитанского королей, а также германских князей, потерявших свои владения после присоединения левого берега Рейна к Франции в 1795 г. С точки зрения Наполеона, это такие мелочи, что даже странно, что на них в Петербурге обращают столь большое внимание, когда речь идет о мире между двумя великими нациями. Именно поэтому Талейран, прекрасно понимая желание своего господина помириться с Россией, не уступая назад ни дюйма захваченных ранее земель, наставляет Дюрока в депеше от 6 (18) июля: «Вы можете повторить одно замечание, сделанное мною г. Колычеву, именно что по меньшей мере странно видеть, как Россия, в сущности столь чуждая итальянским событиям и интересам савойского дома³⁹, принимает столь горячее участие в сардинском короле, между тем как его союзники, вовлекшие его в войну кабинеты⁴⁰, поступают иначе...»⁴¹

По сути ответ на это заявление содержался в инструкции Александра новому русскому послу, отправляемому в Париж, гр. А.И. Моркову: «Принимая бразды правления, я оказался связан политическими обязательствами, из которых многие прямо противоречили интересам империи... Тем не менее, желая подать слишком редкий пример уважения к публичному обещанию, я взял на себя тягостную задачу выполнять эти обязательства, насколько это в моей власти...»⁴²

39. Так именовался королевский дом Пьемонта и Сардинии.

40. Прямой намёк на англичан.

41. СБИРИО. С. 225.

42. Там же. С. 205.

*Ф.Я. Алексеев. Иллюминация на Соборной площади
в честь коронации императора Александра I. 1802*

Что касается Италии... Я предоставляю 1-му консулу всевозможные обеспечения, чтобы моё вмешательство в пользу королей неаполитанского и сардинского не вызывало действительных препятствий к желанному соглашению. Не признавать моего снисхождения в этом отношении — значило бы молчаливо сознаться в разрушительных намерениях и посягательствах на общую безопасность. Это значило бы принудить меня прибегнуть к другим мерам, чтобы положить конец честолюбию, вредному для спокойствия Европы, так как с той поры уже нельзя будет ожидать от 1-го консула никакой умеренности в его политических замыслах»⁴³.

Нет, для русского государя публичные обещания, данные его покойным отцом Неаполю и Пьемонту, не мелочь, а существеннейший признак великодержавия Рос-

⁴³. Там же. С. 216.

сии, и именно на том, как относится Первый консул к этому, можно проверить, насколько он искренен в своих комплиментах к хозяину Зимнего дворца и в стремлении к прочному миру. Текст инструкций прямо говорит: Александр не питает уверенности в искренности и благожелательности Бонапарта, тот явно не хочет умерить своих вожделений, а значит, и нет твердой надежды на то, что он обуздает своё честолюбие и даст наконец покой Европе. Как же тогда доверять Первому консулу и его обещаниям? Именно из таких-то настроений постепенно родятся трения между двумя державами, а позднее и война 1805 года.

В конце концов после длительных споров и некоторых уступок, тем более, что Наполеон ведет параллельно переговоры о мире с Англией, русско-французский мир был, наконец, заключен в Париже 26 сентября (8 октября) 1801 г., а 28 сентября (10 октября) была подписана и секретная конвенция, касавшаяся всех требований, выдвинутых Россией. Гражданин Первый консул обещал их выполнить, но обещания были столь неопределенны и настолько зависели именно от его воли, что считать эту конвенцию крупным успехом русской дипломатии отнюдь не приходилось.

Последующие события показали, что Бонапарт старается обратить свои уступки в собственную же пользу. Так, уже в 1802 г. процесс вознаграждения германских князей, потерявших свои земли на левом берегу Рейна, за счёт церковных владений, процесс, разработанный в русском Министерстве иностранных дел, практически осуществлялся в Париже: германские курфюрсты и владетельные принцы толпились в приёмной Первого консула или «деликатно» оставляли взятки на письменном столе Талейрана. Но никто из них и не подумал обратиться к русскому послу гр. А.И. Моркову, хотя именно Россия с 1779 г. была гарантом незыблемости границ Священной Римской империи германской нации, границ, которые теперь так ци-

нично перекраивались. Влияние петербургского кабинета в германских делах стремительно скатывалось к нулю.

В отношении же судьбы Пьемонта и его короля Бонапарт просто избрал тактику отговорок и проволочек, позволившую ему вообще не выполнить своего обещания о территориальной и денежной компенсации. Бедный русский престиж и здесь стремительно сжимался, как шагреньевая кожа.

Наконец, Первый консул допустил серьезнейшую оплошность во второй половине 1802 г.: желая согласия Александра на забвение интересов пьемонтского короля, он предложил гр. А.И. Моркову добиться от императора согласия на французские притязания в Италии в обмен на признание Францией всех трёх разделов Польши с 1772 по 1795 г.⁴⁴ Естественно, что реакция государя была резко отрицательной: он справедливо усмотрел в этом вмешательство во внутренние дела России. Канцлер гр. А.Р. Воронцов предписал гр. Моркову никоим образом не соглашаться на подобные предложения и никогда не обсуждать с Бонапартом никаких вопросов о судьбе Польши⁴⁵. С этого момента на отношения двух стран окончательно легла тень.

Между тем и Александр I был далеко не идеален в своём отношении к вождю французского народа. Так, уже в циркулярном письме к русским послам от 30 декабря 1801 г. (11 января 1802 г.) он предписывал им обратиться к европейским дворам, при которых они были аккредитованы, с предложением оказать материальную помощь графу Лильскому (будущему Людовику XVIII)⁴⁶. А через полгода впервые почтил короля эмигрантов дружеским письмом, сообщая об установлении ему постоянного пособия в 75 тыс. руб. в год уже с 1 июля 1802 г. и о решении остальных крупнейших монархов Европы так же оказать

44. ВПР. С. 586–595.

45. СБИРИО. Т. 77. СПб., 1891. С. 27–29.

46. Там же. Т. 70. СПб., 1890. С. 328.

претенденту финансовую помощь. Одновременно в этом же письме самодержец пригласил брата казнённого якобинцами Людовика XVI: «Если у Вас нет других планов на этот счет, то от Вас будет зависеть перенести место Вашего пребывания в одну из южных провинций моей страны»⁴⁷. Вряд ли это приглашение можно посчитать дружественным актом по отношению к Первому консулу Франции.

Тогда же, 16 (28) мая 1802 г., в инструкции русскому послу в Батавской (Голландской) республике император выскажет впервые своё мнение о роли Англии: «Нельзя не признаться, чтоб Англия не оказала, так сказать, всей Европе важные услуги, удержав твердостью своею быстрое течение сугубых успехов республики Французской. Англия при этом, по положению своему, должна служить перевесом оной. Обстоятельство сие составляет в настоящем положении вещей, естественно, некоторую между нею и Россиею связь, которая утверждается ещё весьма выгодною для России торговлею»⁴⁸. Очевидно, что от этой связи ожидается возможность со временем создать совместный «перевес» против Франции. Прошло пять месяцев, и в письме от 6 (18) ноября 1802 г. русскому послу в Лондоне и признанному главе партии аристократических англофилов, гр. С.Р. Воронцову император напишет: «Господин посол граф Воронцов. Прилагаемые при сем документы... убедят Вас в том, что британское министерство наконец-то поняло, в какой степени Амьенский мир⁴⁹, переговоры относительно которого протекали такими быстрыми темпами, отдалил Британские острова от континента. Усилия, которые Сент-Джеймский кабинет⁵⁰ предпримет, чтобы вновь сблизиться с ним, будут мне тем более приятны, что я считаю это абсолютно необходимым для поддер-

47. ВПР. С. 220–222.

48. ВПР. С. 219.

49. Мирный договор между Францией и Англией, заключенный 25 марта 1802 г. во французском городе Амьен.

50. Так в конце XVII — первой половине XIX в. называлось английское правительство.

Нетрудно догадаться, что Александр ждёт, что содержание письма гр. С.Р. Воронцов доведёт до сведения своих влиятельных английских друзей в обществе и правительстве, пусть же они узнают его мнение. Отношения между Англией и Францией всё более ухудшаются, разрыва ещё нет, но русский император его уже предвидит и заранее приветствует, как меру необходимую на пути непрекращающихся захватов Бонапарта. В известном смысле можно сказать, что именно тогда в сознании Александра I и начался дрейф в сторону неизбежности войны с Францией и её Первым консулом.

Джеймс Гилрей. Карикатура «Бешеный маньяк». 1803

51. ВГР. С. 328.

Наполеон сам во многом провоцировал её: в октябре 1801 г. навязал Голландии конституцию, отвергнутую при плебисците подавляющим большинством избирателей; в сентябре 1802 г. ввёл французские войска под началом М. Нея в Швейцарию и установил там профранцузский политический режим Актом 13 февраля 1803 г. В Италии 26 января 1802 г. он ввел новую конституцию Цизальпинской республики, наименовав её уже Итальянской, и был избран её президентом, осуществив таким образом личную унию Французской и Итальянской республики, а 21 сентября того же 1802 г. особым декретом присоединил к Франции Пьемонт, спор о котором изначально портил ему отношения с Россией. Эта аннексия делала теперь Французскую республику напрямую соседкой республики Итальянской, т.е. открывала Первому консулу легкий путь к австрийской Венеции и папскому Риму, а оттуда, если потребуется, и к Неаполю. Таким образом, практически через год после подписания мира с Россией Бонапарт так или иначе нарушил статьи секретной конвенции и этим обесценил мирный договор. Стоит ли удивляться, что Александр I приветствовал в письме к графу С.Р. Воронцову оживление антифранцузской позиции английского правительства? И так, к началу 1803 г. в политическом воздухе Европы веяло чем угодно, но только не миром и спокойствием.

Англия определённо отказывалась возвратить о. Мальту ордену иоаннитов, Капштадт на юге Африки и о. Цейлон Голландии. Первый консул был взбешён тем, что английским послом в Париже был назначен Ч. Уитворт, которого он, не без причин, считал одним из вдохновителей убийства Павла I. Английская печать открыла поход против французского лидера, изобличая его захваты на континенте и осуждая его деспотичность в управлении Францией. Ему прислали из Англии брошюру, кончавшуюся следующими словами: «умерщвлять — не значит убивать». Бонапарт был в ярости и в ноте для своего посла в

Лондоне велел написать, что если Англия вновь разожжет войну, то это «заставит французов покорить Европу... Ему только тридцать три года... До сих пор ему приходилось разрушать только второстепенные государства. Как знать, много ли времени потребуется ему, чтобы совершенно изменить физиономию Европы и восстановить Западную империю?»⁵² (23 октября 1802 г.). После того, как Георг III в послании к парламенту от 8 марта 1803 г. заявил, что он «рассчитывает на содействие своей верной палаты, дабы приняты были все возможные меры к защите чести и интересов английского народа»⁵³, Первый консул устроил сцену английскому послу на общем приеме дипломатического корпуса в Тюильри и публично заявил: «Англичане желают войны; но, если они первые обнажают меч, я последним вложу его в ножны. Англия не уважает договоров; ну что же! завесим их чёрным покрывалом!...»⁵⁴

Итак, война была поставлена в порядок дня. Бонапарт, последний раз проявляя «миролюбие», просил Александра I посредничать между ним и Англией. По совету гр. А.Р. Воронцова русский император взял на себя эту миссию⁵⁵, но его предложения не удовлетворили ни ту, ни другую сторону, и 12 мая 1803 г. британский посол покинул Париж. А уже 22 мая англичане блокировали порты Франции и Голландии и, захватив 1200 торговых кораблей этих стран, совершавших свои мирные рейсы, обратили их в военные призы, доставившие Англии прибыль свыше 200 миллионов франков⁵⁶.

В ответ на это Первый консул двинул французские войска на северо-запад Германии и оккупировал там Ганновер — наследственное владение Георга III и его предков, одновременно заперев устья Эльбы и Везера для английских купеческих судов. Во время этой акции француза-

52. История XIX века / под ред. проф. Лависса и Рамбо. М., 1937. Т. 1. С. 69.

53. Там же.

54. Там же.

55. СБИРИО. Т. 77. СПб., 1891. С. 87–88.

56. История XIX века. Указ. соч. С. 69.

ми были нарушены суверенные права герцогов Ольденбургских, ближайших родственников русского государя по мужской линии, их интересы Франция должна была соблюдать и защищать согласно статьям русско-французского мирного договора. Император потребовал немедленно извиниться перед ними и вывести из Ольденбурга французские полки, угрожая в противном случае отказаться признать результаты идемнизации⁵⁷. Бонапарт уступил, но отношения дали новую трещину, так как опять было задето русское великодержавие, весь 1803 г. они скатывались всё более и более под уклон.

Между тем изменялся и сам консульский режим: если в 1800 г., когда принималась новая конституция, Первый консул и два его коллеги вступили на свои посты сроком на десять лет, то после заключения Амьенского мира Бонапарт добился проведения плебисцита⁵⁸ о предоставлении ему ПОЖИЗНЕННОГО консулата — 2 августа 1802 г., а через два дня провел через Государственный совет и сенат указ о предоставлении ему права выбирать самому себе наследника. Таким образом, республика была фактически разрушена, сохранялось лишь имя её и некоторые внешние формы. В сенатском указе от 2 августа 1802 г. его уже именовали не «гражданином Бонапартом», но «Наполеоном Бонапартом», люди искушённые замечали несведущим согражданам, что так именуют скорее государя, чем главу республики. Министр внутренних дел своим циркуляром предложил префектам департаментов, чтобы власти и народ отныне праздновали 15 августа, день рождения Первого консула, повсеместно. А сам ныне пожизненный правитель потребовал изменить в будущем бюджете 1803 г. своё жалование в 500 000 франков на гражданский лист в 6 000 000 франков в год, что также было атрибутом конституционной монархии, но не ре-

57. Т.е. наделения германских князей территориями из фонда церковных земель.

58. Всенародное голосование.

спублики. И, наконец, квартира Первого консула в Тюильри превратилась во дворец, а его самого и его супругу Жозефину окружил настоящий двор. Всё это говорило о том, что власть сын корсиканского адвоката Карло ди Бонапарте из своих рук более выпускать не собирается, а значит, политика, которую он проводит в Европе, будет длиться столь же долго, сколь долго он будет править, а может быть, и царствовать во Франции. Что же тогда делать: смириться, восстать, а может быть?..

Кризис в русско-французских отношениях, наступивший в марте-апреле 1804 г., был связан с этим, последним из предполагаемых действий. В феврале этого года вождь Франции узнал, что роялисты⁵⁹ на английские деньги приготовили на его жизнь новое покушение. Гнездо заговорщиков находится тут же, в Париже, а руководит ими из Лондона граф д'Артуа⁶⁰, за спиной которого стоят английские власти, решившие таким образом покончить с Бонапартом. Ожидается, что после убийства Наполеона один из принцев дома Бурбонов прибудет в страну, чтобы возглавить временное правительство. Первый консул приказал схватить такового, если он уже во Франции, подстеречь и схватить, если принц попытается высадиться на её землю и, наконец, постараться заманить кого-либо из членов королевского дома в страну и арестовать. Политическая полиция прикладывала все силы, чтобы выполнить волю своего повелителя, но всё было безрезультатно. И вдруг 1 марта 1804 г. Талейран сообщил, что на территории Бадена, в Эттенхейме, рядом с французской границей живет Луи-Антуан де Бурбон-Конде, герцог Энгиенский, внук принца Конде, один из младших отпрысков королевского дома. А уже 8 марта всё тот же Талейран написал своему господину, что надо, чтобы предстали перед судом «авторы, актеры и соу-

59. Роялисты — этим термином всегда обозначают сторонников монархии.

60. Младший брат казнённого Людовика XVI.

частники недавно открытого заговора... Ими руководит принц из дома Бурбонов. Цель состоит, несомненно, в том, чтобы убить вас. Вы имеете право на личную оборону»⁶¹. Бывший епископ Отёнский⁶² явно подталкивал его к самым жестоким мерам. Почему? Он хотел бы усилить своё влияние на главу государства, ведь Бонапарт не был замаран ни кровью Бурбонов, ни аристократов, так как не принимал участия в якобинском терроре. А следовательно, имел свободу широкого политического маневра, слишком широкого, с точки зрения Талейрана или Фуше⁶³, желавших видеть Первого консула политически связанным с ними, а значит, и влиять на него.

Письмо Талейрана взывало к корсиканским корням великого диктатора: то, что Бурбоны так просто позволяли себе желать пролить его кровь, его, не повинного в их крови, требовало с его стороны ответных мер — вендетты, вот что означали строки Талейрана: «Вы имеете право на личную оборону». Три дня Бонапарт размышлял: он ходил по своему кабинету в Тюильри, повторяя вполголоса какие-то стихи Расина⁶⁴, а 10 марта он собрал узкий совет самых близких к нему сановников и решение было принято. В ночь с 14 на 15 марта отряд французских драгун, нарушив суверенитет Бадена, захватил на его территории 32-летнего герцога Энгиенского и вывез его во Францию. Принца доставили к порогу Парижа, в замок Венсен, где его уже ждал суд военной комиссии под председательством П.-О. Юлена, участника взятия Бастилии. Неудивительно, что, несмотря на полное отсутствие каких-либо доказательств, этот суд вынес смертный приговор.

Наполеон никогда не отрекался от этого юридического убийства невинного, даже за несколько дней до своей

61. Цит. по Castelot A. Talleyrand on le cynisme. P., 1980. P. 215.

62. До 1792 г. Талейран был епископом Отёнским и сложил с себя этот сан в знак полного присоединения к Революции.

63. Бывший министр полиции Наполеона, в 1793 г. голосовавший за казнь Людовика XVI в Конвенте.

64. Манфред А.Э. Указ. соч. С. 386.

кончины, в завещании он написал: «Я велел арестовать и предать суду герцога Энгиенского, этого требовали интересы и безопасность французского народа»⁶⁵. Именно эта казнь в ночь с 20 на 21 марта 1804 г. и привела к жесточайшему кризису в отношениях между Александром I и Наполеоном Бонапартом.

Русский император был возмущен тем, что так грубо были поправлены права человека: казнь без доказательств вины; грубо были поправлены международные законы: незаконный захват лица, не являющегося гражданином Франции, да ещё на нейтральной территории; грубо унижено великодержавное величие Александра: герцогство Баденское — родина русской императрицы, его жены, оно находится под покровительством России и сам Бонапарт неоднократно обещал государю охранять суверенитет Бадена. Наконец, император знал герцога Энгиенского лично и поддерживал с ним дружеские отношения. Всё это вместе вызвало самую резкую демонстрацию негодования и протеста: «Если я не ошибаюсь, омерзительное убийство герцога Энгиенского много ускорит ход событий. Всеобщее негодование достигло апогея. Обе императрицы в слезах, Великий князь взбешен, столь же глубока и скорбь Его Императорского Величества. Никого из французской миссии не принимают и не разговаривают с ними... Император надел траур»⁶⁶, — писал 18 (30) апреля 1804 г. Ж. де Местр кавалеру де Росси на Сардинию.

Сначала Александр хотел разорвать все отношения с Парижем немедленно, но Государственный Совет постановил ограничиться нотой протеста. Получив её, Бонапарт, уже готовившийся услышать постановление послушного ему Сената о своём провозглашении императором, велел Талейрану ответить так, чтобы надолго отбить у русского царя охоту читать ему нотации. Так по-

65. Там же. С. 386.

66. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 31.

явилась на свет печально знаменитая нота от 4 (16) мая 1804 г., в которой, отмечая все упреки русской стороны, французский министр сам обвинил её в покровительстве эмигрантам-роялистам и, обращаясь к России, а в действительности к Александру I, бросал ему в лицо обвинение: «А предъявленная ею теперь жалоба заставляет спросить: если бы в то время, когда Англия замышляла убиение Павла I, знали, что зачинщики заговора находятся на расстоянии одного лье⁶⁷ от границы, неужели не постарались бы схватить их?»⁶⁸

Это был точно рассчитанный удар, он до такой степени был оскорбителен для чести русского государя, что должен был гореть на ней, как пощёчина на щеке. Сегодня мы знаем, что Александр не умышлял на жизнь своего отца, но глава заговора гр. П.А. фон дер Пален и кн. П.А. Зубов рассудили по-другому и решили привязать кровью Павла I молодого императора к себе. У них из этого ничего не вышло, но современники были уверены в повинности императора в крови своего отца. Вот почему Бонапарт позволил себе так оскорбить его. После этого только кровь могла смыть подобное унижение. Конечно, государи не дерутся друг с другом на дуэлях, но зато они могут вести войны.

Через два дня после отправления роковой ноты в Санкт-Петербург Первый консул сенатским постановлением был объявлен императором французов, гражданин Бонапарт умер, родился Наполеон I. Вскоре из Парижа был отозван русский посол и оставлен лишь поверенный в делах. Это была ещё не война, но уже и не мир.

Следующие двенадцать месяцев были всё ускоряющимся, как сход лавины со склона горы, сползанием к войне. Отлично понимая, что титул императора ко многому обязывает, а в первую очередь требует небывалых подвигов и небывалой славы, Наполеон объявил о своём реше-

67. Около 4 километров (ст. франц. мера расстояния).
68. СБИРИО. Т. 77. СПб., 1891. С. 608.

*Жан-Лоран Монье.
Александр I. 1806*

нии вторгнуться в Англию. Он сконцентрировал в Булони, на берегу Па-де-Кале, огромную по тем временам армию и стал энергично готовить транспортные суда и пытался, несмотря на блокаду французских портов английскими эскадрами, соединить свой и союзный испанский флоты для прикрытия десанта через Ла-Манш. Над Англией нависла грозная опасность. Правительство Вильяма Пিতа-младшего энергично ис-

кало союзников на континенте, готовых обнажить шпагу против новоиспечённого императора.

Что же делает в это время Александр I? В мае же 1804 г. он заключил секретную конвенцию с Пруссией о взаимной помощи в случае притязаний Наполеона на северогерманские княжества. Но уже в июне Пруссия, со свойственным ей двурушничеством, заключает с Парижем конвенцию, в которой обязуется не пропускать через свою территорию войска, направленные против Франции. В Вене дела обстояли не лучше: министр иностранных дел, наставляя австрийского посла в Петербурге, писал: «Старайтесь поставить нас в самые лучшие отношения к России, но чтобы при этом мы не обязаны были вести войну»⁶⁹. Лишь 25 октября (6 ноября) 1804 г. удалось добиться от австрийцев подписания договора о союзе против Франции, но он носил лишь оборонительный характер. Между тем в начале сентября русский МИД выработал условия, предъявляемые Франции для прекращения войны в Европе: «1. Очищение

⁶⁹. Окунь С.Б. Указ. соч. С. 163.

Неаполитанского королевства и гарантии сего в будущем; 2. Устройство Италии на условиях, предлагаемых Императором⁷⁰; 3. Незамедлительное возмещение Королю⁷¹ его убытков (я сам читал ноту, там в точности эти слова); 4. Очищение и свобода Германии. Талейран по прибытии в Париж отвечал прелиминарной нотой, где говорится, что в русской ноте есть приемлемые пункты, но он сожалеет лишь о недружелюбном её тоне...»⁷² — писал Жозеф де Местр своему корреспонденту в Кальяри 5 (17) сент. 1804 г. Однако эта мирная инициатива, как мы видим из другого письма графа де Местра, успеха не имела: «Талейран совершил невозможное, дабы удержать Убри⁷³ в Париже. Все четыре пункта, сказал он, вполне могут быть согласованы. Превосходно, отвечали ему, вам остается только подписать, а потом поговорим обо всём прочем; но хитрый министр и не собирался делать этого. Убри уехал, Талейран тоже — к своему повелителю в Брюссель...»⁷⁴ В это же время и французский поверенный Райневаль покинул Петербург, после безуспешной попытки передать встречную ноту от Наполеона. Так окончательно были разорваны дипломатические отношения.

Наступил 1805 год. На его второй день французский император обратился с письмом к Георгу III Английскому с письмом, в котором предлагал прекратить военные действия⁷⁵. Всего лишь месяц, как он возложил на себя императорскую корону и, конечно же, хотел продемонстрировать народу своё миролюбие. Александр I также решил не пропустить такого случая и выступить в роли миротворца: было решено послать в Париж члена Негласного Комитета Н.Н. Новосильцева в качестве личного представителя императора для ведения переговоров

70. Александром I.

71. Виктору-Эммануилу I, королю Пьемонта и Сардинии.

72. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 39.

73. Русский поверенный в делах.

74. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 41.

75. Napoleon I. Correspondence. T. X. Paris, 1864. P. 100–101. (Далее: Napoleon Ier. C.)

о примирении⁷⁶. Однако не очень-то веря в возможность успеха этой миссии, император писал гр. С.Р. Воронцову в Лондон 3 (15) апреля 1805 г.: «Таким образом, этот демарш должен определиться не столько надеждой добиться немедленного мира, сколько впечатлением, которое он должен бы произвести в Европе. Для того, чтобы он не был фальшивым шагом, предложения, которые следовало сделать Бонапарту, должны были быть отмечены печатью умеренности и справедливости...»⁷⁷ Двойственность позиции русского государя усугублялась в этом случае тем, что всего за несколько дней до этого — 30 марта (11 апреля) в Санкт-Петербурге был подписан англо-русский договор.

В его I статье уже говорилось, что Россия и Англия: «поелику бедственное положение, в котором находится Европа, требует быстрого врачевания... не выжидая случаев новых захватов со стороны французского правительства — они согласились употребить самые быстрые и самые действенные средства к образованию всеобщей лиги европейских государств ...и для достижения цели соединить силы, каковые, в независимости от тех, которые представлены будут его величеством королем великобританским, могли бы достигнуть 500 тыс. наличного войска, и энергично употребить их к тому, чтобы побудить французское правительство добровольно или по принуждению согласиться на восстановление мира и равновесия в Европе»⁷⁸.

В статье II говорилось об изгнании французов из Ганновера и других пунктов Северной Германии, об очищении ими Голландии и Швейцарии, восстановлении власти короля Сардинии в Пьемонте и территориальных приращениях к нему, о необходимости обезопасить Неаполитанское королевство и изгнании французов из всей Италии, в том числе и с о. Эльба⁷⁹.

76. ВПР. Сер. I, Т. II. М., 1961. С. 352.

77. Там же. С. 381–382.

78. Там же. С. 368.

79. Там же.

В статье III речь шла о ежегодных субсидиях, выплачиваемых правительством Великобритании в размере «1250 тыс. фунтов стерлингов ежегодно на каждые 100 тыс. человек регулярного войска»⁸⁰.

Отдельные пункты соглашения предусматривали перекройку политической карты Европы. Так, обретающей независимость Голландии передавались частично либо полностью Австрийские Нидерланды — (современные Бельгия и Люксембург); Швейцария получала назад Женеву и приобретала Савойю, захваченные Францией в 1794–1796 гг. и объявленные тогда же составной частью Республики⁸¹.

В духе этого англо-русского соглашения и были составлены «основания для заключения мира», которые и должен был Новосильцев отвезти в Париж; главной идеей этого документа являлось утверждение, что постановления, необходимые для водворения мира в Европе, «...могут быть осуществлены только в том случае, если границы Франции будут определены Мозелем и Рейном, Альпами и Пиренеями»⁸². К слову сказать, это были так называемые «естественные» границы Франции, обозначенные ещё в конце XVII в. Людовиком XIV, но в марте 1805 г. для императора Наполеона они были абсолютно неприемлемы, ибо не мог же он без боя, просто отдать все дочерние республики, созданные при Директории, т.е. до того, как он взял власть в свои руки. Принятие подобных требований было бы политическим самоубийством для Первого консула, а уж для императора и подавно.

Таким образом, вся идея миссии Н.Н. Новосильцева, а уж тем более её воплощение, была покушением с негодными средствами; неудивительно, что посланец русского императора даже не доехал до Парижа. Но Александра I в этот час более заботило уже не это, а то, что Австрийская империя не торопится примкнуть к англо-русскому сою-

80. Там же. С. 397–398.

81. Там же. С. 370.

82. Там же. С. 373.

зу. Своё недовольство он изложил в письме от 13 (25) мая 1805 г. к русскому послу в Вене гр. А.К. Разумовскому, требуя от него добиться, наконец, присоединения Австрии к коалиции и обещая сильное давление на Пруссию, «даже возможность войны с нею, если Пруссия поддержит Францию»⁸³. Однако Наполеон сам подтолкнул Габсбургов⁸⁴ к коалиции с Россией и Англией. В первых числах мая он пересёк границу Итальянской республики, уже в Павии его прибытие приветствовал звон всех церковных колоколов, 9 мая при громе пушек и кликах огромной толпы император вступил в Милан, а 26 мая под сводами тысячелетнего Миланского собора он был коронован железной короной итальянских королей. Так как постоянно находиться в Италии он не может, то 7 мая особым декретом его пасынок Евгений Богарне становится вице-королём. Объезд страны в июне сопровождается тщательным осмотром крепостей и приграничья с австрийской частью Венецианской области, смотром итальянской армии в лагере у Монтекьяро, а 4 июня простым императорским декретом к Франции была присоединена и Генуэзская республика. Всего этого император Франц II, с чьими владениями Наполеон теперь непосредственно граничил, стерпеть уже не мог. Даже ему стало ясно, что угроза стоит уже на его пороге: 28 июля (9 августа) 1805 г. Австрия официально присоединилась к англо-русскому соглашению. В этот момент и судьбы Европы свершились, коалиция сложилась, русские армии уже концентрировались в Подолии и на Волыни, австрийские в Венецианской области и на границе Баварии. Главным театром войны должна была стать последняя. Лавина войны, медленно стекавшая все эти месяцы по горным склонам высокой политики, устремилась вниз на равнины обыденной жизни обычных людей, на мирно спящие города и княжества ни в чём неповинной Германии.

83. Там же. С. 397–398.

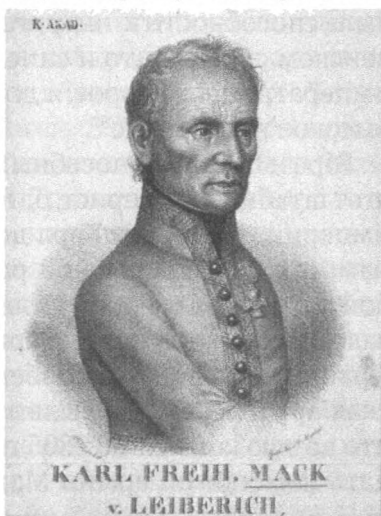
84. Габсбурги с конца XV в. — Германский царствующий императорский дом.

Глава II

Милостивый государь, мой терпеливый читатель. Вы уже столько страниц подряд следите за многоречивыми рассуждениями автора, вы вязнете в многостраничные дипломатической переписки и... Ни одного сражения. А между тем сочинение, которое вы столь доверчиво взяли в руки, посвящено именно ВОЙНЕ. Вы вправе воскликнуть: «Да где же она, чёрт возьми, наконец!» Ну вот, ваше терпение удовлетворено: война началась.

Ответом на коронацию в Милане и прочие политические и военные акции, совершённые императором в Италии, стало совещание 16 июля 1805 г. в Вене высшего командования австрийской армии при участии посланца Александра I, его генерал-адъютанта, барона Ф.Ф. Винцингероде, способного генерала, которому ещё предстояло отличиться в 1812 г. На этом военном совете были определены как предполагаемые силы коалиции, так и будущие направления военных действий.

Главным театром войны должна была стать Бавария, ибо через это южногерманское курфюршество пролегал кратчайший путь из австрийских владений как к границам Франции на Рейне, так и к речным линиям верхнего Дуная и даже Майна, на которых, как полагали австрийские стратеги, можно будет встретить и даже раз-

Неизвестный гравёр.
Австрийский генерал Карл Мак
фон Лейберих.
Первая четверть XIX века

бить Наполеона. При этом предполагалось, что курфюрст Баварский поддержит своей армией Вену. Сюда направлялась 90-тысячная армия юного эрцгерцога Фердинанда, которой фактически руководил его начальник штаба ген. К. Макк. Известность как штабной офицер он получил под стенами Белграда в войну против турок в 1788–1789 гг. Однако подлинными стратегическими талантами Макк не обладал, что и показала компания 1794 г. в Бельгии, когда, действуя по его плану, славный австрийский фельдмаршал принц Кобургский, соучастник и друг великого Суворова в битвах при Фокшанах и Рымнике⁸⁵, потерпел полную неудачу в походе против французских республиканских войск⁸⁶. Ещё более позорно провалился сам Макк, командуя в 1798 г. армией Неаполя против французов, правда, здесь он всё свалил на полную небоеспособность неаполитанцев, хорошо известную всей Европе. Но один подлинный талант у австрийского генерала всё же был: способность к интриганству при дворе и в высшем венском свете, он-то и снискал ему особое расположение императрицы, которое и доставило в 1805 г. Макку столь высокое назначение⁸⁷.

Гораздо более способный к военному искусству, чем этот штабной карьерист, один из самых лучших генералов империи, эрцгерцог Карл должен был удовольствоваться намного более скромной ролью командовать более слабой армией в Северной Италии, где его противником оказался один из лучших маршалов, когда-либо водивших французские войска к победам, А. Массена. Эта австрийская армия сразу же была так взята маршалом в оборот, что во всю кампанию 1805 г. оказалась не в состоянии подать помощи ни армии Макка, ни, впоследствии, армии М.И. Кутузова.

На совещании было как раз решено прислать в Бава-

85. Эти сражения произошли в 1789 г. на территории нынешней Румынии.

86. Ермолов А.П. Записки. М., 1991. С. 35.

87. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 35.

рию на помощь ген. Макку русскую армию численностью в 46 с половиной тысяч человек, во главе которой и встал М.И. Кутузов. Армия эта концентрировалась в Подолии у границ австрийской Галиции. В районе южнее Брест-Литовска собиралась 2-я русская армия, она же Волынская, состоявшая из 48 тыс. человек под началом ген. Ф.Ф. Буксгевдена, её задача была, дей-

А. П. Рокшкуль. Портрет
М.И. Голенищева-Кутузова. 1806

ствуя в качестве 2-го эшелона, подкрепить позднее армию М.И. Кутузова. В южной Литве собиралась 3-я армия в 56 тыс. человек ген. И.Н. Эссена, в северо-западной Литве формировалась 48-тыс. армия ген. Л.Л. Беннингсена, наконец, из Ревеля в Северную Германию должен был быть перевезён корпус ген. гр. П.А. Толстого численностью в 20 тыс. человек. Силы русских, как мы видим, мобилизовывались весьма значительные. Кроме того, предполагалось привлечь шведский корпус силою в 16 тыс., но самое главное — уговорить Пруссию отбросить все колебания и примкнуть к коалиции, что должно было доставить, в случае успеха, ещё не менее 100 тыс. первоклассного войска.

Этот план, как и все ему подобные, страдал сразу несколькими пороками, которые, в конце концов, и привели коалицию к полному краху. Во-первых, вклад Швеции был ничтожен, а участие Пруссии более чем гадательно, тогда как открытие военных действий стремительно приближалось, а значит, рассчитывать на этих союзни-

ков было весьма легкомысленно, чего суровая практика войны никогда не прощает. Во-вторых, дислокация русских армий развертывалась с юга на север от Подолии к Восточной Пруссии, тогда как главный театр войны был не на севере, но на юге Германии. Следовательно, предполагалось, что армии Эссена и Беннингсена двинутся на соединение с Пруссией и вместе с её армией обрушатся на левый фланг возможного наступления Наполеона в Баварию, т.е. выйдут на линию Майна с севера. Но этот путь был слишком длинным, и идущий им рисковал просто-напросто опоздать не только с нанесением удара, но и вообще с появлением в долине Майна. И это при условии, что Пруссия поддержит коалицию, а горные проходы через Тюрингию будут достаточно проходимы для быстрого марша и не заняты французами. Но что будет, если Пруссия не даст своего согласия и не присоединится? Тогда этим двум армиям придётся двинуться ещё более длинным маршрутом и не по гипотетической прямой, как в первом случае, соединяясь с пруссаками, а по облическому, т.е. дуговому маршруту «спускаясь» с севера от прусской границы через австрийскую Польшу на Краков, в обход прусской Польши. А далее идти через Моравию и Австрию, по-прежнему по дуге, в Баварию, по следам Кутузова и Буксгевдена, которые уже будут на театре войны. Но и этот 2-й маршрут был очень протяжённым, даже более чем через Пруссию, в случае её согласия, а значит, тут шансов поспеть вовремя к генеральному сражению было ещё меньше. При этом все эти ложные движения армий могли иметь хоть какую-то надежду на успех только при одном условии: французская армия и её полководец впадут в столбняк либо будут передвигаться как во сне. Но, зная императора Наполеона и его войска, рассчитывать на это обстоятельство не приходилось. Таким образом, дислокация 4 русских армий была крайне неудачна и противоречила важнейшему закону войны: базировать

армии так, чтобы, наступая, вовремя сконцентрировать все свои силы в важнейшем пункте атаки. В-третьих, театры боевых действий были слишком разобщены, чтобы надеяться на возможность эффективной координации усилий. А геофизические условия их рельефа вообще вводили наступающие армии коалиции на совершенно расходящиеся операционные направления. Так, баварский театр как главный предполагает наступление австрийцев и русских на запад или же северо-запад, т.е. в направлении, расходящемся с североитальянским театром, предполагающим наступление австрийцев на запад и юго-запад. Подать руку коалиции с одного театра на другой, даже владея альпийской страной Тиролем, лежащим как раз между обоими театрами, весьма затруднительно, что, собственно, продемонстрировали все войны XVIII в., начиная с войны за испанское наследство.

В-четвёртых, абсолютно безнадёжными были расчёты на две стратегические диверсии коалиции. Первая намечалась в Северной Германии посредством переброски туда шведского корпуса и корпуса гр. Толстого из Кронштадта, чтобы их силами выбивать французов из Ганновера. Это была сущая авантюра, ибо в тылу у союзников было лишь Балтийское море, тогда как у маршала Ж.-Б. Бернадота имелась прямая коммуникация с нижним Рейном и Батавской (Голландской) республикой, т.е. с Францией. И вообще вся эта операция была бы возможна лишь в случае присоединения Пруссии, но Берлин-то как раз и не рвался в бой, как мы видели.

Вторая диверсия намечалась с юга в центр Италии, силами неаполитанской армии, подкреплённой ограниченными контингентами русских с о. Корфу и англичан с о. Мальта. Рассчитывать на успех подобного предприятия могли лишь сумасшедший либо член австрийского гофкригсрата. А так как именно сей «почётный» орган в лице своего вице-президента кн. Шварценберга и вышеописан-

ного генерал-квартирмейстера К. Макка и составил весь этот план, обсужденный 16 июля в Вене, то от его реализации можно было ожидать лишь одного — БЕДЫ.

Император Александр I, не имевший тогда стратегического образования, принял этот план австрийской военно-схоластической мысли, надеясь на свои личные отношения с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом III и королевой Луизой, завязавшиеся в 1802 г., во время их политического свидания в Мемеле. Он был уверен, что при личной встрече сумеет увлечь прусского короля на войну с Францией и это откроет путь армиям Беннингсена и Эссена. Кроме того, император решил надавить на короля, используя начавшие разгораться, усилиями кн. А. Чарторижского, надежды части польской знати и шляхты на то, что русское оружие обратится не только против Наполеона, но и союзной ему Пруссии. И тогда власть пруссаков в Варшаве и Познани, в Торунь и Данциге будет свергнута, независимая Польша восстановлена, а её корона возложена на голову Александра. Не желая тогда вовсе этого, он считал, что угроза подобного хода событий хорошо «взбодрит» берлинского монарха. Вот почему если армия М.И. Кутузова 25 августа пересекла австрийскую границу в Галиции, то русский император отправился совсем в другом направлении: через Могилев и Брест-Литовский, откуда он прибыл в ночь на 18 сентября в Пулавы, родовое гнездо князей Чарторижских. Между тем 8 сентября австрийцы вторглись в Баварию и начали занимать страну. Однако ещё 29 августа все семь корпусов Великой армии Франции по приказу своего императора выступили в поход, имея целью соединиться на линии верхнего Дуная всё в той же Баварии. Численность её доходила до 178–180 тыс. человек при 340 орудиях. Макк, как следовало ожидать от этого рутинёра, просчитался, ведь он предполагал, что французский цезарь сможет направить в поход не более 70 тысяч солдат. Разведка

австрийцев не обладала возможностью представить реалистическую информацию о силе противника, и Макк со своей 80-тысячной армией, продвигаясь вглубь Баварии, стал сам засовывать голову в отверзающуюся перед ним пасть льва. Если 20 сентября император Франц прибыл в Мюнхен, а 21-го утвердил предположение своего полководца идти на верхний Дунай к Ульму, то уже ранним утром 25-го корпуса V, VI, IV и III, а также резервная кавалерия и гвардия, т.е. главные ударные силы французов, стали переходить Рейн и, пересекая границы Бадена и Вюртемберга, приближаться к Баварии с запада и северо-запада, охватывая австрийцев огромной дугой.

В это самое время, когда первый акт гигантской военной драмы уже развернулся, Александр I 4 октября заявил, что покидает Пулавы и едет напрямиком в Берлин. Он считал, что восторги польской шляхты уже должны были подействовать на Фридриха-Вильгельма III. Пока русский император катил в своей походной коляске на берега Шпрее, корпуса Бернадота и Мармона, форсировав Майн и двигаясь в Баварию с севера, прошли через прусское владение Анспах, нарушив тем самым прусский нейтралитет. Известие об этом как нельзя кстати предварило прибытие Александра в Берлин, где он был встречен с особым восторгом и сердечностью королевской четой 13 октября 1805 г. Был заключен секретный договор, обязывавший Пруссию предъявить Наполеону известные ультимативные требования, его скрепили ночью, спустившись в мавзолей Фридриха II, и над гробом знаменитого короля-полководца, воевавшего против России в Семилетнюю войну, оба монарха в присутствии королевы Луизы поклялись в вечной взаимной дружбе. Теперь русские войска получили возможность идти через прусские владения на помощь австрийцам и армии Кутузова, но о проходе через прусские земли совместно с прусской армией во фланг и тыл Наполеону речь по-прежнему не

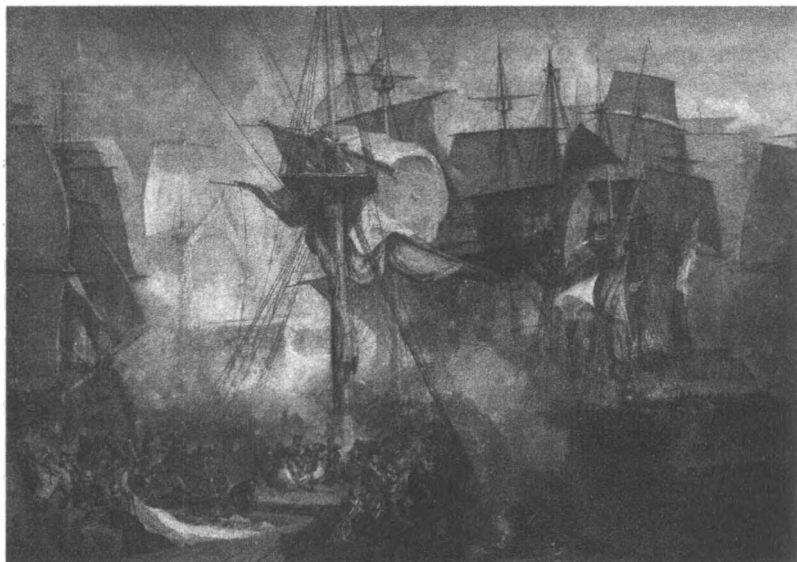
Шарль Тевенен. Капитуляция Ульма. Между 1806 и 1815 гг.

шла. Русский император покинул Берлин и отправился на соединение с армией Буксгевдена, готовясь вступить в австрийские пределы.

Меж тем, пока велись эти сложные и противоречивые дипломатические маневры, уже 7 октября Великая французская армия вышла к верхнему Дунаю и, несмотря на холодный проливной дождь и частично разрушенные мосты, начала силами своей кавалерии переправу. Макк, получив сведения об этом, вовсе не испугался и не стал отступать, так как был по-прежнему абсолютно уверен, что Наполеон привёл с собою не более 70 тысяч утомлённых маршами солдат. Он рассчитывал повторить маневр ген. К. Края против ген. Ж.В. Моро на этих же позициях в 1800 г., опираясь на город-крепость Ульм, оседлавший Дунай, и оперировать на обоих берегах реки. Наполеон великолепно сумел оставить австрийского «стратега» в плену его схоластических представлений, пока не разметал его армию и не пленил его самого со всем штабом и 32 тыс. отборного войска в этом самом Ульме. 20 октя-

бря 1805 г. Европа была потрясена: более чем 80-тыс. австрийская армия уничтожена одними маневрами и даже без генерального сражения; 61 тысяча всего взята в плен в эти октябрьские дни, захвачено 200 орудий⁸⁸. Казалось бы, половина дел уже сделана. Но насмешница судьба всегда на своем посту, она всегда сторожит нас, чтобы захватить врасплох, отравить краткую минуту счастья, когда мы надеемся насладиться, наконец, плодами наших столь тяжких трудов. На следующий день после заслуженного Наполеоном триумфа на равнине перед Ульмом, на другом конце Европы, собственно, в водах Атлантического океана, у испанского мыса Трафальгар великий Горацио Нельсон уничтожил франко-испанский флот адмирала П.-Ш. де Вильнёва. Эта морская катастрофа во многом предопределила весь дальнейший ход событий.

А что же русская армия под предводительством М.И. Кутузова, где же она в эти роковые дни октября 1805 г.? Опе-

Уильям Тёрнер. Трафальгарское сражение. 1808

88. Тарле Е.В. Сочинения в двенадцати томах. Т. VIII. М., 1959. С. 154.

режая свои полки, 6 октября Кутузов прибыл в Вену, где благодаря своему тончайшему уму, изощренной дипломатической и придворной сноровке сумел в три дня быть принятым императором Францем II, вице-канцлером гр. Кобенцлем и встретиться с членами гофкригсрата (Высшего военного совета), и отличнейшим образом разрешить все сложнейшие вопросы продовольствования и боевого снабжения своей армии. Получив обнадеживающие сведения об успехах Макка, русский генерал 9-го покинул австрийскую столицу и поспешил вслед за своей армией, двигавшейся к Браунау, на баварскую границу.

Он прибыл в этот город-крепость 14 октября, через сутки после расквартирования здесь наших войск. Они были измотаны 22-дневными форсированными маршами и сократились почти до 35–36 тыс. человек. В это самый день маршал Ней с боем форсировал Дунай у Энхильгена и тем положил начало окружению армии Макка. Когда она уже была окружена, 16 октября, пришло письмо от эрцгерцога Фердинанда из армии, исполненное спокойствия и уверенности в успехе. Правда, датировано оно было 8 октября! Кутузов выслал в Баварию разведку, которая уже 18-го числа сообщила сведения об окружении армии Макка и отступлении эрцгерцога по левому берегу Дуная к Богемии⁸⁹, что было истинной правдой. На следующий день к русской армии присоединились отступившие из Баварии войска ген. Кинмайера — 18 тысяч австрийцев и потом 4 тыс. ген. Ностица. Теперь у Кутузова было около 56 тыс. человек.

Австрийские генералы умоляли русского полководца наступать в Баварию, освободить от французов Мюнхен и попытаться вступить в связь с Макком, окружённым в Ульме, но Кутузов остался в Браунау. Он уже начал понимать, что происходит, и готовиться к отступлению. Именно теперь вскрылись все пороки австрийского плана

---

89. Немецкое и австрийское наименование Чехии.

16 июля, вся неправильность дислокации русских армий: они слишком далеко, там на северо-востоке, и не могут успеть прийти на помощь; армия австрийцев в Тироле немногочисленна и уже отрезана от русских; армия эрцгерцога Карла в Италии ещё дальше и скована маршалом Массена. Он, Кутузов, один на один перед Наполеоном, превосходящим его втрое по силе, с армией, окрыленной ульмской победой. Позади пустота и безоружная Вена.

В этот трудный час проявились все лучшие качества его как генерала: не впадая в панику, Кутузов умно и тонко, но одновременно и весьма точно информировал из Браунау императора Франца II о своём решении отступить к Ламбаху, где, прикрывшись речными рубежами, отступить далее к Линцу⁹⁰. В этот же день он сообщил управлявшему русским министерством иностранных дел кн. А. Чарторижскому и нашему послу в Вене гр. А.К. Разумовскому о своей встрече в Браунау с ген. Макком, отпущенным французским императором под честное слово, 23 октября. Австрийский генерал не скрыл, что едет спешно в столицу, дабы передать предложение начать мирные переговоры⁹¹. Передав эту важнейшую информацию, Кутузов, не ожидая ничьих повелений, сам взял инициативу в свои руки и 24 октября же отдал приказ об отступлении: его целью было не прикрытие австрийской столицы — это было дело безнадёжное, но спасение из-под удара русско-австрийской армии. Этот знаменитый отступательный марш-маневр описан неоднократно, от его исхода зависела судьба кампании. Император Наполеон немедленно начал наступление, стремясь нагнать уходящих русских и разгромить их ещё до Вены, ещё до возможности получить какую-либо помощь от армии Буксгевдена. Если это удастся, а он был почти уверен в успехе, то Австрия падёт на колени сама, Пруссия не по-

90. Кутузов М.И. Сборник документов. М., 1951. Т. 2. С. 112.

91. ВПР. Т. II. С. 612.

смеет даже пошевелиться, а Александр и его русские в смущении оборотятся вспять и война будет выиграна к его вящей славе и ужасу Англии. Идея была верна, но при условии, что не произошло битвы при Трафальгаре. О ней же император пока ничего не знал.

Но именно в эти тяжелейшие дни конца октября 1805 г. стратегический и тактический таланты Кутузова-полководца раскрылись великолепно: он постоянно демонстрировал желание вести арьергардные бои, как бы прикрывая путь к Вене, но на самом деле ни разу не дал себе воли втянуться в серьёзное дело и постоянно отходил на восток долиною Дуная. Были жаркие, но не слишком крупные бои у Ламбаха 31 октября и у Амштетена 6 ноября, оба раза русские отступили, их потери были больше французских. Между тем именно в первые дни ноября происходил оживлённый обмен посланиями между Наполеоном, находившимся до 9 ноября в Линце, и императором Францем II, сидевшим пока что в Вене. Они были как бы ни к чему не обязывавшими, но в то же время и весьма многозначительными, как, например, заявление австрийского посланца графа Гиулая о возможности женитьбы французского императора на одной из молоденьких австрийских эрцгерцогинь⁹². Политическая и скорее даже дипломатическая неопределённость ситуации стирала чёткие границы: противник и союзник между французами, австрийцами и русскими, последние в этой ситуации проигрывали более всех и, казалось бы, были обречены на незавидную участь. Но военный талант и глубокий гибкий ум Кутузова спасли их. Он не стал обороняться на плато Санкт-Пельтен, как рассчитывал император Наполеон, который уже перевёл на левый берег Дуная корпус маршала Мортье, чтобы, если русский генерал примет сражение при Санкт-Пельтене, — а в этом император, по-

⁹² Эрцгерцог (эрцгерцогиня) — титул сына (дочери) Императора Священной Римской империи германской нации, равноценен русскому — Великий князь, Великая княгиня.

вторимся, был так уверен — заблокировать Кутузова с севера и помочь окружить и пленить. Но русский полководец вовсе не желал губить свою армию и репутацию ради «прекрасных глаз» императора Франца. Он просто воспользовался полученным накануне предписанием австрийского кайзера прикрыть предмостные сооружения перед Кремсом и в ночь на 10 ноября перешёл Дунай у Кремса, а мост сжёг. Теперь полноводная река обороняла его от французов, а корпус Мортье оказался в отвратительной ситуации.

Франсуа Жерар. Портрет
Иоахима Мюрата. 1805

Такой блистательный маневр смог случиться не только благодаря мастерству Кутузова, но и медлительности маршала Мюрата, который слишком буквально принял к сведению выговор императора за поспешность амштетенского боя, без надлежащих резервов, и теперь промедлил сутки под Санкт-Пельтенем, а после продвинулся к Вене и уже 10-го утром принял депутацию столичного магистрата. В ответ на сообщение об этом радостном факте он получил от императора жестокую отповедь, но думается, что Н.А. Троицкий был не прав, утверждая, что Наполеон назвал маршала в своём письме «отъявленным дураком»⁹³. Скорее и точнее надо перевести это место как «какой-то вертопрах»⁹⁴, — император бывал в своих посланиях и резок, и груб, но никогда не унижал человека.

Тот, кто вообще много читал сочинения и переписку

93. Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2012. С. 102.

94. Napoleon Ier. C. Paris, 1864. Т. 11. P. 392.

Наполеона, должен был бы обратить внимание на то, что император часто бывал резок в оценках, когда его сподвижники или подчинённые допускали те или иные ошибки или терпели неудачу, которая расстраивала его замыслы или сводила на нет его успехи. Эта резкость есть негодование по поводу того, что провинившийся в данном случае оказался неталантлив. Будучи сам воплощением человеческой талантливости, энергии и гениальности, на которую может быть человек способен, хотя и не являясь образцом твёрдых нравственных принципов, так как предпочитал всегда морали успех, т.е. был закоренелым прагматиком, император негодовал в таком случае по поводу самого факта ошибки как проявления неталантливости. Наполеон, требуя всегда неукоснительного выполнения своих предписаний, как это ни парадоксально, искренне негодовал, если эти предписания исполнялись буквально тогда, когда конкретная ситуация, сложившаяся в силу целого ряда причин, которые он мог и не предвидеть, требовала нарушить его предписания, поступить самостоятельно, т.е. проявить талантливость. Он, будучи великим интуитивистом, желал, чтобы все его сподвижники и подчинённые были таковыми же, так как правильно и глубоко понимал, что война — это искусство, это ощущение командующим лицом постоянной изменчивости ситуации, о чём впоследствии великолепно скажет К. Клаузевиц⁹⁵.

Но, увы, его сподвижники и подчинённые далеко не в такой же мере обладали даром интуиции, на котором и строится военное искусство, как искусство тончайшего анализа сухих статистических выкладок рапортов и донесений. Основная масса военных (офицеров и генералов) — знатоки военного дела, реже военной науки и крайне редко несут в себе искру высокого военного искусства. Наверное, поэтому так мало великих полковод-

---

95. Клаузевиц К. О войне. М., 1934. С. 25 (глава 1, п. 21, абзац 3).

цев во всей истории войн и так много генералов, представляющих из себя скорее вид, чем выдающееся явление. Тот же Иохим Мюрат великолепен во время своей кавалерийской атаки при Прейсиш-Эйлау, когда в конкретике сражения он всеми фибрами своей наезднической души чувствует, что настало это единственное и великое «пора», и он же, командуя авангардом Великой армии в 1805-м, оказывается так посредственен, что,

Антуан Гро. Портрет Мюрата, короля Неаполя. 1812

получив неудовольствие от своего императора за амштетенское дело, медлит, медлит, как какой-нибудь австрийский рутинер, под Санкт-Пельтенем и... упускает победу, победу, может быть, всей кампании. Поистине постижение военного искусства надо строить не только на изучении побед, но и на исследовании промахов и неудач.

Как бы то ни было, но русская армия была спасена. А на следующий день, 11 ноября атаковала корпус маршала Мортье у Дюренштейна на подступах к Кремсу. Сражение, спланированное австрийским генералом Шмидтом, Кутузов провёл по австрийскому лекалу и выиграл далеко не блестяще: имея шестикратное превосходство в силах, русские раздробили и разбросали их и, хотя и сильно потрепали французов, но разгромить их не смогли, равно как и помешать ночью переправиться на правый берег Дуная.

Но главное было достигнуто: русская армия осталась цела и между нею и французами пролегал, казалось бы, непреодолимой преградой осенний Дунай. Поэтому-то 12

и 13 ноября русская армия оставалась в Кремсе и отдыхала; но именно 13 ноября французские полки, вступив в Вену, благодаря военной хитрости маршала Ж. Ланна, ген. Бертрана и их офицеров, захватили Таборский и Шпиц-кий мосты через Дунай, а русская армия снова оказалась в смертельной опасности.

Уже 14 ноября Наполеон двинул свои дивизии через великую реку на перехват армии Кутузова. Тот от своих шпионов уже 13-го знал о захвате мостов и в ночь на 14-е покинул Кремс. Он вёл свою армию на Цнайм, а оттуда в направлении на Брюнн (Брно), столицу Моравии. Этот маршрут был очень опасен, но позволял соединиться с армией Ф.Ф. Буксгевдена. Однако опасность была очень велика: можно было быть атакованным на

марше да ещё и во фланг, чаще всего это оборачивается катастрофой. Чтобы её избежать, русский полководец форсировал движение, одновременно он выставил в качестве заслона своей коммуникации и фланга отряд ген-майора кн. П.И. Багратиона, который продвинулся к 15 ноября до Шёнграбена, где и занял позицию. Утром того же 15-го появился авангард во главе с маршалом И. Мюратом, произошла авангардная стычка, после которой уже русские употребили военную хитрость: ген-адъют. Ф.Ф. Винцингероде пред-

*Денис Дайтон.
Князь Пётр Иванович Багратион.
1814*

ложил Мюрату капитуляцию ВСЕЙ русской армии, с тем чтобы она, если император Наполеон и М.И. Кутузов ратифицируют акт, могла спокойно уйти из Австрийской империи. А пока что приостановить военные действия. За спиной бар. Винцингероде стоял сам Кутузов. Иоахим Мюрат попался на эту уловку и согласился, послав текст «капитуляционного» соглашения своему императору. Весь день 15 ноября русская армия несколькими вёрстами севернее Шёнграбена проходила опасный отрезок пути совершенно беспрепятственно. Сам же Михаил Илларионович весьма хладнокровно отнёсся к тому, что происходило, он задержал ратификацию «капитуляции» на 20 часов, признаваясь в рапорте императору Александру I от 14 ноября, что поступил так, «не думая нимало оной подписывать»⁹⁶. Вот уже воистину на войне все средства хороши, но заведомая, да ещё и документированная ложь бросает тень на честь героя и дворянина.

Наполеон, получив это соглашение при рапорте Мюрата, был потрясён и крайне негодовал, он послал приказ своему маршалу немедленно по получении разорвать перемирие и атаковать. Адъютант императора прибыл в штаб Мюрата очевидно около 16 часов дня 16 ноября, атака началась около 17 часов, а к 18 часам уже стало совсем темно⁹⁷. Это обстоятельство спасло русские части арьергарда ген. Багратиона от гибели, но не от существенных потерь. Но главное было уже сделано: русская армия ушла. На следующий день, 17-го, император проехал по полю ночного боя, он был хмур: неприятель провёл его и ушёл из-под удара, компания продолжается. Но мало кто в войсках мог знать о ещё одном обстоятельстве его плохого настроения — он только что получил депешу о катастрофе при Трафальгаре. Все его усилия обесценивались

⁹⁶ Кутузов М.И. Сборник документов. М., 1950–1956. В 5 т. Т. II. С. 171. Текст «капитуляции» в русской редакции «предварительного перемирия» читай там же, с. 173.

⁹⁷ Соколов О.В. Аустерлиц. М., 2006. Т. 1. С. 267–269.

на глазах, а почти что выигранная война оборачивалась новыми серьёзнейшими испытаниями и увлекала его всё дальше и дальше от Франции.

Задавались ли вы, уважаемый читатель вопросом, а в чём, собственно, состоит искусство войны? В столкновении воли двух народов и двух стран к победе, выраженное в столкновении воли двух военных и государственных вождей⁹⁸, стоящих во главе них. А как реализуется это столкновение воли? Говоря сжато: побеждает тот, кто сумеет максимально сохранить свои силы, сжимая протяжённость времени для преодоления пространства в стремлении к той его точке, где можно будет нанести противнику удар такой силы, что он сокрушит его волю к продолжению борьбы. Поэтому-то все великие, и не очень, полководцы, планируя, начиная и ведя войну, стремятся уложить её в максимально короткие сроки. Они понимают либо чувствуют, что чем дольше война длится, тем больше непредвиденных препятствий встаёт на пути к её успешному завершению и может настать такой момент, когда очередное неожиданное препятствие повернёт до толе победоносное течение войны к противоположности, т.е. катастрофе и поражению. Итак, время и пространство — вот те две материи, к которым прилагает духовные и материальные усилия свои и своих войск настоящий полководец.

Ускользнувшая русская армия и погибший при Трафальгаре франко-испанский флот, при таком доселе невиданном и неиспытанном им удалении от Франции, заставляли Наполеона явственно ощущать опасность затягивания войны, опасность дальнейшего проникновения вглубь Австрийской империи. Заставляли ощутить, что общественное мнение и дух войск, потрясённых поражениями австрийцев и немцев, могут укрепиться сно-

⁹⁸ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 13–14. Думается, что это мнение справедливо и при ведении войн двух коалиций друг против друга, что показали нам Первая и Вторая мировые войны.

ва, не говоря уже о боевом духе русских войск, не испытывавших ещё настоящих поражений, а также о настроенных при прусском дворе и в прусской армии.

Трафальгар обесценил Ульм и взятие Вены, это почувствовалось уже в переписке с императором Францем II в дни середины ноября. А когда 19-го числа у Вишау армия Кутузова встретилась с авангардом Буксгевдена, ситуация для французского императора стала весьма проблематичной. Заслуга маститого генерала в этом была столь очевидна, что даже после аустерлицкого погрома император Александр, воздавая ему

Неизвестный художник. Генерал
Леонтий Леонтьевич Беннигсен.
Начало XIX века

должное за «ретираду от Браунау»⁹⁹, наградил полководца орденом Св. Равноапостольного Кн. Владимира 1-й степени, одной из высших наград империи.

Соотношение сил в этот момент очевидно составляло: у русских и австрийцев, с ними соединившихся под Ольмюцем, 70 тыс. пехоты и 16 тыс. кавалерии, через Силезию двигался корпус ген. Эссена, около 12 тыс., а через Польшу тем же маршрутом шёл корпус ген. Беннигсена — 18 тыс. человек. У императора Наполеона в окрестностях Брюнна (Брно) было около 50 тыс., но он предпринимал все усилия, чтобы подтянуть ещё ряд дивизий, что позволило ему иметь накануне битвы от 73 до 75 тыс. человек. У русских было 330 орудий, у французов 250. Император понимал, что атаковать позиции русских и австрийцев у

⁹⁹ Кутузов М.И. Указ. соч. С. 338.

Ольмюца нельзя, а не дать сражения и тем более не выиграть его он в сложившейся теперь, после Трафальгара, ситуации просто не мог. Значит, необходимо было заставить русских и австрийцев перейти в наступление, не дав им усилиться подходящими резервами, а тем более возможным вступлением в войну Пруссии и её 130-тыс. армии. Наполеон решил приложить все усилия, чтобы спровоцировать русских на переход в наступление.

Что же в это время происходило в нашей армии? Вскоре после соединения Кутузова с Буксгевденом в Ольмюц прибыла русская гвардия и император Александр со свитой. Князь Адам Чарторижский, управлявший тогда русской внешней политикой, оставил весьма ценные воспоминания об этом моменте: «Александр торопился приехать в Ольмюц, где его ожидал император Франц. Этот монарх старался утешить своих союзников, указывая на то, что ему уже приходилось переживать подобные бедствия, но он не поддался им.

Короткое пребывание в Ольмюце ушло на переговоры относительно предстоящих действий. Полковник Вейротер, назначенный начальником генерального штаба, провел с нами некоторое время в Пулавах и сумел приобрести большое влияние на образ мыслей Александра. Это был очень храбрый и сведущий в военном искусстве офицер, но, как и генерал Макк, слишком полагался на свои часто сложные комбинации и не допускал мысли, что они могут быть разрушены ловкостью врага»¹⁰⁰. Весьма неллицеприятную характеристику Вейротера оставил другой участник событий, гр. А.Ф. Ланжерон, родовитый французский аристократ, ещё со времен кн. Потёмкина служивший в русской армии: «Этот последний, сын берейтора одного из манежей Вены, имел очень сомнительный талант, но характер его не был таковым: жёсткий, грубый,

¹⁰⁰ Чарторыйский А.Ю. Мемуары князя Адама Чарторижского. М., 1912. Т. 1. С. 358.

высокого мнения о собственных заслугах, самолюбивый до крайности, он имел все недостатки выскочки. Вейротер не пользовался ни среди своих товарищей, ни среди соотечественников репутацией, которая оправдывала бы доверие к нему ...был одним из тех тёмных помощников, одним из тех выскочек, которые заражают австрийскую армию и которые, к ее великому вреду, имеют всегда в ней более доверия и приобретают более влияния, чем люди, достойные по своему рождению и воспитанию»¹⁰¹.

Итак, русский император оказался под влиянием энергичного австрийского офицера генерального штаба, проповедовавшего необходимость наступления на Наполеона, чьи силы он оценивал накануне сражения, по свидетельству Ланжерона: «Много, если он имеет 40 000 человек»¹⁰². Другим человеком, повлиявшим на решение наступать, был любимец императора, его генерал-адъютант, молодой кн. П.П. Долгорукий, о котором кн. Чарторижский пишет: «Пребывание в Ольмюце Вейротера и Долгорукова, пыл которого действовал заразительно на императора, немало способствовало его воодушевлению»¹⁰³. Наконец, третьим человеком, невольно содействовавшим тому, что русский самодержец решился атаковать, был граф Людвиг Кобенцль. Известный австрийский дипломат, вице-канцлер империи, он знал Александра ещё подростком, когда был послом при дворе Екатерины II, он был вхож в интимный, узкий круг императрицы, его отношения и с молодым императором были шире и глубже, чем официальные. Вот почему кн. Чарторижский посчитал встречу с ним последним толчком, сдвинувшим волю Александра I на путь действия: «Тем временем приехал граф Кобенцль. Он проронил несколько неосторожных фраз о том, что в трудные минуты монархам необ-

101. Ланжерон А.Ф. Записки графа Ланжерона о его седьмой кампании в Моравии и Венгрии в 1805 г. // Военный сборник. 1900. № 8. Приложение. С. 17.

102. Ланжерон А.Ф. Указ. соч. С. 24.

103. Чарторижский А.Ю. Указ. соч. С. 358–359.

ходимо становиться во главе войск. Император решил, что в этих словах заключается совет или, может быть, упрёк. Не обращая больше никакого внимания на наши советы, он не придавал значения нашим настоятельным указаниям на то, что его присутствие при армии лишит Кутузова возможности осторожно руководить действиями войск, *чего приходилось опасаться, в особенности ввиду робкого характера Кутузова и его привычек придворного*»¹⁰⁴ (курсив наш — Б.К.). Таким образом лгал Ш.-М. Талейран, писавший о причине этого поступка: «Император Александр, скучавший в Ольмюце и не видевший ещё ни одного сражения, захотел доставить себе это удовольствие»¹⁰⁵. Не скука и легкомыслие, а глубоко задетая честь толкнула русского самодержца на роковой шаг. Но почему же русский главнокомандующий, почему Кутузов не остановил его? Почему князь Адам пишет о «робости его характера» и о «его привычках придворного», что он имеет в виду? Всё дело в том, что это СЕГОДНЯ Михайло Илларионович Голенищев-Кутузов, спустя двести лет, светлейший князь Смоленский, генерал-фельдмаршал, спаситель Отечества и бронзовый памятник перед Казанским собором. Таков он для нас, живущих в сегодняшнем дне, не знающих его ЛИЧНО. Не таков был он для своих современников, которые тогда жили, видели его, слышали и имели дело с ним. Да, Михаил Илларионович был очень цельной личностью, но эта цельность не имела никакого отношения к такой эталонной личностной цельности, какой обладал великий Суворов. Это, к сожалению, Кутузов и продемонстрировал в роковые дни конца ноября 1805 г.

Он был продуктом той весьма неоднозначной моральной максимы, которую любила повторять Екатерина II: «Живи и жить давай другим». Среди своих современников он выделялся воинским талантом и необычайным

---

104. Там же. С. 359.

105. Талейран Ш.-М. Мемуары. М., 1959. С. 170.

умом, но именно благодаря этому «тончайшему разуму», как говорили современники, он рано понял жестокую житейскую истину, что карьера успешнее всего делается не на поле битвы, а на паркете Зимнего дворца, а ещё вернее, в приёмной императрицына фаворита. Неслучайно А.С. Пушкин в 1822 г. в своих «Заметках о русской истории XVIII века» писал: «Мы видели, каким образом Екатерина унизила дух дворянства. В этом деле ревностно помогали ей любимцы. Стоит напомнить... об обезьяне графа Зубова, о кофейнике князя Кутузова и проч. и проч.»¹⁰⁶ Поэт пишет о том, что было хорошо известно в петербургском обществе: маститый генерал, кавалер Орд. Св. Великомуч. Георгия 2-го класса (!), после успешного посольства в Стамбуле не погнушался по утрам собственноручно на кухне варить кофе по-турецки для презируемого всем благородным и просвещённым меньшинством дворянства и аристократии последнего фаворита государыни, наглого и ленивого кн. П.А. Зубова, мальчишки-карьериста, скакнувшего из офицеров кавалергардии в императрицыну опочивальню, а потом приносить ему кофейник на подносе прямо в постель. И ради чего? Чтобы получить освободившееся по смерти благородного гр. Ф. Ангальта место директора Сухопутного шляхетского (1-го кадетского) корпуса, которое было и почётно, и весьма доходно, ибо, заняв пост директора, Кутузов сумел отлично нажиться при продаже земельных участков в центре Санкт-Петербурга, корпусу принадлежавших. Неудивительно тогда, что кадеты старших классов, зная о его приспешничестве у презируемого фаворита, высунувшись из окон, кричали своему директору, садившемуся в карету, чтобы ехать к всеильному временщику: «Подлец, хвост Зубова!»¹⁰⁷ Генерал-директор не стал раздувать скандала, но, явившись к императрице, сумел добиться разрешения

¹⁰⁶ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в шести томах. М., 1950. Т. VI. С. 9.

¹⁰⁷ Глинка С.Н. Записки. СПб., 1895. С. 122.

немедленно выпустить воспитанников пятого возраста в офицеры, хотя до окончания курса наук им оставалось учиться ещё около двух лет¹⁰⁸. Шёл декабрь 1795 г.

Менее чем через год государыня умерла, летом 1797 г. М.И. Кутузов был назначен командиром Финляндской дивизии, а на его место генерал-директором — славный победитель Костюшки, генерал гр. И.Е. Ферзен, он-то и вскрыл злоупотребления, но стараниями вел. кн. Константина Павловича вся эта неблагоприятная история была замята¹⁰⁹, но грязноватый шлейф уже потянулся за видным генералом. Его карьера и в царствование «скоропостижного» Павла I развивалась успешно. В то время как А.В. Суворов за свою прямоту и резкость языка оказался в ссылке, в глуши новгородских лесов, Кутузов становился всё более придворным генералом и не отправился вместе с Суворовым на поля Италии и в горы Швейцарии. Но это не помешало ему в сентябре 1800 г. получить из рук государя орден Св. Ап. Андрея Первозванного за... искусно проведённые маневры. К слову сказать, бессмертный Суворов получил эту же высшую награду в октябре 1787 г. за блистательную победу над турками на Кинбургской косе, в которой он был дважды ранен и терял сознание. Воистину, орден один, а способы получить его разные. В последние месяцы жизни император Павел I особенно приблизил к себе Кутузова и тот получил почётное приглашение к императорскому ужину в Михайловский замок в роковой вечер 11 марта 1801 г.

И при новом государе всё вначале складывалось хорошо: именно Кутузова молодой император назначил на один из важнейших государственных постов — санкт-петербургского военного губернатора, вместо только что отправленного в опалу организатора государственного переворота гр. П.А. фон дер Палена. Через несколько дней

108. Гордин М.А. Владислав Озеров. Л., 1991. С. 50.

109. Комаровский Е.Ф. Записки графа Е.Ф. Комаровского. М., 1990. С. 44.

генерал стал членом Военной комиссии, а вскоре снова получил и Финляндскую дивизию. Так в руках Кутузова была сосредоточена большая административная и военная власть. Очевидно, новый государь приблизил его как одного из «екатерининских орлов». Однако действительно ли так уж был близок он к императору? Ведь тот хорошо знал о «подвигах» Кутузова на директорском посту и видел его приспособленчество при Павле I, а ведь все любимцы кн. Зубова были тогда наказаны. Как же Кутузов не только уцелел, но и возвысился? Ответ на этот вопрос напрашивался сам собою и вряд ли прибавлял уважения к генералу со стороны умеренного либерала, поклонника Руссо и чистоты человеческих нравов, каковым был в эту эпоху Александр I, как мы видели это из его писем, приведённых в предыдущей главе. Вскоре в Петербурге произошли одно за другим два события, ещё более отвратившие императора от Кутузова. Весною 1802 г. столица была потрясена ужасным и гадким преступлением: по приказанию вел. кн. цесаревича Константина была изнасилована г-жа Араужо, она умерла от этого насилия. По повелению государя М.И. Кутузов должен был расследовать это страшное дело, чтобы были «виновные открыты, несмотря на лица, звания и место их»¹¹⁰. И что же генерал-губернатор? Как пишет декабрист кн. С.Г. Волконский: «Это царское слово даёт очерк господствовавшей в эту эпоху — благонамеренности царской. Но, несмотря на вызов его, ничего не открыто, и преступные лица остались без должного взыскания. Царедворцы во все времена одинакового покроя»¹¹¹. Этот упрёк, брошенный в адрес Кутузова, очень долго шёл «из глубины сибирских руд» до нашего читателя.

Через несколько месяцев произошла история с поручиком Лейб-гвардии Семёновского полка А. Шубиным, который, то ли надеясь таким образом покрыть огромные

110. Волконский С.Г. Записки. Иркутск, 1991. С. 101.

111. Волконский С.Г. Указ. соч.

долги, то ли приобрести значительность в обществе, придумал, что есть заговор в пользу всё того же Константина Павловича с целью возвести его на престол, свергнув государя. Для большей достоверности Шубин инсценировал покушение на самого себя в Летнем саду. История эта наделала такого шума, что иностранные послы оповестили о ней своих государей, в том числе французский посол, ген. д'Эдувиль — Первого консула¹¹². Естественно, что раскрыть дело требовал уже престиж императора и государства. В этой сложной ситуации Кутузов не нашёл ничего лучше, как «сказаться больным»¹¹³. Это переполнило терпение Александра, и 20 августа 1802 г. он отрешил нашего героя от должности, а через несколько дней полиция изобличила Шубина в обмане, он был арестован и осужден¹¹⁴. Так как в обоих делах так или иначе фигурировало имя цесаревича Константина, то становится понятной «нерасторопность» М.И. Кутузова. Он должен был много потерять в глазах Александра I, памятуя, что писал о взглядах молодого государя один из умнейших и тончайших людей того времени, пьемонтский посол в России, гр. Ж. де Местр, обращаясь к своему королю 2 (14) февраля 1805 г.: «Видя сей азиатский двор, сего столь полновластного Императора, кто бы мог усомниться, что Ваше Величество будет иметь с его стороны самую твёрдую поддержку абсолютной монархии? На самом же деле всё наоборот: это Император-философ¹¹⁵ и, ежели позволительно так выразиться, философ утрированный. Екатерине II, хоть

112. ВПР. Указ. соч. Т. 1. С. 234, 236.

113. Комаровский Е.Ф. Указ. соч. С. 77–78.

114. Там же. С. 78–79.

115. Гр. де Местр хочет этим сказать, что Александр I воплощает в себе и своём правлении идеи французских философов-просветителей Вольтера, Монтескье и Дидро, воспринятые ими от английского политика и философа Болингброка, о просвещённом государе, или «короле-патриоте», как назвал его Болингброк. О государе, который, обладая неограниченной властью монарха, использует эту власть для блага подданных, заботясь об их просвещении, даруя им справедливые законы, пытаясь дать им гражданские права и уврачевать социальные язвы. Такого монарха на политическом языке 2-й половины XVIII в. и называли «философом».

и весьма самовластной, нравились до некоторой степени новые системы¹¹⁶: доказательством сему служит то, что она пыталась учредить в России Генеральные Штаты¹¹⁷; но ещё более она в этом смысле сделала, доверив воспитание Александра I республиканцу, который нисколько этого не скрывал. Лагарп¹¹⁸ оставил в его сердце неизгладимые черты, из коих и составилось то целое, что невозможно объяснить никакими силами, если не наблюдать Императора именно здесь. Всё, что окружает его, всё, что пользуется доверием, всё это исповедует новые идеи¹¹⁹. Новым идеям, идеям Негласного Комитета, идеям указа «о вольных хлебопашцах», идеям указа «о правах Сената» 8 сентября 1802 г., Михайло Илларионович никогда не сочувствовал, весь его жизненный опыт говорил ему, что общественная удача ничто без удачи личной, общественное благо ничего не стоит без личных благ. А свою удачу и благо, этот урок он усвоил твердо, можно добыть лишь при дворе, на «скользком» паркете Зимнего дворца, в приёмной фаворита или гостиной фаворитки. Но у Александра I, как назло, не было фаворитов и фавориток, подобных прежним царствованиям, и от этого бывалому «екатерининскому орлу» было теперь чрезвычайно неуютно именно в Зимнем дворце. Он не попал «в тон» нового царствования, ибо внутренне, ещё во времена Екатерины II, Просвещение принял только поверхностно, как

116. Граф имеет в виду то, что она разделяла частично идеи просветителей.

117. Генеральные Штаты — высший орган сословного представительства (дворянства, дворянства и горожан) действовал в XV–XVIII вв. во Франции, Нидерландах и ряде других стран Европы. Гр. де Местр в данном случае имеет в виду учреждение императрицей знаменитой Уложенной Комиссии, работавшей в 1767–1768 гг. над выработкой нового Уложения законов империи; Комиссия была своеобразной попыткой возродить в новых исторических условиях Земские Соборы XVI–XVII вв. И хотя она была неудачной, но продемонстрировала желание императрицы знать мнение свободных сословий и привлечь их к преобразованиям страны.

118. Ф.Ц. Лагарп, воспитатель юного вел. кн. Александра, в 1780-е гг. был убежденным последователем идей Ж.Ж. Руссо и в их духе воспитывал своего питомца, позднее покинул Россию и в 1790-е гг. принимал участие в революции на своей Родине, в Швейцарии. В 1814 г. Александр наградил своего наставника орд. Св. Ап. Андрея Первозванного.

119. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 50.

и большинство русского дворянства. Он точно знал, что перед государем надо склоняться низко, а перед его фаворитами ещё ниже и тогда тебя ждет успех. В 1802 г., да и в 1805-м требовалось уже нечто другое, что, может быть, и сам император Александр не мог точно объяснить, но уже прежние приёмы конца XVIII в. ему претили, он их тихо осуждал ещё при жизни бабки и в правление деспотичного отца. Теперь же, когда он сам воссел на трон, он жаждал утешать свою совесть, тяжело раненую 11 марта 1801 г. в Михайловском замке, воплощением в жизнь своих юношеских мечтаний о справедливости, духом новых идей, и поэтому ловкий придворный старой закалки Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов ему не нравился и доверя к нему он не испытывал.

Правда, оставался ещё генерал, герой штурма Измаила и победитель при Мачине¹²⁰, Кутузов, его-то, через два года после вышеописанной «конфузии в Петербурге», император вызвал снова к войскам, через год вверил ему Подольскую армию и теперь снова встретил после её тяжелейшего отступления в Ольмюце. Вот тут-то прекрасный генерал, отличный тактик и тонкий стратег, каким Михайло Илларионович действительно был, и этой его славы, и этого таланта мы у него никогда не отнимем, сразу же превратился, при одном взгляде на императора, в робкого и уступчивого придворного. Жизненный опыт, придворная вышколенность сразу же взяли своё, его духовная цельность, о которой мы говорили, оказалась на деле наличием двух противоположных и вредящих друг другу качеств. Видя, как император увлечен молодеческой бойкостью кн. Петра Долгорукого, предлагавшего очертя голову грянуть на «оробевшего» Бонапарта; видя, как государь воспринимает наукообразную заумность докладов Вейротера за глубину военной мысли, а его схоластиче-

---

120. В этом сражении летом 1791 г. М.И. Кутузов сыграл главную роль в разгроме армии великого визира, открывшем путь к миру с Турцией.

скую уверенность в «слабости» Наполеона — за полководческую доблесть и прорыв к битве и победе, Михайло Илларионович не нашёл ничего лучше, как стусеваться.

Он сделал на военном совете доклад о своем видении продолжения кампании: «Генерал Кутузов хотел, чтобы войска расположились по квартирам в деревнях в окрестностях Ольмюца, но с тем, чтобы их можно было сосредоточить на позиции в Ольшау¹²¹ в 24 часа», — пишет в своих воспоминаниях гр. Ланжерон¹²². Но отстаивать своего мнения перед Александром I не стал, видя, как тот расположен к Вейротеру и Долгорукову, и понимая, что «петербургский шлейф», за ним тянувшийся, тут же всплывет в памяти государя и тогда отстаивание своей точки зрения лишь только ещё больше навредит ему в мнении императора. И вот тогда-то он совершил то, что спустя много лет декабрист М.А. Фонвизин характеризовал очень точно: «Наш главнокомандующий из человекоугодничества согласился приводить в исполнение чужие мысли, которые в душе своей не одобрял»¹²³.

С этого момента он взял на себя часть ответственности за то, что вскоре произойдет, ответственности, которую до этого несли Долгорукий, Вейротер и, конечно, русский государь. Именно это и поставили Кутузову в вину спустя век русские военные историки, когда анализировали причины наших военных неудач, предвидя военные испытания в наступившем XX столетии: «И, тем не менее — австрийцам, а не Кутузову вверена была судьба армии. Почему Кутузов был поставлен в такое ужасное положение? Почему он примирился с выпавшей теперь на его долю ролью номинального главнокомандующего, имя которого покрывало соображения австрийского генерал-квартирмейстера штаба?.. Кутузов, быть может, наде-

121. Позиция, занятая Буксгевденом за милю до Ольмюца и ставшая в эти дни позицией для всей русской армии. Ланжерон А.Ф. Указ. соч. С. 14–15.

122. Там же. С. 16.

123. Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Ч. 2. Иркутск, 1982. С. 153.

ялся хитростью добиться того, что считал он необходимостью, и добиваться чего открыто у него теперь не хватило гражданского мужества»¹²⁴. Тот самый упрёк они обратили к нему и по поводу его пассивного сопротивления диспозиции к сражению при Аустерлице, составленной Вейротером: «...а Кутузов снова очутился в самом жалком положении — и на этот раз у него не хватило гражданского мужества доложить всю правду Государю, да и нельзя утверждать, чтобы такой доклад имел бы успех, если бы даже Кутузов его и сделал»¹²⁵.

Увы, всего мужества у полководца хватило, лишь чтобы поступить, как истинный придворный: «Накануне сражения, за час до полуночи, генерал Кутузов, из робости уступивший Императору, явился к обер-гофмаршалу Толстому и просил его использовать свое влияние, дабы предотвратить неизбежное по всем признакам поражение. Толстой осердился и сказал, что его дело — пулярки и вино, а войной должны заниматься генералы, — вот так началась битва!»¹²⁶ Этот эпизод, описанный гр. Ж. де Местром в письме от 10 (22) марта 1806-го, сообщил пьемонтскому послу сам гофмаршал гр. Н.А. Толстой. Не я, скромный историк, уважаемый читатель, лучшие умы генерального штаба вынесли этому поведению свой приговор в конце XIX и начале XX вв., им слово.

Начальника академии генерального штаба, генерал-адъютант, крупнейший наш военный теоретик Г.А. Леер: «... не в недостатке искусства можно винить Кутузова за Аустерлиц (что ещё лучше подтверждают его действия в 1811 г. в Турции (Рушук)¹²⁷, и в 1812 г.) и не в недостатке боевого мужества, доказанного им личным участием в сражении и полученной раной, но под Аустерлицем ему недоставало гражданского мужества сказать всю исти-

124. Русский биографический словарь (РБС). Т. 9. СПб., 1903. С. 650.

125. РБС. Там же. С. 652.

126. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 63.

127. Рушукская операция летом-осенью 1811 г. привела к окружению и пленению армии великого визиря и заключению мира с Турцией в мае 1811 г.

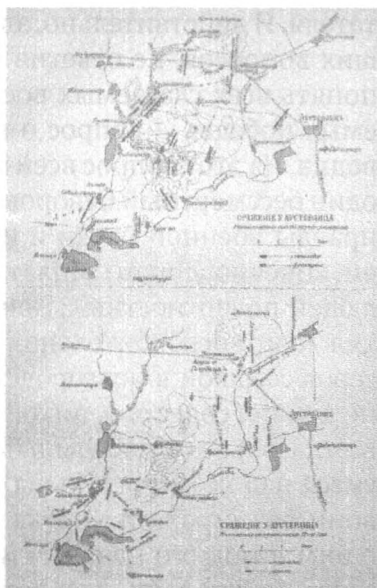

ну юному императору с тем, чтоб с этим предупредить одно из величайших бедствий для Отечества (чем и объясняется охлаждение государя к Кутузову до 1812 г.).

Такова личная вина, вина большая Кутузова. Во всем же остальном виновато то фальшивое положение, которое обратило его в главнокомандующего безвластного и бесправного»¹²⁸.

Генерал-лейтенант, профессор Академии генерального штаба А.И. Гейсман: «Один Кутузов понимал обстановку и, по-видимому предвидел поражение, но он не мог поправить дела, ибо его не слушали. Он должен был бы, может быть, прямо указать Императору очевидную неизбежность неудачи — он этого не сделал, быть может предполагая, что его не послушают, и не имел достаточно гражданского мужества решиться тем не менее на это, чтобы вывести Государя из его заблуждения. Это ему долго простить не мог император Александр I, считавший его чуть не главным виновником неудачи.

Во всю Аустерлицкую операцию Кутузов находился в положении, недостойном главнокомандующего, и то обстоятельство, что он примирился с этой ролью, не говорит в его пользу»¹²⁹. Естественно, что в советское время эти суждения были изъяты из научного обихода, и сегодня мы возвращаем их для размышления вдумчивого чи-

*Карта сражения
при Аустерлице*

128. Леер Г.А. Подробный конспект войны 1805 года. Аустерлицкая операция. СПб., 1888. С. 57–58.

129. РБС. Указ. соч. С. 654.

тателя. И действительно, здесь затронут один из главнейших вопросов, не ответив на который, нельзя подлинно понять всех слагаемых военного искусства и всех слагаемых победы, — вопрос о гражданском мужестве полководца. На этот вопрос всей своей жизнью дал ответ только один бессмертный Суворов, который никогда не предавал правды военной науки и искусства ради выгод карьеры, он, конечно, дорого заплатил за это: одиночеством среди людей поверхностных, придворных и карьерных; заплатил за это оскорбительной для достоинства дворянина и героя ссылкой в новгородскую деревню; но зато никогда не кривил совестью, никогда не губил русскую армию, но всегда вел её от победы к победе и поэтому и сегодня высится над всеми остальными нашими полководцами как воин без страха и упрека. Кутузов долго служил рядом с ним и под его началом и многому научился у него, но этого, может быть, главного урока, увы, не усвоил. И поэтому-то в самый кровавый час Аустерлицкого сражения именно имя Суворова вспомнили ветераны его походов, стоя под французским огнем. Илья Осипович Поладичев, солдат Бутырского пехотного полка: «Неприятель хорошо маневрировал, о! Хорошо, не хуже Суворова! Тут в деле все солдаты говорили: был бы Суворов, так этого бы не было! Нет нашего батюшки Суворова!»¹³⁰

Мы не будем пересказывать хода сражения при Аустерлице, он хорошо известен, но для осмысления событий 1812 г. очень важно прояснить, как вели себя в этот грозный час оба русских главных героя нашего повествования. М.И. Кутузов, оставаясь главнокомандующим армией, фактически не отдавая приказаний начавшим исполнять диспозицию Вейротера колоннам русской армии, сам предпочёл находиться при 4-й колонне, которой командовал ген-лейт. М.А. Милорадович. Конечно, своё местонахождение он выбрал неслучайно — это был центр

---

130. Воспоминания суворовского солдата. Аустерлиц. СПб., 1901. С. 14.

*Б.П. Виллевальде. Подвиг конного полка
в сражении при Аустерлице в 1805 году. 1884*

позиции, это было Праценское плато — ключ к позиции. Маститый генерал фактически с 7 до 9 утра нарушал диспозицию, не подавая приказа спускаться вниз, рискуя тем самым дать левому флангу союзников, который под командованием гр. Ф.Ф. Буксгевдена уже почти два часа совершал обход правого фланга французов, оторваться от стоящего на месте центра. Кутузов понимал это, но, видимо, не находил в себе сил отдать приказ, с которым был абсолютно не согласен и опасность которого, очевидно, видел. Но рано или поздно должно было произойти событие, которое заставило бы его подвинуться вперед: прибытие самого государя либо его категорический приказ. Но пока ни того, ни другого не происходило, и Кутузов не двигался с места. Может быть, он надеялся, что вот-вот выявятся подлинное расположение противника и концентрация его сил, ибо французская сторона поля битвы и низины были

укутаны туманом, и тогда его промедление спасёт армию. Кто знает? Сам полководец никогда и никому не объяснял потом своего поведения в эти два часа.

Но вот неизбежное произошло: около 9 утра прибыли императоры Александр I и Франц в сопровождении свиты военных и гражданских советников. Гром приветственного «Ура!» встречал государя. «Ну что, Михайло Ларионович, — обратился он к Кутузову, — как вы полагаете, дело пойдёт хорошо?» Кутузов поклонился с улыбкой: «Кто может сомневаться в победе под предводительством вашего величества!» — «Нет, нет, — возразил император, — командуете вы. Я только зритель». Кутузов вновь поклонился — уже без улыбки¹³¹. После этого произошло то, чего и следовало ожидать: император предложил начать наступление, эта сцена описана А.И. Михайловским-Данилевским¹³² и дословно воспроизведена Л.Н. Толстым в I томе «Войны и мира», и значит, должна быть знакома читателю со школьной скамьи. Оба историка: и Михайловский-Данилевский, и Н.И. Шильдер — завершают эту беседу одной и той же фразой «Приказание¹³³ было отдано». Так Кутузов отдал роковой приказ, повинуясь воле государя, и снова взял свою долю ответственности за последующее на себя.

Меж тем, Наполеон в этот самый момент, в отличие от Кутузова, наконец, дождался рассеивания тумана и ярких лучей вставшего над горизонтом солнца. Оно осветило ему пленительнейшую из всех возможных для взора полководца картин: противник САМ покидает господствующие высоты в центре позиции, можно атаковать! Но император ко всем своим талантам обладал ещё и чувством мгновения, он удержал пылкого Сульта, желавше-

131. Шильдер Н.И. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 2. С. 139.

132. Михайловский-Данилевский А.И. Описание первой войны Императора Александра с Наполеоном в 1805 г. СПб., 1844. С. 182.

133. Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 182; Шильдер Н.И. Указ. соч. С. 140.

го атаковать немедленно, он выждал ещё четверть часа, чтобы русские окончательно сунули голову в пасть льва. А они всё шли и шли вперёд, ибо не могли видеть искусно спрятанные за вершинами холмов головы французских колонн среди расстилающегося тумана. Но, наконец, миг, избранный для удара императором, настал и дивизии генералов Сент-Илера и Вандамма под общим командованием маршала Сульта двинулись на врага.

Интереснейшую зарисовку происходившего оставил нам находившийся в свите Александра кн. Адам Чарторижский: «Когда мы прибыли к этому месту, я оглянулся кругом и увидел большую равнину. Колонна австрийской пехоты¹³⁴, показавшаяся мне малонадежной, готовилась стать в боевой порядок. Тревога виднелась на лицах австрийского генерала, офицеров и даже солдат; одни только артиллерийские офицеры не поддавались общему угнетенному настроению и выражали безусловную веру в действие своих пушек... Вдруг мы увидели французские колонны, быстро мчавшиеся вперёд и отбрасывавшие выставленные против них отряды. Когда я увидел быстроту, с которой мчались французские войска, я почувствовал в этом плохое предзнаменование для исхода этого дня. Император был тяжело поражен быстротою их движения, произведшего настоящую панику в австрийских рядах... Минуту спустя стали кричать, что необходимо подумать о безопасности императора. Каждый поворачивал свою лошадь и бросался скакать, куда попало. Я последовал примеру других...»¹³⁵

Именно это место позволило академику Е.В.Тарле в его монографии «Наполеон» написать: «Императоры Франц и Александр бежали с поля битвы ещё задолго до окончательной катастрофы. Их свита бежала враспыленную, бросив обоих монархов по дороге, монархи тоже убежали

¹³⁴. Пехоты (фр.).

¹³⁵. Чарторыйский А.Ю. Указ. соч. С. 362.

с поля сражения...»¹³⁶ Мягко говоря, это было не так. Сам князь Адам, вспоминая о своём передвижении по полям сражения, писал: «По счастливой случайности мне удалось находить императора в различных пунктах, куда он попеременно являлся; он часто посылал меня вперед, чтобы видеть, что там делалось»¹³⁷. Граф А.Ф. Ланжерон, сам участвовав в бою, отметил: «Напрасно Кутузов со своей свитой, Император Александр и его адъютанты делали всё, что могли, чтобы исправить столь ужасное поражение, которое в сущности было неисправимо, и восстановить порядок в войсках; им не удалось этого достичь. Император кричал солдатам: “Я с вами. Я подвергаюсь той же опасности, стой!” — всё было бесполезно: неожиданность и панический страх, бывший её результатом, заставили всех потерять голову»¹³⁸. Сколь долго император пробыл под огнем? Тот же граф Ланжерон считал ген. М.А. Милорадовича одним из главных виновников поражения 4-й колонны и следующим своим, весьма ядовитым пассажем даёт представление о том, что это пребывание было достаточно продолжительным: «Милорадович был очень умён, он чувствовал свою ошибку и сделал всё, что надобно было, чтобы выказаться перед Императором. Он был на великолепной скаковой английской лошади, скакал галопом по фронту; ездил взад и вперед под градом пуль и снарядов самым смелым образом; он кричал, клялся, ругал солдат и держался всё время между ними и противником. Император был убеждён более чем когда-либо, что Милорадович герой»¹³⁹. Надо отметить, что и М.И. Кутузов так же был недоволен Милорадовичем при Аустерлице и поэтому в ответ на просьбу генерала засвидетельствовать его мужество в рапорте на имя государя ответил Милорадовичу, что он этого делать не стал, ибо император Александр и так

136. Тарле Е.В. Указ. соч. Т.VII. М., 1959. С. 159.

137. Чарторыйский А.Ю. Указ. соч.

138. Ланжерон А.Ф. Указ. соч. № 11. Прилож. С. 35–36.

139. Там же. С. 36.

это видел собственными глазами¹⁴⁰. Таким образом, оба эти свидетельства говорят, что Александр I находился под огнём долго, и отнюдь не как августейший зритель. Ещё одно свидетельство этого оставил нам И.С. Жиркевич, произведённый в сентябре 1805 г., как один из лучших учеников Сухопутного шляхетского корпуса, во 2-ю легкую роту Л.-гв. артиллерийского б-на и догонявший его уже на походе в австрийских владениях. Аустерлиц был для него первым боем в жизни. Его батарея занимала интервалы между батальонами Л.-гв. Семёновского и Преображенского полков на их фланге. Когда гвардейцев перекинули на левый фланг их построения, для атаки Блазовца, то легкая рота осталась без прикрытия¹⁴¹. Когда же спустя некоторое время показалась французская конница, решено было батарею уводить, чтобы не потерять. Далее произошло следующее: «В это время взорвало один ящик¹⁴², пошла суматоха, но кое-как успокоились и собрались. Отойдя саженей сто или более, потянулись по гати к мельнице в одну струну левым флангом. Передними орудиями командовал поручик Базилевич; вдруг слышим его команду: “Стой! Стой! С передков долой! Передки крутом! Назад поезжай!” Сделалась ужасная суматоха. В это время приезжает верхом государь, при нём были князь Волконский, Долгорукий и барон Винценгероде; все они пробираются между орудиями, а государь говорит солдатам: “Не годится, ребята, не годится идти назад: вперёд — опять вперёд! Нехорошо!” И с этими словами поехал далее, но, доехав до середины батареи, государь поскакал назад, сказав: “Поворотить опять назад! Ступай, куда шли!” В конце батареи были австрийцы, и они уже находились под палашами французской конницы. Мы же, потянувшись через гать, на правом возвышенном берегу стали выстраиваться»¹⁴³.

140. Кутузов М.И. Указ. соч. С. 296.

141. Жиркевич И.С. Записки. Русская старина. 1874. Т. 9. № 2. С. 218–221.

142. Зарядный ящик.

143. Жиркевич И.С. Указ. соч. С. 218–221.

Таким образом, мы видим, что император постоянно перемещался вдоль линии войск 4-й колонны и гвардии, он действительно лично пытался остановить отступление отдельных частей, но было уже поздно. Конечно, можно бросить ему упрек в том, что он сам не помчался под клинки французов, но ведь у государя, говорят, есть и несколько иные задачи. Да и от того, что он с тремя своими генерал-адъютантами погиб бы или был бы пленен, общая ситуация ведь стала бы только ещё хуже и для русской армии, и для России. Во всяком случае трусость, а именно на неё намекал в 1936 г., когда издал своего «Наполеона», акад. Е.В. Тарле, места не имела. Зато он длительное время пробыл под огнём неприятеля.

Свидетельств о поведении Кутузова современники, за исключением А.Ф. Ланжерона, нам не оставили. Но в его личной храбрости никто и никогда не сомневается и не сомневался. Он пытался остановить бегство 4-й колонны, он был по касательной ранен пулей в щёку, и Александр I, кстати, узнав об этом под огнем, прислал к генералу тут же лейб-медика Я. Виллие, находившегося безотлучно при государе. Но это и всё, что можно серьёзно и аргументированно сказать о роли маститого военачальника в ходе сражения. Мы констатируем, что он потерял управление войсками и не мог его восстановить. Однако генерал тут же был жестоко наказан судьбою за свою «придворную выправку»: у него на глазах погиб его любимый зять, гр. Ф.И. Тизенгаузен, флигель-адъютант императора, одаренный и мужественный офицер, в котором Кутузов, никогда не имевший сына¹⁴⁴, мечтал обрести достойную замену такового. И эта потеря была Кутузову так же тяжела и горька, как и проигрыш Аустерлицкого сражения.

А что же император Александр? Как были оценены его поведение и его поражение при Аустерлице в тот час, ког-

¹⁴⁴ Точнее, его единственный сын умер годовалым от оспы, зато судьба посала ему пятерых дочерей.

да оно свершилось? Стремясь оценить поступки государей, мы всегда впадаем в ошибочность оценки, ибо судим их и судим о них, либо прикладывая к ним мерку, предназначенную для обычного человека, либо воздвигаем меру, нужную для оценки гения. И потому всегда, почти всегда, ошибаемся, и когда восхищаемся им, а он всего лишь просто превзошел меру обычную, и когда негодуем и порицаем его, а ведь он всего-навсего не достиг размера гиганта, т.е. того, кого никогда не существует в природе.

Чтобы оценить, и оценить по достоинству, постарайтесь понять его, а для этого войдите в его дом, войдите в Зимний дворец. Мысленно уберите из него толпы туристов, уберите тысячи картин, отсутствовавших там, на его стенах, при жизни нашего героя. Пройдите, пройдите по опустевшим коридорам, наполните гулом своих одиноких шагов эти, ставшие вдруг необычайно огромными парадные залы, и вы почувствуете главное внутреннее наполнение огромного трёхэтажного здания — ледяной сквозняк и космическое одиночество его хозяина. Легко ли оставаться здесь ЧЕЛОВЕКОМ, можно ли стать тут ГИГАНТОМ? А потом спросите самого себя: а ты-то, брат, каков? И если сможете дать честный ответ о самом себе, что ж, тогда оцените и государя.

Я же, скромный автор, сошлюсь на оценку того современника, который своим тонким умом, глубоким анализом и острой наблюдательностью превосходил многих и многих из живших тогда в Санкт-Петербурге. На человека, оставившего память о себе своими философскими и политическими трактатами, на того, чья значимость признана за эти двести лет учёным сообществом. Сошлюсь на иностранца, который мог быть и был беспристрастен в силу своего положения: на посла, изгнанного из своих владений короля пьемонтского, на графа Жозефа де Местра, чьи тонкие замечания я уже не раз приводил в своём рассказе. Граф де Местр имел все основания быть недо-

вольным императором Александром и порицать его за поражение при Аустерлице, ибо оно похоронило все надежды на возвращение его владыки в Пьемонт¹⁴⁵.

Что же пишет он своим корреспондентам по горячим следам катастрофы: «...мы пропали, и смертельный удар нанесён нам российским Императором. На сего доброго и превосходного монарха нашла дурная минута: по совету молодых своих царедворцев и вопреки мнению генералов и министров он дал 2 декабря генеральную баталию и проиграл оную. Это непоправимая беда: может быть, сохранились бы ещё надежды, если бы он оставался во главе своей армии, однако, скоропостижно возвратившись в столицу, он потерял всё. Пал престиж русского оружия в Европе, и надо всем воспарили французские орлы; потери в людях одинаковы, но люди сами по себе ничто, главное — следствие». 28 декабря 1805-го (10 января 1806-го)¹⁴⁶. «Это какое-то чудо, какое-то колдовство... Этому нет даже названия, и чем больше думаешь, тем меньше понимаешь что-либо. Как мог мудрейший и человеколюбивейший Государь, столь утрированно не доверяющий собственным суждениям (а что может быть страннее сего!), так вот, повторяю, как такой Государь решился дать сражение противу мнения всех своих генералов и последовал советам кучки молодых царедворцев? Но ведь именно это мы только что и видели... Промедление давало лишь выгоду, но нет, надобно было скорее драться. И они сразились; с каким успехом, вы знаете теперь сами!.. Но что говорить! Никогда не перестану я любить его! Общество отдало справедливость намерениям Государя и встретило его, можно сказать, с обожанием. И что для России одно проигранное вне её пределов сражение?.. Но это... было бы вполне справедливо в обычное время. Ныне же общественное мнение, как и всё прочее, сдела-

145. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 60.

146. Там же. С. 59–60.

лось ни на что не похожим. Аустерлицкое сражение — это Канны¹⁴⁷, и здесь говорят, что Ганнибал у ворот...»^{148, 149} 19 (31) января 1806 г. И, наконец, самая развёрнутая характеристика: «Недавно появился указ, в котором Его Императорское Величество благодарит сынов отечества за понесённые труды, откровенно объясняя, что благодарность Государя зависит от услуг отечеству. Слово же, отечество, повторяется раз пять-шесть в пяти или шести строках... Весьма удивительно... — Его Императорское Величество в глубине сердца предпочитает республиканский образ правления как более законный, нежели полученное им по наследству самодержавие. Он превыше меры обласкал единственных ныне в свете республиканцев, приехавших сюда из Америки¹⁵⁰. По-видимому, воспитание Его Величества оставило неизгладимые черты, прусская система унесла царственный ореол, и это в стране, которая меньше всего может без сего обходиться... Сердце у него как нельзя более прямое и честное. Такие люди, как мы, превозносили бы его до небес; здесь же находят удовольствие в том, чтобы ставить ему подножки... Вы не представляете себе, какие он предпринимает предосторожности, чтобы не быть обманутым и не поддаться страстям окружающих его людей. Когда я думаю, что он был воспитан учителем на одной лишь философии XVIII века и отцом, не показы-

147. В битве при Каннах 2 августа 216 г. до н.э. карфагенский полководец Ганнибал Барка практически уничтожил консульскую армию римлян на юго-востоке Италии и на время переломил ход Второй Пунической войны в пользу Карфагена. Де Местр хочет сказать, что современники преувеличивают значение Аустерлица и борьба с Наполеоном может и должна быть продолжена, так же как и римляне продолжили борьбу с Ганнибалом после поражения при Каннах.

148. Это иронический каламбур: римское изречение «Ганнибал у ворот!» (Annibal antre porte) относится к 211 г. до н.э., когда, спасая осаждённую римлянами Капую, Ганнибал устремился к Риму, надеясь отвлечь туда и римскую армию от Капуи. Римляне были напуганы известием о нашествии, первоначально метались по улицам, выкрикивая: «Ганнибал у ворот». Впоследствии это превратилось в изречение, употребляемое как призыв отразить смертельную опасность. Граф де Местр тут иронизирует над излишней впечатлительностью светского общества, ибо от Аустерлица до границ России, не говоря уже о Санкт-Петербурге, слишком далеко и оснований для уныния нет.

149. Местр Ж де. Указ. соч. С. 61–62.

150. Имеется в виду приём, оказанный представителю США в Санкт-Петербурге Д.Р. Пуансе.

вавшим ему ничего, кроме гвардейской казармы, и вижу, кем он стал теперь, мне хочется целовать его колени и называть Отцом Нации...»¹⁵¹ 9 (21) марта 1807 г.

Конечно же, можно возразить, что обычно в таких случаях и делается при оценке личности Александра I, мол, император был великолепный актёр и умел производить впечатление на публику, тем более иностранную, оставаясь в глубине души обычным деспотом, которого, однако, сумели раскусить русские современники. Что же, приведём тогда мнение русского, мнение одного из виднейших ...декабристов, кн. С.Г. Волконского, мнение, высказанное им уже на склоне лет, в 1859 г., когда он уже вернулся из ссылки, когда уже давно позади были и арест, и смертный приговор (отсечение головы), и годы каторги и ссылки в Сибири. Когда страсти понемногу улеглись и оценки стали взвешеннее и точнее.

Мы обратимся к оценке императора Александра, относящейся к его поведению в связи с гибелью мадам Араужо, о которой мы уже рассказывали в связи с моральным обликом М.И. Кутузова. Вот что пишет кн. С.Г. Волконский: «Подробности этого происшествия так гадки, что не ложатся под моё перо, и, если я упоминаю об этом происшествии, это только чтоб обратить внимание на последовавший по сему делу рескрипт государя к бывшему Санкт-Петербургскому генерал-губернатору Михаилу Илларионовичу Голенищеву-Кутузову, в котором было, сколько помню, сказано, “что обстоятельства этого дела должны быть строго обследованы и виновные открыты, несмотря на лица, звания и место их”. Это царское слово даёт очерк господствовавшей в эту эпоху благонамеренности царской. Но, несмотря на вызов его, ничего не открыто и преступные лица остались без должного взыскания. Царедворцы во все времена одинакового покроя»¹⁵².

151. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 79–80.

152. Волконский С.Г. Указ. соч. С. 101.

Я надеюсь, что вы, мой дорогой читатель, прочтя это мнение князя Волконского, вернулись к оценкам графа де Местра и перечли их снова. Согласитесь, что нравственно они совпадают, оба столь разных автора одинаково сходятся, описывая духовный настрой молодого Александра — «благонамеренность» и отмечая противодействие окружения: «находят удовольствие в том, чтобы ставить подножки» — «царедворцы во все времена одинакового покроя».

Итак, дворянское общественное мнение потрясено поражением при Аустерлице, но император Александр не изменил себе и своим «благонамеренным» идеалам, подвигшим его на либеральные реформы 1801–1805 гг. Нравственно он ещё не пошатнулся, но как государь он должен был думать о сегодняшнем дне и о будущем России. Выгода сегодняшнего дня толкала на заключение мира с Францией, он должен был избавить страну от дальнейших военных трат, а армию от гибели десятков тысяч солдат при весьма гадательном исходе борьбы. Должны были бы сократиться рекрутские наборы, десятки тысяч мужиков и городских парней не были бы вырваны из лона семьи, женились бы, жёны нарожали бы тысячи и тысячи ребятишек и жизнь, мирная жизнь текла бы своим чередом, тихим, тёплым и неторопливым, как июльский вечер, опустившийся над деревенской околицей. Да ведь и император Наполеон явно стремился к тому же: он не преследовал русскую армию после Аустерлица,

В. Л. Боровиковский. Князь Н. Г. Репнин-Волконский. 1806

довольно быстро вернул тех немногих русских солдат, что оказались в его руках. Так, может, будем мириться?

Почему же и нет? Вот ведь и Англия подумывает о том же. Действительно, поражение русской армии при Аустерлице убило тяжело больного, слабеющего на глазах премьер-министра Уильяма Питта-младшего. Этот непримиримый враг Франции и её Великой революции был поражен в самое сердце военной катастрофой в далёкой Моравии. Все последние недели своей жизни он сохранял тот унылый вид, который знаменитый парламентский оратор Уильберфорс называл «взглядом Аустерлица». Но, что интересно, его собеседником в эти последние дни был молодой генерал Артур Уэлсли, будущий герцог Веллингтон, победитель при Ватерлоо! Питт скончался 23 января 1806 г., и новое правительство сформировали либералы — виги, во главе со своим лидером Фоксом, приславшим в Париж для переговоров лорда Ярмута. Это было в марте. Итак, России тоже стоит примириться с императором Наполеоном?

Но был и другой настораживающий пример: Австрийская империя. Победённый окончательно при Аустерлице её император Франц II уже через два дня встретился с французскими цезарем и заключил перемирие, а 26 декабря в Пресбурге (Братислава) был подписан мир. Габсбурги теряли свои наследственные земли в германской Швабии, Тироле, Венецию, Далмацию и многое другое, признавали присоединение к Франции Пьемонта, Генуи и многого другого в Италии. Они тут же, молча, проглотили изгнание дома Бурбонов с трона Неаполя, а в марте 1806 г. точно так же промолчали, когда Наполеон сделал маршала Мюрата герцогом Берга и Клеве на западе Германии, а маршала Бертье — князем Невшательским. Это означало конец Священной Римской империи германской нации, т.е. прекращение её императорского достоинства в доме Габсбургов, а следовательно, «прекращение» Австрий-

ской империи как великой державы, влияющей на дела Европы и мира. Так что же, России тоже надо мириться с Наполеоном, императором Франции и властелином половины Европы? Но какое тогда будущее ждет Российской империю, каким окажется будущее её достоинства, о котором ещё три года назад так пёкся Александр? Снова вопросы сохранения великодержавности встали перед ним, как вопросы будущего России.

Фактически в конце февраля 1806 г. Россия осталась один на один с Наполеоном: 26-го числа этого месяца король Пруссии ратифицировал договор о союзе с Францией. Но в этот же день он отправил письмо в Санкт-Петербург с клятвами верности русскому императору. Это было первым сигналом, что ещё не всё потеряно, и уже 30 марта был заключен тайный союз. Но так как англичане активно вели мирные переговоры, а австрийцы глотали одну пощёчину за другой, а договор с пруссаками был тайным, а память о том, как сразу же после Аустерлица их посланник Гаугвиц вместо того, чтобы предъявить Наполеону привезенный им ультиматум, униженно поздравлял императора с победой и тут же уселся с ним за стол переговоров, была ещё свежа, то и русский император дал понять, что не исключает возможности достичь мирного соглашения. Ведь и ему дорога кровь его подданных.

И вот уже в мае в Париж для переговоров выехал русский дипломат П.Я. Убри, официально для переговоров по частному вопросу о судьбе города Каттаро, находившегося в русской протекции, на Адриатическом побережье, а на самом деле для зондажа ситуации на мирных англо-французских переговорах. Полномочия русского дипломата были ограничены и неопределенны¹⁵³. Талейран, который в своих мемуарах отделался от этого эпизода одной туманной фразой¹⁵⁴, сначала сам вёл перего-

153. СБИРИО. Т. 82. С. 362–364, 366–386.

154. Талейран Ш.-М. Указ. соч. С. 174.

*Василий Кондратьевич Сазонов.
Граф Николай Румянцев.
1810-е гг.*

воры с Убри, но, когда понял, что это скорее зондаж, чем серьёзный договор, передоверил завершение переговоров ген. Кларку, чтобы не нести ответственности, если русский царь откажется его ратифицировать. Приехав в Париж 6 июля, Убри уже 20-го заключил мирный трактат на свой страх и риск. Хотя первая статья договора и устанавливала мир между двумя империями на вечные времена, но преимуществ больше получала Франция¹⁵⁵. По-

этому-то Наполеон уже через 6 часов после подписания соглашения ратифицировал его. Но параллельно с переговорами в Париже велись тайные сношения С.-Петербурга и Берлина, завершившиеся секретными декларациями 1 и 24 июля на случай, если договориться с Францией всё-таки не удастся. Между тем переговоры лорда Лаудердаля, сменившего Ярмута, зашли в тупик и возможность мира была сорвана. Шёл уже август 1806 г. Убри привёз текст договора в Санкт-Петербург, и император Александр собрал закрытое заседание Государственного Совета. Приглашенные на него кн. А.Б. Куракин, М.И. Голенищев-Кутузов¹⁵⁶ и гр. Н.П. Румянцев высказались за утверждение договора, считая, что он позволит без особого ущерба избавиться от войны, к которой страна ещё

¹⁵⁵ ВПР. Т. 3. С. 231–234.

¹⁵⁶ Пусть читатель обратит внимание на совет Кутузова: по мнению автора, этот факт говорит, что император считал мнение полководца достаточно профессиональным после Аустерлица, раз пригласил его на столь важное совещание.

не готова. Остальные члены Совета высказались против ратификации. Такая их позиция открывала двери к новой русско-французской войне, которая становилась тем вероятнее, что 13 сентября скончался лидер вигов Фокс и к власти пришли силы, стоявшие за возобновление войны и создание новой коалиции.

На фоне этих событий весьма показательны, что, уже приготавливаясь к войне — 15 сентября 4-я коалиция была оформлена, — Александр I, несмотря на позицию, занятую Кутузовым на заседании Государственного Совета 19 сентября, пожаловал полководцу 50 тыс. рублей «для оплаты долгов, по службе нажитых»¹⁵⁷, а 28 сентября назначил его киевским военным губернатором¹⁵⁸. Денежное пожалование и назначение на один из важнейших военно-административных постов империи говорят о справедливости императора по отношению к маститому полководцу, а вовсе не о чувстве мести или «опале», ибо получить этот пост в Киеве и начальство над войсками на Украине, с ним сопряженное, всегда считалось в императорской армии очень высоким отличием и признанием заслуг военачальника. С другой стороны, вполне естественно, что после Аустерлица государь не стал посылать Кутузова снова на войну против Наполеона.

Необходимо отметить, что дворянская общественность желала снова скрестить оружие с императором Франции, считая Аустерлиц досадным недоразумением. Вот пожелания одного из наиболее ярких сторонников войны, ген.-аншефа гр. П.А. Толстого, сообщенное гр. Ж. де Местром в письме от 28 мая (9 июня) 1806 г.: «Увеличить российскую армию со 100 000 до 500 000 солдат, одну половину поставить на границе, а другую бросить на неприятеля. Ни с кем не договариваться, войти без дальнейших церемоний в Пруссию, объявив только манифестом: “Как

157. Кутузов М.И. Указ. соч. С. 409–410.

158. Там же. С. 423.

хотите — без вас, с вами, за вас, против вас”. Таковы его мнения... Он согласен со всеми (неверно: со всеми умными головами), что Россия не повреждена и надобно лишь одушевить сей великий народ и уметь управлять им. Вот хороший русский: он не офранцузился и не онемечился. Он любит своего повелителя и своё отечество. Судьба Его Величества, а быть может, и всей Европы зависит от решения: отступится ли Император? События показывают людям!»¹⁵⁹

И снова, чтобы не быть односторонним, приведём отрывок из мемуаров кн. С.Г. Волконского: «Во время первого года моего служения¹⁶⁰ самая отличительная и похвальная сторона в убеждениях молодёжи — это всеобщее желание отомстить Франции за нашу военную неудачу при Аустерлице. Это чувство преобладало у всех и каждого и было столь сильно, что в этом чувстве мы полагали единственно наш гражданский долг...»¹⁶¹ Таким образом, решаясь вновь начать войну с Наполеоном, император Александр действовал отнюдь не из прихоти: он шёл по пути, на котором только и можно было сохранить для России статус великой державы, он шёл по пути, которого страстно желало патриотически настроенное общество и дворянство, т.е. образованное меньшинство и дворянства, и общества. Основная же масса русского дворянства, равно как и простого народа, живя в своих медвежьих провинциальных углах, воспринимала события 1806–1807 гг. на уровне членов семьи мелкого рязанского дворянина Е. Голдинского, описанных через 70 лет его сыном И.Е. Голдинским, тогда 5-летним мальчиком,

159. Местр Ж. де Указ. соч. С. 68–69.

160. Князь вступил в кавалергардский полк в начале 1806 г.

161. Волконский С.Г. Указ. соч. С. 97–98.

Если же читателю этого недостаточно, то сошлёмся на рассказ Дениса Давыдова: «Наконец пришла весть о разбитии прусской армии под Иеной. Заговорили о движении войск наших на помощь пораженным союзникам, и фельдмаршал граф Каменский вызван был из деревни для начальствования армиею. Я ожил. Как бешеный пустился я в столицу, чтобы разведать о средствах втереться к нему в адъютанты или быть приписанным к какому-нибудь армейскому полку, идущему за границу». Денис Давыдов. Военные записи. М., 1982. С. 41.

жившим с родителями в небольшом уездном городке с милым названием Сапожок: «Помню один серый день и вереницу народа, которая проходила мимо нашего дома, занимая целую улицу. “Что это за люди?” — спрашивал я свою няню. “Это рекруты”, — отвечала она, — идут бить француза”. Ответ поразил меня, мне стало жалко француза (я вообразил одно лицо), на которого нападает такая толпа, я горько заплакал; няня старалась меня утешить... Отец мой в то время не занимал никакой должности, а был слух, что чиновники, живущие в отставке, будут помещены в ополчение. Отец скорбел, смотря на детей, из которых старшему было только лет десять, но такие опасения мало-помалу уменьшались... Наслушавшись толков о войне, я составил какую-то тёмную идею о Наполеоне. В то время отец мой купил картины Наполеона и Беннингсена и повесил их одну против другой, так как будто бы оба военачальника ехали один против другого. Меня занимал блистательный мундир русского военачальника, но более вид Наполеона, скачущего на арабском жеребце»¹⁶². В эту мирную толщу русской тихой и неспешной обывательской жизни идеи великодержавия России доступа не имели, но даже сюда Наполеон и Беннингсен въехали на своих лубочных конях.

Леонтий Леонтьевич (Левин Август Готлиб) Беннингсен будет одним из виднейших участников Отечественной войны 1812 г. Он родился в герц. Брауншвейгском, в старинной нижнесаксонской фамилии, обладавшей баронским титулом, четырнадцатилетним в рядах брауншвейгской армии участвовал в Семилетней войне. С 28 лет находился на русской военной службе, выдвинулся в русско-турецкой 1787–1791 гг. и в польских 1792 и 1794 гг. войнах как храбрый, хладнокровный и предприимчивый офицер, был награжден орд. Св. Георгия 3-го кл., Св. Владимира 2-й ст. и золотой шпагой «За храбрость». При имп.

162. 1812 год в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 171.

Павле I попал в опалу и отставлен, стал одним из главных участников дворцового переворота 14 марта 1801 г. Руководил группой заговорщиков, захвативших и убивших императора Павла Петровича, но сам Беннингсен всегда отрицал личное участие в этой кровавой расправе. Император Александр I предпочитал держать его подальше от С.-Петербурга, назначив на важный пост виленского военного губернатора. Мы видели, что ему было доверено командование одной из 4 русских армий в 1805 г., но в военных действиях принять участие она не успела. Начавшаяся же осенью 1806 г. новая война с Францией быстро вывела его на первые роли. Не имея необходимости в таком сочинении, как то, которое вы сейчас держите в руках, подробно описывать ход войны 1806–1807 гг., нужно, однако, обратить внимание на военные способности Л.Л. Беннингсена, за которым, с легкой руки советских военных историков, закрепилось наименование «бездарного интригана». На самом деле, когда обращаемся к оценкам, оставленным современниками, участниками войны 1806–1807 гг., складывается иное впечатление.

Напомним, что Пруссия вступила в войну 27 сентября (9 октября) 1806 г., не дождавшись, как и Австрия годом раньше, присоединения русской армии. Результат был тот же: уже 2 (14) октября Наполеон в двойном сражении при Иене и Ауэрштедте наголову разгромил прусскую армию; 27 октября по нов. ст. император вступил в боязливо почтительный Берлин, там 21 ноября он подписал декрет о континентальной блокаде Англии. Первым параграфом объявлялась блокада Британских островов, параграф второй гласил: «Всякая торговля и всякие сношения с Британскими островами запрещены» и т.д. и т.п., сам термин «Британские острова» намекал на то, что император не признаёт современной английской государственности. Идея декрета была очевидна: удушить Англию, поставить на колени и нацию, и государство и таким образом го-

сподствовать в Европе. Но чтобы осуществить подобную химерическую цель, надо было, чтобы ни одно государство Европы не торговало с Англией, ибо, если бы даже хоть одна страна континента не подчинилась бы, то «из этой непослушной страны английские товары (под неанглийскими марками) быстро и легко распространились бы по всей Европе»¹⁶³. С этого момента война на континенте могла принять непрерывный характер.

Нелишне отметить, что Англия была главным покупателем русского сырьевого экспорта, от этой торговли во многом зависели стабильность русского товарного рынка и устойчивость бумажного ассигнационного рубля, а эти два фактора, по сути, лежали в экономическом основании российского великодержавия. Таким образом война, в которую вновь вступал Александр I, с экономической и финансовой точки зрения начинала носить уже национальный характер, характер борьбы за стратегические экономические интересы государства и общества. Военные действия русской армии начинались в ноябре 1806 г. в крайне невыгодной обстановке: союзников на суше у России более не было, театр войны находился на севере прусской Польши и в Восточной Пруссии, т.е. в стратегической близости от русских границ. Кроме того, польское шляхетство было возбуждено надеждой, что, раздавив Пруссию, император Франции восстановит независимую Речь Посполитую как свой верный форпост на востоке Европы. Смутно начинало волноваться воображение польских дворян в Литве, Белоруссии, Волыни и Подолии, всего 11 лет как присоединенных к Российской империи. Так что и тут тоже были затронуты великодержавные, имперские интересы.

Во главе нашей армии был поставлен генерал-фельдмаршал гр. М.Ф. Каменский, прославленный своими способностями в век Екатерины Великой, но теперь со-

¹⁶³ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 176.

старившийся и 15 лет не имевший военной практики. Он физически и морально не выдержал высокого напряжения командования русской армией ввиду французских корпусов и тяжёлой осенней погоды. Нервы старика сдали, и 14 (26) декабря, когда разразились тяжёлые авангардные бои, им был отдан «приказ армиям, что он оставляет их по причине болезни и отправляется в Гродно»¹⁶⁴. Именно в этот день произошло сражение корпуса Бенningсена с французами, вот как описал его знаменитый Алексей Петрович Ермолов: «Наполеон, собрав все силы, за исключением бывшей кавалерии с принцем Мюратом, сблизился с генералом Беннингсеном, и сей, не имея возможности отступить, не подвергаясь крайней опасности, решил дожидаться неприятеля. Наполеон употребил все усилия; войска, присутствием его ободренные, действовали с возможною решительностью и бесстрашием. Уже ослабевали войска наши, ибо превосходство было на стороне неприятеля и победа очевидно склонялась в его пользу... но по счастью, неприятель не мог противопоставить равного действия нашей артиллерии, ибо его, за худыми дорогами, осталась назади, и сие одно не только могло продлить сражение, но в некоторых местах даже восстановить оное с большою для нас выгодой. Генерал Беннингсен непоколебим в твердости своей и самым отчаянным положением возбуждаемый, прибегнул к последним средствам, к резерву, состоявшему из двух пехотных полков, приказал ударить в штыки. Начальнику полков истолковано было, что от сего последнего усилия зависит спасение прочих войск, и полки бросились стремительно. Неприятель отступил, не устояв против штыков... мгновенно часть лучшей позиции неприятеля была в руках наших. Клонившийся к самому вечеру день не допустил Наполеона поправить неудачу... Итак, твердость генерала Бенningсена самое опасное положение обрати-

164. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 69.

ла в победу совершенную. Отразить превосходные силы под личным Наполеона предводительством есть подвиг великий, но преодолеть и обратить в бегство есть слава, которую доселе никто не стяжал из его противников»¹⁶⁵.

В этом отрывке своих мемуаров знаменитый военачальник, тот, о ком Пушкин писал: «Смирись, Кавказ: идет Ермолов!»¹⁶⁶, ошибся только в одном: при Пултуске Беннингсеном был побежден маршал Ланн, и поэтому значимость последних патетических строк несколько преувеличена. Но оценка главных полководческих качеств генерала дана абсолютно верно. Оценка Ермолова тем более ценна, что он был хорошо известен своим «германоедством» и никогда не упускал случая подчеркнуть своё отрицательное отношение к ним. Чего стоит его знаменитая просьба, обращенная к императору Александру, спросившему однажды, какой Ермолов хочет награды: «Государь, пожалуйста меня в немцы!» Раз уж Ермолов так оценивает Беннингсена, то что же удивительного в том, что и кн. С.Г. Волконский вторит ему: «Беннингсеном несомненно одержана победа под Пултуском»¹⁶⁷, а ведь будущий декабрист принял в этом сражении своё боевое крещение.

Роль Беннингсена как главнокомандующего русской армией, а он стал им после победы при Пултуске, его слабые и сильные стороны в сражении 26–27 января 1807 г. при Прейсиш-Эйлау наиболее выпукло описал и проанализировал Денис Васильевич Давыдов, бывший в течение кампании 1806–1807 гг. адъютантом кн. П.И. Багратиона и лично принимавший участие в сражении. Это постоянная удивительная смесь критики и похвалы. С самого начала, не скрывая ошибок Беннингсена, когда он вместо того, чтобы отступая прикрыть коммуникацию к Нема-

165. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 67–68.

166. Пушкин А.С. Сочинения в трех томах. Т. 2. М., 1986. С. 21.

167. Волконский С.Г. Указ. соч. С. 104.

Жан-Антуан-Симеон Форт.

Битва при Прейсиш-Эйлау 8 февраля 1807 года

ну¹⁶⁸, выбрал поле сражения при Прейсиш-Эйлау, Давыдов упрекает одновременно и Наполеона в том, что тот утром 26 января оказался перед лицом русской армии без возможности быстро получить помощь от корпусов маршалов Нея и Даву¹⁶⁹, далее делает интереснейший вывод: «Обстоятельство это (отсутствие 2 корпусов — Б.К.) не прошло бы ему даром за семь лет прежде, когда Суворов был ещё на коне перед русскими знамёнами. Но оттого, что уже не было Суворова, нельзя было пренебрегать Беннингсена, полководца не без замечательных достоинств по многим отношениям»¹⁷⁰.

В другом месте, справедливо критикуя Беннингсена за пропуск возможности нанести контрудар после кавалерийской атаки Мюрата, когда русская конница, преследуя французскую, обнажила пех. дивизию ген. Сент-Иелера для её сокрушения¹⁷¹, Давыдов, описывая

168. Давыдов Денис. Военные записки. М., 1940. С. 89–90.

169. Там же. С. 96.

170. Там же.

171. Там же. С. 99.

уже второй период сражения 27 января, набрасывает потрясающую по живости восприятия и точную по глубине анализа картину: «Среди бури рвущих ядер и лопающихся гранат, посреди упавших и падающих людей и лошадей, окруженный сумятицею боя и облаками дыма, возвышался огромный Беннингсен, как знамя чести. К нему и от него носились адъютанты; известия и повеления сменялись известиями и повелениями; скачка была непрерывная, деятельность

неутомимая; но положение армии тем не исправлялось, потому что все мысли, все намерения, все распоряжения вождя нашего, всё дышало осторожностью, расчетливостью, произведениями ума точного, основательного, сильного для состязания с умами такого же рода, но не со вспышками гения и с созданиями внезапности, ускользающими от предвидений и угадываний, основанных на классических правилах. Всё, что Беннингсен ни приказывал, всё, что ни исполнялось вследствие его приказаний, — всё клонилось лишь к систематическому отражению нападений... но не к какому-либо неожиданному движению, выходящему из круга обычных движений, не к удару напропалую и очертя голову на какой-нибудь пункт, почитаемый неприятелем вне опасности»¹⁷².

Внимательный читатель, вне зависимости от того, изучает ли он военное искусство как профессионал или просто интересуется военной историей, должен внимательно

*Карта сражения
при Прейсиш-Эйлау
08 февраля 1807 года*

¹⁷² Давыдов Денис. Указ. соч. С. 101–102.

перечитать этот отрывок. Здесь Денис Давыдов даёт нам тончайший очерк того, что есть военное искусство. Это не просто систематическая работа и быстрая ответная реакция. Нет, это способность из систематического потока информации и оценки ситуации извлечь пищу для стремительного умозаключения, разрывающего пути систематики формальной и создать новую систему, качественно уже другую, ещё не доступную сознанию противника, который, так же как и вы, находится в плену своей системы, но, в отличие от вас, не способен разорвать её пути. Фактически Давыдов вскрывает «тайну» военного искусства: оно лишь опирается на переработку информации, но реакция на неё, т.е. принятие решения, — это всегда риск, всегда импровизация, где не всё возможно учесть, и надо уметь ДЕРЗАТЬ. И тогда победа может достаться дерзновенному.

Увы, Беннингсен, действительно обладавший светлыми военными способностями: хладнокровием, огромной работоспособностью, умением быстро парировать, был начисто лишен способности подняться над текущей рутинной сражения, над действующей системой и дерзнуть. Именно отсутствие дерзновения обесценивало все его достоинства. Наполеон дерзать смел и дерзать умел. Вот в чём был его гений, конечно же, опиравшийся так же на хладнокровие, огромную работоспособность, быструю реакцию и прочее.

Отсюда вывод: военный талант и сильные полководческие качества, помноженные на стойкость и мужество русских солдат и офицеров, позволили Беннингсену не дать Наполеону разбить русскую армию при Прейсиш-Эйлау, но отсутствие того, что мы называем ДЕРЗНОВЕНИЕМ, не дали ему в этот судьбоносный день 27 января 1807 г. разбить Наполеона, императора Франции. Беннингсен вписал своё имя в историю военного искусства и историю войны, но не с красной строки и не с заглавной буквы.

Жан-Луи-Эрнест Мейссонье. 1807, Фридланд. Между 1861 и 1875

С именем Л.Л. Беннингсена обычно связывают поражение русской армии 2 июня 1807 г. при Фридланде, приведшее к заключению тяжёлого для России Тильзитского мира. Однако тут надо бы внести ясность. Военные действия начались наступлением русской армии 24 мая к Гутштадту с целью уничтожить корпус маршала Нея, но из-за того, что корпус ген. Ф.В. фон Остен-Саксена не пришёл вовремя, задачу выполнить не удалось. Наполеон в ответ перешёл в наступление 27 мая, намереваясь отрезать русскую армию от Кёнигсберга, что привело к сражению 29 мая у Гейльсберга. Вот тут-то кн. С.Г. Волконский отмечает важное обстоятельство, которое обычно игнорирует большинство советских авторов, пишущих о Беннингсене и этой краткой кампании 24 мая — 2 июня 1807 г. Итак, дадим слово очевидцу: «День знаменитой битвы Гейльсбергской настал. Все подробности этого сражения описаны военными историками. Хотя Беннингсен одержим был мучительной каменной болезнью, но светлые его военные достоинства ничем не ослабли»¹⁷³.

Итак, главнокомандующий был тяжело болен: в почках

¹⁷³ Волконский С.Г. Указ. соч. С. 119.

шло воспаление, двигались камни, он, преодолевая острую боль, руководил сражением. Надо обратить на это особенное внимание, а также на то, что ему деятельно помогал генерал-квартирмейстер бар. Ф.Ф. Штейнгель, о котором кн. Волконский пишет: «В главной квартире кроме главнокомандующего Беннингсена главную роль разыгрывали генерал Штейнгель... и дежурный генерал Александр Борисович Фок, оба люди дельные. Как по чисто военной, так и по административной части, люди чистые от всяких упреков»¹⁷⁴. Другим помощником был ген. И.Н. Эссен. Их участие в битве при Гейльсберге кн. Волконский характеризует так: «Хотя Беннингсен одержим был мучительной каменной болезнью, но светлые его военные достоинства ничем не ослабили. Зоркий его глаз при содействии вновь назначенного дежурного генерала Ивана Николаевича Эссена и прежде упомянутого генерал-квартирмейстера Штейнгеля следил за всем движением французской армии и везде устраивал оборону... Ни в одном месте не удалось французам нас сбить с позиции, и, бесспорно, можно считать это сражение выигранным русскими войсками»¹⁷⁵. Для чего мы обратили внимание на болезнь Беннингсена и на роль Ф.Ф. Штейнгеля и И.Н. Эссена? Да потому, что 2 июня при Фридланде все эти трое генералов вышли из строя. Беннингсену стало совсем плохо ещё в начале боя: «Поневоле Беннингсен должен был принять сражение, и, к горю нашему, болезнь его так усилилась, что он не мог сидеть на лошади, а на возвышенном месте близ города лежал на земле и частью мог взором следить за общим движением, и частью руководствовался привозимыми ему сведениями Эссенем и Штейнгелем»¹⁷⁶. О том, что произошло далее, сухо, но ясно написал А.П. Ермолов: «По несчастью, главнокомандующий был в сей день очень болен; генерал-квартирмейстер барон Штейнгель

174. Там же. С. 114.

175. Там же. С. 119.

176. Там же. С. 121.

*В.В. Мазуровский. Атака русской лейб-гвардии
в битве под Фридрихсборгом. 1912*

и новый дежурный генерал Эссен 1-й (Иван Николаевич) при обозрении позиции получили одним выстрелом контузии, и мы некоторое время не получали никаких приказаний»¹⁷⁷. Рассказывая далее о всех перипетиях сражения и его проигрыше, Ермолов заканчивает следующим выводом: «Так, вместо того, чтобы разбить и уничтожить слабый неприятельский корпус, которому за отдалением не могла армия дать скорой помощи, мы потеряли главное сражение. Не могу не повторить ещё, что, если бы при самом начале сражения главнокомандующий не испытал припадки болезни, дела наши были бы совсем в другом положении»¹⁷⁸.

Именно к этим роковым обстоятельствам, а вовсе не бездарности Беннингсена, никогда не существовавшей, надо отнести то, что атака на корпус маршала Ланна утром и в первой половине дня 2 июня велась вяло, а потом, когда прибыл Наполеон, было уже невозможно без больших потерь отступать назад, за р. Алле, через горящий Фридрихсбург. Главнокомандующий и его помощники были не-

177. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 104.

178. Там же. С. 106.

дееспособны, а частные начальники одни справиться не могли. Император же умело воспользовался заминками в управлении русской армии, не зная, естественно, об их подлинной причине, и увенчал французские знамёна новыми лаврами. Но и после поражения при Фридрихсбурге, в тяжёлый момент начала переговоров о перемирии с неприятелем именно Беннингсена с явным сочувствием описывает Денис Давыдов. Мы начнём цитирование как раз с того места, на котором обычно обрывали его советские историки: «В главной квартире всё было в тревоге, как за полчаса до светопреставления. Один Беннингсен был неизменен. Он страдал, это было видно, но страдал скорбью безмолвную, мужественную, римскую скорбью; это был Сципион, поражённый Аннибалом при Тесине. Едва он появился в зале, я подошел к нему и передал ему то, с чем был прислан от Багратиона... Известие, привезенное мною, о безопасном положении, в которое вступил арьергард, было, как показалось, приятным подарком для Беннингсена; взор его прояснился»¹⁷⁹.

Своеобразную эпитафию полководческой деятельности Беннингсена в 1806–1807 гг. высказал в своем письме от 9 (21) августа 1807 г. всё тот же граф де Местр: «Пултуск, конечно, показал военное умение, а Прейсиш-Эйлау — твёрдость, но, принимая всё в расчёт, сражения сии суть лишь оборонительные, а не победоносные. Кажется, я уже имел честь писать Вам: “Мне весьма трудно убедить себя, что Беннингсену суждено спасти Европу”. Победы не приходят в пятьдесят лет, особенно над тем, кто побивал всех других»¹⁸⁰.

Ещё один вопрос интересует нас. Как участвовал в военных действиях этой поры сам император Александр? Надо сказать, что он извлёк урок из аустерлицкой кампании и постарался ограничить своё пребывание в Глав-

179. Давыдов Денис. Указ. соч. С. 118.

180. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 85.

ной квартире Беннингсена периодом подготовки к наступлению в апреле 1807 г., чтобы не создавать двоевластия в армии. Он явно, не говоря этого вслух, признал, что только навредил своим присутствием в ноябре 1805 г. ведению военных операций, но, естественно, не прекращал политического руководства войной в 1806–1807 гг. Это, собственно, и подтверждает в своих воспоминаниях кн. Волконский: «Во время этой стоянки армии прибыл в Бартенштейн¹⁸¹ государь император Александр I. Он не принял личное командование армией, и по-прежнему все распоряжения по оной были предоставлены Беннингсену. Императорская Главная квартира, как это всегда бывает, возродила многие столкновения в управлении. Прибыл также и король прусский, но пребывание двух монархов не было продолжительно, и оба выехали из армии в Мемель, предоставив Беннингсену начать военные действия, когда он найдет удобным, и условившись в плане кампании»¹⁸².

Алексей Петрович Ермолов добавляет к этому некоторые детали и подробности: «Государь император прибыл к армии, и пришла гвардия под начальством цесаревича... начались разводы, щегольство, и мы в авангарде с тощими желудками принялись за перестройку амуниции... Вскоре приказано приготовиться к встрече государя вместе с королем прусским.

Перестроив единообразно палатки, дали мы им опрятную наружность и лагерью вид стройности. Выбрав в полках людей менее голых, пополнили с других одежду и показали их под ружьём. Обнажённых спрятали в лесу и расположили на одной отдалённой высоте в виде аванпоста¹⁸³. Так увидел я удобный случай представлять войска и как уверяют государя, что они ни в чём не имеют не-

181. Местонахождение главной квартиры армии в Восточной Пруссии в 1807 г.

182. Волконский С.Г. Указ. соч. С.114.

183. Ермолов иронизирует, ибо аванпост — это передовой отряд охранения, который должен первым предупредить о приближении неприятеля и удерживать его, вступив в бой, до прибытия основных сил.

достатка¹⁸⁴. Подъезжая к каждой части войск, он называл начальников по фамилии королю прусскому и, между прочим, сказал обо мне, что и в прежнюю кампанию доволен моей службою. Все восхищены были вниманием и благосклонностью государя. И я, не желая льстить, скажу, что он умел ободрить всех. Я был вне себя от радости, ибо не был избалован в службе приветствиями»¹⁸⁵.

Думается, что способность императора Александра ободрить войска дорого стоит. Государю вовсе не обязательно быть полководцем или личным примером вести войска в атаку, в штыки. Пётр Великий, напомним вам, лично ни в одном бою, ни в одном сражении оружия ни с кем не скрестил, хотя в огне и побывал неоднократно, и ничего, слава его меньше от этого не стала. Военные таланты государя должны быть в другой сфере, и если он не умеет руководить войсками и планировать операции, то

немаловажен талант вселить в них воинский дух и рвение к исполнению долга душевным к ним отношением и обращением. Именно об этом качестве Александра I и пишет Ермолов.

С другой же стороны, война 1806–1807 гг. положила начало известности М.Б. Барклая де Толли. Выходец из старой шотландской фамилии, давно натурализовавшейся в Лифляндии, он, не имея существенного состояния и серьёзных свя-

*Гравюра С. Карделли с портрета
известного художника.
М. Б. Барклай де Толли.
Около 1812–1813 гг.*

184. Это место в мемуарах ясно показывает, что проходят века, а «здоровая» традиция «втирать очки» начальству никуда не исчезает. Но кто же был этим ловким командиром авангарда? Князь Пётр Иванович Багратион.

185. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 93.

зей, долгое время провёл в обер-офицерских чинах, хотя и участвовал с 1787 по 1794 г. непрерывно в боях и походах. За штурм Очакова он был награжден орд. Св. Владимира 4-й ст. с бантом, а за взятие Вильно — орд. Св. Георгия 4-го кл. С 1797 по 1807 г. был командиром, а потом шефом 3-го егерского полка и дослужился до чина генерал-майора на 42-м году жизни, по тем временам карьера его развивалась медленно. Лишь в декабре 1806 г. о нём заговорили. При Пултуске он находился на правом фланге: «Фланги не могли быть обойдены — левый упирался на город и на реку, правый на лес, сильно занятый Барклаем де Толли»¹⁸⁶. Беннингсен отметил его, и когда через две недели он двинул армию в Восточную Пруссию: «Составлены три передовые отряда: из коих сильнейший дан в команду генерал-майора Маркова, другие два поручены генерал-майорам Барклаю де Толли и Багговуту»¹⁸⁷. Барклаю де Толли 25 января 1807 г. пришлось испытать натиск войск маршалов Даву и Сульта: «Против него соединились оба маршала с силами, в пять раз превосходными. Ему оставалось отходить поспешнее, но он предпочел удерживать неприятеля, занимая позиции, принуждаем будучи оставлять оные, не всегда мог он то делать в порядке, и таким образом, потерявши множество людей... достиг он селения Гоф, лежащего ввиду нашей армии. Тут он остановился, но выбрал для войск весьма порочную позицию»¹⁸⁸. Далее Ермолов очень критикует Барклая за ведение обороны Гофа, но тем не менее признаёт его личную храбрость: «Неустрасимый генерал Барклай де Толли, презирая опасность, всюду находился сам»¹⁸⁹. Надо заметить, что мемуаристом и человеком Алексей Петрович был пристрастным и желчным, с Барклаем де Толли он имел неприятное столкновение по службе, когда тот уже был военным министром в начале

186. Волконский С.Г. Указ. соч. С. 103.

187. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 71.

188. Там же. С. 79.

189. Там же. С. 80.

1812 г.¹⁹⁰, да и в походе 1812 г., будучи начальником штаба у Барклая, вёл себя очень нелояльно по отношению к нему, во время распри с ген. кн. П.И. Багратионом. И если уж Ермолов при написании «Записок», при таких прежних отношениях с покойным давно Барклаем, воздаёт должное его неустрашимости, то значит, она была блистательна! Прейсиш-Эйлаусское сражение покрыло Барклая славой. Вот как вспоминает об этом кн. С.Г. Волконский: «Защита в самом городе Прейсиш-Эйлау была стойкостью сверх всякой похвалы. Каждый квартал, каждое строение было упорно русскими защищено и не отдавалось в руки неприятеля, как по упорной борьбе и по превосходству сил его. Кладбище города, стоящее между им и нашей позицией, было поприщем отчаянной защиты... В этой защите арьергардной более всех участвовал и заслужил всеобщую похвалу командующий тогда 3-м егерским полком генерал-майор Барклай де Толли, который в этом сражении и ранен»¹⁹¹.

Более конкретен в описании этого боя А.П. Ермолов, сам в нём участвовавший: «Удачно исполнил я приказание с конными орудиями прикрыть войска, пока войдут они в Прейсиш-Эйлау. Лишь только вошёл я в ворота, неприятель подвёл свои колонны и приступил к атаке местечка, которого оборона была возложена на генерала Барклая де Толли, и отряд его умножен свежими войсками. Несоразмерность сил не дозволила извлечь пользу из стен и заборов, окружающих местечко; стрелки неприятельские явились на них, вредили на улицах и толпами спускались в ближайшие дома. Не раз наша пехота выгоняла их штыками, и местечко сохранили мы во власти до тех пор, как храбрый генерал Барклай де Толли получил тяжёлую рану. Ослабленный уроном его отряд оставил неприятелю местечко, удерживаясь в одной части оно»¹⁹².

Именно после этих событий Барклай де Толли полу-

190. Там же. С. 118–119.

191. Волконский С.Г. Указ. соч. С. 109.

192. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 83–84.

чил следующий чин, командование дивизией, орден Св. Владимира 2-й ст. и прусский орден Красного Орла 1-й ст. Карьера его наконец-то сдвинулась с точки замерзания и повела его прямо в историю русской армии.

Ещё один герой, который обрёл себе бессмертие в памяти русских людей в славную годину Отечественной войны, привлекает к себе внимание наше — это князь Пётр Иванович Багратион. Потомок грузинских царей, чей родовой герб в самой своей сердцевине украшен лирой царя Давида, ибо Багратионы происходят от сына владыки Израиля и царицы Савской. Он в 19 лет отличился при штурме Очакова, получил золотой офицерский крест за это и был пожалован всесильным князем Г.А. Потёмкиным в чин капитана. Через три года князь Пётр уже секунд-майор, а в 1794 г. за отличие при штурме Праги варшавской отмечен самим великим Суворовым и награжден орд. Св. Владимира 4-й ст. с бантом и чином подполковника.

В конце екатерининского царствования он появился в Санкт-Петербурге. А.П. Ермолов, очевидно, тогда и столкнулся с ним первый раз в вихре столичного света, к которому и сам принадлежал, как младший брат одного из фаворитов императрицы. И хотя Ермолов, по свойственной ему скрытности и осторожности, приобретенной после пребывания, по воле имп. Павла I, в Алексеевском равелине¹⁹³ и ссылке в Костроме, нигде не упоминает об этих ранних встречах, но чем иначе объяснить следующие строки из его «Записок»: «Князь Багратион с равным недостатком состояния брошен был случайно в общество молодых людей, в вихрь рассеянности. Живых свойств по природе, пылких наклонностей по страстям нашел приятелей и сделал с ними тесные связи. Сходство свойств уничтожало неравенство состояния. Расточительность

¹⁹³ В Алексеевском равелине Петропавловской крепости находилась тюрьма Тайной экспедиции Сената, политической полиции того времени. Ермолов попал туда за участие в заговоре «Смоленских якобинцев» 1798 г. О чём он также не написал.

товарищей отдаляла от него всякого рода нужды, и он сделал привычку не покоряться расчетам умеренности¹⁹⁴. Связи сии облегчили ему пути по службе¹⁹⁵, но наставшая война, отдаляя его от приятелей, предоставив собственным средствам, препроводила в Италию под знамёна Суворова. Война упорная требовала людей отважных и решительных, тяжкая трудами — людей, исполненных доброй воли. Суворов остановил на нём своё внимание, проник в него, отличил, возвысил! Современники кн. Багратиона, исключая одного Милорадовича, не были ему опасными¹⁹⁶. Сколь ни умеренны были требования Суворова, но ловкий их начальник, провожая их к общей цели, отдалил столкновение частных их выгод¹⁹⁷. В Итальянском походе молодой генерал-майор кн. Багратион сразу же обратил на себя внимание фельдмаршала гр. А.В. Суворова, ибо их навыки в военном деле были сходны, уроки тактики Багратион уже брал в 1794 г. под водительством Суворова в Польше. Первые же бои в апреле 1799 г. под Брешией и на берегу р. Адды принесли кн. Петру и славу, и раны, и награды. И в мае и в июне он был постоянно впереди, в атаке, особенно отличившись в битве с ген. Макдональдом на рр. Треббии и Тидоне — в 30 лет орд. Св. кн. Александра Невского, и алмазные знаки к его кресту и звезде. Последнее за битву при Нови, увенчавшую Итальянский поход русских войск. А через полтора месяца он снова отличается, уже в Швейцарском походе, — это кн. Багратион 13 сентября, взяв перевал Сен-Готард, открыл путь русской армии вглубь Альпийских гор.

Из Швейцарии он возвратился в Санкт-Петербург ран-

194. В этом пассаже Ермолов прозрачно намекает, что кн. Багратион зачастую жил за счёт своих состоятельных друзей.

195. То же самое можно сказать в этот период и о самом Ермолове, но со смертью имп. Екатерины II его карьера прервалась, а у кн. Багратиона нет. Возможно, что именно этим объясняется и язвительный тон мемуариста, ибо, пока он сидел в Алексеевском равелине, кн. Багратион стал генерал-майором ещё до отъезда на войну в Италию, 4 февраля 1799 г.

196. Имеется в виду: в делах карьеры.

197. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 151–152.

ней весной 1800 г., осыпанный новыми наградами императора Австрии и короля Пьемонта, а император Павел I хоть и подверг в конце апреля последней опале бессмертного Суворова, но его любимца Багратиона через месяц после кончины генералиссимуса пожаловал в шефы Л.-гв. Егерского батальона, милость очень высокая, и не лишал её кн. Петра Ивановича Багратиона до самой своей гибели.

Удивительно ли, что и А.П. Ермолов не без зависти и скрытой иронии отмечает в своих «Записках»: «Багратион возвратился из Италии в сиянии славы, в блеске почестей. Неприлично уже было ни возобновить прежние связи, ни допустить прежние вспомоществования: надобно было собственное состояние. Государь¹⁹⁸ избрал ему жену прелестнейшую¹⁹⁹, состояние огромное, но в сердце жены не вложил он любви к нему, не сообщил ей постоянства! Нет семейного счастья, нет домашнего спокойствия!²⁰⁰ Уединение — не свойство Багратиона, искать средств в самом себе было уже поздно, рассеянность сделалась потребностью; её усиливало непрерывное в службе обращение»²⁰¹. Начавшаяся в августе 1805 г. война с Францией отвлекла его на время от семейных неурядиц.

Поход 1805 г. кн. Пётр Иванович проделал под командованием М.И. Кутузова, при отходе от Браунау к Ольмюцу он возглавлял арьергард русской армии. Постоянно находясь в огне, кн. Багратион прикрывал отступающие войска. Особенно отличился он в уже описанном бою при Шенграбене, наградю послужил орден Св. Георгия 2-го класса (сразу минуя 4-й и 3-й классы, которыми князь никогда ранее награжден не был). При Аустерлице наш герой командовал правофланговой колонной, которая, не находясь на направлении главного удара императора Наполеона, менее прочих пострадала и отступила в полном

198. Павел I.

199. Гр. Екатерина Павловна Скавронская, внучатая племянница имп. Елизаветы Петровны.

200. Брак был крайне неудачен и через несколько лет распался.

201. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 152.

порядке. Это отметил и Кутузов в донесении императору Александру, сообщая, что «Багратион удерживал сильное стремление неприятеля и вывел корпус свой с сражения в Остерлице в порядке, закрывая в следующую ночь ретираду армии»²⁰². Таким образом, в тяжёлые дни отступления после аустерлицкого поражения князь снова прикрывал армию от французов. Наградой за это стал похвальный рескрипт императора, опубликованный 9 февраля 1806 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях»: «Господин генерал-лейтенант князь Багратион! Доказанные на опыте отличное мужество и благоразумные распоряжения ваши в течение всей нынешней кампании против войск французских, а равно и в сражении, бывшем в день минувшего ноября при Остерлице, где вы удерживали сильное стремление неприятеля и вывели командуемый вами корпус с места сражения к Остерлицу в порядке, закрывая в следующую ночь ретираду армии, обращая на себя внимание и особенную признательность, поставляет меня в обязанность ознаменовать сим отличные вами подвиги»²⁰³. Генерала чествовали как героя не только ввиду его очевидных заслуг, но и для того, чтобы приглушить горечь аустерлицкого поражения, чтобы уверить самих себя, что до тех пор, пока в рядах русской армии есть такие, как он, герои, Аустерлиц — досадное недоразумение, и слава военная, добытая гением Румянцева и Суворова, вновь скоро осенит русские знамена. Подтверждением этих настроений, царивших в среде столичного и провинциального дворянства, явился апофеоз Багратиона, который устроило князю московское дворянство. Свидетельство о нём находим мы в письме известного екатерининского дипломата Я.И. Булгакова от 12 марта 1806 г.: «К нам наехало много гостей из Петербурга... Их здесь угощают, всякий день обе-
ды, ужины, балы, театры, концерты. 7 марта давал Багра-

202. Грибанов В.К. Багратион в Петербурге. Л., 1979. С. 97.

203. Грибанов В.К. Указ. соч. С. 104.

тиону праздник прекрасный князь В.А. Хованской. Я тебе его опишу, ибо много говорить нечего. Столовая была расписана трофеями, посреди стены портрет Багратиона, под ним связка оружия, знамена и проч., около ея несколько девиц, одетых в цвета его мундира и в касках а-ля Багратион (сделанных на Кузнецком мосту): сие есть последняя мода. Сколь скоро вошли в зал, заиграла музыка. Княжна Наталья пела ему стихи, прерываемые хором. После прочие девицы, две княжны Валуевы, Нелединская и проч., поднесли ему лавровый венок и, взяв за руки, подвели к стене, которая отворилась, т.е. опустились занавеса. В сем покое сделан был театр, представляющий лес. На конце написан храм славы, перед храмом статуя Суворова. Из-за неё вышел гений и преподнес Багратиону стихи, а он, приняв их и прочтя, поклонился статуе и положил свой лавровый венец при ногах статуи. После начался бал»²⁰⁴. Описание столь красочно и подробно, что идея праздника вполне понятна и комментарии тут излишни. Большую часть 1806 г. кн. Пётр Иванович провёл в Санкт-Петербурге и Павловске, деля время между светскими развлечениями и командованием Л.-гв. Егерским полком, в который преобразился его гвардейский батальон. Именно поэтому, хотя военные действия с Францией начались в ноябре 1806 г., только в декабре император пригласил князя в Зимний дворец и объявил ему, что назначает его начальником авангарда действующей армии. Сам факт ПОДОБНОГО оформления назначения говорил о том, что Александр I высоко ценил военные способности генерала и доверял ему один из важнейших постов в дни войны.

В ночь с 13 на 14 января 1807 г. (ст. ст.) в городке Либштадте кн. Багратион принял командование авангардом армии Беннингсена²⁰⁵. Вскоре военное счастье позволило передовым постам захватить французского курьера от

204. Там же. С. 106.

205. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 75.

Наполеона к маршалу Бернадотту, везшего план будущих военных действий, имевших целью атаковать на марше растянувшуюся русскую армию и разгромить её²⁰⁶. «Князь Багратион отправил перехваченные бумаги к главнокомандующему, и как уже оставалось не более двух суток до назначенного Наполеоном, то, не ожидая разрешения, разделил он авангард для скорейшего движения на две колонны... и мы, пройдя 26 часов и сделав два привала по три часа каждый (сказалась суворовская выучка в Польше и Италии, преподанная там князю, — Б.К.), прибыли 1-го числа февраля нового стиля весьма поздно вечером к селению Янково... Тут присоединилась к нам другая колонна...

Утро... открыло нам сильную неприятельскую армию, и наша стояла, готовая к бою. Неприятель поражен был внезапным сим явлением, ибо, конечно, не ожидал, чтобы могли мы собираться со всеми силами. Он не решился атаковать нас...»²⁰⁷

Этот первый опыт на полях новой войны представляет нам кн. Багратиона уже не просто генералом, но военачальником, способным на стратегические решения, и при том вполне самостоятельно. С этого дня он почти не выходит из боёв, отлично показав себя вскоре при Прейсиш-Эйлау, за что и был удостоен орд. Св. Владимира 2-й ст. Вскоре Беннингсену потребовалось то качество характера Багратиона, которое верно подметил А.П. Ермолов: «Ума тонкого и гибкого, он сделал при дворе сильные связи. Обязательный и приветливый в обращении, он удерживал равных в хороших отношениях, сохранил расположение прежних приятелей»²⁰⁸. Дело было в том, что Беннингсен хотя и хотел после кровавой битвы наступать на Наполеона, обнаружил в следующие часы, что войска его так рассеяны на большом пространстве поля боя, так чрезвычайно утомлены и обессилены потерями, настоль-

206. Там же. С. 76–77.

207. Там же. С. 77–78.

208. Там же. С. 150.

ко лишены продовольствия, что ничего другого не оставалось, как отступить. Наполеон же, сам отступивший этой же ночью до Ландсберга, обнаружив отход русских, немедленно вернулся и официально возвестил о своей победе²⁰⁹. Это вызвало такую клевету завистников и такое недовольство Александра I, что «Генерал князь Багратион отправлен главнокомандующим в Санкт-Петербург с подробным объяснением о Прейсиш-Эйлавском сражении, которое по разным интригам представлено было государю в несправедливом виде. Слышно было, что генерал-лейтенант граф Толстой посредством брата, весьма приближенного государю, доводил до сведения вымыслы, вредные главнокомандующему. Мнение было, однако же, в пользу последнего, и с графом Толстым ни в каком отношении не сравнивали»²¹⁰.

Таким образом, генерал показал себя ещё и опытным царедворцем, и умелым светским человеком, став на две недели пребывания в столице центром внимания императорской семьи и сановной знати, как живой свидетель сражений и приятный салонный собеседник. После этого он опять вернулся в армию. Когда в конце мая 1807 г. боевые действия возобновились, кн. Багратион вновь отличился как командир авангарда нашей армии в боях при Гутштадте, где весь день оборонял он подступы к городу и удерживал гребень господствующих высот²¹¹. За этот бой наградою ему была золотая шпага «За храбрость» с алмазами. Через два дня ещё более тяжёлый бой при Гейльстерге. Натиск французов был так силен, что пехота авангарда стала отступать, прибыл дежурный по штабу армии ген.-майор А.Б. Фок «и с негодованием спрашивает князя Багратиона, отчего отступает он, не имевши приказания, тогда как армия не успела ещё расположиться в укреплениях? Неприятно было князю Багратиону подобное за-

209. Там же. С. 87.

210. Там же. С. 88.

211. Там же. С. 100.

мечание от г. Фока... Князь Багратион повёл его в самый пыл сражения, чтобы показать причину, понуждающую его к отступлению, и в глазах его приказал идти вперёд. Не прошло пяти минут, как генерал Фок получил тяжёлую рану, и мы преследованы до самых окопов»²¹². Эта сцена прекрасно показывает характер князя Петра Ивановича и подтверждает характеристику, данную всё тем же А.П. Ермоловым: «Все понятия о военном ремесле извлекал он из опытов, все суждения о нём — из происшествий, по мере сходства их между собою, не будучи руководим правилами и наукою, и впадал в погрешности, нередко, однако же, мнение его было основательным. Неустрашим в сражении, равнодушен в опасности. Не всегда предприимчив, приступая к делу, решителен в продолжении его. Неутомим в трудах»²¹³.

Наконец, при Фридланде он командовал левым крылом армии и сумел сохранить порядок при отступлении, в последующие дни прикрывал отход армии к Неману. Награда за Фридланд была очень высока — орд. Св. Владимира 1-й ст. Прусский король наградил его орденами Красного и Чёрного Орла — высшими наградами страны. Поистине, несмотря на проигрыш войны, князь Багратион был «живой идол русской армии». Как писал А.П. Ермолов: «Мы все, служившие под командою князя Багратиона, проводили любимого начальника с изъявлением искренней приверженности. Кроме совершенной доверенности к дарованиям его и опытности, мы чувствовали разность обхождения его и прочих генералов. Конечно, никто не напоминал менее о том, что он начальник, и никто не умел лучше заставить помнить о том подчинённых. Солдатами он был любим чрезвычайно»²¹⁴.

212. Там же. С. 102.

213. Там же. С. 152.

214. Там же. С. 110.

Глава III

Итак, война была проиграна. Но чувствовали ли себя французы полностью победителями? В день битвы при Гейльсберге маршал Ланн, видя, как русские отбивают все атаки и контратакуют, сказал императору: «Русские сражаются всё лучше и лучше». — «Да, — согласился Наполеон, — мы даём им уроки, и возможно, они станут нашими учителями»²¹⁵. И хотя 2 июня, при Фридланде, русская армия не смогла, по ряду объективных причин, как мы видели, ответить заданный ей императором урок, но уже через пять дней, когда прибыл парламентёр из арьергарда Багратиона к маршалу Мюрату с предложением перемирия, Наполеон, немедленно извещённый об этом, тут же изъявил согласие. Идти через Неман в Россию сил у него уже не было. Он мог, конечно, грозить вторжением, что очень точно отметил в своих мемуарах А.П. Ермолов: «Неприятель занял город»²¹⁶. По берегу, несравненно возвышенному над нашим, стала многочисленная артиллерия; в продолжение дня собралась вся армия и охватила всю окрестность, и мы, не угадывая последствий, не без страха ожидали происшествий»²¹⁷. Но настроения в русской армии были далеки от смятения, вот что вспоминает об этом кн. С.Г. Волконский: «Армия в нескольких верстах от Немана против Тильзита стала в боевую позицию и, ожидая идущих из России двух дивизий пехоты, вновь сформированных князем Дмитрием Ивановичем Лобановым-Ростовским, горела желанием вновь вступить в бой с французами и загладить поражение Фридляндское. В это самое время прибыл в Главную квартиру император Александр, и, к крайнему нашему сожалению, узнано было, что заключено перемирие и что будет свидание

215. Троицкий Н.А. Александр I и Наполеон. М., 1999. С. 120.

216. Тильзит.

217. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 108.

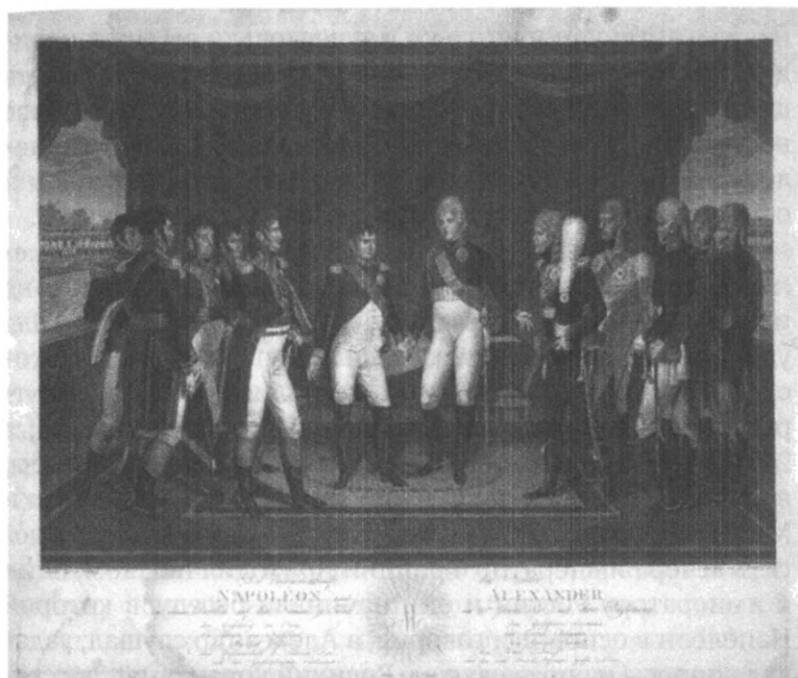
между императором Александром и Наполеоном для трактации о мире»²¹⁸. Воспоминание об этом приезде навсегда врезалось в память знаменитой кавалерист-девицы, Надежды Дуровой: «Тильзит. Здесь мы соединились с нашим полком; все, кто только в силах держать оружие, все в строю! Говорят, что отсюда мы пойдём в Россию, итак, кампании конец! Конец и моим надеждам, мечтам... Я так углубилась в плачевные размышления свои, что не видала, как ротмистр подскакал к тому месту, где я стояла. "Что это, Дуров! — сказал он, дотрагиваясь слегка до плеча моего саблею, — время ли теперь вешать голову и задумываться? Сиди бодро и смотри весело. Государь едет!" Сказав это, поскакал далее. Раздались командные слова, полки выровнялись, заиграли трубы, и мы преклонили пики несущемуся к нам на прекрасной лошади в сопровождении многочисленной свиты обожаемому царю нашему! Государь наш красавец, в цвете лет; кротость и милосердие изображаются в больших голубых глазах его, величие души в благородных чертах и необыкновенная приятность на румяных устах его!.. Государь поехал шагом мимо всего фронта нашего, он смотрел на солдат с состраданием и задумчивостью»²¹⁹.

Итак, дух русской армии не был сломлен, и посему император Наполеон не стремился переходить Неман, гораздо более точно, чем многие историки его царствования, представляя себе состояние французской армии после Гутштадта, Гейльсберга и Фридланда.

Императоры встретились 12 июня ст.ст. на плоту посредине Немана, напротив Тильзита. «...Живо в моей памяти воззрение отплытия двух императоров, каждого с того берега, где стояли их войска, и приплыв их к тому парому, на котором решалась судьба многих властителей, многих народов. Я с берега нашего в числе свиты Бен-

218. Волконский С.Г. Указ. соч. С. 124.

219. Денис Давыдов. Дневник партизанских действий 1812 г. Надежда Дурова. Записки кавалерист-девицы. Л., 1985. С. 324–325.

*Гравюра И.И. Фрейтгоф с оригинала Делинга.
Свидание императоров Александра I и Наполеона
в павильоне на Немане в Тильзите 25 июня 1807 года. 1808*

нингсена смотрел на поезд обоих императоров. Приплыв их так был устроен, что оба вступили на паром и встретились посреди онаго, можно сказать, одновременно для предупреждения всяких толков²²⁰; пожав друг другу руку, они взошли в устроенное подкрышное помещение... Не знаю, получила ли гласность впоследствии обоюдного их разговора²²¹. Уважаемый князь Сергей Григорьевич не мог знать, что органы слуха у историков устроены таким образом, что кое-что из интимных разговоров они могут услышать на расстоянии в сто пятьдесят — двести лет: «“Из-за чего мы воюем?” — спросил Наполеон. “Я не-

²²⁰. На самом деле Наполеон вступил на плот чуть раньше и встречал Александра как хозяин.

²²¹. Волконский С.Г. Указ. соч. С. 124–125.

навижу англичан настолько же, насколько вы их ненавидите, и буду вашим помощником во всём, что вы будете делать против них”, — сказал Александр. “В таком случае всё может устроиться и мир заключен”, — ответил Наполеон²²². После этого они улыбаясь прошли в павильон и оставались там с глазу на глаз не менее полутора часов.

Так начались длившиеся почти две недели и изменившие лицо Европы переговоры в никому до этого не известном прусском городке Тильзит. Александр, для удобства ведения дел, переехал на это время туда. Оба государя в эти дни почти не расставались. Утром — смотры и учения французских войск, днём — переговоры; в 20 часов — обед, всегда у Наполеона, чаще всего вдвоём, втроём: с королем Пруссии либо вел. кн. Константином и Мюратом. После обеда недолгое расставание, а часов в десять вечера император Франции приходил пешком, один к императору России и они начинали беседу, в которой Наполеон в основном говорил, а Александр слушал, задавал вопросы и снова слушал. Великий корсиканец рассказывал о своих походах — нашего государя особенно интересовал египетский, — рассуждал о Гражданском кодексе, о правилах военной науки, о европейских государях и политиках, и, наконец, о достоинствах и недостатках различных способов правления. Позднее, на острове Святой Елены великий узник вспоминал об этих беседах: «В продолжении тех двух недель, что мы провели в Тильзите, мы едва ли не каждый день обедали вместе: мы рано вставали из-за стола, чтобы отделаться от прусского короля, который нам докучал. В девять часов император в штатском платье приходил ко мне пить чай. Мы не расставались до двух-трёх часов утра, беседуя о самых различных предметах; обычно мы рассуждали о политике и философии»²²³. Иногда державные собеседники выходили прогуляться,

222. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 191.

223. Стендаль. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 11. М., 1959. С. 63.

подышать свежим воздухом, и «военные всякого звания, наполнявшие вечерами улицы Тильзита, встречая двух прохожих, которые, идя под руку, дружески разговаривали, с удивлением узнавали в них императоров Франции и России»²²⁴.

Наполеон был счастлив: он победил и обратил в друга, т.е. в потрясённого и подчинённого его воле, ибо так он понимал дружбу, императора необъятной и могучей России. Он был счастлив тем, что русский самодержец слушает его как равный равного, ибо при всём своём могуществе он никогда, в самой глубине своей души, никогда не забывал, что его отец был всё-таки Карло ди Буонапарте, адвокат из Аяччо. И поэтому ему было так приятно, что властелин Севера с вниманием слушает его. Иногда мне кажется, что в Наполеоне в эти вечера говорил ещё и отцовский инстинкт. Он был старше Александра, не столько годами, сколько тяжёлым опытом отрочества и ранней юности, и тем более трагическим и грозным опытом небывалых военных подвигов и политических опасностей. У него не было сына, которому он мог бы передать не только империю, но и гигантский опыт жизни, явно превышавший его 38 неполных лет жизни. И тут перед ним предстал молодой русский государь, а все современники подчеркивали, что Александр, которому шёл 30-й год, казался несколько моложе своих лет. Этот молодой монарх столь воспитан, любезен и так внимательно его слушает, и он равен ему величиим своей короны, он обаятелен и ничем не напоминает крысopodobного Фридриха-Вильгельма III²²⁵ или плешивого и трусоватого Франца I Австрийского. И невольно, увлекаемый своим итальянским красноречием и пламенным темпераментом, император не просто восхвалял перед ним свои военные и гражданские подвиги и успехи, а и наставлял его, этого русского

224. Вандаль А. Наполеон и Александр I. СПб., 1910. Т. 1. С. 83.

225. Взгляните на портрет прусского короля в Военной галерее Зимнего дворца.

самодержца, в тончайшем из искусств, искусстве управлять. Недаром под впечатлением этих бесед-монологов он тут же пишет Жозефине: «Друг мой, я только что виделся с императором Александром: я очень доволен им; этот император очень красив, добр, молод; он более умен, чем о нём обычно думают»²²⁶. Так Наполеон не отзывался больше ни об одном из царствовавших в Европе государей.

А что же Александр? К тому времени он уже мастерски научился скрывать от посторонних свои подлинные помыслы, глубоко хранить тайны своей души и сердца. Он вполне уже постигал, что удел самодержца — человеческое одиночество посреди придворной, т.е. самой пёстрой и шумной, толпы. От царя, как и от любого носителя верховной власти, все и всегда чего-нибудь хотят, очень редко для страны и для народа, чаще для своего клана, и всегда для самого себя. Честолюбие, чёрствость и эгоизм двора, света, министров и генералитета наподобие Великой китайской стены отделяют государя от единственной животворной силы, которая может его сердце и разум питать стремлением к благу людскому, имя этой силы — НАРОД. Но как же редко могут соприкоснуться народ и его царь! И как самозабвенно жаждет народ от царя чудесного и моментального разрешения всех своих тягот и бедствий, и как по-детски обижается, сердится и негодует, обнаружив, что даже у государя за бортом мундира не спрятана волшебная палочка. Сообразите всё это, мой доброжелательный читатель, и вы поймёте, как одинок на самом деле самодержец и как это одиночество приучает его быть скрытным и подозрительным. Редко когда он позволяет себе перед кем-нибудь хотя бы приоткрыть свою душу. Обычно это кто-либо самый родной из его семьи. Для Александра это была его любимая сестра, великая княжна Екатерина Павловна.

226. Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 62.

Их связывали тогда теснейшие узы нежной и страстной, но, к счастью, лишь платонической любви. Она была нежна и красива, умна и величава, такая же «прельстительница сердец людских», как и её царственный брат. Это её руки вскоре будет добиваться, но так и не получит Наполеон. Именно перед нею Александр был наиболее откровенен, ей он доверял: «Бог спас нас: мы вышли из борьбы не с жертвами, но со своего рода блеском. Но что вы скажете обо всех этих событиях? Мне проводить свои дни с Бонапартом, целые часы находиться с ним с глазу на глаз? Хочу спросить Вас, не похоже ли это на сон! Полночь миновала, а он только что ушёл от меня. О! как бы я хотел, чтобы вы были немым свидетелем происходящего. Прощайте, дорогой друг, я редко пишу Вам, но, честное слово, мне некогда даже перевести дух. Тильзит, 17 июня 1807 г.»²²⁷

Тончайший историк, бесчеловечно расстрелянный чекистами в конце января 1919 г. в застенке Петропавловской крепости, великий князь Николай Михайлович верно подметил, что сокровенная оценка Александром I того, что происходит в Тильзите с ним, выражена в шести словах этого письма: «Moi, passer mes journees avec Bonaparte» — «Мне проводить свои дни с Бонапартом». «Мне» — внуку великой Екатерины, «мне» — праправнуку Петра Великого — дневать и вечерить в беседах «с сыном революции, с маленьким корсиканцем, и слушать внимательно его речи, отгадывать его помышления и даже стараться с ним сблизиться»²²⁸. «Мне», уже дважды призывавшему «всю Европу» вооружиться и свернуть ярмо его деспотии, теперь засиживаться с ним за полночь! О! Какое унижение. Но ничего, ничего. Я ни на минуту не забываю, кто Я и кто ОН. Таков внутренний смысл этого письма. А чтобы любимая и дорогая корреспондентка и все те, кому она даст прочесть эти строки, ни на минуту в нём,

---

227. Там же.

228. Там же.

русском императоре, не сомневались, он именует своего тильзитского собеседника именно так, как этого выскочку называли за закрытыми дверями всех великосветских салонов и придворных гостиных Европы, — Бонапартом. Пусть тень знает своё место!²²⁹

Однако на словах, да и в поступках, ничего подобного высказать или сделать было невозможно. Да и Наполеон знал своё место — победителя в войне и хозяина на переговорах. Но, как это ни покажется вам странным, он, хотя и победил, не мог до конца диктовать свою волю Александру, ибо император Франции хотел не просто мира, но союза с Россией. А это было нечто совсем другое, нежели мирный трактат с Австрией или Пруссией. У этих стран он отнимал провинции, население, крепости и доходы, и никакого союза с ними не заключал, так как в качестве союзников они никакой ценности для него не представляли. Иное дело — огромная Российская империя, правда, она проиграла ему дважды на поле битвы, но, в отличие от незадачливых германцев, она пока не позволила ему ступить хотя бы на пядь своей земли, да и он, постоянный победитель, почему-то к этому не стремился. Равно как не стремился в первые дни к союзу с ним и император Александр, считавший, что вполне достаточным будет сохранение неприкосновенности русских границ, невмешательства Наполеона в русско-турецкую войну²³⁰ и восстановления независимости Пруссии, хотя и, а это было уже понятно, в сильно урезанном виде. Но так как переговоры пришлось вести лично, с глазу на глаз: «Я буду вашим секретарем, а вы моим»²³¹, — сказал Наполеон, а его министр, лукавый Талейран, прибыл в Тильзит лишь 29 июня, то в эти решающих четыре дня, 25–29 июня, Александр, постоянно общаясь с Наполеоном, сразу же понял, чего тот добивается от него, и можно ему пове-

229. См. текст 5-го акта пьесы ленинградского драматурга Л.И. Шварца «Тень».

230. Она началась в ноябре 1806 г. и окончилась лишь в мае 1812-го.

231. История дипломатии. Т. 1. М., 1941. С. 369.

рять, что во время такого интенсивного и длительного общения ему действительно было «некогда даже перевести дух». И тут, глядя в глаза французскому императору, находясь ежеминутно под его постоянным словесным обстрелом, Александр должен был реагировать немедленно и чаще всего интуитивно. И он решился, он поступил самостоятельно, как и должен поступать самодержец, он принял предлагавшийся ему союз.

Все русские современники событий дружно осудили именно эту составляющую Тильзитского договора. Эти настроения потом выразил через семнадцать лет в своих стихах Пушкин: Александру является видение Наполеона:

«Таков он был, когда с победным договором
И с миром и с позором
Пред юным он царем в Тильзите предстоял»²³².

И лишь один Жозеф де Местр с присущей ему глубиной высказался о том, что случилось: «Несомненно, произошла великая перемена, которую, впрочем, надобно было ожидать. Я неустанно предупреждал моего повелителя быть к сему готовым. Мир стал необходимостью. Сего требовали от Императора и благоразумие, и любовь к народу своему. Он ничем не изменил долгу перед Европой; напротив, Европа обманула его; вот уже шестнадцать лет, как она из собственных рук кормит пожирающее её ныне чудовище»²³³. Что имел в виду мудрый савояр? Война подорвала финансовое положение России, без английских субсидий продолжать её она не могла, но английское правительство прекратило их выдачу и категорически отказало в займе в размере 6 миллионов фунтов стерлингов, несмотря на то, что именно России оно было обязано своим спасением от вторжения французов в 1805 г. Конечно,

²³². Обратим внимание, что и в стихах поэта Александр в 1807 г. охарактеризован как «юный».

²³³. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 82.

англичане могли ссылаться на проигрыш сражений русскими, на необходимость вести морскую борьбу против континентальной блокады, введённой Наполеоном, но русскому правительству было от этого не легче. Александр же вообще был оскорблен такой неблагодарностью союзников и тем легче пошёл навстречу предложению Наполеона. Этим он лишь подтвердил мнение того же Ж. де Местра о том, что политический эгоизм англичан рано или поздно вызывает к ним отвращение у их же союзников: «Не думайте, что я не вполне справедлив к англичанам. Я восхищаюсь их правительством (впрочем, считаю, что хотя и можно, но отнюдь не обязательно переносить его в другие страны); преклоняюсь перед их уголовными законами, ремеслами, наукой, их общественным духом и пр. Однако во внешней политике всё это испорчено несносными национальными предрассудками и столь же безмерной, сколь и неблагоразумной гордыней, которая отталкивает другие нации и препятствует объединению ради благого дела²³⁴. Как-то я говорил об этом барону Стеддингу²³⁵: «Видите ли, величайшая трудность нашего необычного времени состоит в том, что дело, вызывающее симпатию, защищается той нацией, к которой никто не чувствует никакой симпатии»²³⁶.

Так что фраза Александра, обращённая к Наполеону на плоту посреди Немана: «Я ненавижу англичан настолько же, насколько вы их ненавидите, и буду вашим помощником во всём, что вы будете делать против них» — была в ту минуту вполне искренна. Союз же с Францией, при том, что её император не только не требовал никаких уступок территории, а наоборот, первоначально вообще предлагал поделить Пруссию по линии Вислы²³⁷, чем в очередной

234. Т.е. борьбы с идеями и делами Великой французской революции и Наполеоном.

235. Шведский фельдмаршал и дипломат, посол в России (1792–1807, 1810–1811). Близкий друг Жозефа де Местра.

236. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 28–29.

237. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 191.

раз продемонстрировал своё пренебрежение к чаяниям поляков, этот союз превращал — так, по крайней мере, пытался в этот момент убедить себя и свою сестру Александр — поражение при Фридланде почти в удачу: «Бог спас нас: мы вышли из борьбы не с жертвами, но со своего рода блеском».

Блеск. Он подразумевает успех. В чём же тут успех? Он заключен в самом смысле понятия «союз», ибо в основе союза лежит либо равенство, либо выгода. Союз Рима с Пергамом во II веке до н.э. был, конечно, неравным для небольшого Пергамского царства, но зато очень выгодным как для него, так и для могущественной республики на Аппенинском полуострове. Союз, заключенный в Тильзите, подчеркивал, что раз Наполеон сам предлагал его, то значит, признавал, что хотя русская армия и разбита при Фридланде, но Россия не побеждена. Формулировка 4-й статьи договора, трактовавшей о сохранении существования Пруссии, начиналась словами: «*Par egard pour Sa Majeste L'Empereur de toutes les Russies*»²³⁸ — «Из уважения к Его Величеству Императору Всероссийскому», показывала степень уважения, т.е. признания за Александром, а значит, и за Россией великодержавия. Значит «со своего рода блеском».

Но император Александр I неслучайно написал «со своего рода», ибо прекрасно понимал, что пошёл и сам на серьёзные уступки Наполеону. Он был признан императором Франции, королем Италии, протектором Рейнского Союза, т.е. диктатором Германии, его старший брат Иосиф признавался королем Неаполя, а сестра Элиза Баччокки — великой герцогиней Тосканы, несчастный Пьемонт — частью Франции. Из польских областей, принадлежавших Пруссии по разделам 1772, 1793 и 1795 гг., на левом берегу Вислы было образовано не очень большое, но стратегически чрезвычайно важное Варшавское герцогство, чей

²³⁸ Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 63.

престол был передан королю Саксонскому, вассалу Наполеона, таким образом, он получал серьёзный плацдарм недалеко от русской границы, а поляки — надежду, что если они и впредь будут верно служить императору Франции, то герцогство в обозримом будущем сможет разрастись до размеров королевства Польского. А чтобы смертельно поссорить их с Россией, он «уговорил» Александра принять «подарок» — г. Белосток и его округ. Коварство этого «данайского дара»²³⁹ было очевидно: Екатерина II, разделяя Польшу трижды, не взяла себе ни клочка этнической Польши, чьей частью и был Белосток, теперь ненависть шляхты принимала уже не только государственный, но и национальный характер. Кроме того, получалось, что Александр ещё «обобрал» и без того поверженную Пруссию, которой этот округ принадлежал с 1795 г.

Наконец, Наполеон согласился на посредничество России в его примирении с Англией, а Александр принимал посредничество Франции в своей войне с Турцией, которая шла с ноября 1806 г., а также в заключении мира с Ираном, с которым воевали с 1804 г. Самым же тяжёлым было то обстоятельство, что секретным соглашением, подписанным в тот же день, что и мирный договор, Россия и Франция связывались оборонительным и наступательным союзом и Россия, ежели Англия откажется принять от неё мирные предложения Наполеона, порвет с Британией дипломатические отношения и присоединится к континентальной блокаде. Это означало в будущем экономическую и финансовую катастрофу, так как 80% русского импорта уходило в Англию и на этой торговле держалась вся система внутреннего частного кредита в

239. «Бойтесь данайцев, дары приносящих» — говорится в «Энеиде» Вергилия по поводу деревянного коня, якобы оставленного данайцами — грекам, в дар Аполлону, в возмещение обид, нанесённых Трое и троянцам во время 10-летней осады. На самом деле в чреве гигантского коня скрывались лучшие греческие воины. Троянцы не поверили мудрому жрецу и, разобрав часть стены, в ворота конь не проходил, внесли его в город. Ночью греки вылезли из коня и захватили Трои, перерезав её жителей.

России. Дворяне жили не по средствам, а ежегодно брали в долг у ростовщиков под осенние продажи собираемого в поместьях оброка и барщины купцам-импортерам, вывозившим русский лес и хлеб, пеньку и парусину, сало и воск в Великобританию. Прекращение торговли с ней должно было в несколько лет разорить и помещиков, и ростовщиков, и негоциантов, а это было более опасно, чем проигрыш Аустерлица или Фридланда вместе взятых. Торговля же с Францией, Австрией, Рейнским союзом, Пруссией, Испанией и пр. никогда бы не возместила этих потерь, ибо там не так уж и нуждались в русском сырье, тем более, что на этих рынках прочно утверждалась торговля Французской империи.

Что же предлагал в обмен на все эти уступки Наполеон? Своё посредничество перед Турцией, а если это не даст результата, то, как было сказано в секретном соглашении, совместно действовать, чтобы освободить от турецкого ига «все провинции Оттоманской империи в Европе за исключением Константинополя и провинции Румелии»²⁴⁰. Но за это он получил в Тильзите от Александра Рагузу с Боккой Каторской на берегу Адриатики и Ионические острова, до этого бывшие под протекторатом России и Турции. Так что и тут его помощь оказывалась небескорыстна. Что же тогда ещё он предлагал России? Финляндию как утешительный приз за признание герцогства Варшавского, страну, обладание которой окончательно стратегически «прикроет» Санкт-Петербург, превратит Швецию в третьестепенную страну и навсегда поссорит её с Россией! Снова «данайский дар», и при этом лишь на словах, никак не подкреплённый на бумаге. Как странно: обещанной помощи против Турции Россия так и не получила, а вот вербально предложенную Финляндию не только через год приобрела, но удержала за собою до 31 декабря 1917 г.

²⁴⁰ Окунь С.Б. Указ. соч. С. 177.

Но и Александр был не так прост и податлив и, увы, уже не так сентиментален и склонен к абстрактной любви к человечеству, как шесть лет назад, когда, потрясённый забрызгавшей его кровью отца, вступил на престол. Чего же он добился в Тильзите? Русский император спас от уничтожения Пруссию! Не спешите его порицать за это, ведь никому, даже самодержцам, не дано проникать будущего, до которого, тем более, было ещё целых сто лет. Тогда, в июне 1807 г., в Тильзите это была крупная дипломатическая победа. И он совершил её не ради прекрасной прусской королевы Луизы, с которой его связывали самые нежные, но, скорее всего, платонические чувства, о которых всё тот же граф де Местр слегка иронично обмолвился в письме своему королю: «Сей Государь и Её Величество Королева Прусская, оба на своём месте суть высокочтимые августейшие особы; но когда встречаются, то это лишь молодой человек и очаровательная женщина»²⁴¹. И уж точно не ради её трусоватого и нерешительного мужа. Пруссия нужна была Александру как барьер между Французской империей и Россией, и поэтому он мягко, но решительно настоял на её сохранении, пусть изуродованной территориально, пусть обескровленной поражением, пусть полуоккупированной и полуудушенной непомерной контрибуцией, но существующей на карте Европы и прикрывающей западные рубежи России. Таков был странный итог этого странного мира в Тильзите.

Возвращение императора Александра в Санкт-Петербург радостным быть не могло: дворянское общество было шокировано примирением с «Бонапартом», как они его продолжали упорно называть. Кэтрин Вильмонт, проведшая три года в гостях у кн. Е.Р. Дашковой, так описывает реакцию петербуржцев на известие о мире: «Наш дом стоит прямо напротив Крепости; оттуда целый день палили пушки, ночью по всему городу светилась иллюми-

241. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 63.

нация. Бог знает, стоит ли это принимать за выражение искренней радости... Здесь бытует мнение, что ночная иллюминация явилась демонстрацией общественных интересов; убогость её говорит о том, что радость не слишком велика»²⁴². В том же письме она отмечает и отрицательное отношение русских к англичанам: «Все поносят англичан за то, что они были столь медлительны, невежи (а их здесь 99 из 100) ругают Англию, другие считают, что мир был заключен благодаря оппозиционерам в правительстве, но в целом все медведи злятся на нас»²⁴³. Точно о такой же реакции, но уже в Москве пишет в своём дневнике и сестра Кэтрин, Марта Вильмонт, любимица княгини Дашковой: «Миссис Холлидей нанесла мне визит, она сказала, что все здесь бранят англичан: почему они не послали свои войска на защиту от французов Данцига и Кенигсберга? Вероятно, русские и правы. Но как бы то ни было, говорить, что война эта была для англичан сплошным удовольствием и что они, в конце концов, просто обманули русских, — это совершенный абсурд, а русские, не довольствуясь обвинением англичан в промедлении, доходят до этого. Просто они хотят снять с себя всю вину за поражение в последней битве (сражение у Фридланда) и заключают не пользующийся никакой популярностью мир...»²⁴⁴

Антианглийские настроения в Первопрестольной были так сильны, что М. Вильмонт во время пешей прогулки пришлось принять предосторожности: «Мне очень не хотелось, чтобы меня признали англичанкой, так что я нахлобучила свою соломенную шляпку на самое лицо, к тому же освещение было очень плохое, и я не думаю, чтобы хотя бы один смертный заметил меня. Каждый человек, приезжая за границу, становится представителем своей нации в этой стране... Нелепо и неправдоподобно

242. Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер М. и К. Вильмонт из России. М., 1987. С. 325.

243. Там же.

244. Там же. С. 358.

звучит, но тем не менее сущая правда, что меня заставляют отвечать за действия короля Георга и решения двух его парламентов (будто я в самом деле ответственна за это) так серьёзно, как если бы это не было полным абсурдом»²⁴⁵. Остаётся лишь посочувствовать бедной англичанке, однако её свидетельство очень ценно для понимания общественных настроений в этот критический момент. Та же М. Вильмонт свидетельствует о недовольстве, охватившем московское общество, когда генерал-губернатор Т.И. Тутолмин вознамерился заставить лавочников собрать 2000 дукатов на подарок кн. В.В. Долгорукову, привезшему по приказу императора официальное сообщение о Тильзитском мире для оглашения его в Москве²⁴⁶. Но все эти обиды на англичан были ничто в сравнении с обидой на императора. Дворянское общество считало, что нужно было драться и после Фридланда. Оно и слышать не хотело трезвых рассуждений графа де Местра 9 (21) августа 1807 г.: «...Вы, конечно, не забыли, г-н Кавалер, то, что я говорил несколько месяцев назад: “Мир будет подписан на барабанах”. Легко сказать: “Не я заключил сей мир” — но ведь надобны доказательства, что он не был неизбежен. Русским недоставало всего лишь четырех пустячков: людей, оружия, хлеба и талантов. Я уверен, что сей мир есть великое зло, но зло действительно необходимое, и Император рисковал всем, оттягивая его. Пултуск, конечно, показал военное умение, а Прейсиш-Эйлау — твердость; но принимая всё в расчёт, сражения сии суть лишь оборонительные, а не победоносные»²⁴⁷. Но национальная гордость не хочет слышать доводов разума, да ещё иностранного, она предпочитает, когда со сцены Большого каменного театра, на представлении трагедии «Дмитрий Донской» знаменитого В.А. Озерова, звучит ответ князя Московского на предложение заключить мир с Мамаем:

245. Там же. С. 359.

246. Там же.

247. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 84–85.

«Ах, лучше смерть в бою,
Чем мир принять бесчестный!»,

устроить патриотическую овацию в партере и даже ложах. И при этом не только гвардейские офицеры, чья грудь уже украшена боевыми орденами, но сугубо штатская публика, пороку никогда, даже на фейерверке, не нюхавшая, бешено бисирует. Да, тут есть над чем призадуматься.

Опасность, грозившая императору Александру, скрывалась, во-первых, в нём самом, это также справедливо, как и то, что по большей части в наших несчастьях виноваты мы сами: наши человеческие слабости, с которыми мы ленимся бороться, в обстоятельствах чрезвычайных стремительно обращаются в пороки и губят нас, к счастью, не всегда до конца, но иногда... Пороком императора, бросавшимся в глаза как современникам, так и его историкам, была парадомания, тяжкое наследие юности, проведенной на гатчинском плацу и на Марсовом поле под надзором своего сурового отца. Как справедливо заметил блестящий историк русской армии А.А. Керсновский: «плацпарадная гатчинская школа отца, кроме того, способствовала в сильнейшей степени утрате Государем чувства военной действительности... тактический глазомер его был окончательно и бесповоротно испорчен на гатчинском плацу»²⁴⁸. Он же и похвалил тут же стратегические способности Александра, но об этом позже.

Очень точно указал на опасность парадомании, на её глубинное противоречие истинно русскому духу наших воинов всё тот же граф де Местр сначала в письме от 28 мая (9 июня) 1806 г.: «...Здесь, как и везде, есть люди весьма злонамеренные, но, к счастью, есть и другие, коих я бесконечно почитаю (слава Богу, таковых больше), и они вполне способны поддержать честь нации. Среди стол-

²⁴⁸ Керсновский А.А. История русской армии. М., 1992. Т. 1. С. 220–221.

пов... хранителей русского имени одно из первых мест я отдал бы... графу Толстому, прежнему петербургскому губернатору²⁴⁹. Я не знаю лучшего русского и именно возле него ищу себе ободрения. Он знает силы своей страны лучше, чем кто-либо другой, и вполне заслуженно уважаем Императором. Он даже осмелился сказать ему: "Государь, с этим вашим парадированием вы погубите сначала себя, затем Россию, а потом всю Европу". Но император не обратил на его слова никакого внимания. Он самолично командует учениями гвардии. Здесь изобрели какой-то новый барабан с ужасающим грохотом. Все смеются, особенно офицеры, что, конечно, есть великое зло. Ежели таковое военное педантство, совершенно противное русскому характеру, продлится дольше, неизвестно, что будет с армией. Ведь надобно знать сей народ. Уже начинает недоставать офицеров даже в Гвардии. Многие выходят в отставку, и замена им не поступает»²⁵⁰.

Муштрование гвардии в конце весны 1806 г. психологически можно было бы объяснить желанием Александра хоть как-то обрести уверенность в себе, пусть даже таким образом, после аустерлицкого разгрома: если там он не совладал с одушевленной стихией войны, то здесь ему покорна «неодушевленная» масса войск. Но вот прошёл год, и снова поражение, теперь уже фридландское, и снова де Местр ищет ответ, в чём причины поражения. Обратимся к уже цитированному письму от 9 (21) августа 1807 г.: «Кроме сих нравственных причин²⁵¹, ...есть еще одна, которая на первый взгляд кажется чем-то неусветно смехотворным, но на самом деле стоит в ряду наиболее вредоносных: это германофильство и военный педантизм, каковые повсюду (а здесь особенно)²⁵² влекут за собою изничтожение воинского духа. Представьте

249. Гр. Петр Александрович Толстой (1761/69–1844 гг.), видный военный и государственный деятель.

250. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 68.

251. Поражение в войне 1807 г.

252. Т.е. в России.

себе, г-н Кавалер, что на свете нет ничего более различного, нежели немец и русский. Сему последнему ненавистны всякие правила и всякий порядок, возведенные в степень закона. Это качество надо признать, если хочешь править Россией. Фридрих II заморочил голову Петру III, который стал обезьянски подражать ему. Сей злокозненный прусский дух погубил двух императоров, но жив и до сих пор. Русский одевался в свои национальные одежды и в них же прославился. Он носил короткие волосы, движения его были исполнены достоинства²⁵³. Вместо сего теперь затягивают его во фрак, а вернее сказать, запирают в футляр, который не дает пошевелиться. Над нынешними русскими панталонами смеётся вся Европа. Солдат напудрен, напомажен, иногда ему приходится бодрствовать по ночам, дабы не растрепаться к утру²⁵⁴; он изнурен учениями и множеством придилок, отчего делается непохожим на самого себя. Все русские офицеры, с которыми я разговаривал, в один голос говорят, что с военным делом покончено»²⁵⁵.

Граф де Местр совершенно прав, говоря об опасности германофильства и парадомании для России и императора, он даже указывает на первые проявления этой опасности: «Все смеются, особливо офицеры, что, конечно, есть великое зло», «Все русские офицеры... в один голос говорят, что с военным делом покончено». В Российской империи военный характер, который был чётко определен реформами великого Петра, военные потребности и офицерство к началу XIX в. безусловно занимали первое место по сравнению с потребностями гражданскими и гражданским обществом, а посему «такая» позиция офицерства была предвестником большой беды, именуемой «дворцовый переворот». И это была вторая опасность,

253. Эти две фразы — похвала потёмкинской военной форме и солдатской причёске в 1786–1796 гг.

254. К счастью, от этого отказались около 1809 г., но с 1820-го снова, увы, вернулись к «напомаженности» и пр.

255. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 85.

угрожавшая государю Александру Павловичу по возвращении его из Тильзита.

Опыт таких переворотов в течение XVIII столетия в России был накоплен, и сам Александр I вступил на престол в результате последнего из них. Но для того, чтобы переворот удался, мало было иметь недовольное гвардейское офицерство и придворную знать, нужна была личность в императорской семье, в пользу которой такой переворот был бы совершён. Таковой персоной во второй половине 1807 г. неожиданно в глазах дворянской оппозиции становится любимая сестра императора, уже упоминавшаяся вел. княжна Екатерина Павловна.

Умная, хорошо начитанная, талантливая художница, избалованная ещё в детстве и отрочестве любящей бабкой Екатериной II, она обладала независимым характером, острым и гибким умом, сильною волею; умелая рассказчица, она превосходно владела как французской, так и русской речью, что в ту пору было большой редкостью как при дворе, так и в свете. Благодаря последнему таланту она, даже когда вынуждена была последовать за мужем в Тверь, сумела создать там не просто маленький двор, но и литературный салон, в который не ленились приезжать из Москвы остролов и памфлетист, бывший министр Павла I, граф Ф.В. Растопчин, знаменитый писатель и великий историограф Н.М. Карамзин, славный тогда поэт И.И. Дмитриев. Это все были таланты первой величины, привлеченные лаской и вниманием «тверской полубогини», как именовали Екатерину Павловну тогда. Но одновременно все они были членами так называемой «старорусской» или «московской» дворянской консервативной партии, стоявшей с лета 1807 г. в оппозиции императору в связи с Тильзитским миром, а позднее и к реформам выдвигаемого императором на первые роли в делах гражданских М.М. Сперанского. Неслучайно именно в её тверском салоне в 1811 г. Н.М. Карамзин впервые читал

свою «Записку о древней и новой России», знаменитый манифест гражданственного консерватизма, подчеркивавший благодетельность «отеческого самодержавия» и осуждавший либеральные новации Сперанского и поддерживавшего его тогда ещё Александра. Кстати, вскоре там же она познакомилась с «Запиской» и своего августейшего брата, приехавшего её провести в тверском «уединении». Все эти литературно-политические связи великой княжны завязались именно в 1807 г., когда она, ещё совсем молодая девушка, проявила недюжинную волю и отличную политическую ловкость, став незаметно, как бы сама собою, без видимых усилий, главою партии дворянских консерваторов. Когда смотришь на её портрет, то невольно поражаешься, как в чертах этого нежного, одухотворенного, слегка капризного и притягательного лица, как в этих огромных серо-голубых глазах вдруг начинаешь узнавать черты её отца. Да, это он, но смягченный и облагороженный женским лирическим началом, смотрит на нас без присущей покойному императору заносчивой гордости и истерической подозрительности! Впрочем, это же сущностное сходство с Павлом I можно увидеть и в портретах Александра I. Вот уж воистину брат и сестра были слишком во многом схожи и сумели унаследовать сильные и, наверное, лучшие черты сумасбродного несчастного отца и великой проницательной бабки. А главное, оба были обладателями екатерининского «шарма», умели очаровывать и прельщать людей, вовлекать их «добровольно» в свою орбиту и потом подчинять себе. Конечно, великая княгиня была достойным партнёром и сильным, одновременно, оппонентом своему царственному брату. Поэтому-то вокруг неё и стали группироваться тогда недовольные его политикой.

Что-то такое стало носиться в сентябрьском политическом воздухе Санкт-Петербурга 1807 г., это почувствовали своим обострённым нюхом дипломаты. Сохранились

донесения шведского посла, барона К.-Л.-Б. Стеддинга к королю Густаву IV Адольфу о негодовании консервативного дворянства на Тильзитский мир, о том, что внимание к новому французскому послу генералу Савари, руководившему в далёком уже марте 1804 г. расстрелом герцога Энгиенского, проявляемое императором, скандализирует августейшее семейство и великосветское общество: «За всё время, что я нахожусь здесь... я никогда не видел такого всеобщего недовольства»²⁵⁶, пишет посол в Стокгольм 6 (18) сентября. А он ведь уже семнадцать лет провёл в столице России и повидал за этот срок немало. Через десять дней, 28 сентября (10 октября), барон доносит: «Недовольство против императора всё более возрастает, и со всех сторон идут такие толки, что страшно слушать... Но ни у кого не хватает смелости дать понять императору ту крайнюю степень опасности, которой он подвергается»²⁵⁷. И наконец, шведский дипломат резюмирует все свои опасения прямым указанием на сестру императора: «...Забвение долга доходит даже до утверждений, что вся мужская линия царствующей семьи должна быть исключена, и, поскольку императрица-мать, императрица Елизавета²⁵⁸ не обладает надлежащими качествами, на трон следует возвести великую княгиню Екатерину»²⁵⁹.

Документальных подтверждений этих слухов не обнаружено, да и трудно поверить, чтобы кто-то из русских аристократов или просто дворян, участвовавших в подобных намерениях либо просто в разговорах об этом, рискнул бы что-либо закрепить на бумаге, да ещё и сохранить подобного рода свидетельства. С другой стороны, барон Стеддинг столь долго прожил в Санкт-Петербурге и имел там такие связи в русском высшем свете, что в его информированности трудно сомневаться, неудивительно,

256. Манфред А.З. Указ. соч. С. 480.

257. Там же.

258. Жена императора Александра I.

259. Манфред А.З. Указ. соч. С. 480.

что, отозванного вскоре в связи со вспыхнувшей между Россией и Швецией войной, по её окончании именно его снова отправили на берега Невы. Но всё же один весьма оригинальный след существует, хотя и проглядывается далеко не полностью. Это взаимоотношения великой княжны с одним из наших героев — кн. Петром Ивановичем Багратионом.

Семейная жизнь знаменитого генерала была несчастлива, жена оставила его и уехала за границу ещё в 1805 г., где отнюдь не соблюдала ему верности. Такой человек и такой мужчина, каким был князь, не мог и не хотел оставаться один в подобных обстоятельствах, но он не желал разменивать себя на заурядные интрижки: это была эпоха романтизма, и он был одним из её героев. Они, очевидно, душевно сблизились в феврале 1807 г., когда князь прибыл ко двору с объяснениями по поводу обстоятельств битвы при Прейсиш-Эйлау. Ему было 37 лет, ей 18, он был герой, оваянный уже славою многих битв и походов, она, очевидно, привлекла его удивительным сочетанием молодости, ума и воли. Вскоре он уехал в армию, но оттуда начал писать вдовствующей императрице Марии Федоровне²⁶⁰ и ...великой княжне Екатерине. Она увлекалась живописью, и в письме к императрице-матери от 20 мая 1807 г., т.е. уже с похода, приведшего к Фридланду, князь Пётр Иванович пишет ...«о своих рисунках. Багратион сообщает императрице о том, что он уже выслал рисунки Екатерине Павловне и вот теперь высылает свой новый рисунок самой Марии Федоровне»²⁶¹. Тон письма почтителен и одновременно интимен, и это неудивительно, ибо с императрицей и её детьми он был знаком ещё с 1800 г., со времён возвращения из суворовской армии и женитьбы, которую устроил сам император Павел I. Если командир авангарда русской армии среди миллиона хлопот, связан-

260. Вдова Павла I.

261. Грибанов В.К. Указ. соч. С. 126.

ных с выступлением в решительный поход против самого Наполеона, находит время рисовать и отсылать свои рисунки 18-летней царевне, то что же это? Хочется верить, что это не только дань светским и придворным обязанностям, но и нечто большее, и гораздо более прекрасное.

По окончании злосчастного похода князь Пётр Иванович большую часть лета и начало осени 1807 г., т.е. то время, которое нас интересует, проводил в Павловске либо в Гатчине²⁶². Он был постоянный комендант Павловска, летней резиденции Марии Федоровны и её дочерей, в Гатчине стоял Л.-гв. Егерский полк, шефом которого князь был. Встречи с Екатериной Павловной были просто неизбежны. И ведь именно в это время петербургские салоны начали наполняться слухами о возможности переворота в её пользу. Мы никогда не узнаем, о чём говорили эти два по-настоящему неординарных человека в аллеях Павловского парка, да и стыдно подслушивать глубоко личные беседы такого мужчины и такой девушки. Но в распалённом мозгу петербургских фрондеров, вполне возможно, образ мужественного воина мог вызывать ассоциацию с Григорием Орловым²⁶³. Однако всё дело было в том, что князь Багратион не был авантюристом, алчно жаждущим славы, власти, богатства и любви любой ценою. Он был потомком Багратионов, возводивших свой род к царю Давиду и царице Савской, достаточно взглянуть на его герб, воспроизведенный под портретом полководца на гравюре работы И. Саундерса в начале XIX в., чтобы увидеть в центральной, т.е. родовой, части лиру и шестиконечную звезду: геральдические символы, указывающие на это древнебиблейское происхождение. Это говорит любому, кто знаком не понаслышке с этикой начала XIX в., что он помнит и все знают о его высоком происхождении, это значит, что он настоящий дворянин, что он не хочет и не

²⁶² Там же. С. 130.

²⁶³ Возлюбленный Екатерины II, сумевший сплотить вокруг себя гвардейских офицеров, недовольных Петром III, он много способствовал его свержению.

желает «любой ценою», он может только «по праву», т.е. он истинный дворянин, человек щепетильный в вопросах чести, а значит, не заговорщик. Возможно, что именно это в его характере и чувствах и привлекало великую княжну даже больше, чем его мужественная боевая слава: эта девушка имела особый дар чувствовать настоящее в мужчинах. Это же чувствовал в кн. Багратионе и император Александр, и поэтому не боялся его, но и не любил, ибо генерал, как и его крупный восточный нос, слишком уж выдавался из общего ряда верных подданных.

Ум и тонкое политическое чутьё императора делают ему честь в этой сложной ситуации. Он сумел на первое время обезоружить аристократическую оппозицию, используя в свою пользу вовсе не репрессии, к которым попусту он прибегать не любил, а политический просчёт англичан, как всегда вытекавший из их обычного национального эгоизма и высокомерия.

Всё началось с того, что в ответ на предложение русского посредничества между Лондоном и Парижем английское правительство потребовало, чтобы ему сообщили секретные статьи Тильзитского договора, уже это само по себе было оскорбительно для русского великодержавия. Это было в начале июля 1807 г. Сразу же вслед за тем кабинет тори решил уничтожить датский флот, чтобы не допустить объединения военно-морских сил Дании и России в противодействие английским интересам. В конце июля без объявления войны английский флот под командованием адмирала Джеймса Гамбьера пересёк Северное море и явился в проливе Зунд перед Копенгагеном, потребовав от датского кронпринца-регента Фредерика сдачи крепости Кроненбург, господствующей под Зундом, копенгагенского порта и всего датского военного флота. Кэтрин Вильмонт, нами уже цитировавшаяся ранее, в этот момент возвращалась на английском корабле Зундским проливом на родину. Предоставим ей слово:

«...8 часов утра²⁶⁴, когда мы подходили к Копенгагену. На борт корабля немедленно поднялся лоцман и на ломаном английском разъяснил, что Англия и Дания находятся в состоянии войны. Он указал на крепостные и плавучие батареи, которые были готовы открыть огонь по нашему кораблю, и добавил, что 400 английских транспортов с войском и несколько военных кораблей стоят в 20 милях у Эльсинора... Мы пошли к Эльсинору, и некоторое время спустя с канонерки²⁶⁵... капитану Ленделсу посоветовали держаться шведского берега... Ветер, к сожалению, был очень сильный, и мы бросили якорь у Эльсинора лишь в 7 часов вечера... вдруг пришёл приказ — никто из англичан не должен сходить на берег! Можешь представить себе наш ужас! Капитан уплыл на один из английских кораблей и не возвращался до 10 часов.

Нас окружали британские суда — 400 транспортов, 12 военных и 100 торговых кораблей. Раздавались восхитительные звуки сигнальных горнов, и играла военная музыка — картина была поистине воинственная! Вскоре от кронпринца Дании пришёл весьма определённый ответ: Зеландия не будет сдана, он станет защищать её до последней капли крови и скорее похоронит себя под развалинами старого Кроненбургского замка, чем согласится на требования англичан²⁶⁶. Адмиралу Гамбьеру ничего не оставалось делать: он приказал открыть огонь по городу и замку, но из-за отсутствия ветра войска не смогли высадиться на берег, ночь прошла без сражения. Тем временем мы получили приказ... утром немедленно отплыть в Англию... и теперь уже далеко от Эльсинора и “всея заварухи”, как говорят матросы. Признаюсь, что, если бы у

264. 14 августа 1807 г.

265. Датской.

266. Когда во время переговоров англичане обещали вести себя как друзья и платить за своё продовольствие, кронпринц спросил их представителей: «Какое же вознаграждение вы думаете уплатить за нашу честь?» и прекратил всякие переговоры // История XIX века; под ред. Лависса и Рамбо. М., 1937. Т. 1. С. 119.

меня была возможность попасть в укромную бухточку, я бы посмотрела сражение, которое обещает быть грандиозным. Судя по обстоятельствам, в победе англичан нет никакого сомнения (да смиростивится господь над датчанами, с ними так бесчестно обращались!)»²⁶⁷.

Последняя фраза К. Вильмонт говорит сама за себя, к ней нечего добавить. Когда ветер появился, английские транспорты приблизились к берегу о. Зеландия и «войска под командованием генерала Каскэрта высадились с северной и южной сторон Копенгагена и окружили его батареями. 1 сентября началась бомбардировка. В продолжение пяти дней огненный дождь ядер осыпал город, который с достоинством и мужественно выдерживал это испытание. Англичане ворвались в него, захватили шестнадцать кораблей²⁶⁸ и большое число лёгких судов, опустошили арсенал, забрали даже запасные снасти и верёвки и затем поспешно, как воры, удалились со своей добычей, явив миру пример неслыханного нарушения международного права»²⁶⁹.

Действительно, такое коварное, без объявления войны, нападение на столицу нейтрального государства, старавшегося до этого не участвовать ни на чьей стороне в борьбе для него глубоко чуждой, вызвало всеобщее осуждение и возмущение в Европе. Даже в Англии король Георг III в минуту просветления — он страдал от прогрессирующего сумасшествия — заявил офицеру, ведшему переговоры с датским кронпринцем, что ему повезло в том, что принц принял его на первом этаже, «ибо, — прибавил король, — если бы вы застали его этажом выше, он ногой спустил бы вас с лестницы»²⁷⁰. Возмущалась бесчестностью нападения на Данию и вигская оппозиция в стенах парламента. Но правительство, опираясь на консервативное боль-

267. Дашкова Е.Р. Указ. соч. С. 329–330.

268. Т.е. линейных кораблей, главную силу любого военного флота.

269. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. Указ. соч. С. 119.

270. Там же. С. 58.

шинство в палате общин, продолжало свою политику.

Император Александр в соответствии со своими либеральными принципами принял близко к сердцу такое насилие, такое наглое попрание права по отношению к Дании. Тем более, что на протяжении столетий наши страны связывала политическая и торговая дружба, а в XVIII столетии по мере своего ослабления королевство датское стало превращаться в политического протеже Российской империи. Нападение на неё он воспринял как личное унижение со стороны Англии. Наполеон старался использовать это, чтобы ускорить разрыв России с британцами ранее срока, указанного в Тильзитском договоре. Он писал русскому государю: «Стыдно было бы России оставаться в стороне после события, так близко её касающегося»²⁷¹.

Именно эти обстоятельства использовал Александр I для наступления на оппозицию, подчеркивавшую в этот момент своё англофильство уже хотя бы тем, что в конце октября 1807 г. на великосветском балу в первой паре, что было очень почётно, «шли» графиня Дарья Христофоровна Ливен и только что прибывший в Санкт-Петербург английский дипломатический курьер подполковник Роберт Вильсон, украшенный знаками ордена Св. Анны, полученными за бесстрашие в битве при Прэйсиш-Эйлау. Буквально через неделю после этой англофильской демонстрации, 7 ноября, император в резкой ноте выразил своё неодобрение российскому послу в Лондоне, гр. С.Р. Воронцову, главе партии русских англофилов, который позволил вовлечь себя своим друзьям в английской правительственной элите как бы в моральное соучастие копенгагенскому погрому. Александр резко протестовал против бомбардировки, напоминал о принципах морского права, провозглашенных ещё Петром I, и объявлял войну Великобритании. Теперь оппозиция должна была прикусить языки, чтобы не быть обвинённой в сочув-

271. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. Указ. соч. С. 120.

ствии к противникам России и её государю.

Этот поступок показал, насколько глубоко проник император в тонкость ремесла политика, как он умеет пользоваться удобной ситуацией. Все пересуды о возможном заговоре и перевороте прекратились, а вскоре новые внешнеполитические обстоятельства удалили ряд его возможных участников из Санкт-Петербурга.

Быстро обострились отношения со Швецией. Она отказалась, после нападения на Данию и объявления русскими войны Англии, закрыть Балтийское море для англичан, по прежним русско-шведским договорам о совместной защите балтийских берегов. Всё это была личная политика Густава IV Адольфа, фанатичного врага Наполеона. Король отказался примкнуть к континентальной блокаде, вернул русскому государю знаки ордена Св. Ап. Андрея Первозванного, заявив, что не желает носить такой же орден, что был возложен императором в Тильзите на Бонапарта. Последнее было уже личным оскорблением Александру I. Его колебаниям относительно того, воевать со Швецией или нет, приходит конец. Император трезво оценил, что ему для стратегической безопасности Санкт-Петербурга нужна Финляндия, ставшая русской провинцией. В противном случае её территорию может, в трудных обстоятельствах текущего 1807 г., использовать Англия, как плацдарм для нападения на русскую столицу руками шведов. Но если в будущем положение изменится, то точно так же с финской земли может быть нанесён удар по воле уже Наполеона. Кроме того, король не пользовался поддержкой шведского общества, как отмечал гр. де Местр: «Беда в том, что Монарх сей, пользующийся столь большим уважением и вполне сего достойный²⁷², не завоевал любовь собственного своего народа. Из четырех сословий три противу него, и, как говорят, за него лишь крестьяне»²⁷³.

272. Де Местр хвалит шведского короля, так как тот бескомпромиссный враг Наполеона.

273. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 91.

Однако начинаемая война не пользовалась популярностью среди русского дворянства, большой свет подчеркивал, что она ведётся по указке Наполеона: «Касательно Швеции ничего нового. Записные шутники говорят, что здесь дожидаются приказаний из Франции. Война сия, начатая без всяких резонов противу благородного короля, будет в высшей степени антинациональной и может дурно кончиться»²⁷⁴. Отрицательно относились к вспыхнувшей войне и вольнодумцы среди гвардейских офицеров: «Вслед за войной 1806 года и 1807 открылась шведская кампания. Был назначен главнокомандующим Буксгевден... Мне по ходатайству зятя моего предложено было быть при нём адъютантом, но, по независимости моих мнений и почитая эту войну несправедливою, я отказался от предложенного мне служения и много от моего упрямства потерял в выгодах в служебном отношении»²⁷⁵.

Зато император Александр многое приобрёл в политическом отношении, начав эту войну. Во-первых, он рассчитывал хоть как-то загладить фридландскую неудачу завоеванием целой страны, покорение которой поначалу происходило относительно легко, и казалось, свершится быстро и эффектно, а значит, укрепит его престиж. Во-вторых, убрать из столицы хотя бы часть фрондирующих против тильзитской политики офицеров и генералов. И действительно, назначение командовать 21-й дивизией, включенной в армию гр. Ф.Ф. Буксгевдена, получил кн. П.И. Багратион и в конце января 1808 г. покинул столицу. А уже 9 февраля в ночь русские войска, несмотря на суровые морозы и метель, по узким, заваленным снегами дорогам вступили в Финляндию и двинулись вглубь неё, оттесняя слабые шведские заслоны всё дальше и дальше на запад и на северо-запад занесенной снегом и скованной льдом страны Суоми.

274. Там же. С. 93.

275. Волконский С.Г. Указ. соч. С. 138–139.

Между тем антифранцузские выходки в Санкт-Петербурге продолжались, став теперь прерогативой гвардейской молодёжи. Политический протест причудливо переплетался в них с удалым молодечеством на грани хулиганства. Вот как вспоминает об этих эскападах кн. С.Г. Волконский на склоне дней своих: «Мой быт служебный, общественный был подобен быту моих сослуживцев, однолеток: много пустого, ничего дельного... Одним я теперь горжусь былым временем — это был общий порыв молодёжи всех слоёв желать отомстить французам за стыдное поражение наше под Аустерлицем и Фридландом.

Это чувство было так сильно в нас, что мы оказали ненависть французскому посланнику Коленкуру, который всячески старался сгладить это наше враждебное чувство светскими учтивостями. Многие из нас прекратили посещение в те дома, куда он был вхож²⁷⁶. На зов его на бал²⁷⁷ мы не ездили, хотя нас сажали под арест, и между прочими нашими выходками негодования было следующее. Мы знали, что в угловой гостиной занимаемого им дома был постав-

Ф. Жерар. Арман Огюстен Луи де Коленкур. 1800-е гг.

276. Маркиз А.О. — Л. де Коленкур, с 1808 г. герц. Виченский, аристократ, выгодно отличался от первого французского посла, после Тильзита пребывавшего в СПб., ген. Савари, «прославившегося» казнью герц. Энгиенского в 1804 г. Коленкур сумел своим аристократизмом растопить великосветский холод петербургских дам: «Я танцевал с наиболее упорными, — писал он, — а остальное сделает время». Так вот, чтобы поколебать уверенность наполеоновского посла и напомнить «неустоявшим» светским «львицам» об их патриотическом долге, молодые кавалергарды стали бойкотировать салоны, которые приняли Коленкура.

277. Во французское посольство.

лен портрет Наполеона и под ним как бы тронное место, а другой мебели не было, что почли обидой народности. Что ж мы сделали? — Зимней порой, в тёмную ночь, несколько из нас, сев в пошевни²⁷⁸, поехали по Дворцовой набережной, взяв с собой удобометательные камни, и, поравнявшись с этой комнатой, пустили в окна эти метательные вещества, и цельные окна — зеркальные стекла были повреждены, а мы, как говорится французами, *fonette cocher*²⁷⁹. На другой день жалоба, розыски, но доныне вряд ли кто знает, и то по моему рассказу, кто был в санях и я в том числе»²⁸⁰.

Но, может быть, уважаемый читатель, молодые гвардейцы и солидные многоопытные аристократы были пристрастны к сыну адвоката из Аяччо на побережье далёкой и диковатой Корсики? Может быть, они инстинктивно боялись его огромной природной энергии, его великолепного математического ума, с неодолимой ими логикой расчислившего, взвесившего и признавшего их слишком «лёгкими», безнадёжно устаревшими и отжившими свой социальный век и лишь мешавшими движению вперёд, к прогрессу? Может быть, они просто завидовали его гению, смелости и удаче, которым можно лишь кое-как подражать, но превзойти которые невозможно? Может быть, внутренне содрогаясь, они чувствовали в нём и его деяниях некую высшую правду, которой противостоять они толком не могли ни на поле боя, ни за столом переговоров и поэтому-то оказывались способными лишь под покровом ночи, исподтишка бить окна в посольском особняке? Может быть... Но что же делал он, этот могучий избранник судьбы, тогда осенью 1807 и зимой 1808 гг.? Какое великое благо для всего человечества задумал грозный победитель аустерлицкий и фридландский?

278. Широкие сани, обитые тёсом.

279. И след простыл (фр.).

280. Волконский С.Г. Указ. соч. С. 131.

Казалось бы, и Франция, и её император могли после Тильзита наслаждаться плодами мира. Хватит этой чудовищной резни за кусок обитаемой суши, именуемой Пруссия или Польша, а на самом деле являющийся бесконечными пространствами грязи, перемешанной со снегом, в которую обратили землю десятки тысяч солдатских сапог и тысячи колёс обозных фур и орудий. Ведь и сам император, при всём его гении, всего лишь человек. Разве не его перо вывело на листе бумаги строки, обращенные к Жозефине: «Вчера произошло ужасное сражение. Я потерял много людей. Поверь мне, душа страдает при виде стольких жертв войны...»²⁸¹ Разве не он написал в очередном бюллетене о всё том же поле битвы при Эйлау: «Страшное зрелище ...для погребения всех павших понадобилось много работы. Однако даже через 48 часов после сражения более 500 русских раненых ещё не было вынесено. Было приказано принести им водки и хлеба и затем отправить в госпиталь... Возле 24 орудий можно увидеть тела ездových, убитых в тот момент, когда они прилагали усилия, чтобы увезти их. Всё это особенно выделялось на фоне снега. Зрелище это должно вызывать у государей любовь к миру и отвращение к войне»²⁸². Я не хочу верить, что последние слова всего лишь красивая фраза. Я хочу думать, что он искренен в этот момент, что он тоже живой человек и может сострадать. Как хочется надеяться, что сбудутся слова воззвания, с которым он обратился к воинам своей армии 22 июня 1807 г.: «Солдаты! От берегов Вислы мы перенеслись к берегам Немана со скоростью полета орла... Вы вернетесь во Францию, увенчанные лаврами, после заключения мира, продолжительность которого будет гарантирована. Настало время, чтобы наше Отечество жило в покое и было избавлено от козней Англии. Мою признательность и бесконечную

281. Лашук А. Наполеон. История всех походов и битв. М., 2008. С. 288. Из письма о битве при Прейсиш-Эйлау.

282. Лашук А. Указ. соч. С. 288.

любовь к вам докажут мои добрые дела»²⁸³.

В последние дни июля император Наполеон возвратился в Париж, это было 27-го числа. Ровно через месяц, 28 августа, по его приказу генерал Лемарруа занял провинции Папского государства: Анкону, Мачерата, Фермо и Урбино. Как оказалось, это было только начало его «добрых дел». Через полтора месяца, 15 октября он на большом дипломатическом приёме в резкой форме потребовал от португальского посла примкнуть к континентальной блокаде. Регент Португалии немедленно объявил войну Англии. Но ещё даже не дождавшись этого, 27 октября император принудил испанского посла подписать в Фонтенбло секретный договор об уничтожении и расчленении Португалии: она должна была исчезнуть с карты Европы. Между тем ещё 17 октября один из ближайших сподвижников Наполеона, его друг с 1793 г. Ж.А. Жюно во главе 20000-ного корпуса перешёл р. Бидассоа, границу Испании и двинулся на Португалию. Королю Карлосу IV в Мадрид просто отправили извещение о марше французских войск через его страну; 19 ноября французы вступили в Португалию, а 30-го Жюно, не встречая сопротивления, вошёл в Лиссабон. Принц-регент бежал в Бразилию.

Между тем император уже находился в Италии, 23 ноября простым декретом королевство Этрурия было объявлено ликвидированным. В его столицу, Флоренцию, вступили французские войска, инфанту Марию-Луизу на престоле восстановленной Тосканы сменила сестра императора Элиза Баччокки, а через полгода, 30 мая 1808 г., великое герцогство как её пожизненное владение было включено в состав Французской империи. Но ещё в феврале 1808 г. французские войска вступили в Рим — вечный город и Папская область были окончательно оккупированы, а папа Пий VII заперся в Квиринальском дворце, блокированный там французами.

283. Там же. С. 319.

Но главное «доброе дело» стало оформляться ещё за несколько месяцев до этого... Испания давно уже не давала императору покоя. Сама по себе, сильно одряхлевшая, она теперь была лишь слабой тенью собственного былого величия. Ещё Директория в 1796 г. навязала ей союзный договор и втравила в войну с Англией, Наполеон усилил это влияние и заставлял давать себе многомиллионные субсидии, присоединил испанский флот к своему и тем обрёк его на гибель при Трафальгаре. Когда началась война 1806 г., первый министр и фаворит дон Мануэль Годой собрался тайно примкнуть к коалиции Англии и Пруссии, чтобы совместно атаковать Южную Францию и тем сбросить наполеоновское ярмо, изящно именовавшееся союзом. Не дожидаясь вестей из Германии, фаворит 5 октября 1806 г. опубликовал манифест, звавший испанский народ на борьбу с врагом, которого он не называл по имени, но которого легко можно было угадать. Через неделю Наполеон выиграл битву при Иене. Годой позорно струсил, в газетах опубликовали политическую басню о подложности манифеста. Карлос IV и его министр униженно поздравляли императора с победой над Пруссией и заверяли в своей преданности. Тот, казалось бы, принял испанские оправдания, во всяком случае он официально говорил об этом, одновременно вытребовав 15 000 наиболее боеспособных испанских войск — дивизию маркиза ЛаРоманы в Гамбург, где они в 1807 г. оказались под командованием маршала Бернадота. По заключении Тильзитского мира эти войска так и остаются в Германии: то ли союзники, то ли заложники, а вскоре, как мы видели, генерал Жюно двинулся через испанскую территорию на завоевание Португалии.

Хотя занятие Лиссабона и всей страны прошло в общем-то спокойно, французские войска и в ноябре, и в декабре, и в январе наступившего 1808 г. продолжали вступать на северо-запад Испании, под предлогом обе-

спечения тыла корпуса Жюно, а на самом деле оккупируют Наварру, северную Кастилию, Леон, север Каталонии. Фактически весь север и северо-восток страны до самой долины р. Эбро уже в руках французов. В самый разгар этих событий Наполеон в ночь с 12 на 13 декабря 1807 г. встречается в Мантуе со своим младшим братом Люсьеном. Единственный из многочисленного клана Бонапартов он также обладал неоспоримыми способностями и очень помог старшему брату 19 брюмера 1800 г. при ликвидации Совета Пятисот в Сен-Клу²⁸⁴. Однако потом разошелся с ним, считая себя недостаточно оценённым при Консульстве и не принял режим Империи, кроме того, Люсьен не хотел разводиться со своей женой, на чём всегда настаивал венценосный брат. На этой ночной встрече император искал примирения с младшим братом и предлагал ему на выбор престол во Флоренции, Лиссабоне или Мадриде. Но, как можно было предлагать этой декабрьской ночью испанский престол, если на нём «незыблемо» восседал король Карлос IV, «друг и союзник» Франции и её императора?²⁸⁵ Ответ может быть только один: в мыслях Наполеона уже мелькала идея о «добром деле» в отношении Испании.

Но взять и просто присвоить королевство Испанское в собственность семьи Бонапартов перед лицом всей Европы было невозможно. Нужна поддержка или благожелательное спокойствие перед лицом подобного захвата со стороны тильзитского союзника, со стороны России. Но подобное поведение великой державы можно купить лишь серьёзными уступками. И вот Наполеон решает: он лишь поманил в Тильзите Александра перспективой раздела Турецкой империи, но умышленно не включил её в текст договора, что позволяло в конце 1807 г. заявлять:

284. Совет Пятисот — нижняя палата французского парламента по конституции 1795 г. Люсьен Бонапарт был её председателем 18–19 брюмера, рядом с братом в критические минуты переворота он объезжал войска, символизируя единение парламента с генералом.

285. Манфред А.З. Указ. соч. С. 511–512.

«Говорят, что я уклонился от Тильзитской мелодии; я признаю только мелодии, положенные на ноты, т.е. текст договора»²⁸⁶. Но теперь, когда он замыслил проглотить Испанию, по отношению к обещаниям, высказанным в Тильзите, надо переходить поистине от слов к делу. И 2 февраля 1808 г. он пишет письмо к императору Александру: «...Государь, брат мой, только что прибыл генерал Савари. Я провёл с ним долгие часы, расспрашивая о Вашем величестве. Всё, что он мне сказал, польстило моему сердцу... Вскоре Ваше величество ознакомится с последними речами английского парламента и его решением, в котором говорится о войне до победного конца... Мы можем добиваться мира между нами и укрепить нашу систему только посредством крупных и значительных мероприятий. Пусть Ваше величество усилит свою армию. Ваше величество может рассчитывать на всю необходимую помощь и поддержку от меня. Никакое чувство зависти не настроит меня против России, которой я не желаю ничего, кроме как славы, благоденствия и увеличения территории.

...Вашему величеству необходимо отодвинуть шведов от Вашей столицы. Пусть Ваше величество расширит с этой стороны свои границы так далеко, как оно соблаговолит; я готов ему помочь всеми имеющимися в моем распоряжении средствами.

Направляющаяся через Константинополь в Азию 50-тысячная армия, составленная из русских, французов и, возможно, из австрийцев, не успеет прибыть из Европы, как приведёт в трепет Англию и заставит её встать на колени перед объединёнными силами континента. Я имею возможность собрать армию в Далмации, Ваше Величество — на Дунае. Спустя месяц, как мы условимся, наша армия может прибыть на берега Босфора. Слух об этом разнесется по Индии, и Англия будет сломлена.

²⁸⁶. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. Указ. соч. С. 123.

Я никоим образом не отказываюсь ни от какого предварительного условия, ведущего к достижению сей великой цели. Но взаимный интерес наших двух государств должен быть согласован и урегулирован. Это может совершиться только при свидании с Вашим Величеством или в результате искренних бесед между Румянцевым и Коленкуром и после назначения сюда лица, преданного нашей политической системе.

...Всё может быть подписано и решено до 15 марта. К 1 мая наши войска могут быть в Азии, а войска только Вашего Величества — в Стокгольме. Тогда англичане, когда увидят нависшую над Индией и всем Левантом угрозу, будут раздавлены под тяжестью грядущих событий.

Ваше величество и я предпочли бы блага мира, мы предпочли бы проводить нашу жизнь в наших необъятных империях, совершенствуя управление оными, посвящая себя заботам об их возрождении и счастии наших подданных, покровительствуя искусствам. Но этого не хотят наши враги. Поэтому нам необходимо стать более великими, чем мы есть в действительности. Мудрости и политике присуще следовать велениям судьбы и идти туда, куда нас неодолимо влечет ход событий. Тогда эта кучка карликов, которая не желает видеть, что настоящие события таковы, что следует искать им сравнение в Истории, а не в газетах последнего столетия, покорится и пойдет по указанному Вашим Величеством и мною пути. И тогда Ваши подданные будут наслаждаться славой, богатством и счастьем, которые станут результатом их великих свершений.

... Дело Тильзита должно определить участь мира. Возможно, некоторая доля малодушия как со стороны Вашего Величества, так и с моей заставляла нас предпочитать более обеспеченное настоящее положение лучшему и более совершенному положению, которое может быть приобретено в будущем. Поскольку Англия не желает мира,

отдадимся во власть грядущих великих перемен и свершений. Наполеон»²⁸⁷.

«Вот слова, достойные Тильзита!» — сказал Александр французскому послу Арману де Коленкуру, прочтя письмо французского императора. Лицо русского государя сияло, восторг изобразился в его чертах²⁸⁸. В инструкции, доставленной Коленкуру с тем же курьером, который привёз письмо русскому государю, говорилось о необходимости начать предварительные переговоры о разделе Турции и его условиях. Одновременно император торопил начало личных переговоров и был готов на любые предложения русской стороны: «Если император Александр может приехать в Париж, он доставит мне этим большое удовольствие. Если он может выехать лишь на полдороги, отметьте циркулем на карте середину пути между Петербургом и Парижем. Вы можете дать согласие по этому вопросу, не дожидаясь ответа от меня: я неукоснительно явлюсь на место свидания в условленный день»²⁸⁹. Последняя фраза говорит о том, как жаждал этого свидания Наполеон, как оно ему было необходимо посреди тех замыслов захватов, которые теснились в его уме и сердце.

Конечно, встретиться он в ближайшие недели с Александром, продемонстрируй всей Европе неизбежность тильзитских рукопожатий, и совершить «доброе дело» относительно Испании будет легче легкого, и смирение Австрии и одиночество Англии станут абсолютны и непреодолимы, как и для полураздавленной Пруссии её очевидное ничтожество. Только бы русский император приехал, откликнувшись на его призыв.

Шел март 1808 г. Русские войска продолжали теснить шведов, эскадроны гродненских гусар Я.П. Кульнева и Ф.В. Ридигера с помощью донских казаков взяли Тамер-

287. Лашук А. Указ. соч. С. 325–326.

288. Там же. С. 329; История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. Указ. соч. С. 126.

289. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. Указ. соч. С. 126.

форс и двинулись за отступающим неприятелем к Бьернеборгу и Вазе: Южная и Средняя Финляндия, казалось бы, уже завоеваны²⁹⁰, а там вроде бы просматривался и близкий конец «небольшой» войны. Поэтому Александр I приказал министру иностранных дел гр. Н.П. Румянцеву вместе с Коленкуром приступить к выработке предварительных условий раздела европейской Турции. Министр и посол, склонившись над картой Европы, расстеленной на столе, начали распределять между Россией и Францией страны Балканского полуострова, принадлежавшие Османской империи. Тасуя между собою провинции и города, они беседовали, естественно, по-французски: «Вам, — говорит Коленкур, — Молдавия, Валахия и Болгария; нам — Босния, Албания и Греция, а для Австрии мы выкроили промежуточный удел»²⁹¹.

Затруднения начались, когда высокие договаривающиеся стороны дошли до Фракии²⁹² и, конечно же, Константинополя, который как столица Османской империи, великолепный и богатейший торгово-ремесленный город и сильнейший опорный пункт на Босфоре, был «главным призом» для тех, кто собрался расчленить Турцию. Он был древней столицей Византийской империи, чьей преемницей со времен Ивана III считалась Россия, недаром же Москва именовалась «Третий Рим». Он был мостом, и мостом кратчайшим, между Европой и Азией; он сторожил выход из Чёрного моря. Сюда мечтала водворить новым греческим императором своего внука Константина ещё сама Екатерина II. Так кому же достанется Константинополь-Царьград?

«Александр сперва предложил сделать его вольным городом, затем, уступая советам своего министра, более честолюбивого, чем он сам, потребовал его для себя и

290. Шкваров А.Г. По закону и казачьему обыкновению. Хельсинки, 2008. С. 207.

291. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. Указ. соч. С. 127.

292. Сейчас это территория Южной Болгарии и Северной Греции.

заупрямился на этом»²⁹³. Зная любовь императора к отвлеченным либеральным идеям, легко поверить, что он вначале мог предложить сделать Царьград вольным городом: к этому располагало и его многонациональное население, и вышеописанное стратегическое значение и, что немаловажно, желание государя выглядеть в глазах Европы скорее освободителем, чем завоевателем. Но гр. Н.П. Румянцев, сын знаменитого полководца, героя Кагула и творца Кючук-Кайнарджийского мира с турками в 1774 г., напомнил своему государю о стремлениях его великой бабки, и Александр переменял свой взгляд, тем более, что сделать Константинополь русским — означало искупить позор Аустерлица и Фридланда, а следовательно, помириться с петербургской и московской дворянской фрондой.

Но тут же возникли споры с французским послом: «Колленкур не оспаривал у него Константинополя, но желал уравновесить эту крупную уступку приобретением для Франции Дарданелл; Александр и Румянцев отвечали, что получить Константинополь без Дарданелл — всё равно что приобрести запертый дом, не имея ключа к нему»²⁹⁴. За Дарданеллы с Босфором, за этот «кошачий язык», как выразился Румянцев, намекая на форму полуострова Галлиполи²⁹⁵, они предлагали Наполеону целую державу: Египет, Сирию и малоазиатские порты²⁹⁶. Соглашения так и не удалось достигнуть; было составлено два проекта дележа — французский и русский. Александр написал Наполеону письмо, дышавшее сердечностью и признательностью, но обусловил свидание предварительным принятием русского проекта в его главных чертах»²⁹⁷.

293. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. Указ. соч. С. 127.

294. Если пролив Босфор соединяет Чёрное море с Мраморным, то последнее посредством Дарданелл соединяется с Эгейским, т.е. северной частью Средиземного моря, и приобретение Босфора без Дарданелл для русских бессмысленно. Отсюда и реакция царя и Румянцева.

295. Он является европейским берегом Дарданелл.

296. Т.е. порты на средиземноморском побережье современной Турции.

297. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. Указ. соч. С. 127.

Письмо ещё только было написано, как начались события, сначала замедлившие встречу императоров и осуществление дележа Турции, а потом и вовсе направившие интересы Наполеона и Александра на иные пути. В Испании, в Мадриде и королевской резиденции Аранхуэсе, вспыхнул народный бунт, спровоцированный инфантом Фердинандом против Мануэля Годоя и Карлоса IV, решивших бежать в Севилью, когда они узнали желание Наполеона обменять Португалию на Северную Испанию до р. Эбро. Таким образом «предлагая» Португалию в обмен на север страны, уже и так оккупированной его войсками, император Франции фактически нарушил договор в Фонтенбло от 27 октября 1807 г. и стремился стать твердой ногой За Пиренеями, как он это уже сделал в Италии в 1802 г., «перешагнув» Альпы с аннексией Пьемонта.

Однако император просчитался, испанцы — народ бедный и фанатичный в своей вере и суевериях, но безмерно гордый и свободолюбивый. Их характер был выкован столетиями Реконкисты, превратившей не только идалго, но и крестьян и пастухов в природных воинов, которые не меньше, чем кабальеро, дорожили единственной ценностью, которую человеку терять нельзя никак, — своей честью. Народный бунт 17–18 марта не только смёл дона Годоя, но и вынудил отречься от короны Карлоса IV, 19 марта инфант стал королем Фердинандом VII. Эти события позволили маршалу Мюрату 23 марта вступить в Мадрид, а 25-го убедить старого короля протестовать против своего отречения и прибегнуть к заступничеству Наполеона. Испанский плод «подгнил» и, казалось бы, сам падал в руки, ну как тут было не совершить «доброе дела», да ещё и по просьбе самого же испанского короля?

Едва император в Париже узнал о событиях в Мадриде, как 31 марта прибыло письмо от русского самодержца, предлагавшего отсрочить свидание до принятия его

предварительных предложений²⁹⁸. Наполеон увидел в этом знак судьбы: он может пока что довершить начатое в Испании, а потом уже прийти к соглашению с Россией. Он не стал отсылать заготовленный благожелательный ответ в Лондон, который в начале марта 1808 г. пытался зондировать через бывшего русского посланника Аполеуса почву в Париже на предмет мирных переговоров²⁹⁹: ничего, англичане никуда не денутся и будут только сговорчивее после его успеха за Пиренеями. Он выехал из Парижа в Байону, на испанскую границу. Жребий был брошен.

Император поджидал испанскую королевскую семью в Байоне. Сначала 20 апреля прибыл новоиспечённый Фердинанд VII, он очень не понравился Наполеону: «Очень глуп, очень зол и ненавидит Францию», 30 апреля приехали Карлос IV, королева Мария-Луиза и дон Годой. На глазах у французского государя, не стесняясь его присутствием, король-отец разругался с сыном и даже замахнулся на него тростью. Император прокомментировал увиденное: «Казалось, что я присутствую при ссоре крючников»³⁰⁰. Это был моральный крах испанских Бурбонов. В этот момент 2 мая 1808 г. восстал простой народ Мадрида, раздражённый хозяйничаньем французов в столице, маршал Мюрат утопил это восстание в крови. Но это лишь вызвало цепь восстаний по всей стране: в Картахене и Андалузии, в Севилье и Валенсии, в Галисии и Арагоне, везде народ брался за оружие, везде возникали народные хунты — советы. Узнав 5 мая о мадридской резне, император ловко использовал её для завершения «доброго дела»: он обвинил Фердинанда в подстрекательстве к кровопролитию в столице и угрожал расстрелять его. Молодой король струсил и отрёкся от престола. Император лицемерно предложил Карлосу IV свою помощь для возвращения в Мадрид. Но «старый король отказался, прося лишь о том, чтобы

298. Там же. С. 128.

299. Там же. С. 128.

300. Лашук А. Указ. соч. С. 330. Крючники — портовые грузчики.

ему дали мирно окончить его дни с женою и Годоем. Он уступил свои права императору, выговорив только, чтобы Испания не была разделена и церковь не осталась без защиты»³⁰¹. К 12 мая все испанские Бурбоны отказались от своих прав на корону и передали её в руки Наполеона. «Похищение» Испании совершилось.

Пока происходили эти события по обе стороны Пиренеев, изменилась ситуация в Финляндии: гр. Ф.Ф. Буксгевден слишком разбросал наши немногочисленные войска и новое шведское командование, воспользовавшись этим, перешло в наступление. Уже 15 апреля был окружён и разбит отряд полковника М.Л. Булатова у Револакса, а сам храбрый командир, трижды тяжело раненный, взят в плен при попытке прорыва из вражеского кольца. Такая же участь постигла и отряд полковника Обухова. После этого началось отступление дивизии ген. Н.А. Тучкова, отошедшей к 21 апреля на 150 верст на юг в г. Карлеби. С этим наступило затишье, так как в Финляндии началось таяние снегов и дороги исчезли, а мосты и плотины были снесены половодьем. Война из легкой превращалась в тяжёлую. В такой ситуации императору Александру пришлось признать переворот, устроенный Наполеоном в Испании, и тот 6 июня провозгласил своего старшего брата Жозефа её королем, а в Неаполь, где тот ранее правил, «отправил» королем маршала Мюрата. И эти перемены были приняты в Санкт-Петербурге без возражений.

Но именно в тот момент, когда, казалось бы, оба монарха шли в своей политике рука об руку, возвысил свой голос тот, кого они в расчёт не принимали: простой народ Испании и Финляндии.

В чём сила народа? Не ответив на этот вопрос, дорогой читатель, нам не написать и не понять этой книги. Народ — тысячерукий великан, ногами своими он упирается в земную твердь, головой достает до небес: это его руки

301. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. Указ. соч. С. 172.

превращают и жирный чернозем, и упрямый суглинок в колосающуюся хлебами ниву, это его руки возводят гигантские плотины и собирают сложнейшую технику, которую унесут космические аппараты вглубь Вселенной. Народ — это... мы с вами. Без нас здесь, на Земле, не было бы ничего. Каждый человек в отдельности может быть и слаб, и глуп, и необразован, и ленив, но все вместе мы великая сила, которая может преобразовать мир со всем его несовершенством. Правители и политики мнят, что они правят государствами и вершат судьбы людей, это не так, они держат власть, пока народ, погруженный в мелочные заботы сегодняшнего дня, спит либо слепо верит им. Иное дело, когда народ пробудится и сам решит, что для него хорошо, а что плохо, тогда сразу станет очевидно, что вся власть в его руках и что он, народ, творит свою историю. Пробуждённый народ — непобедим!

В чём всегда была сила Наполеона Бонапарта, офицера и генерала Республики, Первого консула французского народа, наконец, императора Французской республики, как

*Ж.Л. Давид. Коронование императора Наполеона I
и императрицы Жозефины в соборе Парижской Богоматери
2 декабря 1804 года. 1805–1808*

он именвал себя в 1804 г.? Он был дитя не одной только Корсики, острова диковатого и малоцивилизованного, он был интеллектуальное дитя всей Франции, он был духовный сын великого Просвещения. Он поддержал грандиозный нравственный взрыв 1789 г., штурм Бастилии и Декларацию прав человека и гражданина, потому что это был его взрыв, его штурм, потому что он был и человек, и гражданин. Это сила проснувшегося народа, переплавленная в разящий меч революционной войны, превратила его из неизвестного артиллерийского поручика в генерала в 24 года, тогда осенью 1793 г., когда он вёл армию на штурм Тулона, он штурмовал свою Бастилию. Тогда он был друг якобинцев, ибо кроме них никто не мог разрушить старый мир короля, аристократов и привилегий, мир, который не замечал его и которому был не нужен поручик Наполеоне ди Буонапарте. Это народ Франции и революция сделали его Наполеоном Бонапартом. В 1794 г. он разошёлся с якобинцами, ибо их террор, кровь, которую они проливали под стальным лезвием гильотины, ужасала и отвращала его, как и тысячи честных французов. Но, отказавшись от якобинцев, он не отказывался от Республики, а значит, и от народа, это их он защитил в месяце вандемьере 1795 г., подавив роялистский бунт в Париже, это силою народа в 1796 г. он разгромил австрийцев и освободил Италию от их ига. Но чем дальше он наблюдал растленные нравы и подлое управление Директории, тем больше он начинал разочаровываться в народе Франции, который терпит подобную власть. Тем больше он стал любить себя и искать поддержки в самом себе.

Да, как ни прискорбно, но именно народ виновен в том, что и великие люди становятся эгоистами, не выдержав испытания славой, именно народ, когда он, устав от гигантского напряжения Революции, ищет покоя и стабильности в мелочных сиюминутных заботах текущего дня, порождает в политиках наглую самоуверенность в

своей корыстной правоте использовать кормило власти в своих мелких и низменных интересах. А чего, собственно, бояться народ, если он так слаб, глух и падок на лесть и обман? Что поделатъ, жизнь — это всего лишь живая ДИАЛЕКТИКА: излишняя сила порождает слабость и упадок сил. Он поверил в эту слабость народа и, опираясь на неё, взял власть и стал Первым консулом, а так как ослабевший народ увидел в нём героя, который приведёт его к счастью и стабильности, он же, опираясь на такой народ, дал ему подобие стабильности, но счастье забрал себе. Так Наполеон стал императором, но перестал постепенно слышать и чувствовать народ Франции, его чувства и интересы он подменил своими чувствами и своими интересами. Он стал говорить, писать и даже думать: «мой народ», «моя Франция». Он теперь воспринимал их как свою собственность. Что может быть хуже? Нет, Ваше императорское Величество, нет, господин президент — мы не ваша собственность, мы суверенный народ, мы источник вашей силы, и горе вам, если вы об этом забудете, — источник иссякнет.

Он так привык за эти годы громить императоров и королей, третировать папу, унижать канцлеров и министров, что совсем перестал принимать в расчёт НАРОД. Теперь наступал час расплаты. Испанский народ пробудился и взял в свои руки то, что делает человека, подвергающегося нападению, свободным, — оружие. Анри Лашук посвящает этому весьма характерный для чисто французских историков пассаж: «...произошли новые мятежи, усиленные свирепой ненавистью данного народа, который Наполеон собрался просветить и “возродить”, дав ему Гражданский кодекс! Император проявил поразительную наивность, слишком высоко оценивая степень цивилизованности испанцев»³⁰². А. Лашук — честный человек, он прямо говорит о том, что французы творят

³⁰² Лашук А. Указ. соч. С. 331.

в Испании неимоверные жестокости, несовместимые с правилами военной чести и кодексом войны³⁰³, но тут же снова упоминает о «свирепой дикости» испанцев³⁰⁴. При всем уважении к его честности человека, он не прав как историк, пытаясь представить борьбу Наполеона и его армии с народом Испании как борьбу цивилизации с нецивилизованностью, уравнивать грабежи и насилие одних со свирепой дикостью других. Всё это не так просто.

Испанцы, при всей их «недостаточной цивилизованности» и «дикости», с точки зрения французов, жили у СЕБЯ дома и ТАК, как ОНИ привыкли. Пусть не так прогрессивно, как живут другие, но кто смеет СИЛОЮ навязывать прогресс независимому народу. Только мы САМИ имеем право судить о том, КАК мы живем, и судить наших правителей, если мы ими недовольны. Не испанцы вмешались в дела Франции, а наоборот; не испанцы принудили Наполеона насилием и обманом отречься от короны, а наоборот. Конечно, Карлос IV, дон Фердинанд, королева Мария-Луиза и дон Годой плохи, мелки и коварны, но разве это повод для коварного захвата страны? И чем лучше их тот, кто заманил их в Байону, лишил власти и «похитил» Испанию для себя? Да, он гений, великий человек, кто же с ЭТИМ спорит, но разве гений имеет право быть бесчестным и коварным, разве великий талант, зажжённый в нём великой силой, может позволить себе отбросить в сторону нравственность ради презренной и сомнительной выгоды? Испанцы отвергли все его «данайские дары» не потому, что были «нецивилизованы достаточно» или «свирепо дики», а потому, что национальная гордость не позволяет честному человеку принимать «блага цивилизации и прогресса» из рук захватчика.

Поднялась вся страна, и противником французской армии и Наполеона стал народ. Да, он был недостаточно ци-

303. Там же. С. 333–336.

304. Там же. С. 336.

вилизован по сравнению с французами или англичанами, но именно эта «дикость» гордых бедняков давала им силы для бесконечного самопожертвования, борьбы и победы. Цивилизованные немцы, австрийцы, бельгийцы, голландцы и пр. добровольно или после первых неудач покорялись завоевателю, тоже даровавшему им «прогресс» силою своих штыков, но они утратили величайший из даров Всевышнего — честь и свободу. О, цивилизация — противоречивая вещь, никогда не надо забывать, как цивилизованные французы в 1940 г. не смогли найти в себе духовных сил противостоять новым варварам XX в., нацистам, поправшим все нормы цивилизации и свободы. Придёт пора, и «недостаточно цивилизованный» русский мужик и мещанин окажутся способны на такую же «дикую свирепость», что и испанский крестьянин или ремесленник, и это поможет победить русской армии в 1812 г. Весь народ, все сословия в лице своих лучших людей сплотятся воедино и превратят войну двух империй и двух императоров в Отечественную, а значит, победоносную. Дайте только время, и русский народ ещё покажет себя.

А тогда, летом 1808 г. показали себя простые, немногословные и тоже недостаточно цивилизованные финские мужики. Национальный характер финна выковало тысячелетие противостояния дикой суровости необычайной нашей северной природы. Я пишу эти строки в Санкт-Петербурге и знаю то, о чём говорю. Как и наши новгородцы и костромичи, вологодцы и архангелогородцы, как и наши поморы, финны и карелы — честные труженики, землепашцы, ловкие рыболовы и охотники, отличные лыжники и следопыты. И пусть их край Суоми неярок и небогат, но это ИХ Родина и они поднялись. «После двухмесячного отступления шведов финны уже и не сопротивлялись, считая русских непобедимыми. Но поражения, сначала Кульнева, затем Булатова и Обухова, разбудили Финляндию. Крестьяне доставали оружие, брали

рогатины, собирались в отряды и нападали на отдельные слабые русские отряды, на госпитали и обозы. Началась народная партизанская война»³⁰⁵. Даже падение «Балтийского Гибралтара» — Свеаборга, прикрывавшего доступ к Хельсинки с моря, не ослабило эту войну, а наоборот: «Отпущенные на свободу финские солдаты, с обещанием больше не поднимать оружие против русских разбрелись по своим домам и влились в партизанские отряды, как масло в огонь. Возглавляемые опытными командирами из шведских и финских офицеров, эти отряды стали сущим бедствием для занявших Финляндию русских. Отряды Фландра, Мальма, Тияннена непрерывно нападали на малочисленные отряды русских, на аванпосты и пикеты. Части партизан их командиры старались придать вид регулярного войска — к охотничьим ружьям приделывали заостренные деревянные штыки, украшали их шляпы лентами и кокардами из березы»³⁰⁶.

Действия финских партизан носили энергичный и, что соответственно крестьянскому менталитету, жестокий характер, особенно это проявилось, когда в дер. Плелансе 13 июня был частично вырезан, частично пленен эскадрон Лейб-гвардейского Казачьего полка: «Семьдесят человек лейб-казаков захватили поселяне врасплох на морском берегу и мучительно умертвили. Я сам видел яму, в которой под грудой угольев найдены кости наших несчастных казаков. Говорят, что поселяне бросали в огонь раненых вместе с мёртвыми. Некоторые пикеты, явно атакованные, защищались до крайности, но были взяты превышающей силой бунтовщиков и изрублены топорами на мелкие куски»³⁰⁷. Ещё один эпизод партизанской войны вызвал у Ф.В. Булгарина интересное сравнение: «Сандельс выслал несколько офицеров в тыл нашего корпуса для пред-

305. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Финляндской войны на су-
хом пути и на море в 1808 и 1809 гг. СПб., 1841. С. 107.

306. Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 279.

307. Булгарин Ф.В. Воспоминания. М., 2001. С. 159.

водительства вооруженными поселянами и для собрания солдат, отрезанных от арьергарда, приказав им тревожить нас беспрерывно и наносить зло по возможности. Эти толпы напали врасплох под начальством шведских офицеров на наш подвижной магазин и на понтонную роту, перебили почти всех наших солдат, сожгли понтоны и всё, что не могли взять с собою, увели лучших лошадей, а 400 остальным подрезали жилы у передних ног, под коленами. Это отзывалось уже Испанией!»³⁰⁸

Ф.В. Булгарин — сам свидетель описанных событий, точно определил внутреннее родство народной войны в Испании и Финляндии. Однако были и отличия ... в поведении армий, вторгнувшихся в страну. Не хочу бросить лишнюю тень на репутацию французов, но они и сами признают жестокости, которые творили на Пиренейском полуострове: «На дороге можно повсюду встретить следы ужасных сцен войны. Разрушенные деревни, ограбленные и раздетые догола трупы. Женщин насилюют на глазах отцов и мужей, разоренные церкви превращены в отхожие места. Остатки “цивилизованности” исчезают на глазах... На свирепую дикость испанцев французы отвечали грабежом и насилием. Эта кампания становилась похожей на страшные войны Средневековья»³⁰⁹. «Солдаты, не надеясь выйти живыми из этой бойни, где число пленных было ничтожным по сравнению с числом растерзанных фанатиками, предавались безудержному пьянству и разврату, не щадя даже монахинь»³¹⁰. 10 ноября 1808 г. испанские войска разгромлены под Бургосом, и вступившие в него французы предались неистовому грабежу: «Что касается Бургоса, взятого штурмом, из которого бежали практически все жители, он стал жертвой самого беззастенчивого грабежа: двери домов были разбиты, улицы усеяны разбросанной одеждой, осколками разбитой посуды, облом-

308. Булгарин Ф.В. Указ. соч. С. 157–158.

309. Лашук А. Указ. соч. С. 336.

310. Там же. С. 347.

ками мебели. Наши солдаты суеились среди всего этого разгрома, согнувшись под грузом ценных вещей. Некоторые несли на плечах огромные мешки... Необходимость искать продовольствие служила хорошим поводом для грабежа, и ничто не избежало разрушения³¹¹», — писал в своих мемуарах гр. Ф.П. Сегюр.

Думается, что в глазах финнов русские тоже были захватчиками, но вели себя иначе, насколько это вообще возможно на войне. Примером подлинной рыцарственности был будущий герой 1812 г. Яков Петрович Кульнев. Истинный гусар и телом и душой, крестник бессмертного Суворова, бывшего другом его родителей и чуть ли не помогшего во время Семилетней войны увезти мать будущего героя из Пруссии, «согласив» её родителей на брак со скромным русским прапорщиком. Воспитывался в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, 21 года выпущен поручиком в пехоту, потом перешёл в кавалерию, участвовал в русско-турецкой 1787–1791 гг. и в польских 1792 и 1794 гг. войнах, был награждён дважды за храбрость чинами не в очередь. При Фридрихсбурге пробился сквозь ряды французов, награждён чином полковника. В Финляндии он был лучшим авангардным командиром и обессмертил имя Гродненского гусарского полка, в котором служил. Денис Давыдов, знавший его лично в этой кампании, писал о том возмущении, которое охватывало Кульнева, когда он узнавал об обидах, причиненных финскому населению, или о случаях его ограбления. Это доводило благородного гусара до такого негодования, «что нужны были слова его истинных друзей... чтобы удержать его от бесчеловечной жестокости с виновными»³¹². Не менее важно и то обстоятельство, каким запомнили Кульнева сами финны: это навсегда записано их национальным поэтом П. Рунебергом в его знаменитой поэме «Рассказы прапорщика Столя»:

311. Там же. С. 349.

312. Давыдов Д.В. Военные записки. М., 1982. С. 113.

«Да, всякий знал его, любил
Из наших финских войск солдат;
Им дорог старый Кульнев был,
Как боевой собрат!
И впрямь! Ведь старый Кульнев был
Чист словно золото душой...»³¹³

«Тот же Рунеберг свидетельствовал о том, что, когда гусары Кульнева захватили 400 пудов хлеба неподалёку от Таммерфорса, а пекарь пожаловался Кульневу, что за этот хлеб, предназначенный для шведской армии, денег от шведов он не получал, последний отдал ему все находившиеся при нём собственные деньги, а на оставшуюся сумму выдал квитанцию»^{314, 315}.

Не менее показателен и следующий случай, связанный уже с финскими партизанами: «Когда донские казаки сотни Нестерова захватили в плен с десятков саволакских ополченцев, заставили их вырыть яму и преспокойно перекололи их пиками, сотнику досталось от командира эскадрона улан Цесаревича³¹⁶. Нестеров, наблюдая за казнью, сидел на коне, сняв шапку, приговаривал: "Слава те, Господи! Погубили врагов Белого Царя! Туда и всем им дорога!" Взбешенный расправой, командир эскадрона майор А.И. Лорен приказал Нестерову постоянно быть под командою одного из офицеров»³¹⁷. Тут понятно поведение обоих: казачий сотник исходя из обычного права, принятого у казаков, считал, что он не совершает никакой жестокости, а просто воздает «бунтующим финским мужикам» той же мерой за меру их жестокости по отношению к русским казакам и солдатам. Просвещённый же и образованный офицер, да ещё и служивший в первом

313. Шкваров А.Г. Указ. соч. С. 208.

314. По предъявлении квитанции русское казначейство должно было выплатить финну остаток стоимости хлеба.

315. Шкваров А.Г. Указ. соч. С. 208.

316. Т.е. Лейб-Уланского вел. кн. Цесаревича Константина Павловича полка.

317. Шкваров А.Г. Указ. соч. С. 218.

русском уланском полку, считавшемся элитным и через несколько лет включенном в императорскую гвардию, не мог не возмутиться тем, что партизан столь жестоко наказали самовольно, а не по решению суда, что совершенно недопустимо. Наказание же на сотника майор опять-таки наложил соразмерно, понимая, что Нестеров казак, живёт и служит в соответствии с казачьим обычаем и обыкновением и даже не отдаёт себе отчёта в том, что нарушил закон. В те времена незнание закона считалось смягчающим вину обстоятельством. Поместить же казачьего офицера под команду офицера регулярной кавалерии, да ещё младшего в чине, а других у Лорена просто не могло быть под рукою, вообще унижительно само по себе.

Что же касается собственно наказания за партизанскую деятельность, то граф В.В. Орлов-Денисов, командир Л.-гв. Казачьего полка, после зверского убийства его казаков — партизаны, как вы помните, изрубили их на мелкие куски топорами — объявил, что каждый взятый с оружием в руках будет повешен как изменник³¹⁸, а каждый крестьянин, уличенный в бунте, — расстрелян³¹⁹. Исполнение этой угрозы вскоре последовало после объявления. Захваченных в плен солдат бывшего Свеаборгского гарнизона вешали на деревьях на большой дороге и при кирхах с надписью «За измену» — но из крестьян расстреливали самых ожесточенных и начальников шаек. Прочим брили голову и отсылали в Свеаборг на крепостную работу³²⁰.

Финны отвечали ещё большей жестокостью, и часто можно было обнаружить убитых русских солдат, развешенных на деревьях вдоль дорог, однажды нашли одиннадцать обезглавленных солдат, закопанных в землю по пояс. Главнокомандующий гр. Ф.Ф. Буксгевден в письме

318. Эта позорная казнь касалась нарушивших данное слово финских солдат.

319. Расстрел — казнь более почётная, она приравнивает партизан к солдату, хотя, конечно, тому, кого казнят, в данном случае от этого не легче.

320. Булгарин Ф.В. Указ. соч. С. 159–160; Шкваров А.Г. Указ. соч. С. 218.

императору называл партизанскую войну, развернувшуюся у него на глазах, «вандейской», так она напоминала ему хорошо известные тогда всем ужасы сопротивления роялистского крестьянства Вандеи против республиканской армии на северо-западе Франции в 1793–1794 гг.³²¹ Но, в отличие от Испании, партизанская война длилась недолго, и уже осенью 1808 г., когда шведские регулярные части были вытеснены из центральных районов Финляндии на север, партизанское движение пошло на спад и прекратилось.

Император Александр по отношению к Финляндии представлял полную противоположность императору Наполеону по отношению к Испании. Он никогда не называл народ Финляндии «сволочью» и «канальями» и не только не стремился к расчленению страны, как это пытался сделать владыка Франции в 1810–1812 гг. за Пиренеями, а наоборот, ещё за 6 месяцев до заключения мира прибыл в Борго, в марте 1809 г., и провозгласил будущую автономию страны Суоми. Когда же мир был подписан, Финляндия вошла в состав империи в качестве автономного великого княжества, к которому русский самодержец в знак своего доверия и лояльности присоединил не только Фридрихсгамскую губернию и Нейшлот, завоёванные в 1743 г. при Елизавете Петровне, но и Выборг с его губернией и Сортавалу с Кексгольмом (Карелой) на берегу Ладожского озера, отвоёванные ещё Петром Великим. Административная граница великого княжества пролегла по реке Сестре, а далее к Ладожскому озеру. Такого завоевания не знали ни в те времена, ни в течение всего последующего XIX в. Ни в Европе, ни в Америке. Всякий, кто умеет и хочет думать, много поймёт об императоре Александре I, исходя из истории завоевания Финляндии.

Между тем дела в Испании и Португалии к середине лета 1808 г. приняли совсем дурной оборот. Испанцы во-

³²¹ Шкваров А.Г. Указ. соч. С. 226.

все не желали признавать своим королем Жозефа Бонапарта, сопротивление охватило все провинции королевства, брат Наполеона должен был силой прокладывать себе дорогу в Мадрид. Корпус маршала Ж.Б. Бессьера продвинулся в Кастилию, а дивизия ген. П. Дюпона де Лэтана, пройдя теснины Сиерра-Морены, двинулась на Кордову, откуда он собирался идти в Андалузию к Севилье. Дюпон 7 июня взял и разграбил Кордову, но, так как вся Андалузия восстала и там формировалась армия ген. Кастаньоса, он не пошёл на юг, а отступил на север и к хребту Сиерра-Морены и оставался здесь месяц. Меж тем области Хаэн и Ла-Манча так же восстали, Дюпон был взят в кольцо. Только тогда генерал решился идти напролом через городок Байлен в Ла-Манчу, но так как он не хотел бросать обозы с кордовской добычей, то был отрезан, взять Байлен не смог и был вынужден капитулировать 23 июля при Байлене. В плену оказалось 17 000 французов, алчность Дюпона погубила их — через шесть лет на родину вернулось едва 3000 больных, изувеченных инвалидов, остальные байленские пленники погибли на кадикских понтонах.

Алчность Дюпона не просто погубила две французские дивизии, она нанесла тяжелейший удар репутации французской армии: испанцы увидели, что непобедимых «франчесидос» можно побеждать и пленять. Более того, все явные враги Наполеона в Европе и тайные во Франции, все униженные им венценосцы, перепуганные аристократы, ограбленные кардиналы, архиепископы и аббаты, лишённые своих бенефициев и синекур, вся полумёртвая уже феодальная Европа старого режима ожидалась и возрадовалась. Все честные патриоты Германии, Пруссии, Италии, Тироля и пр. воспрянули духом и стали говорить, что снова надо готовиться к борьбе, ибо испанцы подали всем пример! Император сразу оценил размер бедствия: «Он опозорил наши знамена, опозорил армию»,

указывая на свою грудь, скрытую походным сюртуком, он восклицал: «Здесь у меня несмываемое пятно»³²². Это байленской катастрофы, как круги на воде, расходится по Пиренейскому полуострову — через две недели вся Португалия была охвачена огнем восстания, на севере, в Порту, сформировано временное правительство, на другом конце полуострова французы покидают уже полузахваченную Сарагосу, столицу Арагона, и вся провинция восстает. Наконец, 6 августа Артур Уэлсли, которому предстоит стать герцогом Веллингтоном, высаживается в устье р. Мондегу в Средней Португалии и с 18 000 армией идет на Лиссабон. Андрош Жюно, друг и любимец императора, покоривший 9 месяцев назад Португалию и честолюбиво мечтавший о её короне, был захвачен этими событиями врасплох и смог собрать едва 12 000 человек. Он был разбит 21 августа у Вимейро к северу от португальской столицы, оттеснен в западню у Торрес-Ведрас и 30 августа в Синтре подписал капитуляцию своей армии³²³: Португалия была потеряна и превратилась в базу для английского вторжения в Испанию. Жозеф Бонапарт двумя неделями ранее, несмотря на то что имел под рукою 20-тысячную армию, второпях оставляет Мадрид, процарствовав в нем едва 10 дней!³²⁴ Французы откатываются повсеместно к линии реки Эбро, на которой находились в апреле месяце, плоды «похищения Испании» утрачены. А главное, в жизнь претворяется предостережение ген. Кастаньоса, высказанное Дюпону во время капитуляции в Байлене: «Пусть Наполеон не упорствует, пусть возвратит нам нашего короля, выдвинув условия, которые его устраивают, и обе наши нации навсегда станут дружественными. Пусть он не вынуждает нас призвать англичан, которые омерзительны нам до глубины души и чью назойливую

322. Манфред А.З. Указ. соч. С. 528.

323. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. Указ. соч. С. 183; Манфред А.З. Указ. соч. С. 529.

324. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. Там же. С. 182; Лашук А. Указ. соч. С. 337.

помощь мы всегда отвергали»³²⁵. Севильская Хунта в ходе этих побед занимает Кадис и скрепя сердце заключает союз с англичанами, теперь британцы могут на законных основаниях превратить Пиренейский полуостров в поле своей войны с Наполеоном.

Чтобы восстановить свой престиж в Европе и во Франции, он должен отвоевать назад Испанию и Португалию. Но это возможно, лишь укрепив свой тыл в покоренной, но взволнованной теперь после Байлена и Синтры, Европе. Это возможно только одним путем: вновь укрепив свой союз с Россией и продемонстрировав это всему континенту. Гордый властитель Франции любезно приглашал императора Александра на свидание, провозглашенное ещё в письме от 2 февраля, местом встречи был выбран пункт на полдороге от Парижа до Петербурга: маленький, уютный, слегка сонный тюрингский городок Эрфурт.

Отправляясь на свидание с русским государем Наполеон высказал Талейрану, чего он желает достигнуть от переговоров: «...я хочу получить там свободу действий в отношении Испании; я желаю быть уверенным, что Австрия, даже испытывая беспокойство, будет сдержана, я не хочу каким-нибудь определённым образом связать себя с Россией по вопросам Леванта»³²⁶. Подготовьте мне соглашение, которое удовлетворило бы императора Александра, было бы направлено главным образом против Англии и предоставляло бы мне полную свободу в остальном; я вам помогу: мой престиж должен подействовать»³²⁷. Когда через два дня Талейран представил проект соглашения, император, одобрив одни и раскритиковав другие его статьи, потребовал прибавить к последним следующее: «В случае, если Австрия подаст Франции повод к беспокойству, император всероссийский обязывается, по первой предъявленной ему просьбе, заявить, что он против

325. Лашук А. Указ. соч. С. 337.

326. Так в XVIII–XIX вв. именовался Ближний Восток.

327. Талейран Ш.М. Мемуары. М., 1959. С. 190–191.

Австрии, и действует совместно с Францией. Этот случай считается одним из тех, при котором вступает в силу союз, соединяющий две державы. Это очень важная статья, как могли вы её забыть? Ведь вы австриец!»³²⁸ Эти два отрывка из мемуаров Талейрана говорят нам о главных целях, которые Наполеон собирался преследовать в Эрфурте: свобода рук в Испании, запугать Австрию угрозой войны на два фронта: с Францией и с Россией, не брать на себя никаких конкретных обязательств перед Александром. При этом он вполне серьёзно рассчитывает на свой авторитет, несмотря на поражение Дюпона и Жюно. Вскоре ему пришлось убедиться, что добиться желаемого от русского государя будет не так-то просто.

За год, прошедший после Тильзита, русский император окончательно возмужал, и именно возмужал духовно. Конечно, он был по-прежнему привержен либеральной идее, но она становилась для него всё более абстракцией, которая в принципе желательна, но, увы, реалии этого мира таковы, что её политическое и тем более социальное воплощение сразу и быстро просто невозможны. Да, господа, мог бы сказать и он, политика — это искусство возможного; я всей душою желаю отмены позорного крепостного права (и это была правда — Б.К.), но сегодня мы должны удовольствоваться «Указом о вольных хлебопашцах (1803 г.) и ограничением прав помещиков в Остзейских губерниях (1804 и 1805 гг.). Пройдёт время, наступит благоприятное состояние умов и удобный политический момент, и мы сделаем следующий шаг. И он попробовал это сделать в 1818 г., но преодолеть сопротивление дворянства и тогда не смог. Император мог бы продолжить: Россию надо просвещать и вот мы дали ей пять университетов вместо одного в Москве, но нужно время, чтобы их студенты выросли и заселили собою бесконечные министерские и губернаторские канцелярии, и личной

³²⁸ Талейран Ш.М. Указ. соч. С. 193.

деятельностью покончили бы с бюрократизмом, взяточничеством и бездушием к страждущему народу. Время и добрая воля, господа, вот суть главные двигатели прогресса и главное оружие в руках просвещённого государя.

То же самое произошло в его взглядах на внешнюю политику. Сначала он декларативно и, очевидно, вполне искренне желает сохранения мира для России и Европы. Но потом, под впечатлением столкновения с имперской политикой Наполеона в 1801–1804 гг., приходит к мысли о необходимости войны с ним как единственного оставшегося средства для сдерживания аппетитов французского вождя и отстаивания русского великодержавия. Два года и две войны были посвящены реализации этой идеи, и практика выявила её неудачу и поставила Россию и её императора в крайне тяжёлое положение. И в этот момент Александр принимает для себя неприятное, тяжёлое, но единственно реалистическое решение. Оно высказано в беседе с кн. А.Б. Куракиным в Шавлях, по получении известия о фридландском поражении: «Мы потеряли страшное количество офицеров и солдат; все наши генералы, а в особенности лучшие, ранены или больны. Конечно, Пруссии придётся круто, но бывают обстоятельства, среди которых надо думать преимущественно о самосохранении, о себе и руководствоваться только одним правилом — благом государства»³²⁹. Маститый историк, приводящий эти строки в своём классическом труде о Наполеоне, намекает читателю, что Александр беспокоится в первую очередь о себе, но сам строй этого текста говорит, что в виду имеется Государство, ибо отсылкой к его благу, а не к сохранению своей персоны оканчивается фраза. Таким образом император, решив вести переговоры и заключить мир, поступает уже не как мечтатель, идеалист, галантный рыцарь королевы Луизы, а как трезвый и практичный политик, который сказал сам себе и

³²⁹ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 189.

окружающим: «Хватит лить русскую кровь, ибо теперь в этом самосохранение и благо государства».

С этого момента его возмужание быстро завершается. В Тильзите он спасает Пруссию не столько ради своей чести, он ведь клялся в вечности дружбы над гробом Фридриха II, и в Бартенштейнской конвенции, не ради прекрасной королевы, а ради того, чтобы иметь барьер между Наполеоном и Россией. За Данию Александр заступает не только из чувства справедливости, хотя оно и присутствует тут, но и ради того, чтобы она и впредь сторожила для России вход в Балтийское море от тех же англичан, которых и так надо наказать за их предательское прекращение помощи в критические месяцы весны 1807 г. Он объявляет войну Швеции не из-за обиды, нанесенной ему её королем, но чтобы раз и навсегда стратегически обезопасить Санкт-Петербург от угрозы с запада, а одновременно и отвлечь внимание армии от памяти о Фридланде и Тильзите, а также отправить туда, подальше от вел. кн. Екатерины Павловны, не в меру пылкого и популярного кн. П.И. Багратиона. Во всех этих поступках виден уже трезвый политик и умный взрослый мужчина и император. Теперь именно такой Александр едет в Эрфурт на встречу с Наполеоном.

Но и французский император не так прост и открыт, как пытаются изобразить его апологетически настроенные авторы. Чтобы покорить Испанию, ему надо переправить туда часть своих сил из Германии, и он пишет из Рошфора³³⁰ в Санкт-Петербург об этом, об очищении Пруссии, столь важном для чести Александра, хлопотавшего об этом в Тильзите, но не сумевшего этого добиться тогда. Однако, с истинно корсиканским лукавством, император помечает это столь важное письмо задним числом, как бы написав его до известий о поражениях в Испании. И те-

330. Приморский город на границе Гиени и Пуату на стыке юга и центра Франции.

перь получается, что уход французов из Пруссии — мера не вынужденная, а бескорыстная и дружественная по отношению к русскому государю³³¹.

Прибыв 14 августа в Париж, назавтра, в день своего рождения император на большом дипломатическом приеме устроил сцену послу Австрии, графу В.К. Меттерниху, требуя ответа: против кого вооружается Австрия? Посол утверждает, что его государь занят мерами чисто оборонительными, Наполеон отвечает: «Но кто вас собирается атаковать? Кто вам угрожает? У вас 200-тысячная армия, а вы её увеличиваете ещё больше! Вы доиграетесь! Вашему примеру последуют другие. Неужели австрийцы будут вооружать даже женщин? Если ваши намерения исключительно мирные, как вы утверждаете, нужно прямо говорить об этом! Я гарантирую вам полную безопасность»³³². 8 сентября император заключил в Париже с принцем Вильгельмом Прусским договор об эвакуации французских войск: они уходили, но страна теперь должна была уплатить 140 миллионов контрибуции. Это вконец разрушало её финансы; французы до окончательного расчёта удерживали в качестве залога города-крепости: Штеттин на берегу Балтики, Кюстрин и Глогау на Одере, т.е. уходя полуоставались, подпирая, кроме того, поляков в герцогстве Варшавском, лежавшем к востоку от этих трех городов-крепостей. Ну и, наконец, армия «освобождённой» Пруссии исчислялась не более чем в 42 тысячи человек, т.е. страна была беззащитна перед возможным новым вторжением французов. С таким вот «миролюбивым» багажом император отправился в Эрфурт.

Они встретились 27 сентября, не доезжая города, и торжественно въехали в Эрфурт под грохот орудийных залпов и нескончаемый гул колоколов, приветствуемые кликами французских войск: «Да здравствуют импера-

331. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. Указ. соч. С. 132.

332. Лашук А. Указ. соч. С. 341.

торы!» И действительно, их видели вместе постоянно, они улыбались, они оживленно беседовали друг с другом, прогуливаясь по залам дворца, за столом во время обеда, на маневрах и смотрах войск, на верховой прогулке в лесу, когда блестящая свита почтительно следовала поодаль. Императоры называли друг друга братьями и в знак этого братства обменялись шпагами, как рыцари Круглого стола мечами. Вечером их можно было видеть снова рядом, теперь уже в театре, в одной ложе. Именно там Александр перед глазами королей и великих герцогов Рейнской конфедерации, дипломатического корпуса и генералитета, светских красавиц и немецких поэтов и философов продемонстрировал всем им своё уважение и любовь к Наполеону: когда Тальма в роли Филокрета, играя в вольтеровском «Эдипе», произнес со сцены: «А дружба гения — высокий дар богов!» — русский государь воскликнул: «Вот слова, сказанные для меня!» — встал и пожал руку Наполеону. Зал разразился овацией. Как видно, и к нему тоже отнес свою ироничную сентенцию спустя много, много лет холодный и скептический Талейран: «В Эрфурте я не видел ни одной руки, которая умела благородно гладить гриву льва»³³³. Однако это была лишь внешность, казовая сторона, обращенная к публике шёлковая китайская ширма. Но что же происходило за ней?

Наполеон неожиданно для себя столкнулся с мягким, но несокрушимым сопротивлением императора Александра. Русский государь воспротивился домогательствам французского кесаря, желавшего, чтобы Россия в случае новой франко-австрийской войны выступила с оружием в руках против Австрийской империи. А между тем именно за этим приехал Наполеон в Эрфурт, без этого он не мог ни запугать Австрию, ни покорить Испанию, ни спасти свой престиж ни на родине, ни в Европе. Невольно получалось, что он, властелин половины Европы, как бы

333. Талейран Ш.М. Указ. соч. С. 196.

должен просить о поддержке русского императора, дважды уже побеждённого им на поле брани. Да что же это такое?! Неудивительно, что во время одного из таких двухсторонних споров-совещаний он то ли действительно не выдержал, то ли искусно, а он это блистательно умел, разыграл приступ гнева, швырнув об пол свою треуголку и став в бешенстве топтать её ногами. Александр, после того как «гнев кесаря» утих, спокойно, но твердо сказал: «Вы резки, а я упрям... Будем разговаривать, будем рассуждать, а иначе я уеду»³³⁴. Наполеон успокоился, и обсуждения возобновились. Это была победа Александра.

Откуда почерпнул он эту внутреннюю силу? Он нашел её в самом себе, в собственной гордости, в собственных размышлениях о настоящем России и о её будущем, и о том, какова его, императора, ответственность перед его родиной. Он сам высказался об этом в письме к своей матери, императрице Марии Федоровне, написанном 25 августа 1808 г., т.е. ещё до встречи с Наполеоном: «Момент, выбранный для свидания, именно таков, что налагает на меня обязанность не избегать его»³³⁵. Наши интересы последнего времени заставили нас заключить тесный союз с Францией; мы сделаем всё, чтобы доказать ей искренность, благородство нашего образа действий...

...Мы спокойно увидим его³³⁶ падение, если на то воля Провидения, и более чем правдоподобно, что государства Европы, устав от бедствий, которым они подвергались такое долгое время, и не подумают начинать борьбу с Россией из мести за то только, что она была союзницей Наполеона в то время, когда каждое из них стремилось к тому же... Если Провидение определило падение этого колоссального государства, сомневаюсь в том, чтобы оно могло быть внезапным, но, даже если это произойдет

334. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 207.

335. Императрица умоляла ранее не ездить в Эрфурт, опасаясь, что Александра может постигнуть там судьба испанской королевской семьи в Байоне в мае 1808 г.

336. Т.е. Наполеона.

вдруг, было бы благоразумнее подождать этого падения и тогда только принять меры. Таково моё мнение... В моём политическом поведении я могу только следовать указаниям моей совести, моему главному убеждению, моему желанию, которое меня никогда не покидает, быть полезным отечеству. Вот что, матушка, счёл я долгом ответить Вам на Ваше письмо; признаюсь, мне тяжело видеть, что, когда я имею в виду только интересы России, чувства, которые составляют действительную силу моего образа действий, могут быть так непонятны»^{337, 338}. Император Александр высказался настолько полно, что и комментировать здесь для внимательного и вдумчивого читателя ничего не надо. От себя можно лишь прибавить, что единственное, чего император не мог, конечно, предвидеть, так это то обстоятельство, что именно война Наполеона с Россией в 1812 г. и станет началом падения Французской империи и её государя.

Стратегически же Александр I мыслит абсолютно правильно, как разумный и думающий политик, ситуацию, сложившуюся для него и для России, оценивает верно, а способ действий выбирает единственно правильный. В верности же своей оценки состояния дел он смог убедиться через несколько дней при встрече с Талейраном. Великий интриган и дипломат так описал их вечернюю встречу 27 сентября: «Вернувшись к себе, я нашел записку княгини Турн-и-Таксис, извещавшей меня о своем прибытии. Я немедленно к ней отправился и получил от встречи с ней большое удовольствие, так как это прекрасный человек... Я пробыл у неё не более четверти часа, когда доложили о прибытии императора Александра; он был очень любезен и прост, попросил у княгини чаю и сказал, что она должна ежедневно после театра устраивать нам

337. Императрица-мать в своём письме, на которое цитируемое было ответом, упрекала Александра в слабодушии и чуть ли не трусости перед Наполеоном.

338. Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 87.

чаепития, так как это позволяет вести непринуждённые беседы и приятно заканчивать день. На этом и условились, но этот вечер не был отмечен ничем интересным»³³⁹. Князь Талейран-Перигор, мягко говоря, опустил в своём рассказе один ценнейший факт: едва оставшись с русским императором наедине, он сказал ему: «Государь, зачем вы приехали сюда? Вам надлежит спасти Европу, и вы достигнете этого, только ни в чём не уступая Наполеону. Французский народ цивилизован, его государь нецивилизован. Русский государь цивилизован, а его народ нет. Следовательно, русскому государю надлежит стать союзником французского народа»³⁴⁰. Этот коварный совет не может быть назван иначе, как предательством: Талейран, как известно, обладал тончайшим политическим чутьём и начисто был лишён представлений о верности и чести. Он предавал всегда первым, как только чувствовал угрозу власти и благополучия того, кому он служил, ибо Талейрана всегда интересовали только благополучие, богатство и власть его самого, и ничьи более. Это и позволило жить ему долго, благополучно и безбедно, т.е. счастливо с точки зрения циника, каковым он, по сути своей, всегда и был.

Другое дело — император Александр: он принял предательство Талейрана и использовал его, а значит, поощрил низость и извлёк выгоду из тягчайшего государственного преступления, правда, оговоримся, сановника неприятельской стороны. Но как же высокие принципы добра и справедливости, которые он исповедовал в начале своего царствования и чьё поправление так осуждал в связи с казнью герцога Энгиенского? Увы, внимательный читатель, ведь ещё летом 1801 г. наш государь настоятельно требовал от своего посла в Париже С.А. Колычева употребить «все усилия», чтобы добыть тайные статьи Люневильского мирного договора меж Францией и Австрией, т.е. при-

339. Талейран Ш.М. Указ. соч. С. 197.

340. *Memoires laisses par le prince de Metternich*. Paris: Plon, 188. Т. 2. Р. 248.

бегнуть к банальному подкупу, явно не согласующемуся с высокой моралью. Помните, что там было нами сказано о холодной прозе повседневности, остужающей наши сердца? Так ведь эти требования были предъявлены тогда, когда Аустерлиц, Фридланд и Тильзит не могли привидеться даже в кошмарном сне. Теперь же, когда все эти поражения и позор Тильзита стали реальностью, предательство Талейрана надо было с благодарностью принять как подарок Провидения, надежды на которое только что были высказаны в письме к матери. А может быть, небеса просто услышали просьбу и тут же на неё откликнулись, но, как всегда, одновременно испытывая закалённость души просителя? Он принял то, о чём только что просил, но принял в такой двусмысленной форме, когда за явную пользу от предательства, пусть даже врага, ты всегда платишь, теряя частицу твоей души: она умирает безвозвратно. Недаром же в последние годы своей жизни Александр как-то признался, что считает всех людей мерзавцами, это мнение, это разочарование и были горькой платой за использование человеческой низости, с которой он сталкивался так часто, на благо России.

Не знаю, может быть, я уже изрядно надоел вам своими *moralite*, но именно извлечение нравственного урока и составляет суть изучения ИСТОРИИ, ибо ничем другим, по сути своей, нельзя объяснить стремление учёного скрупулезно изучать деяния и страдания людей, давно умерших и истлевших, времён, давно прошедших и обратившихся в прах. Именно это стремление лежит в интересе к истории и её событиям со стороны читающей публики, ибо просто развлечь скукающий досуг историческое сочинение не может; извлечь практический урок из прошлого, конечно, заманчиво, но, как показывает опыт практической политики, на ошибках прошлого никто учиться не хочет. Значит, и читатель, беря в руки исторический труд и отдавая ему своё время, мысль и сердце, может с его

помощью только закалить своё сердце и укрепить свою ДУШУ. На этом месте поставим *vale* и продолжим наше повествование.

Именно теперь, когда его внутреннее убеждение в необходимости выиграть время и дожидаться момента крушения французского императора получило такое подтверждение в правоте этого образа мыслей от предательства Талейрана, Александр стал при всей присущей ему любезности и приветливости столь непреклонен в принципиальных для великодержавия России и для его чести вопросах. Он сумел отклонить притязания Наполеона на то, чтобы Россия немедленно, из Эрфурта, пригрозила Австрии войною, если та не прекратит вооружаться против Франции. Более того, в подписанном тут же 12 октября договоре, в VIII статье, говорилось, что из-за раздоров внутри Оттоманской порты, угрожающих жизни и имуществу «жителей Молдавии и Валахии»³⁴¹, «его величество император всероссийский довел уже с этой стороны границы своей империи до Дуная и присоединил к ней Молдавию и Валахию, признавая лишь под этим условием неприкосновенность Оттоманской империи, то его величество император Наполеон признает указанное присоединение и перенесение границ Российской империи до Дуная»³⁴². В следующей статье, IX, Наполеон отказывался от посредничества в русско-турецких переговорах по этому вопросу³⁴³. Это была двойная победа Александра, о которой так не любят даже упоминать наши историки, чтобы не разрушать образ властителя слабого и лукавого. Действительно, ведь он добился, ещё до окончания войны с Турцией, признания своего государственного суверенитета над Дунайскими княжествами, а отказ Наполеона от посредничества означал, что тот не может вмешиваться в русско-турецкие переговоры, следова-

341. современная Румыния с Бухарестом.

342. Ш.М. Талейран *ук. соч.* с.216.

343. Там же. С. 217.

тельно, Россия сделает себе приобретения на Балканах не по чьей-то милости, а по праву сильного, т.е. как великая держава. Особенно важна была статья X, если мирные договоры между Россией и Турцией не увенчиваются успехом и вновь «возгорится война, то император Наполеон не примет в ней никакого участия и ограничится оказанием своих услуг перед Оттоманской Портой»³⁴⁴. Другими словами, русским не надо будет делиться с французами какой-либо частью Балканского полуострова, как об этом ещё в марте сговорились Коленкур и гр. Румянцев. Дальше шла оговорка, допускавшая участие Франции в войне на Балканах и в дележе, но оговорка, составленная таким образом, что делала это участие маловероятным: «Но если бы Австрия или какая-нибудь другая держава³⁴⁵ присоединилась в указанной войне к Оттоманской империи, то его величество император Наполеон немедленно присоединится к России»³⁴⁶. И наконец, в завершающем абзаце X главы оговаривалось участие России в борьбе с Австрией: «В случае, если бы Австрия начала войну с Францией, то император всероссийский обязывается выступить против Австрии и присоединиться к Франции, так как этот случай так же считается одним из тех, при которых вступает в силу союз, соединяющий обе империи»³⁴⁷. Такая трактовка условий возможности русского участия в войне с Австрией была более выгодна Александру, она не позволила бросить лишнюю тень на его честь, ибо он пришёл бы только на помощь, но никоим образом не должен был участвовать в нападении на эту страну. Однако последующие события весны 1809 г. вынудили его всё-таки сражаться с Австрией против своей воли.

Ещё один важный вопрос был поднят Наполеоном в беседах с Александром по их возвращении в Эрфурт из Вей-

344. Там же. С. 217.

345. Намек на Англию, которая такого шага в 1809-1812 гг. и не совершила.

346. Там же. С. 217.

347. Там же. С. 217.

мара: «Беспокойная жизнь меня утомляет, я нуждаюсь в покое и стремлюсь лишь дожить до такого момента, когда можно будет безмятежно отдаться прелестям семейной жизни, к которым меня влекут все мои вкусы. Но это счастье создано не для меня. Без детей не может быть семьи, а разве я могу их иметь! Моя жена старше меня на десять лет. Я прошу простить меня: всё, что я говорю, может быть, смешно, но я следую движению своего сердца, которое радо излиться вам». Император Александр находился даже вечером под обаянием этого интимного разговора³⁴⁸. Эти слова о бесплодной жажде семейного счастья, мучащей Наполеона, переданы нам Талейраном, очевидно, со слов русского императора. Возможно, что они верны, вполне возможно, что они тронули Александра, ибо он-то знал, как трудно даётся личное счастье, человеческое, мужское, не обременённое короной, такое тёплое и нежное, простое счастье. Счастье, которого он не сумел создать со своею женой, императрицею Елизаветою, и вдруг нечаянно обрёл с чужой женою Марией Антоновною, княжною Четвертинскою, в замужестве Нарышкиной. Их роман, длившийся пятнадцать лет, был известен всем и в Петербурге, и во всей Европе; он любил её и был благодарен ей за то, что она любит мужчину, а не императора. И она его действительно любила, пока не полюбила другого и не оставила его, победителя Наполеона, нового европейского Агамемнона, а он имел благородство и мужское мужество понять и примириться с ней, и с ним, счастливым соперником, красавцем князем Ожаровским.

Так что Александр вполне мог понять проникновенный тон слов французского императора: «Но счастье создано не для меня», недаром же он, Александр, сам рассказал весной 1808 г. о своей любви Коленкуру: «Государь рыцарски любит Нарышкину... любит её ради неё самой, ради их двух детей, а также потому, что она никогда не

348. Там же. С. 211.

заговаривала с ним о делах... Он уверял меня, что такого рода жизнь вернула ему полное счастье... мне жаль императора, — добавил он, — если он никого не любит. Это отдых после трудов»³⁴⁹. Если концовка признания, конечно, эгоистична, то, однако, каков же Наполеон, которому в письме от 8 апреля всё это пишет Коленкур, каков же французский император, желающий знать всё, даже такие подробности о жизни императора русского? Вот и думай после этого, кто из них более поступается требованиями морали и чести. Но если Александр искренне рассказывал о своей любви Коленкуру, зная, что найдёт отклик в сердце французского посла, уже много лет старающегося безуспешно вступить в брак с любимой женщиной, то Наполеон, рассказывая русскому императору о своей бесплодной погоне за счастьем, преследовал гораздо более практическую цель. Он сначала туманно намекнул о ней Талейрану перед поездкой в Веймар: «Знаете ли вы, почему никто не действует со мною честно? Да потому, что у меня нет потомства, и все считают, что французская корона лишь пожизненно на моей голове. В этом тайна всего, что вы здесь видите: меня боятся, и каждый выпутывается как умеет; такое положение вещей плохо для всех, и когда-нибудь, — добавил он торжественно, — его придётся исправить»³⁵⁰. А вернувшись из Веймара, вечером, после признаний, сделанных Александру, он, задержав у себя Талейрана, заговорил с ним волнуясь: «В его волнении было что-то странное; он задавал мне вопросы, не дожидаясь ответов, он обращался ко мне и пытался высказать что-то скрывавшееся между слов.

Наконец, он произнес веское слово “развод”. Его предписывает мне, — сказал он, — судьба, и этого требует спокойствие Франции. У меня нет наследника. Иосиф ничего собой не представляет, и у него только дочери. Я должен

³⁴⁹. Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 139.

³⁵⁰. Там же. С. 207.

основать династию, но я могу это сделать, лишь вступив в брак с принцессой из одной из царствующих в Европе старых династий. У императора Александра есть сёстры, и возраст одной из них мне подходит. Поговорите об этом с Румянцевым. Скажите ему, что после окончания испанского дела я готов на его планы раздела Турции, остальные же доводы вы найдёте сами, так как я знаю, что вы сторонник развода; могу вам сказать, что такого мнения держится и сама императрица Жозефина»³⁵¹. Последнее заявление было, если оно только не присочинено Талейраном, неправдою. Жозефина, конечно, могла догадываться о замыслах её Бонапарта развестись с нею, но поддерживать такое желание мужа никак не могла, и думается, всё в её душе противилось этому. Однако такая малость не могла уже остановить Наполеона, хотя, в этом все историки сходятся, он любил её всегда, и она любила его, пока не скончалась в холодном, ветреном апреле 1814 г.

Нехорошо было то, что император решился на это деяние, ибо предавать любовь нельзя, даже ради политической выгоды. Предать любовь гораздо гаже, чем предать человека, и поэтому предательство Талейрана вызывает в нас гадливость и омерзение; поступок же Наполеона говорит о такой болезни души и сердца, что она роняет его гораздо ниже, чем роняло Александра то, что он принял и использовал гнусное предательство Талейрана. Ибо самодержец знал, что грязные услуги и советы предателя пойдут на пользу России, а Наполеон уговаривал себя, обманывая свою совесть, что развод с Жозефиной пойдёт на благо Франции. Народ и армия нравственно поддерживали бы этот развод в одном лишь случае: если бы он оставил бесплодную императрицу ради брака с одной из дочерей их прекрасной Родины, чтобы в жилах его возможного сына текла бы только французская кровь. Такой брак был бы и «политичен, и народен», как любил говари-

351. Там же. С. 211–212.

вать сам император, такой брак действительно бы удовлетворил всех французов и вселил бы в их сердца уверенность в завтрашнем дне. Увы, Наполеон теперь был слишком императором, чтобы думать о таких «пустяках».

А посему ответ Александра на осторожное и неискреннее предложение Талейрана был вполне честен: «Если бы дело касалось только меня, — заявил он, — то я охотно дал бы своё согласие, но этого недостаточно: моя мать сохранила над своими дочерьми власть, которую я не вправе оспаривать. Я могу попытаться на неё воздействовать, возможно, она согласится, но я всё же не решаюсь за это отвечать. Так как мною руководит истинная дружба к императору Наполеону, то это должно его удовлетворить»³⁵². В чём же здесь честность? Да в том, что он не хочет быть деспотом в своей семье, как он не хотел быть деспотом, правя Россией. Профессор Н.А. Троицкий в своём сравнительном жизнеописании обоих императоров приводит отрывок из письма императрицы к сыну-императору как доказательство полновластия Александра в императорской фамилии: «Сын мой, вы — государь и, благодаря нашему образу правления, неограниченный повелитель вашего народа и вашей семьи. Вы можете располагать судьбой вашей сестры и вашей матери. Как подданная, я буду молчать, но как мать буду говорить вам о моей дочери, вашей сестре»³⁵³. На самом деле этот текст есть зеркальное отражение тех слов, которые Александр сказал Талейрану. Императрица-мать апеллирует здесь к сердцу своего августейшего сына, а где производит человек нравственную оценку решения, которое собирается принять, — конечно же, в сердце своём. Оно истинное мерило всех наших поступков. Выдать сестру замуж за Наполеона, может быть, и государственная необходимость, но кем выставит она императора в глазах семьи, народа и

352. Там же. С. 213.

353. Там же. С. 185.

самого себя? Трусом и деспотом. Это австрийский император Франц I через год после разгрома под Ваграмом и очередной ампутации его империи с восторгом ухватится за предложение отдать одну из его дочерей за вчерашнего победителя и осрамит себя тем в глазах всей Европы. Александр же, несмотря на все сиюминутные выгоды подобного брака, в 1808 г. не хочет насиловать ни волю своей сестры Екатерины, ни тем более матери. Одновременно, отметим и это, он демонстрировал Екатерине Павловне, что, несмотря на все её оппозиционные эскапады осени 1807 г., зла не помнит и зла ей не желает. Таким образом, и в вопросах брачных своих расчётов император Наполеон так же потерпел в Эрфурте неудачу.

Трезво взглянув, таким образом, на свидание в Эрфурте, мы видим, что Александр мобилизовал все свои человеческие ресурсы, использовав заинтересованность в русском союзе Наполеона, а использовав предательство Талейрана, приобрел от свидания с императором Франции гораздо больше, чем тот от свидания с ним. Чистой прибылью Наполеона было лишь то, что Австрия, смущенная внешним проявлением русско-французского союза, на несколько месяцев убавила свои военные приготовления. Но война была лишь отодвинута, она разразилась в апреле 1809 г.

Глава IV

Императоры распрощались 14 октября 1808 г., расставание было неожиданно дружеским³⁵⁴, после столь долгих споров и пререканий за закрытыми дверьми. Оба они верхом, свита в почтительном отдалении, выезжали шагом из Эрфурта к ожидавшей Александра карете. Сойдя с лошадей, оба государя ходили взад и вперед, оживлённо беседуя, о чём — так и осталось тайной. Наконец, они крепко пожали друг другу руки, потом обнялись и расцеловались, Александр сел в карету, и она покатила, подминая под себя заботливо уложенный добротный немецкий гравий, унося своего августейшего пассажира на северо-восток, пока не скрылась в мареве лучей скупого октябрьского солнца. Наполеон, не торопя неспешный шаг своего коня, возвращался в Эрфурт, по свидетельству очевидцев, он был задумчив и молчалив весь остаток дня.

Более они не встретятся никогда, каждый начинает шествовать своим путём навстречу predetermined им судьбе, и народы, подвластные их скипетрам, не избежат судьбы этой, и вся Европа дорого заплатит за свершение их судеб. Ибо люди и государи связаны неразрывно, как нитка с иголкой, и даже если ножницы разорвут эту связь, то только для того, чтобы те и другие осиротели, так как свобода друг от друга — это тоже сиротство, только особого рода: всякий, кто живет долго и задумывается о жизни, понимает это остро и глубоко. Теперь они будут жить каждый у себя и будут бороться друг с другом, а потом воевать насмерть, до конца, и постоянно думать друг о друге. И когда Александр победит Наполеона, он весной 1814 г. будет посещать Жозефину в Мальмезоне, словно бы разговаривая с нею, о которой он до этого знал лишь из рассказов императора, будет пытаться возобновить

³⁵⁴ Манфред А.З. Указ. соч. С. 540.

беседу с ним, прерванную тогда в Эрфурте. А Наполеон уже во время роковой ссылки, на «скале» Святой Елены, скажет графу Лас Казу: «Замысел изгнать меня на остров Святой Елены возник давно: я знал о нём ещё на острове Эльба, но доверял лояльности Александра»³⁵⁵, и это была правда, ибо до самого побега императора с Эльбы и «ста дней» русский государь всячески противился столь жестокой и как всегда коварной идее, исходившей от Талейрана и поддерживавшего его лорда Р.С. Каслри.

Но это всё в будущем, а пока, осенью 1808 г., Наполеон, вернувшись в Париж 19 октября, спешно готовился его покинуть и отправиться в Испанию, чтобы кровью залить пламя восстания против его власти и сбросить в море английскую армию, высадившуюся на севере Пиренейского полуострова. Меж тем в Париже, в салонах, в интеллигентских кружках царило брожение, осуждалась политика императора, а среди простонародных масс предместья Сент-Антуан чувствовалась усталость от бесконечной войны в разных углах Европы, войны, непонятной простым людям и чуждой их интересам. Но император не желал прислушиваться к первым симптомам болезни, он рассчитывал расправиться с ней испытанным средством — новыми оглушительными победами, теперь в Испании.

Прошло десять дней, и 29 октября он покинул столицу, путь его был к Пиренеям, армия уже выступила в поход. 5 ноября император пребывает в Виторию, это столица страны басков. Отсюда он со своей армией, подобно потоку лавы, устремляется к Бургосу, испанцы бегут, город взят 11 ноября. Через две недели, 23-го, маршал Ж. Ланн одерживает блестящую победу при Туделе над вдвое превосходящим противником. После этого Наполеон поворачивает на Мадрид. Все надежды испанцев — на непреодолимое ущелье Самосьерры, стоящее у него на пути. Но 30 ноября, благодаря блистательной атаке 3-го эскадрона

355. Максимы и мысли узника Святой Елены. СПб., 1995. С. 71.

польских гвардейских шеволежеров Яна Козетульского, испанская оборона в Самосьерре сметена, и армия императора переходит гребень Гвадаррамы. 2 декабря, годовщина его коронации, годовщина Аустерлица, и он у стен Мадрида. Город встречает французов набатом своих 133 соборов и церквей и гордо отвергает предложение сдачи без боя, но уже на следующий день, после штурма, столица Испании капитулирует. Император не посетил её, ему довольно, что брат его Жозеф снова на испанском престоле (4 декабря 1808 г.).

Теперь он провозглашает 7 декабря амнистию всем, кто в месячный срок сложит оружие, но тщетно. Испанцы, постоянно битые французами, постоянно вновь берутся за оружие, война кипит повсюду; в 53 км от столицы, в Эскориале, жаркая кавалерийская схватка, и, хотя опять победили французы, толку от этого ни на грош. Тогда, считая, что корень всего зла в английской армии, император обращает острие своего меча против сэра Джона Мура. Невзирая на декабрьскую непогоду, 22 декабря Наполеон уже на пути к перевалу Гвадаррамы, он идёт на север, на англичан. Превозмогая холод, ветер, шквал и снеговые заряды, император, Дюрок и Савари идут вперёд пешком вместе с простыми солдатами. Вечером, ценой ужасных усилий, перевал был преодолен. Следующие дни, несмотря на непогоду, продолжается наступление, а английская армия спешно отступает, тяжёлые арьергардные бои, потеря продовольствия деморализуют её: «Я никогда не думал, что британская армия может разложиться столь быстро»³⁵⁶, — пишет сэр Джон Мур 13 января 1809 г. в Лондон. А 1 января император уже в Асторге, он надеется загнать их в Ла-Корунью в Галисии и сбросить в море.

Но ночью на пути в Асторгу Наполеона догнал курьер из Парижа с депешами, которые переменяли все замыслы императора Франции. Ему сообщали, что Австрия тайно

³⁵⁶ Лашук А. Указ. соч. С. 372.

готовится к войне с ним, пользуясь его погружённостью в «испанские дела», там уже выработан договор с Англией о субсидиях, начали собирать и передвигать войска. Одновременно там были донесения о возникновении в Париже «нежной» дружбы двух давних ранее врагов — Талейрана и Фуше. Причиной такого сближения могла быть только подпольная интрига против него, а значит, и против всего великого дела его империи. Медлить было нельзя. Он оставил Испанию, оставил не доведённую до конца войну и устремился во Францию, в Париж. Здесь 28 января на совещании с высшими сановниками империи он бросил в лицо Талейрану обвинение в предательстве, в кознях за своей спиной — правда, Наполеон не знал о прямой государственной измене, совершённой Талейраном в Эрфурте. На следующий день он лишил его звания обер-камергера и отлучил от двора. Как видно из донесений этих дней от Меттерниха в Вену, Талейран сразу же обратился через него к Австрии с предложением прямого союза против Наполеона и призвал начинать открытую борьбу, т.е. объявить войну Франции.

Это была гениальная провокация: не дав закончить дел в Испании, втравить в войну в Германии и Австрии, дать шанс Англии вмешаться в эти события, а что ещё может быть важнее, спровоцировать ещё большие разногласия между Россией и Францией. Ибо он был прекрасно информирован, что Александр, ведя войну в Финляндии против Швеции, имея на руках войну с Турцией на Дунае и с Персией в Закавказье, вовсе не горит желанием обнажить оружие ещё и против Австрии. А если он этого не сделает, то прощай, союз, заключённый в Тильзите, прощай, компромисс в Эрфурте, да здравствует огромная война Европы с Наполеоном!

Между тем, император вовсе не желал непременно воевать с Австрией, хотя и стал готовиться отразить её возможный удар. Наоборот, он хотел бы прекратить кон-

фликт без войны, но, конечно, при условии своей выгоды, т.е. восстановления австрийской покорности. Именно для этого ему и нужны были Россия и союз с нею. Он чувствовал, что новый европейский кризис, новая война с Австрией убьёт самый дух этого союза, ибо он основан на неизменности границ в Европе, а война приведёт к существенным изменениям, и в первую очередь в герцогстве Варшавском, а это вызовет неприятие таких перемен именно в Санкт-Петербурге. Впоследствии именно так и произошло. Вот почему, покидая Вальядолид и направляясь в Париж, император обращается к Александру с просьбой предостеречь Австрию от выступления против него³⁵⁷. Наполеон даже предлагал государю взаимно друг другу гарантировать Австрии её целостность, если она разоружится³⁵⁸.

Вскоре после этого в Санкт-Петербург прибыл чрезвычайный посол Австрии, кн. Шварценберг, чтобы узнать, как поведет себя государь в случае войны. «Александр отнёсся с порицанием к воинственному пылу австрийцев, но всё-таки дал понять посланнику, что едва ли Россия втянется в новую войну»³⁵⁹. Однако Шварценберг вывел из этих заявлений, что Александр не будет вовсе поддерживать Наполеона, но дальнейшие события показали, что это не вполне так. Между тем 10 апреля 1809 г. австрийцы вторглись в Баварию без объявления войны. Александр в этот момент ехал из Финляндии, где провёл заседание государственного сейма и провозгласил автономию страны в составе Российской империи, назад в Санкт-Петербург, где, вернувшись, и узнал о том, что Австрия напала на Наполеона. Прошло две недели, и из Баварии стали приходить известия о новых блестящих победах французских войск. Александр до этого всячески пытался оттянуть выступление, на котором настаивал французский посол

357. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. Т. 1. С. 140.

358. Там же. С. 140.

359. Великий князь Николай Михайлович. Указ. соч. С. 70.

А. де Коленкур, но долго медлить было невозможно, и в конце мая русские полки под командованием кн. С.Ф. Голлицына вступили в австрийскую Галицию³⁶⁰. Перед этим Наполеон делал Александру широкие обещания относительно сужения своих притязаний к Австрии. К чести государя надо отметить, что он не потребовал от императора Франции ни одного из предлагаемых обязательств, более того, русские выступили в тот момент, когда Наполеона постигла неудача под Асперном-Эслингом. Но сражаться серьёзно с Австрией государь не собирался, и даже сообщил Шварценбергу перед его отъездом об этом. Во время этого «странного» похода, когда русские приближались, австрийцы тут же отступали. Лишь однажды ночью, по ошибке произошла стычка, «стоившая австрийцам 3 убитых и 4 раненых»³⁶¹. Враждебные отношения у русских были скорее с их «союзниками», поляками кн. Понятовского, из герцогства Варшавского. Действия велись нашими войсками столь осторожно, что Краков, древняя столица Польши, был занят ими без единого выстрела, лишь после победы Наполеона 6 июля 1809 г. при Ваграме, завершившей войну.

Такое поведение Александра объяснялось и тем, что война с турками на Дунае велась в 1809 г. весьма посредственно из-за дряхлости фельдмаршала кн. Прозоровского, а также продолжалась война с Персией, но главное — это, конечно, то, что государь не желал победы ни одной из враждующих сторон. Если бы выиграл Наполеон, то, несомненно, роль Александра в таком случае стала бы более подчинённой по отношению к нему. Кроме того, Австрия была государю так же необходима, как и сохранение в 1807 г. Пруссии, в качестве буфера против Франции. Но и поражение Наполеона было ему не нужно, ибо тогда он не смог бы гарантировать удержание Финляндии, а также

360. Нынешняя Западная Украина.

361. История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. Указ. соч. Т. 1. С. 156–157.

можно было лишиться обладания Валахией и Молдавией, тем более что Турция 5 января 1809 г. заключила с Англией Дарданелльский договор и, опираясь на него и на тайную поддержку австрийского интернунция Штюрмера, отказалась от каких-либо уступок России на мирном конгрессе в феврале 1809 г. в Яссах (Молдавия)³⁶². С Англией Россия так же была в состоянии войны, и торговля была прервана. Так что желать прямого поражения Наполеона для Александра было невыгодно. Он скорее хотел сохранить сейчас союз как равноправный партнёр французского императора, но тот согласен был на это больше на словах, чем на деле. Тарнопольский округ, выделенный Наполеоном из австрийской Галиции, по Шёнбрунскому мирному договору с Австрией, по своей ничтожности мог считаться более подачкой, чем равноценной долей трофеев, это был скорее очередной «дар данайцев», как в 1807 г. Белосток с его округом.

Однако вскоре прочность союза подверглась ещё более сильному испытанию в связи с брачными планами императора Наполеона. После покушения Ф. Штапса вопрос о наследнике французского престола встал перед императором остро как никогда: если у него будет сын, то династия Бонапартов уцелеет на троне Франции, даже если кинжал убийцы и прервет его жизнь. Своих братьев как преемников он не рассматривал всерьёз. Но, увы, Жозефина уже никогда не подарит ему ребёнка. Значит развод. Мы видели уже, как в Эрфурте он начал осторожный разговор об этом с Александром и как тот вежливо отказал. Более того, предполагаемая невеста, великая княжна Екатерина Павловна, предпочла союзу с ненавидимым ею корсиканцем брак с малопривлекательным, но очень не глупым принцем Георгом Ольденбургским, оказавшимся способным и деятельным администратором. Гр. Ж. де Местр не без иронии в декабре 1808 г. писал по этому

³⁶². Там же. Т. 2. С. 136.

поводу: «Принц Ольденбургский не отличается любезностью, но весьма благоразумен и повёл себя как великий политик. Видя затруднительные для Великой Княгини обстоятельства, он воспользовался оными и предложил самого себя, заполучив истинно очаровательную женщину, необъятное приданое и великолепное положение... Впрочем, русские не выказывают каких-либо восторгов по случаю сей свадьбы, и мне приходилось слышать в свете довольно крепкие шутки на этот счёт»³⁶³. Как бы то ни было, 18 апреля 1809 г. великая княгиня и принц вступили в брак.

Таким образом, эта кандидатура отпала, но теперь, в ноябре 1809 г., император окончательно решился на развод. Когда он внезапно сообщил об этом Жозефине, она хотя и чувствовала последние два года, что дело идёт к разрыву, но упала в обморок, и привели её в чувство с трудом. И ему это решение далось нелегко, но «У политики нет сердца, а есть только голова»³⁶⁴, сказал он Жозефине в эти роковые дни. Да, он продолжал любить её, целые дни он продолжал проводить с ней, но 15 декабря 1809 г. он официально развёлся с Жозефиной, он вырезал из груди своей сердце и жил теперь только рассудком, а это орган холодный и «жёсткий», если верить поэтам и другим осведомлённым людям. И поэтому на другой же день после развода император приступил к выбору невесты.

И снова взор его обратился к Санкт-Петербургу, ибо ведь Александр был его союзник. Маркизу де Коленкуру было поручено неофициально запросить о возможности брака с юной великой княжной, 16-летней Анной Павловной. Граф де Местр в эти дни в письме к своему королю, сравнивая её с сестрой Екатериной, писал так: «...сестра её Анна истинная голубка...»³⁶⁵. Естественно, что она сама решать свою судьбу ещё не могла; 16 декабря 1809 г. Ко-

363. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 113.

364. Цит. по Тарле Е.В. Наполеон. Указ. соч. С. 220.

365. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 133.

ленкур сделал это, обратившись к государю. Тот отвечал, что сам он согласен, но судьбою его сестер распоряжается его мать, императрица Мария Федоровна, и надо запросить её мнение. Вдова императора Павла I, урождённая вюртембергская принцесса, относилась к Наполеону нескрывая враждебно, её ответа пришлось ждать почти полтора месяца. Наконец, 23 января 1810 г. государь сказал Коленкуру, что императрица-мать даёт своё согласие, но по молодости лет невесты брак может состояться не ранее чем через два года. Этот ответ в тот же день был отправлен с курьером в Париж, было это 4 февраля по новому стилю. Но уже 6-го император Наполеон, крайне раздосадованный тем, что это столь для него важное дело затянулось, решил похоронить надежды на «русский брак» и переключился на «брак австрийский».

Давно уже гр. Меттерних, лживый и коварный дипломат и политик, смертельный враг Наполеона, и его достойный старший «собрат» на поприще цинизма, карьеризма и порока, знаменитый Талейран, искали способы повернуть расположение Наполеона от Санкт-Петербурга в сторону Вены. Меттерних связывал с этим восстановление державных позиций Австрии в Европе, Талейран хотел посредством этого вернуть внешнюю политику Франции в то русло, которым она шла с середины XVIII в. и вплоть до 1789 г., в русло, где он чувствовал себя как политик и дипломат спокойней и удобнее, чем на путях всеевропейской империи, которыми шёл его император. Теперь же «австрийский брак» был для него спасительной соломинкой возврата благосклонности грозного хозяина Тюильри. Ещё в декабре 1809 г. кн. Шварценберг, посол императора Франца, сделал предложение министру иностранных дел Франции, герцогу Боссано, о возможности выдать замуж за его господина одну из дочерей своего императора. Меттерних, Талейран и Франц уже сговорились тайно об этом и запустили таким образом пробный

шар, используя честного служаку и родовитого аристократа Шварценберга для прикрытия.

Наполеон, извещенный герцогом Боссано, никакого ответа поначалу не давал, надеясь на брак с великой княжной, но теперь, устав от ожиданий и раздражённый проволочками Санкт-Петербурга, стал действовать с солдатской прямою и быстротой. Ю.-Б. Маре, он же герц. Боссано, немедленно 6 февраля запросил кн. Шварценберга: остаётся ли его предложение в силе? Получив утвердительный ответ, Наполеон собрал в Тюильри совет из высших сановников, который единогласно высказался за этот брак. На другой день, 7 февраля 1810 г., был изготовлен брачный договор, для этого просто использовали текст аналогичного, составленного при женитьбе Людовика XVI на австрийской эрцгерцогине Марии-Антуанетте³⁶⁶. Далее события развивались стремительно: брачный договор был немедленно отправлен в Вену, император Франц, по его получении, объявил своей 18-летней дочери, эрцгерцогине Марии-Луизе, что она станет императрицей Франции. Девушка была женственна, обладала приятной наружностью, говорила на пяти языках и умела играть на бильярде, правда, как истинная австрийская патриотка, ненавидела Наполеона. Когда она попыталась возражать, ей быстро и ясно объяснили, что так надо для блага отечества, и она смирилась. Император-отец ратифицировал договор и отослал его в Париж. Там уже готовились к дальнейшим действиям. Сообщение из Вены прибыло в Париж 21 февраля, а уже 22-го маршал Бертье отправился в Вену с важной миссией: изображать своего императора на брачных торжествах. Австрийский император и его двор были так рады этому удачному марьяжу, что с улыбкой на устах проглотили новое унижение, которому подверг их грозный победитель при Ваграме: в разгар торжеств, охвативших Вену в предвкушении им-

³⁶⁶ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 222.

ператорского бракосочетания, в Мантуе был по приказу французов расстрелян народный герой, вождь тирольских партизан Андреас Гофер. Стоя перед взводом солдат, он успел крикнуть: «Да здравствует мой добрый император Франц!» А «добрый» император Франц трусливо запретил упоминать даже имя мужественного тирольского крестьянина, освободившего весной 1809 г. свой родной Тироль от ига баварцев и французов, а теперь отдавшего жизнь за неблагодарного и трусливого монарха.

Едва тело мужественного партизана было предано земле, как в Вене 11 марта 1810 г. в соборе Св. Стефана, окруженном толпами простого народа, в присутствии австрийской императорской фамилии, всего двора и дипломатического корпуса, маршал Бертье, изображавший Наполеона, передал Марию-Луизу в руки эрцгерцога Карла, противника французов при Эслинге и Ваграме, и тот повел её к алтарю и стоял с ней рядом во время богослужения. Император Франц даже не ощутил, насколько этот древний феодальный обычай монаршего бракосочетания унизителен для дома Габсбургов в его нынешнем положении побеждённых на ваграмских кровавых полях.

После этого Марию-Луизу с подобающими почестями отправили во Францию. Наполеон встретил её на дороге из Парижа в Компьен, только тут они впервые увидели друг друга. 1 апреля в Сен-Клу прошло гражданское бракосочетание, а на следующий день в Лувре был совершен церковный обряд. Обе церемонии были очень торжественны и безнадежно холодны и грустны — ликование носило чисто официальный характер. Многие французы задавали себе вопрос, как через двадцать два года после взятия Бастилии можно было снова возводить на французский трон «австриячку». Но императора это не смущало, равно как и то, что его юная супруга была племянницей Марии-Антуанетты, казнённой в ноябре 1793 г., а значит, и он, император Наполеон Бонапарт, становился

теперь «племянником» гильотинированному Конвентом Людовику XVI.

В Европе брак императора произвёл огромное впечатление, его обсуждали на все лады и строили планы на будущее. Оптимистически настроенное северогерманское купечество заявляло, что теперь войнам наступит конец, так как Англия потеряла в лице Австрии последнего серьёзного союзника на континенте и будет вынуждена пойти на мир, иначе континентальная блокада разорит её. Дипломаты же, как всегда настроенные более скептически и приверженные прагматическому взгляду на дела Европы, в один голос заявляли, что через несколько лет вспыхнет война с тою державою, которая не даст невесты императору. Наиболее точно изобразил состояние умов в Санкт-Петербурге в связи с австрийским выбором Наполеона всё тот же гр. де Местр в своём письме к королю Пьемонта от 25 февраля (10 марта) 1810 г.: «Ещё до того как курьер с таковым ответом³⁶⁷ прибыл в Париж, здесь получили известие об австрийском браке... Новость сия повергла все умы в ужас: и действительно, я не представляю более страшного удара для России. Она вела плохую войну и заключила плохой мир³⁶⁸, она вызвала всеобщее неудовольствие и разорила свою торговлю; теперь она получила общую границу с Францией³⁶⁹, имея противу себя родственный альянс, который скоро превратится в наступательный и оборонительный³⁷⁰ и сведет её к полному ничтожеству»³⁷¹.

Император Александр I, государственный канцлер гр. Н.П. Румянцев, кн. Куракин и целый ряд других вельмож и сановников были встревожены. Они чувствовали, что Ав-

367. О препятствиях к немедленному браку Наполеона и Вел. кн. Анны.

368. Война с Наполеоном в 1806–1807 гг. и Тильзитский мир.

369. С присоединением австрийской части Польши к герцогству Варшавскому, чьим великим герцогом был король Саксонии — вассал Наполеона.

370. Действительно, в начале 1812 г. Наполеон заставил Австрию заключить с ним союз против России и участвовать в войне с нею.

371. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 134.

стрия быстро входит в фарватер политики Наполеона, что на континенте Россия осталась один на один с грозным покорителем Европы и это чревато огромными опасностями. Одна лишь императрица-мать, Мария Фёдоровна, радовалась, что «чудовищу Минотавру» брошена на съедение не её дочь, а австрийская эрцгерцогиня³⁷².

Уже в марте 1810 г. финансовое положение России было весьма скверным из-за участия в континентальной блокаде Англии, «курс уже давно остается постоянным и составляет 26 или 25 су³⁷³ за рубль. Цены на съестные припасы и товары первой необходимости недоступны, хотя роскошь нимало не отказывается от своих безумств»³⁷⁴. Это был предел, за которым разверзалась финансово-экономическая бездна, рухнув в которую можно было утратить всё. Срочно урезались все статьи государственных расходов: так, расходы на императорский двор в 1803 г. составляли 8,600 тыс. р. ассигнациями или 7,800 тыс. р. серебром, а в 1810 г. — 14,500 тыс. р. ассигнациями, но в серебре 4,200 тыс. р. Расходы на просвещение соответственно в 1804 г. составили 2,800 тыс. р. ассигнациями, а в 1810 г. 2,500 тыс. р. ассигнациями или 0,727 тыс. р. серебром³⁷⁵. Экономии на всём, кроме армии и флота. Но государственный бюджет уже не мог выдержать и такой экономии, нужны были новые налоги, а в условиях финансового кризиса это мера не только не популярная, но и опасная. На фоне всех этих событий отказ Наполеона от намерения жениться на Великой княжне Анне Павловне, при резком увеличении территории герцогства Варшавского на русской границе, принимал для России угрожающий характер. Действительно, только брачный союз мог продлить соглашения Тильзита и Эрфурта, без него будущее русско-французских отношений

372. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 223.

373. Из 10 серебряных су состоял франк, гр. де Местр хочет сказать, что бумажный ассигнационный рубль стоит не более 25 коп. серебром.

374. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 134.

375. Корнилов А.А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 88.

заволакивали хмурые тучи неизвестности.

Итак, события начала 1810 г. снова ставили во главу угла вопрос: сможет ли Россия, стерпев всё это, оставаться великой державой? Сочетаемы ли эти унижающие и подрывающие её величие выпады с достоинством императора Александра? При том, насколько мы уже узнали его характер и смогли понять его представление о величии и благе России, несложно догадаться, что его решением могло быть только одно — надо готовиться к войне с Наполеоном. Необходимо было разработать план военных действий.

Ещё 2 (14) марта 1810 г. ген. Барклай де Толли, за полтора месяца до этого ставший военным министром, представил государю записку «О защите западных пределов России»³⁷⁶. Предполагалось привести западные границы в оборонительное состояние, подготовить оборонительную линию по Западной Двине и Днепру³⁷⁷, где соорудить ряд укреплений и сосредоточить припасы, «Москва будет служить главным хранилищем, из которого истекают действительные к войне способы и силы»³⁷⁸. Первый этап войны протекать должен на западной границе, используя ресурсы Литвы и Белоруссии, когда же они истощатся, отступать на оборонительную линию, оставляя за собою «неприятелю, удалившемуся от своих магазинов, все места опустошенные, без хлеба, скота и средств к доставлению перевозкою жизненных припасов». На линии же Западной Двины и Днепра³⁸² развернутся основные боевые действия этой войны. Их Барклай рассматривал как сочетание оборонительных и наступательных операций: «Хотя война сия, по цели своей и свойству представляется в виде оборонительном, но не должно ограничивать её единственным предметом обороны. Счастливый успех в сопротивлении тогда токмо быть может, когда предна-

376. Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. 1. Ч. 2. СПб., 1900. С. 1–6.

377. Точнее, его среднее течение от Смоленска до Могилёва.

378. Там же. С. 3.

значены и приготовлены будут все средства действовать и наступательно на места самые важные для неприятеля, пользуясь обстоятельствами и временем»³⁷⁹.

Барклай предусматривал три варианта развития действий русских войск, но так как план был оборонительным, то он связывал все варианты с тем, на каком направлении проявит инициативу Наполеон. Если он двинется на Украину, то левый фланг русских отходит к Житомиру, где их должен ждать укрепленный лагерь, и из него оперировать, по обстоятельствам, против неприятеля. В то же время войска нашего правого фланга начинают наступление через Пруссию и наносят удар французам во фланг. Если противник начнет главное наступление на Санкт-Петербург, то правый фланг русских отходит в район Фридрихштадт — Якобштадт, где также должно соорудить укрепленный лагерь (это место гораздо ниже по течению Западной Двины, чем печально известный Дрисский лагерь, и с тем большею вероятностью могло получить снабжение из Риги и Пскова), одновременно угрожая левому флангу армии Наполеона, идущей на северную столицу империи, а войска левого русского фланга наносят свой фланговый удар на Варшаву. Наконец, если французы идут прямо на Москву, через Смоленск, то русские армии отходят к последнему и одновременно наносят удары с флангов.

Для свободного оперирования на передовом театре от западной границы до Днепра на востоке, Зап. Двины на севере и Полесья на юге создавались три армии: 1-я, из 4 дивизий, развёртывалась от Полангена до Ковно — правый фланг; 2-я, из 7 дивизий, дислоцировалась на Волыни и в Подолии, т.е. в западной части русской Украины и прикрывалась с севера Полесским болотным краем — это левый фланг русских; 3-я армия, из 4 дивизий, разворачивалась в Литве и Белоруссии между Вильно и Минском

³⁷⁹. Там же. С. 1.

и должна была подкреплять либо левый, либо правый фланг, в случае же удара на Москву она бы отступала с боями к Смоленску, ожидая фланговой помощи от 1-й и 2-й армий³⁸⁰.

Таким образом, Барклай де Толли этим планом демонстрировал гибкость своего стратегического мышления, а также явный отказ приносить всю совокупность русских сил в жертву в одном генеральном сражении. В основе уже этого плана лежит идея использования фактора пространства и времени как определяющих для разрешения задачи войны силами действующих армий, что говорит о глубоком понимании искусства стратегии автором плана. Сама идея сосредоточения двух третей сил на флангах вытекает из принятия решения об отступлении как о стратегическом принципе ведения войны; предоставление активной роли фланговым армиям соответствует важнейшему постулату стратегии и тактики: быть сильнее неприятеля на том направлении или пункте, где он слабее всего, а фланги и тыловая коммуникация всегда становятся слабее активно наступающего ядра (центра) армии, и тем более слабее, чем глубже и дольше ведется неприятелем наступление, тем более наступление, на которое мы сами его провоцируем. Территория, на глубину которой «разрешается» проникнуть неприятелю, представляет собою огромный прямоугольник размером в 550 км с запада на восток и приблизительно 650 км с севера на юг; чтобы было понятнее, чему соответствует эта площадь, сообщим внимательному читателю, что от Ульма до Вены по прямой воздушной линии 480 км, от Вены до Аустерлица — около 120 км, но ширина полосы проникновения — до 100 км. Как мы помним, к Аустерлицу император привел около 75 тыс. из 178–180 тыс. выступавших в поход, размер же территории, на которой предполагает в 1810 г. развернуть будущую войну Барклай де

---

380. Там же. С. 5.

Толли, говорит о том, что силы Наполеона ожидаются в 200–250 тыс. человек. При таком соотношении количества войск к размеру театра войны надежды русского полководца на успех, при условии сосредоточения в 3 армиях примерно 250–300 тысяч человек, да ещё действующих на родной земле, в условиях предварительной подготовки театра войны, достаточно велики. Неудивительно, что предложение Барклая было одобрено государем³⁸¹.

Военный министр приказал приводить в оборонительное состояние крепости на Зап. Двине, Березине и Днепре и создавать базовые магазины снабжения наших войск, также офицеры квартирмейстерской части Свиты Его Величества произвели рекогносцировки летом 1810 г. будущего театра войны³⁸². Материалы, полученные таким образом, были сведены воедино, и к середине сентября майор Свиты Его Величества по квартирмейстерской части Л. Вольцоген представил свои соображения Барклаю, он предлагал в случае французского наступления с боем отступать до линии Зап. Двины и Днепра, где опираться на созданные крепости, Вольцоген высказался за комбинированные формы боевых действий: «Соппротивление, которое окажут крепости, подаст возможность выиграть время для совершения сильной диверсии в тылу неприятеля... Способ наших действий должен состоять в том, чтобы, отступая с тою из армий, против коей направляются главные силы противника, из одной крепкой позиции в другую, удерживая и ослабляя его постепенно, направить в то же время ему в тыл другую нашу армию, действовать партизанскими отрядами (курсив наш — Б.К.)»³⁸³. Таким образом, предложения этого высокообразованного офицера, несправедливо очернённого в русской и советской историографии, не только капитально подтвердили соображения Барклая де

381. Там же. С. 6.

382. Там же. С. 53, 61–62, 72, 97, 249–258.

383. Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. Т. I. СПб., 1859. Приложения. С. 490–491.

Толли о характере будущей войны, но и явились чуть ли не первым официальным предложением вести в тылу французской армии рейдовую деятельность армейских партизанских отрядов, речь о которых ещё впереди.

В начале 1811 г. политика Наполеона стала подталкивать Россию к форсированию подготовки к войне: ещё в июле 1810 г. император простым сенатским постановлением присоединил к Франции королевство Голландское, «ссылаясь на то, что вся страна эта является лишь “наносом рек империи”»³⁸⁴; 19 декабря 1810 г. он присоединил швейцарский кантон Валлис; 18 февраля 1811 г. к империи были добавлены герцогство Ольденбургское и ряд княжеств и земель по побережью Северного моря от устья Везера до устья Эльбы с вольными городами Бременом и Гамбургом; а на балтийском берегу — старый ганзейский центр Любек. Последнее означало, что французы появились на Балтике, где уже и так держали гарнизон в Данциге (Гданьск), чем угрожали традиционному, со времён Петра Великого, стремлению России к гегемонии в бассейне Балтийского моря. Аннексия же Ольденбурга, где правил родной дядя Александра I, за его сына вышла замуж великая княжна Екатерина Павловна, того самого Ольденбурга, чью неприкосновенность Наполеон гарантировал ещё в Тильзите и Эрфурте, означала новую пощёчину как лично русскому государю, так и великодержавному престижу России. Александр публично протестовал против такого незаконного акта, прямого попрания международного права, но Наполеон игнорировал законность протеста и сделал вид, что считает этот акт вызовом со стороны России. Переговоры же о возмещении аннексированных владений, как будто в насмешку, сводил к предложению ничтожных или ненадёжных по возможности удержания территорий. В конце концов, всё семейство герцогов Ольденбургских временно нашло приют в России.

³⁸⁴ История XIX века / под ред. Лависса и Рамбо. Указ. соч. Т. 2. С. 208.

Наконец, изменилась точка зрения Наполеона и в отношении русско-турецкой войны и требований России к Турции, он посчитал, что надо напомнить Александру, кто решает в итоге, кому и сколько предоставить земель на Балканах. В начале 1811 г. император Франции решил использовать для этого Австрию. Он «внял», наконец, жалобам австрийского посла на «ненасытные притязания» России и принял сторону австрийцев, опасавшихся чрезмерного усиления русского влияния. Отто, французский посол в Вене, получил 26 марта 1811 г. указание своего повелителя, что Франция обязательно поддержит Австрийскую империю, если её посол в Константинополе выступит против занятия Белграда сербами, союзниками русских. Сербы ещё 12 декабря 1806 г. овладели своей древней столицей, но только теперь об этом предпочли вспомнить в Париже и Вене. Наполеон изъявлял готовность взять на себя «такое обязательство, какое венскому двору угодно будет представить». Своему послу в Санкт-Петербурге Колленкуру император писал, что война между Францией и Россией может вспыхнуть в любом из двух случаев: во-первых, если будет нарушен Тильзитский договор, во-вторых, если русские перейдут Дунай³⁸⁵. Правда, когда летом того же 1811 г. наша армия, под водительством М.И. Кутузова, оперируя за Дунаем, разбила турок при Рущуке, война так и не вспыхнула, но зато Австрия и Турция в этот момент прочно находились в орбите политики Наполеона. Все эти факторы вместе взятые ускорили подготовку России к войне настолько, что породили в уме императора Александра и части его генералитета идею взять инициативу начала войны в свои руки. А это стало вносить существенную корректировку в русские планы.

По приказу государя Барклай де Толли весной 1811 г. разработал план превентивной войны России против Франции, он опирался на идею использовать помощь

³⁸⁵. Там же. С. 205.

Пруссии, Швеции, а если повезет, и герцогства Варшавского. Военный министр широко опирался на русскую военную разведку, а также и контрразведку — оба эти ведомства, собственно, как специальные подразделения военного министерства были им созданы летом-осенью 1810 г. До этого специального разведывательного учреждения в России не существовало, хотя, конечно же, наши дипломаты с помощью подкупа и услуг платных агентств собирали разведывательную информацию за границей.

Летом 1810 г. Барклай создает в военном министерстве экспедицию секретных дел, преобразованную 27 января 1812 г. в Особенную канцелярию. Это учреждение как занималось сбором разведывательной информации стратегического и тактического характера, так и организовало службу контрразведки, действовавшей весьма эффективно. Одновременно канцелярия занималась аналитической работой, группируя сведения, предоставляемые как её официальными представителями в столицах европейских государств — военными агентами (прямыми предшественниками нынешних военных атташе), так и завербованными или, чаще всего, платными агентами из числа правительственных и военных чиновников, офицеров, негоциантов и др. лиц, у которых можно было почерпнуть необходимую информацию либо использовать их в качестве разъездных агентов. Аналогичной деятельностью занималась и французская военная разведка в отношении России и других европейских стран, но она не имела устойчивой организации, что, конечно, несколько ослабляло её деятельность. Аналитические доклады экспедиции секретных дел (Особенной канцелярии) систематически на протяжении 1810–1812 гг. использовались Барклаем де Толли, императором Александром³⁸⁶ и начальником Главного штаба (аналог современного Ге-

³⁸⁶ Отечественная война 1812 года. Энциклопедия (далее — Энциклопедия). М., 2004. С. 602.

нерального штаба) кн. П.М. Волконским, ближайшим сотрудником государя и его личным другом и генерал-адъютантом, собственно, и создавшим Главный штаб в виде реформированной им Квартирмейстерской части Свиты Его Императорского Величества в 1810 г.³⁸⁷ Эти аналитические записки помогали этим трём лицам формировать стратегические планы будущей войны с Францией.

Военные агенты были лично отобраны государем и военным министром, работали агенты формально в составе российских посольств, но фактически самостоятельно, так как опасались, что так или иначе может произойти утечка информации именно среди персонала посольства (имеются в виду не дипломаты, а канцелярские чиновники — клерки и обслуживающий штат, вербовка платных агентов, из числа которого была обычной тогда практикой, применявшейся и нашими дипломатами). Военным агентам вменялось в обязанность добывать информацию как посредством установления тесных светских связей, подкупа чиновников соответствующих министерств и ведомств, так и посредством «под видом временных поручений или каких-либо предлогов» возможно более частых поездок по стране «для обозрения важнейших мест», т.е. стратегически важных городов, крепостей, мостов, тоннелей, военных лагерей и других мест дислокации воинских частей. Кроме того, собирать данные о состоянии экономики, возможности использования её ресурсов для снабжения войны и, наконец, составлять планы действия военных сообщений, а также составлять планы возможных военных передвижений и действий в случае войны³⁸⁸. Фактически суть деятельности военной разведки и ныне осталась той же, расширились лишь технические возможности сбора информации. Во второй половине 1810 г. в качестве военных агентов были направлены в Саксонию,

387. Энциклопедия. Указ. соч. С. 144.

388. Там же. С. 602–603.

в Дрезден, майор В.А. Прендель, в Баварию, в Мюнхен, поручик П.Х. Грабе. В Париже этой деятельностью стал заниматься полковник А.И. Чернышев, с 1808 г. использовавшийся государем в качестве своего личного курьера, а позднее военного представителя при императоре Наполеоне, в доверие которого сумел проникнуть, умело изображая из себя лихого рубаку и светского льва, кумира парижских дам. Военными агентами в Вене и Берлине стали полковники Ф.В. Тейль фон Сероскеркен и Р.Е. Рени³⁸⁹.

Деятельность наших военных агентов трудно переоценить даже сегодня по её результативности. Майор Виктор Антонович Прендель совершил с зимы 1810–1811 гг. по зиму 1811–1812 гг. три разведывательных поездки, наиболее впечатляющая была летом-осенью 1811 г. по маршруту: Дрезден — Париж — Франкфурт-на-Майне — Лейпциг — Берлин — Мемель, т.е. по главной коммуникации перемещения французских войск с запада на восток к самым границам России через территорию Франции, Рейнского союза, Саксонии, Пруссии к самой литовской границе, ибо Мемель — это современная Клайпеда на литовском побережье Балтики. Он же сумел зимою 1811–1812 гг. проехать маршрутом Радзивилов — Бреслау, т.е. по территориям Варшавского герцогства и прусской Силезии, становившимся тогда районами развёртывания Великой армии на востоке Европы. В Отечественную войну 1812 г. отличился как партизанский командир³⁹⁰.

Конечно же, самым результативным военным агентом был Александр Иванович Чернышев, чья звезда особенно высоко взошла после 14 декабря 1825 г. Человек весьма сомнительных моральных качеств, он оказался совершенно незаменимым в области военной разведки, где его пороки обращались в профессиональные достоинства. Сбором разведывательной информации начал занимать-

389. Там же. С. 603, 772.

390. Там же. С. 503, 603.

ся ещё весною 1808 г., тогда в качестве личного курьера государя пересёк всю Европу от Санкт-Петербурга до Байоны, где и вручил личное послание Александра I императору Наполеону. Он находился при императоре Франции во время австрийской компании 1809 г. и награжден орденом Почётного Легиона за Ваграм, в это время он сумел завязать необходимые связи в придворной и военной среде в окружении Наполеона. С 1810 по 1812 г. русский военный агент в Париже: сбор информации шёл по нескольким каналам: а) личные связи с великосветскими дамами, среди них его друг Каролина Бонапарт, королева Неаполитанская, жена маршала Иоахима Мюрата, и другая сестра Наполеона Полина (Паолина), кн. Боргезе, ставшая возлюбленной Чернышева; б) интимная доверенность Наполеона и его окружения, не воспринимавших «русского купидона» всерьёз; в) руководство целой сетью подкупленных им через М. Мишеля чиновников военного министерства Франции. М. Мишель достался Чернышеву «по наследству», так как был завербован ещё в 1804 г. известным нашим дипломатом Я.И. Убри, упоминавшимся во 2-й главе. Через «сотрудников» М. Мишеля Чернышев получал копию расписания численного состава французской армии, подготавливавшегося для императора Наполеона на каждые 15 дней. Таким образом, Барклай и его сотрудники имели полное представление о вооружённых силах Франции. Деятельность А.И. Чернышева была выявлена лишь к февралю 1812 г. Сам он сумел избежать наказания, но из-за его небрежности французская полиция, производя тайный обыск в квартире русского военного агента, обнаружила письмо-отчёт М. Мишеля — предатель и его соучастники были арестованы и судимы, Мишель гильотинирован. По приказу Наполеона официальный «Монитор» опубликовал отчёт о шпионаже Чернышева, находившегося тогда в Санкт-Петербурге, и предательстве Мишеля. Император использовал эту исто-

рию как один из аргументов, доказывающих враждебность России и неизбежность войны с нею³⁹¹.

Именно информация, начавшая поступать от военных агентов с зимы 1810–1811 гг., и политические события этого периода, приведенные нами выше, и подтолкнули государя предложить Барклаю разработать план превентивной войны и начать передвижения войск к западной границе.

А.П. Ермолов в своих воспоминаниях оставил описание настроений, царивших в столице: «1811. Получивши на короткое время увольнение в отпуск, приехал я в Петербург. Я представлен был государю в кабинете, что предоставляемо было не менее как дивизионным начальникам (Ермолов же был всего генерал-майором резервных войск — Б.К.). Слух носился о рождающихся неудовольствиях с Наполеоном, с которым редко можно кончить их иначе как оружием. Многие к сим причинам относили благосклонный прием, деланный военным... Инспектор всей артиллерии³⁹²... хотел употребить старание о переводе меня в гвардейскую артиллерийскую бригаду, но я отказался, боясь парадной службы, на которую не чувствовал себя годным, и возвратился в Киев. Вскоре за сим военный министр уведомил меня письмом, что государь желает знать, согласен ли я служить в гвардии командиром артиллерийской бригады?» Ермолов вежливо отказался, но: «Высочайший приказ о переводе меня в гвардию был ответом на моё письмо»³⁹³. Сама по себе история с его переводом из Киева в гвардию, из резервных войск в столицу, в 1811 г. говорила о том, как император Александр настойчиво пытался собрать в гвардии лучших командиров в преддверии приближающейся войны.

В Санкт-Петербурге Ермолов оказался вскоре осведом-

391. Там же. С. 603, 772 // Там же. Очерки истории российской внешней разведки. Т. I. М., 1996. С. 110–113.

392. Барон П.И. Меллер-Закомельский, тогда ген.-лейтенант.

393. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 117.

лен о важнейших военных предположениях, и хотя рассказ о них он помещает в начале той части своих записок, которые посвятил Отечественной войне и событиям 1812 г., но из текста и его пометок видно, что речь идет как раз о настроениях и проектах 1811 г.: «Россия тщательно старалась избежать войны; должна была наконец принять сильные меры против неё.

Мнения насчет образа войны были различны. Не смея взять на себя разбора о степени основательности их, я скажу только то, что мне случалось слышать.

Военный министр предпочитал войну наступательную. Некоторые находили полезным занять Варшавское герцогство и, вступивши в Пруссию, дать королю благовидную причину присоединиться к нам, средство усилить армию и далее действовать сообразно с обстоятельствами. Если бы превосходные силы неприятеля заставили перейти в войну оборонительную, Пруссия представляет местность, особенно для того удобную, средства, продовольствие изобильное, и война производилась бы вне границ наших, где приобретенные от Польши области не допускают большой степени к ним доверенности.

Несравненно большие могли предстоять выгоды, если бы годом ранее (т.е. 1811 г.), заняв герцогство Варшавское, вступили бы мы в союз с королем прусским. Польская армия, с невероятною деятельностью формированная, не более имела тогда пятидесяти тысяч человек и не дерзнула бы противостать нам или могла быть уничтожена; французские войска в Германии под начальством маршала Даву не были многочисленны и, в надежде на содействие Пруссии, на большом пространстве рассыпанные не успели бы к спасению её. Гарнизоны по крепостям, из них составленные, были малолюдны и некоторые из крепостей совсем не заняты. Жестокая война с Гишпаниею, гибельная для французских ополчений, требовала беспрерывно значительных подкреплений, и только за

год до начала войны с нами (1811) допустила заняться составлением громадных армий [-] французской и Рейнского союза. Члены сего понуждаемы были к чрезвычайным усилиям, и отяготительным издержкам, которые не могли поощрять к добровольному соучастию. Австрия, видя в руках наших Варшавское герцогство, Пруссию, поднявшую оружие, вероятно, не осталась бы в виновном бездействии, и тогда, смирив всеобщего врага, можно бы дать мир утомленной бедствиями Европе... Предположив, что Австрия... будет упорствовать в сохранении нейтралитета, и тогда Наполеон в борьбе с армиями нашею и прусскою, и понуждаемый сверх того разбросать немалое число войск для наблюдения за крепостями и для удержания в повиновении занятых областей, лежащих в тылу армии, мог почитать вступление в наши границы небезопасным и способы его не довольно для того благонадежными»³⁹⁴.

Да простит нам терпеливый читатель столь обширную цитату из ермоловских «Записок», но, согласитесь, что полководец здесь дает весьма подробно стратегическое и политическое обоснование превентивной наступательной войны, каким оно представлялось нашим военным вождям в 1811 г. План, очевидно, был составлен, но не утвержден государем, так как дипломатические шаги, предпринятые к привлечению к союзу Пруссии, Австрии и Варшавского герцогства, не дали положительных результатов.

Во-первых, государь через нашего посла в Вене Г.О. Штакельберга обратился к Меттерниху и императору Францу I в 1811 г. с предложением участвовать в превентивной войне против Наполеона. Предполагалось, как и пишет Ермолов, что русская армия займет герцогство Варшавское, с тем чтобы оно вошло затем в состав России в виде восстановленного Польского королевства. Австрия же в виде компенсации за утраченные ею в 1809 г. по Шён-

³⁹⁴. Там же. С. 123–124.

брунскому миру польские земли получит от Российской империи Дунайские княжества: Молдавию и Валахию, те самые, которые французский император в Эрфурте признал ещё осенью 1808 г. русскими провинциями. Таким образом, для государя императора Александра Павловича борьба с Наполеоном в 1811 г. была уже настолько важна, что он готов был отдать австрийцам плоды русских усилий на Дунае, столь обильно политые русской кровью, отказаться от этого столь важного плацдарма, так необходимого для конечного броска на Константинополь, от заветной мечты бабки своей Екатерины Великой ради сокрушения наполеоновской гегемонии в Европе. Но двоедушный гр. Меттерних и трусливый Франц I предпочитали позорные «выгоды» от недавно происшедшего для них «счастливого» события: 20 марта 1811 г. дочь Франца I Мария-Луиза, императрица Франции, родила Наполеону сына, наследника короны и империи, и эта «синица в руках» казалась им гораздо надежнее и прибыльнее, чем русские предложения. Оно и понятно: более приземленных и эгоистичных, погруженных в мелкие расчёты сегодняшнего дня и приверженных рутине людей, чем эти два «великих» австрийских государственных мужа, трудно себе даже представить. Но именно эти пошлые «духовные» качества позволили именно им пожать наиболее обильные дивиденды в час крушения Наполеона, а он, прагматик и романтик одновременно, и сентименталист и руссоист Александр изнемогли во взаимной борьбе и один за другим сошли в могилу, один в 1821-м, другой в 1825 г. А холодный и расчётливый Меттерних до 1848 г. стоял во главе Австрийской империи и вообще прожил до 76 лет, хладнокровно, ради одного своего исключительного положения при дворе и императоре, удушая с помощью Священного союза и Австрию, и Венгрию, и Германию, и Италию. Вот она, ирония судьбы человеческой и ирония истории. Таким образом, Австрия стараниями

*Фридрих Бури.
Генерал Герхард Шарнхорст. 1810*

этих достойных друг друга слуги и хозяина приложила руку к тому, чтобы сорвать замысел Александра нанести первым удар Наполеону.

Что же касается Пруссии, то тут в 1811 г. ситуация сложилась несколько по-другому. Позорное унижение, которое страна испытала сначала на поле Иены и Ауэрштадта, а потом дополненное тем невыносимым положением, в которое поставил Пруссию Тильзит-

ский мир, породило в обществе желание к национальному возрождению, к глубоким либеральным реформам, могущим обновить народ и страну, могущим подготовить национальные силы к свержению французского ига. Патриоты-реформаторы: государственный министр барон Г.Ф.К. Штейн, военный лидер, начальник Генерального штаба ген. Шарнгорст, ген. Гнейзенау, Бойен, Грольман и Клаузевиц — приложили немало сил, чтобы обновить Пруссию и её армию, сделать последнюю залогом будущего освобождения. Но трусливое ничтожество, король Фридрих Вильгельм III, к тому же лишившееся нравственного руководителя в лице своей жены, пре-

*Мария фон Брюль.
Карл Филипп Готтлиб
фон Клаузевиц. 1800-е гг.*

красной королевы Луизы, скончавшейся в 1810 г., было совершенно неспособно стать на высоте положения, к которой обязывали его сан и корона, и возглавить патриотический подъём в стране. Наоборот, король по первому же гневному окрику Наполеона увольнял в отставку прусских патриотов. В результате император Франции уже в марте 1811 г. смог шантажом заставить короля самого обратиться с предложением о союзе. Инструкция, данная прусскому посланнику, была составлена во вполне холопских тонах 30 марта 1811 г.: «Пусть Наполеон забудет наши прегрешения и соизволит привязать (!) к себе Пруссию тем способом, который достоин его величия, тем самым снискав её благодарность»³⁹⁵. Но император не дал никакого определенного ответа, и в мае последовали новые униженные просьбы короля и его послов, и снова холодный уклончивый ответ. Страх сковал и без того «робкое» сердце короля, и он решился на «героический» шаг — начать тайные переговоры с Россией.

Для ведения переговоров в Санкт-Петербург был тайно отправлен ген. Шарнгорст — лучшей фигуры, чем реформатор прусской армии и горячий сторонник либеральных преобразований, выбрать для этой миссии было невозможно. Переговоры велись секретно, в Царском Селе, вдали от посторонних глаз, встречались лишь втроём: император Александр, Шарнгорст и Барклай де Толли. Постепенно выяснился разный подход сторон к решению проблемы. Инструкции, привезенные Шарнгорстом, предлагали заключить военную конвенцию, суть которой была в выдвижении российской армии на левый, т.е. западный, берег Вислы с тем чтобы, если французы вторгнутся в Пруссию, русские сразу бы перешли в наступление, без особых указаний из Петербурга. Государь Александр Павлович склонялся к мысли о необходимости заключить русско-прусский союзный договор, на основе

³⁹⁵ Цит. по Бескровный Л.Г. Отечественная война 1812 года. М., 1962. С. 136.

которого уже развернуть борьбу с Наполеоном. После длительных и трудных переговоров император дал согласие на заключение конвенции, составленной уже совместно Барклаем и Шарнгорстом. Она предусматривала, что в случае угрозы вторжения в Пруссию французских войск русская армия вступит на территорию герцогства Варшавского и будет там действовать совместно с пруссаками, кроме того, один русский корпус войдет в Восточную Пруссию и прикроет Кёнигсберг. Конвенция была подписана 5 (17) октября канцлером гр. Н.П. Румянцевым, ген. Шарнгорстом и Барклаем де Толли, на следующий день прусский генерал покинул Царское Село³⁹⁶.

Император Александр рассматривал конвенцию как основу русско-прусского союза и отправил тут же проект договора в Берлин. Казалось, Россия обретает союзника в приближающейся военной схватке. Очевидно, в этот момент была предпринята ещё одна попытка склонить на русскую сторону и герцогство Варшавское в лице военного министра, и главнокомандующего войсками герцогства князя Юзефа Антония Понятовского. Кн. С.Г. Волконский ошибочно описывает это событие как произошедшее весной 1812 г.: «Одно обстоятельство, о котором в общих писаниях этого времени, кажется, не означено, по которым молва была хотя в весьма малом кругу, но заслуживающее некоторой значительности. Это поручение, данное полковнику Толю³⁹⁷, тайно видеться с князем Иосифом Понятовским, командовавшим тогда одним из корпусов Наполеоновской армии. Не могу заверить, чтоб мой рассказ об этом был в сущности его совершенно справедлив, но о том в близком мне круге было говорено, а я передаю, что слышал.

³⁹⁶ Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 437; Энциклопедия. С. 789–790.

³⁹⁷ Карл Федорович Толь, один из самых выдающихся офицеров Главного штаба за всю его историю, ещё в 1-м кадетском корпусе был любимым учеником М.И. Кутузова, верность которому сохранил на всю жизнь; в 1799 г. обратил на себя внимание самого А.В. Суворова, отлично служил в последующих кампаниях, в 1812 г. стал правой рукой М.И. Кутузова, он выбрал позицию при Бородино и составил план размещения армии, покинувшей Москву, на Калужскую дорогу, что и изменило стратегически дальнейший ход войны.

Толь был послан переодетый в партикулярное платье к Понятовскому, с тем чтобы заверить его, что государь имеет намерение восстановить Польшу и что если он, Понятовский, согласится оставить Наполеона и тем увлечет за собою и польское войско, имевшее полное доверие к нему, Понятовскому, то Александр провозгласит его королем польским, выставляя это не за измену, но за содействие к восстановлению отечества. Ответ

И. М. Грасси. Портрет князя Понятовского. 1810-е гг.

Понятовского был отрицательный, и он сказал Толю, что благодарит государя за намерение, но что честь ему не позволяет принять предложение, а в удостоверение уважения и признательности государю³⁹⁸ он не даст гласности всему этому, и Толь возвратился»³⁹⁹.

Основная же попытка склонить кн. Понятовского к сотрудничеству с Россией и к передаче герцогства Варшавского в руки Александра должна быть связана с поездкой кн. Адама Чарторыжского к своей семье в Пулавы, расположенные на территории герцогства. Это было в ноябре 1810 г., государь просил друга своей молодости, бывшего члена Негласного комитета и министра иностранных дел, возбудить поляков в пользу России и повести переговоры с кн. И. Понятовским о его поддержке планов русского императора. Миссия была неудачна, ибо население герцогства повсеместно было настроено профран-

398. Т.е. Александру I.

399. Волконский С.Г. Указ. соч. С. 191.

цузски, польская армия благоговела перед императором Франции, а кн. Понятовский как человек чести и горячий патриот наотрез отказался изменить Наполеону, со звездой которого он накрепко связал судьбу Родины и свою собственную.

Эти происки Александра в герцогстве и его письма к кн. А. Чарторыжскому, где приведены конкретные данные о военных приготовлениях, говорят, что после присоединения Голландии и «австрийского брака» Наполеона русский государь готовился к превентивной войне, рассчитывая на «испанскую рану» Французской империи, недовольство пруссаков и австрийцев, а также возможность привлечь поляков.

Однако необходимо отметить, что именно в этот напряженный момент что-то заставило Наполеона приказывать своему министру иностранных дел Ю.Б. Маре начать переговоры с прусским послом в Париже. Сначала от Пруссии потребовали прекратить вооружения, что она поспешно выполнила, а после этого император предложил на выбор: либо вступить в Рейнский союз, т.е. унизиться до раболопного вассала Франции, либо заключить с ним бессрочный военный союз, но без каких-либо обязательств и гарантий её дальнейшего суверенного существования. Эти тяжелые условия были вручены берлинскому кабинету 29 октября, но уже 25 октября королю стало известно о Конвенции, которую Шарнгорст вез из Царского Села. Теперь Фридрих-Вильгельм III должен был решать судьбу страны и свою собственную. Король как обычно колебался и трусил. Как всегда это у него было, страх победил и прусский государь, зажмурив глаза, бросился в ноги Наполеону. Конвенцию, привезённую Шарнгорстом, он не утвердил и этим погубил и план русско-прусского союза, и саму возможность превентивной войны России против Франции⁴⁰⁰.

400. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 137–138.

Запутанный король Пруссии 21 февраля 1812 г. заключил договор с Наполеоном, он открыл свои границы для прохода его войск на восток к русским рубежам, обязался объявить войну России и послать в русский поход 20-тысячный корпус в Литву и Латвию в составе Великой армии, а кроме того, снабжать французские войска при прохождении их по прусской территории⁴⁰¹.

После всех этих сложнейших дипломатических коллизий, занявших большую часть 1811 г., становилась более чем ощутимой неизбежность приближающейся войны, и разработка её оборонительного плана вступила в завершающую фазу.

В январе 1812 г. экспедитор Секретной экспедиции Военного министерства подполковник П.А. Чуйкевич составил для Барклая де Толли и Александра I «дислокационную карту» войск французской Великой армии, дававшую возможность наглядно представить направление основных операционных линий неприятельской армии и сделать предположение о направлении главного удара в начале войны. После этого Барклай 23 января 1812 г. представил государю записку о расположении войск на границах, в которой предлагал «в случае наступательной войны действовать из разных пунктов прямым трактом в Пруссию и Варшавское герцогство», а в случае одной оборонительной войны частью сил «беспрестанно соединиться к бороне важнейших, неприятелем угрожаемых пунктов», а другой частью «действовать во фланг и тыл противника»⁴⁰². В феврале А.И. Чернышев из Парижа писал государю, что император Наполеон хочет создать громадный перевес в силах, чтобы разгромить русскую армию в течение одной кампании, ссылаясь на примеры из военной истории и практики Веллингтона в Испании, он предлагал всячески затягивать войну и из-

401. Там же. С. 138.

402. Энциклопедия. Ст. «Предвоенные планы российского командования». С. 587. Авт. В.М. Безогосный.

бегать больших сражений, которых Наполеон будет, без сомнения, искать, так как, отмечал Чернышев, император не может позволить себе покинуть Париж более чем на год. Если же война затянется на две-три кампании, то французский император столкнется с такими трудностями и препятствиями как во Франции и Германии, так и в необъятных пространствах России, что не просто проиграет войну Александру, но и потеряет господство над Европой⁴⁰³. В марте 1812 г. П.А. Чуйкевич, находясь при штабе Барклая в Вильно, по поручению военного министра написал докладную записку «Патриотические мысли, или Политические и военные рассуждения о предстоящей войне между Россией и Францией и предложение средств воздвигнуть в Германии инсurreкцию посредством вооруженной экспедиции». Записка датирована 2 апреля 1812 г. и по существу является аналитическим проектом военных действий в условиях готовой разразиться войны, с конкретными рекомендациями командованию. В первой части записки Чуйкевич аргументированно доказывал необходимость отступления русской армии, каковое ослабит Наполеона, а также предлагал развернуть широкомасштабную партизанскую войну на флангах и в тылу неприятеля⁴⁰⁴.

Таким образом, ещё за 4–6 месяцев до начала военных действий Барклай де Толли, опираясь на сведения военной разведки, довольно ясно представлял себе, что ход военных действий должен быть разбит на два периода: первый, отступление двух западных армий до рубежей Зап. Двины и Днепра с накоплением ударных групп на флангах и активной рейдовой деятельностью армейских партизанских отрядов в тылу неприятеля. Второй — переход в наступление на флангах и с фронта, при разрушении коммуникаций и тыловых баз партизанскими

403. Энциклопедия. Ст. «Разведка русская». С. 603. Авт. В.М. Безотосный.

404. Энциклопедия. Ст. «Чуйкевич». С. 788. Авт. В.М. Безотосный.

рейдами. Глубина отступления и длительность кампании рассматривались при этом как неременное условие конечной победы.

Альтернативой планам военного министра явились весной 1812 г. предложения кн. П.И. Багратиона. Они основывались на повелительном желании его пламенной натуры наступать и атаковать, в известном смысле он находился под обаянием опыта А.В. Суворова в 1794 г. в Польше и в 1799 г. в Италии. Наш пылкий воин убеждал читателя, а это был император Александр, и самого себя, что Пруссия и герцогство Варшавское находятся в сфере русского влияния, увы, как мы видели, это было совсем не так. А посему рассуждения князя Петра Ивановича, конечно же, хороши: «Стотысячную армию в мае форсированными маршами... двинуться к Праге⁴⁰⁵ и, поражая быстро, что всё на пути встретиться может, занять как Прагу, так и Варшаву... Главная же польза от такого внезапного и скорого движения, мною предполагаемая, состоит в том, что театр войны удалится от пределов империи и мы в состоянии будем занять на реке Висле такую позицию, которая бы придала нам возможность с большею твердостью и решительностью действовать противу неприятеля»⁴⁰⁶. Для этих действий он предполагал сформировать два 100-тыс. корпуса: один в Белостоке, второй на границе Восточной Пруссии с целью, пройдя её, осадить Гданьск⁴⁰⁷. Но так как Пруссия уже в феврале 1812 г. заключила союз с Францией, то появление русских войск на её территории, равно как и в герцогстве Варшавском, где уже накапливались значительные силы Великой армии, привело бы русские войска к новому сокрушительному поражению, чего, собственно, и желал Наполеон.

Неудивительно, что государь оставил проект князя Багратиона, равно как и другие наступательные проекты, без

405. Предмесье Варшавы.

406. Генерал Багратион. Сборник документов и материалов. М., 1945. С. 135.

407. Генерал Багратион. Указ. соч. С. 135.

внимания. Государь вообще не сообщал ни ген. А.П. Тор-масову, командовавшему в то время 3-й, или Обсервационной, армией на Волыни, ни кн. Багратиону о принятых им решениях. Точно также никто не знал подробностей и о стратегических предложениях ген. К.Л.А. Фуля, состоявшего с 1807 г. при государе и являвшегося его советником по военно-теоретическим вопросам. Ген. Фуль, исходя из теории Бюлова о фланговых позициях обороняющейся стороны, предложил не вступать с Наполеоном в генеральное сражение, а создать Двинскую и Днепровскую армии общей численностью в 230 тыс. человек. Соорудить на двинском направлении укрепленный лагерь (так родился Дрисский лагерь). В этот лагерь отступает Двинская армия численностью в 120 тыс. человек, за ней, как ожидалось, последует главная часть сил Великой армии. Днепровская же армия отступает к линии верхнего и среднего Днепра и, препятствуя соединению двух частей французской армии, атакует их, по обстоятельствам с фланга и тыла, дожидаясь подхода Молдавской армии с берегов Дуная, где шла война с турками, которых предполагалось наконец-то победить. Ожидалось также, что Наполеон в ходе наступления растянет коммуникации и, неся потери от авангардных и фланговых боев, утратит численное и оперативное превосходство. После этого Двинская армия переходит в наступление, обходя левый фланг главных сил Великой армии в направлении Мемель — Тильзит — Петербург, т.е. по границе современных Латвии и Литвы в Восточную Пруссию⁴⁰⁸.

Коренным пороком плана являлась ошибка в оценке сил Великой армии: Фуль считал, что она составит 240 тыс. человек, отсюда неверный расчёт привлекаемых русских сил, а также и расчёт глубины проникновения неприятеля на территорию России. Другой ошибкой является

⁴⁰⁸. Энциклопедия. Ст. «Фуль план». С. 757–758, авт. В.С. Парсамов, В.М. Безотосный.

маршрут контрнаступления Двинской армии, так как по сути своей это облическое⁴⁰⁹ движение, то оно может потребовать от русских большего времени для продвижения к намеченной цели — перехвату главной коммуникации Великой армии, при соблюдении принципа уклонения от открытого сражения, нежели будет потребно времени Великой армии, чтобы отступить к этой же цели по относительной прямой. Кроме того, при фланговом движении нет гарантии, что сама русская армия будет атакована отступающим неприятелем, которым командует сам Наполеон, во фланг. Грубой ошибкой является предположенная численность Великой армии. Она была удобна только для стратегических расчётов Фуля и никакого отношения не имела к реальным размерам войск, собираемых императором Наполеоном в Герцогстве и Пруссии. Именно эта ошибка дезориентировала самого генерала в его расчётах о необходимой численности 1-й и 2-й русских армий, равно как и в рутинерских дотошнейших подсчётах необходимого количества её снабжения.

И хотя частично этот план стали осуществлять: с апреля 1812 г. строят Дрисский лагерь, созданы 1-я и 2-я Западные армии — но выделение 3-й армии ген. А.П. Тормасова резко уменьшило численность 2-й армии ген. Багратиона до 48 тыс. человек при 168 орудиях и лишило её возможности эффективно сыграть роль Днепровской армии в плане ген. Фуля. Таким образом, уже в начале 1812 г. новые стратегические обстоятельства, вызванные присоединением Австрийской империи к Наполеону⁴¹⁰, подрывали самую идею плана Фуля. Кроме того, он неверно рассчитал скорость передвижения Молдавской армии на столь длительное расстояние. Неудивительно, что, когда, уже в условиях боевых действий, 1-я Западная армия оказалась в Дрисском лагере, его пришлось окон-

409. Т.е. по внешней стороне окружности.

410. Для парирования возможных действий Австрии и была создана 3-я армия ген. А.П. Тормасова.

чительно и немедленно оставить. С этим прекратилось и всякое влияние ген. Фуля на ход войны.

Все эти несообразности, заключенные в предположениях ген. Фуля, вольные и невольные ошибки, им допущенные, заставили современных российских историков поставить вопрос о том, а выполнялся ли план ген. Фуля вообще. Высказана гипотеза о том, что он был искусной маскировкой истинных намерений государя и Барклая де Толли. Если это так, то тогда понятно, почему император Александр не сообщил о принятых решениях ни кн. Багратиону, ни А.П. Тормасову, почему Л.Л. Беннингсен вспоминал: «Император не показывал мне этого операционного плана, и я не знаю ни одного человека, который бы его видел»⁴¹¹. Возможно, что ген. Фуль и его «план» были предназначены для отведения общественного недовольства, вызванного отступательной стратегией, от государя и Барклая на непопулярного в придворных и военных кругах Фуля⁴¹². Если это так, то тогда понятно, почему, отстранив в августе ген. Фуля от участия в делах войны, государь уже в октябре посылает его с миссией в Англию и позднее использует генерала на дипломатическом поприще, награждает орденами Св. Владимира 1-й ст. и Св. Александра Невского, а когда Фуль в 1821 г. по болезни увольняется с русской службы, то отставка производится по 1-му разряду: с мундиром и пенсионом полного жалования⁴¹³. Фуль выполнил свою непопулярную миссию, тактично не стал слишком яростно оправдываться и теперь за это вознагражден. Думается, что во всяком случае нашим современникам надо с меньшим пристрастием впрямь относиться к этой исторической фигуре.

Подводя итоги всему вышесказанному, мы приходим к выводу, что идея плана войны России с Францией пережила три фазы: первая, 1810 г. — военные действия строятся

411. Русская старина. 1900. Кн. VI. С. 517.

412. Энциклопедия. Там же. С. 758.

413. Энциклопедия. Ст. «Фуль». С. 757, авт. А.А. Елисеев.

на сознательном отступлении вглубь империи и активном маневрировании в первой фазе с последующим переходом в контрнаступление во второй, имеющим целью перерезать коммуникацию изнуренного неприятеля и разгромить его. Вторая — 1811 г. — изменение международной ситуации породило надежды на возможность превентивной наступательной войны и приобретение союзников, но трусость короля Пруссии и своекорыстие Меттерниха и императора Австрии разрушили этот план, что привело к возвращению к плану оборонительной войны, т.е. третьей фазы конца 1811 — начала 1812 гг., каковой и продолжал разрабатываться Барклаем де Толли и его помощниками, поддерживаемыми и императором Александром.

Участие самого государя в разработке и корректировке плана не вызывает сомнений, так как Барклай в качестве военного министра постоянно держал его в курсе дела посредством своих докладов, передавая информацию военных агентов и пр. и, наконец, представляя на утверждение сам план при непосредственном докладе императору. Точно также государь был в курсе и предложений ген. Фуля и знакомился с другими планами ведения войны. Именно император принял окончательное решение о спланированном отступлении в первой фазе войны и таким образом, как глава государства, принял ответственность, сопряженную с его исполнением, на себя. И если можно дискутировать о мере участия Александра I в собственно военной составляющей плана, то несомненно, что политически, а политика всегда лежит в основе военного планирования, он, государь, прямой автор этого плана, ибо ген. Барклай де Толли хоть и творчески, но лишь выполнял его явно выраженную политическую волю. Следовательно, можем сделать мы вывод, что император Александр, не имея систематического военного образования, систематически не проходя цензовой военной службы и никогда не командуя войсками в воен-

ной обстановке, оказался способным учеником не столько ген. Фуля, сколько практического военного опыта как своего времени, так и почерпнутого из истории военного искусства. Как император, как глава государства, он оказался способным на принятие верного стратегического решения о характере ведения предстоящей войны, а следовательно, вместе с Барклаем де Толли разделяет честь её верного стратегического планирования.

Внимательный читатель может задать справедливый вопрос: а был ли вообще план войны, утвержденный императором Александром? На наш взгляд, полнее всего на этот вопрос ответил в 1966 г. В.В. Пугачев в своей статье «О форме выработки русского стратегического плана Отечественной войны 1812 года»⁴¹⁴. Автор провел глубокий анализ мемуарных и историографических работ и пришел к выводу об исключительной роли Государя в военном руководстве армиями и в деле выработки плана. Об этом автор пишет: «Что касается уже выработанных планов, то об этом имеется уже довольно много сведений. Однако следует отметить, что в числе документов нет плана, который был бы утвержден Александром I в качестве официального плана. О его содержании можно узнать из инструкций Барклаю, Багратиону, Тормасову и командирам корпусов о военных действиях». В чём тут дело? Автор считает, что при тогдашней форме выработки плана главную роль играл устный элемент и поэтому «письменного плана, с которого списывались бы инструкции Багратиону и т.д., составлено не было»⁴¹⁵. Почему? Потому что соблюдалась строгая секретность, вообще присущая государю в его такого рода деятельности. Он сам подтверждает нам это в своем письме к кн. Чарторыжскому от 31 января 1811 г. по поводу его опасений, что Коленкур узнает о русском зондаже в Варшаве: «Мне остается сообщить Вам

414. Учёные записки Горьковского государственного университета. Вып. 78. 1966. С. 625–646.

415. Там же. С. 645.

только об одном — об опасении, которое вы высказали, что Коленкур раскроет тактику. Раскрыть её невозможно, потому что даже канцлер не знает о нашей корреспонденции»⁴¹⁶. Комментарии, как говорят, излишни.

Недостатки плана очевидны: не до конца верный расчёт сил, которые неприятель сможет перебросить через границу в первую же неделю после начала войны; отсюда неверное представление о реальной глубине вторжения в пределы Российской империи, на которую окажутся способны силы противника, прежде чем они сократятся до критической массы, когда станет возможным для русских переход в контрнаступление; наконец, слишком большая отнесённость III, Обсервационной, армии ген. А.П. Тормасова от II Западной армии кн. Багратиона, с которой её было бы правильнее соединить, раз предполагалось действовать силами Днепровской армии (а именно её роль и играла II Западная армия), во фланг и тыл Великой армии. Но надо тут помнить, что присоединение австрийцев к Наполеону произошло 16 марта 1812 г. и надо было прикрыть от австрийцев, поляков, а возможно, и французов, Украину, и тут уж выбирать не приходилось, так как переговоры с турками, разбитыми М.И. Кутузовым при Слободзее, шли пока что туго, и когда завершатся, в марте 1812 г. было неясно никому ни в Санкт-Петербурге, ни в Бухаресте. Также недостатком считается слишком близкое развёртывание I и II Западных армий весною 1812 г. к границе, однако именно это должно было породить у императора Наполеона уверенность, что русские собираются сами вторгнуться в Пруссию и герцогство Варшавское, а значит, и поспешить с переходом русской границы, который поставил бы его в такую политическую ситуацию, из которой для его чести и военной репутации был только один выход — идти всё дальше вглубь России за отступающей от него русской армией.

⁴¹⁶ Соколов О.В. Битва двух империй 1805–1812 гг. СПб., 2012. С. 404.

И последнее: насколько готов был нравственно к предстоящей борьбе государь Александр Павлович? На этот вопрос лучше всего ответил он сам в письме от 12 марта 1812 г. к королю Пруссии: «Судьбу Европы решит судьба России... Я согласен, что опасность союза с Россией для Вас велика, однако в случае успеха этот союз вернул бы Вам в борьбе славу прусской монархии, а в случае неудачи, по крайней мере, Вы бы дорого продали жизнь Вашей страны. *Лучше найти славный конец, чем жить в рабстве* (курсив наш — Б.К.)»⁴¹⁷.

Теперь же, мой любезный читатель, мы с вами посмотрим, каковы же были планы той грандиозной войны на рабочем столе и в сознании императора Наполеона. Поведение русского государя в Эрфурте, пассивность русских войск во время операций против австрийцев в кампанию 1809 г., отказ, хотя и вежливый, но отказ императора Александра выдать за него свою сестру великую княжну Анну были восприняты французским императором как знамение развала союза, основанного в Тильзите. Таким образом, Россия снова становилась соперником его в борьбе за французское великодержавие, которое этот, несомненно, гениальный человек, понимал как бесконтрольное главенство и скорее как безграничное владычество Франции, т.е. его самого, в Европе. С этим соперничеством он согласиться никак не мог, с этим надо было бороться, именно бороться, ибо уж такова была его человеческая природа: вне борьбы он не видел и не ощущал самой жизни. Если бы не это настроение, разве бы он дал «уговорить» себя Талейрану и пр. жениться на австрийской эрцгерцогине Марии-Луизе, племяннице казнённой в дни его молодости, осенью 1793 г., королевы Марии-Антуанетты, и стать таким образом «родственником» казнённого короля Людовика XVI? Бракосочетание состоялось 1–2 апреля 1810 г. в Сен-Клу и Лувре, а через три

417. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 139.

месяца после этого начались аннексии, завершившиеся захватом Ольденбурга в феврале 1811 г., так оскорбившего Александра. Очевидно, именно в этот период, апрель 1810 — февраль 1811 гг., у императора и стала кристаллизоваться мысль о войне с Россией, особенно этот процесс ускорило нежелание русской стороны окончательно рухнуть в бездну экономического и финансового краха, строго соблюдая континентальную блокаду. Её нарушение русскими особенно возмущало Наполеона и подталкивало к решению готовиться к войне с Россией. Очень ярко иллюстрируют эти мотивы «сползания» императора к войне воспоминания его посла в России в 1808–1811 гг. маркиза А. де Коленкура. Вот как описывает он это состояние, вспоминая свою беседу с императором в Сен-Клу 5 июня 1811 г.: «...в течение четверти часа он расхаживал по своему кабинету, не произнося ни одного слова. Наконец он промолвил:

— Значит, вы думаете, что Россия не хочет войны, что она останется в союзе и примет меры для поддержки континентальной системы, если я удовлетворю её в вопросе о Польше?

— Вопрос, — ответил я, — уже не ограничивается Польшей... если бы ваше величество удалили из Данцига и из Пруссии, по крайней мере, небольшую часть тех войск, которые собраны там, как полагают, исключительно против России?

— Значит, русские боятся? — сказал император.

— Нет, государь, но, как рассудительные люди, открыто объявленную войну они предпочитают положению, которое не является действительным миром.

— Что же, они хотят предписывать мне законы?

— Нет, государь.

— Однако требовать, чтобы я эвакуировал Данциг для удовольствия Александра, — это значит диктовать мне свою волю... Скоро я должен буду просить у императора

Александра разрешения на устройство парада в Майнце!

— Нет, государь, но парад в Данциге задевает его...

— Я вам уже сказал, что не хочу восстанавливать Польшу.

— Тогда я не понимаю, ради чего ваше величество пожертвовали своим союзом с Россией!

— Это Россия разорвала его, потому что её стесняет континентальная система»⁴¹⁸.

Этот диалог, хоть и приведен нами в весьма усечённом виде⁴¹⁹, дает ясное представление о том, насколько безграничной считал свою власть в Европе император и как он сам себя «взвинчивал» против политики России, если бросали хотя бы даже мнимую тень на его всемогущество. В этом диалоге Наполеон много раз повторяет, что он хочет сохранить мир, но в разгар дискуссии с Коленкуром он проговаривается, так как ясно излагает, как ему часто это и было присуще, что же он, собственно, понимает под термином МИР:

«— Вы всегда говорите о мире! Мир дает кое-что только тогда, когда он является прочным и почётным. Я не хочу такого мира, который разрушил бы мою торговлю, как это сделал Амьенский мир. Для того, чтобы мир был возможным и прочным, нужно, чтобы Англия убедилась, что она не найдет больше пособников на континенте. Нужно, следовательно, чтобы русский колосс и его орды не могли больше угрожать югу вторжением»⁴²⁰. Увы, этот небольшой монолог императора Наполеона обнажает его истинный взгляд на мирные отношения с другими странами: он теперь, в отличие от времен Пресбургского мира 1805 г. или даже Тильзитского мира 1807 г., не воспринимает мирный договор как компромисс, подразумевающий равенство договаривающихся сторон, нет, теперь

418. Коленкур А. де. Мемуары. Смоленск, 1991. С. 37–39.

419. Желаящие могут прочесть его полностью в любом из изданий вышеприведенных мемуаров А. де Коленкура.

420. Коленкур А. де. Указ. соч. С. 40.

для него мир — это безоговорочное подчинение его воле, это отсутствие равенства, это единственная державная воля в Европе, и эта воля его. А это могло означать лишь одно — войну с Россией.

Первым явным признаком подготовки к ней стала, спустя некоторое время, беседа императора с, судя по всему, министром военного снабжения Лакло-де-Сессаком⁴²¹, приводимая Коленкуром: «Вы нужны мне для одного дела, о котором я не говорил никому, ни одному из моих министров; впрочем, оно их не касается. Я решился на большую экспедицию. Мне нужны в значительном количестве фургоны и транспортные средства. Людей я раздобуду без труда, но приготовить транспорт трудно. Мне нужен громадный транспорт, потому что моим отправным пунктом будет Неман и я буду действовать на больших расстояниях и в различных направлениях. Именно для этого я нуждаюсь в вас и в тайне⁴²²...

Продолжая беседу, император развил перед ним свой политический план, согласно которому необходимо нанести удар Англии в лице единственной решающей державы, ещё остающейся на континенте и могущей причинить ему беспокойство, присоединившись к Англии. Он говорил, что будет полезно отстранить русских от европейских дел и создать в центре государство, которое было бы барьером против нашествий северной державы; он прибавил, что теперь для этого удобный момент, а потом будет уже поздно...»⁴²³

Очевидно, это середина лета 1811 г., а вскоре 15 августа на большом дипломатическом приеме по случаю своего дня рождения император уже открыто угрожает России и её государю, в течение 40 минут более чем резко беседуя с русским послом кн. А.Б. Куракиным: «Я не настолько глуп, чтобы думать, будто вас так занимает Ольденбург. Я вижу

421. Там же. С. 355.

422. Там же. С. 50.

423. Там же. С. 51.

ясно, что дело тут в Польше. Я не думаю о восстановлении Польши, интересы моих народов этого не требуют. Но если вы принудите меня к войне, я воспользуюсь Польшей как средством против вас. Я вам объявляю, что я не хочу войны и что я не буду с вами воевать в этом году, если вы на меня не нападете»⁴²⁴. Прервав монолог императора и отметив, что эти инвективы имеют под собою основание начавшуюся мобилизацию русских сил на границе, сведения от кн. И. Понятовского о предложении кн. А. Чарторижского, что именно в это время Барклай де Толли разработал план превентивной войны, что через две недели ген. Шарнгорст тайно покинет Берлин, чтобы, прибыв в Царское Село, начать переговоры о военном союзе с Россией. Император многое об этом знает, а о том, что ему неизвестно, возможно, догадывается, к войне сейчас он не готов, вот почему он говорит «я не буду с вами воевать в этом году, если вы на меня не нападете». Но умеющий слышать, услышит, и эти слова император, конечно, обращает не столько к кн. Куракину, сколько к государю Александру Павловичу: «Я не питаю расположения к войне на севере, но если кризис не минет в ноябре, то я призову лишних 120 тысяч человек; я буду продолжать это делать два или три года, и если я увижу, что такая система более утомительна, чем война, я объявлю вам войну... и вы потеряете все ваши польские провинции. По-видимому, Россия хочет таких же поражений, как те, что испытали Пруссия и Австрия. Счастье ли тому причиной, или храбрость моих войск, или то, что я немножко понимаю толк в военном ремесле, но всегда успех был на моей стороне, и, я надеюсь, он и дальше будет на моей стороне, если вы меня принудите к войне»⁴²⁵. Это уже прямая угроза, это использование одного из своих главных козырей — авторитета непобедимости его гения и его армии.

424. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 458.

425. Там же. С. 458.

Но император явно готовился к этой блестящей импровизации, ибо никогда не «взрывался» публично спонтанно, он приготовил ещё один важный козырь — разоблачение сути своих «данайских даров» в Тильзите и позднее. Он говорит кн. Куракину, а значит, и Александру: «Вы рассчитываете на союзников, но где они? Не Австрия ли, у которой вы похитили в Галиции 300 тыс. душ? Не Пруссия ли, которая вспомнит, как в Тильзите её добрый союзник Александр отнял у неё Белостокский округ? Не Швеция ли, которая вспомнит, что вы её наполовину уничтожили, отобрав у неё Финляндию? Все эти обиды не могут быть забыты, все эти оскорбления отмстятся — весь континент будет против вас!»⁴²⁶

Прекрасная речь, великолепный образец ораторского искусства, любознательный мой читатель, воистину, вот у кого должны мы, в нашу эпоху вялых, многословных и маловыразительных политических ораторов, учиться искусству мыслить и искусству говорить! Но, увы, великий император слишком увлекся в своём пламенном порыве и не учёл осторожной, холодной, практичной и, ах, беспринципной природы среднестатистических государственных деятелей, населяющих европейские столицы и согревающих мало-мальски значимые под небом Европы троны. Трусливый король Пруссии уже замыслил предать его; австрийцы, ищущие его милостей в Париже, из-под руки, тайком пошлют вскоре из Вены в Санкт-Петербург весть, что будут воевать чисто формально. А маршал Франции Бернадот, ставший теперь наследным принцем Карлом-Юханом Шведским, попросту уже предает его и вступает в сговор с русским государем против императора Франции.

Но всё же речь хороша, и она сама по себе и есть стратегическая концепция войны Наполеона против России, войны, к которой император двинулся уже в своём разу-

---

426. Там же.

ме, в своих первых приготовлениях и, что важнее, в своём сердце, в котором снова проснулась его главная человеческая страсть, на которую весьма точно указал ему Коленкур в беседе, бывшей в начале весны 1812 г.: «Я сказал, наконец, что он не собрал бы столько войск на севере⁴²⁷ в ущерб для своих дел в Испании и не затратил бы столько денег на приготовления всякого рода, если бы предварительно не решил уже использовать всё это либо для известной политической цели, либо для того, чтобы удовлетворить свою излюбленную страсть.

— Это какая же страсть? — спросил меня император смеясь.

— Война, государь.

Он потянул меня за ухо, довольно слабо протестуя против моего заявления, а затем предоставил мне полную возможность сказать всё, что я хотел»⁴²⁸.

Теперь, когда нам ясно духовное состояние императора Наполеона, когда видны его мотивы к войне и понятно время, когда он от слов переходит к делу, перейдем и мы к его плану войны с Россией.

Сегодня, отринув всю пропагандистскую и идеологическую шелуху прежних времен и добросовестных заблуждений наших историков, становится ясно, что в 1811 г., приступая к разработке плана войны, император основывался на двух фактах. Первый: глубокое вторжение в огромные пространства России с её немногочисленным населением, рассеянным на гигантской территории, будет чревато распылением и конечным растворением в её «недрах» любой, даже самой большой армии вторжения. Второй: русские войска, по всем показаниям их перемещений, дипломатической активности русских и сведений французской разведки, собираются действовать наступательно и имеют первоначальной целью вторгнуться в

427. Имеются ввиду французские войска, уже развёрнутые в Пруссии или двигавшиеся туда и к границам Варшавского герцогства.

428. Коленкур А. де. Указ. соч. С. 58.

герцогство Варшавское, разгромить его войска и занять Варшаву, превратив линию Вислы в плацдарм для дальнейших операций и в средство привлечь к союзу Пруссию и Австрию. А поэтому задача императора — произвести мощное стратегическое наступление, которое так же необходимо развернуть на территории герцогства Варшавского и в восточных районах Пруссии. Ни в коем случае не вторгаться на территорию России, чтобы не погрязнуть в этих необозримых пространствах, наоборот, выманив на ограниченные пространства правого берега Вислы русскую армию, удерживать её у стен Модлина и Праги Варшавской, которые она будет стремиться захватить, чтобы овладеть переправами через главную польскую реку. Одновременно собрать главные силы Великой армии на нижнем течении Вислы, на территории Восточной и прусиской Пруссии, а также в Померании.

И именно оттуда, с севера двинуться облическим движением, но по достаточно небольшой дуге, чтобы излишне не растянуть коммуникации и совершить движение быстро, обрушиться на правый русский фланг внезапно основной массой своих сил, имея превосходство не менее чем в два раза. Результатом такого удара будет не только разгром русского правого фланга, но и сокрушение тылов главных сил противника, разрыв коммуникаций, связывающих его с Россией, и окружение главных сил русских и обрешенного на них их же правого фланга⁴²⁹, зажатых на среднем течении Вислы, очевидно, у всё тех же Модлина и Праги Варшавской. Операция спланирована в целом по лекалу Ульмского маневра 1805 г. и пленения на берегах верхнего Дуная армии ген. Мака, о котором мы рассказывали во второй главе нашего сочинения. Разница, однако же, существенная: во-первых, силы концентрировались многократно большие, чем в 1805 г., а во-вторых, пленить

⁴²⁹ Энциклопедия. См. ст. «Предвоенный план Наполеона I», С. 558, авт. О.В. Соколов.

предполагалось не какого-то там Мака с одной армией, а главные силы русских войск и скорее всего со стоящим во главе них самим императором Александром. Таким образом, результат от этой молниеносной операции — Наполеон рассчитывал её от силы на 30 дней — должен был быть грандиозный: разгром и пленение не менее чем 150-тысячной русской армии и неизбежно новый мир, который подпишет Александр, но подпишет его уже не как равный с равным, а как младший и покорный партнёр, которому ничего не остаётся, как согласиться с волей победоносного французского императора, как соглашался многократно битый Франц австрийский или «полураздавленный» Фридрих-Вильгельм Прусский.

Наполеон предполагал заставить Россию безоговорочно теперь соблюдать требования континентальной блокады, заставить её отдать герцогству Варшавскому очевидно Литву, может быть, Курляндию, а также, возможно, частично Подолию и Волынь. Таким образом будет восстановлено Польское государство, конечно, не в границах 1772 г., т.е. до первого раздела Польши, но в размерах достаточных, чтобы создать из него серьёзный барьер, преграждающий распространение влияния России как в Центральную Европу, так и на Балканы. Европа же будет полностью подчинена французской гегемонии, а русское великодержавие существенно подорвано. Чтобы осуществить свой замысел, император Наполеон в 1811 г. приступил к формированию Великой армии, 3 марта 1812 г., когда движение войск, в неё включенных, началось, он определил состав её корпусов, которые к 15 апреля должны были сконцентрироваться между Одером и Вислой, так как к этому времени ожидалось возможное начало русского вторжения. Согласно вышеописанного плана, Великая армия разделилась на три группировки. Первая составила ударный левый фланг, на который возлагалось нанесение главного удара, в неё входили: Император-

ская гвардия, 1-й, 2-й и 3-й армейские корпуса, маршалов Даву, Удино и Нея, а также 1-й и 2-й корпуса кавалерии резерва под командованием ген. Нансути и Монбрена. Общее руководство 1-й группировкой осуществлял непосредственно император. Вторая группировка была составлена из 4-го и 6-го армейских корпусов маршалов принца Евгения Богарне и Гувьон Сен-Сира (маршал империи с 28 августа 1812 г.), а также

*Шильдерий ван Софи Лиенард.
Жером Бонапарт,
король Вестфалии.*

3-го корпуса кавалерийского резерва ген. Груши: общее командование 2-й группировкой было возложено на пр. Евгения Богарне, пасынка императора. Эта группа корпусов осуществляла связь с 3-й группировкой, состоявшей из 5, 7 и 8-го армейских корпусов генералов кн. Иосифа Понятовского, Ренье и Вандама с приданным им 4-м кавалерийским корпусом резерва ген. Латур-Мобура, группировкой командовал король Вестфальский Жером Бонапарт. Его задача была удержать Прагу и Варшаву, а также линию средней Вислы при поддержке пр. Евгения Богарне, покуда император не совершит обхода русского правого фланга и не разгромит и пленит главных сил русской армии⁴³⁰. Силы первой группы корпусов составляли 220 тыс. человек, 2-й группы — 80 тыс. человек и 3-й группы — также 80 тыс. человек⁴³¹.

Кроме того, для прикрытия маневра 1-й группы кор-

430. См. Энциклопедия. Ст. О.В. Соколова. С. 588.

431. Там же. С. 588.

пусов создавался выдвинутый севернее и вперед в р-н Кёнигсберга 10-й армейский корпус под командованием маршала Макдональда, состоявший из французских и прусских войск, его состав исчисляется от 29,5 тыс. до 32,5 тыс. человек⁴³².

С юга прикрывать третью группу корпусов и отвлекать внимание 2-й русской Западной армии должен был Австрийский вспомогательный корпус, развернутый в апреле-мае 1812 г. на северо-востоке Галиции, под командой ген. кн. Шварценберга, в составе 30,9 тыс. человек⁴³³. Таким образом, в мае 1812 г. непосредственно в строю, для военных действий на территории Восточной Пруссии, герцогства Варшавского и, возможно, русского приграничья стояло готовыми к действию не менее 421 тысячи французских, польских, австрийских, прусских, саксонских, баварских, баденских, вюртембергских, вестфальских, испанских, португальских, неаполитанских, королевства Италии и целого ряда других, более мелких воинских контингентов Рейнского союза и Швейцарии, войск.

Эта численность войск, готовых принять участие в молниеносной войне, спланированной императором, не намного отличается от численности войска Великой армии, согласно К. Клаузевицу, начавшей наступление через русские границы 23–24 июня нового стиля 1812 г. — 439 тыс. человек⁴³⁴. Артиллерия Великой армии насчитывала 1066 орудий⁴³⁵.

Разработанная таким образом императором концепция ведения войны против России как сложная форма стратегической обороны герцогства Варшавского при одновременном стремительном контрнаступлении — охва-

432. Энциклопедия. Ст. «Десятый армейский корпус Великой армии». С. 242, авт. В.П. Турусов.

433. Энциклопедия. Ст. «Австрийский вспомогательный корпус». С. 14, авт. А.И. Попов.

434. Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 163. На этой же странице читатель может увидеть расчёт численности войск Великой армии по группам корпусов и её отдельным корпусам.

435. Энциклопедия. Ст. «Великая армия». С. 111, авт. В.П. Турусов.

те правого фланга и главных русских сил, с вытекающей из неё дислокацией сил Великой армии являлась доминирующей вплоть до июня 1812 г. Это видно из инструкции, данной императором 28 мая 1812 г. своему посланнику в Варшаве архиепископу Д. Прадту, в которой в случае русского вторжения рекомендовалось поднимать поляков на борьбу в тылу неприятеля, организовать «такое же сопротивление, которое французская армия встретила в Испании»⁴³⁶. Сам этот текст говорит, что уверенность в русском вторжении была велика.

Однако русские всё не переходили границу, они стояли неподвижно, и чтобы понять, каковы же их планы, а также выиграть время, Наполеон 3 мая 1812 г. приказал своему генерал-адъютанту, гр. Л.М. Нарбонну-Лара отправиться из Берлина в Вильно к императору Александру, официально, чтобы вручить письмо русскому государю и ноту канцлеру гр. Н.П. Румянцеву. Оба документа, равно как и сам граф Нарбонн, должны были убедить государя, что французский император не хочет войны и восстановления Польши, а желает мира и дружбы с Россией. Но одновременно граф должен был постараться как можно дольше остаться в русской главной квартире, чтобы разведчики, включенные в состав его свиты, могли бы вполне собрать данные о состоянии русской армии. Граф прибыл в Вильно 6 (18) мая и в этот же день был принят государем. Слова Александра, обращенные к Наполеону, через его посланца известны нам в передаче Коленкура: «Я не обнажу шпаги первым. Я не хочу, чтобы Европа возлагала на меня ответственность за кровь, которая прольется в эту войну...[...]. Я не строю себе иллюзий. Я слишком высоко ставлю его военные таланты, чтобы не учитывать всего того риска, которому может нас подвергнуть жребий войны; но если я сделал всё для сохранения почетного мира и политической системы, которая может

436. Энциклопедия. Ст. «Предвоенный план»... С. 588, авт. О.В. Соколов.

привести ко всеобщему миру, то я не сделаю ничего, несовместимого с честью этой нации, которой я правлю. Русский народ не из тех, которые отступают перед опасностью. Если на моих границах соберутся все штыки Европы, то они не заставят меня заговорить другим языком. Если я был терпеливым и сдержанным, то не вследствие слабости, а потому, что долг государя — не слышать голоса недовольства и иметь в виду только спокойствие и интересы своего народа, когда речь идет о таких крупных вопросах и когда он надеется избежать борьбы, которая может стоить стольких жертв»⁴³⁷.

Можно спорить о буквальной точности передачи Коленкуром слов русского государя в сообщении их ему гр. Нарбонном. Но и сам граф в сообщении маршалу Даву о своих впечатлениях от поездки в Вильну указывал, что русская армия не перейдет границы через Неман, не начнет первой войны, не займет Мемеля. Что Александр пока не заключал никакого договора с Англией, но, как только французы начнут войну, сделает это. Граф считал, что если начать вести переговоры, то Александр пойдет на уступки по всем пунктам, кроме одного, т.е. он требует очистить от французских войск Пруссию и север Германии, так как это явно угрожает России⁴³⁸, а также он не может соблюдать требования континентальной блокады, когда сам Наполеон не соблюдает их, давая лицензии на торговлю с Англией французским негодьям. Всё это текстуально совпадает с изложением Коленкура как в приведенном нами отрывке, так и в опущенной его части⁴³⁹. Точно также подтверждается и сообщение Коленкура о решимости государя защищаться, если война разразится, до конца: «Император Александр сказал де Нарбонну, что [...] он уверен в своей правоте и в справедливости своего дела

437. Коленкур А. де. Указ. соч. С. 71.

438. РО РНБ. Ф. Шильдера. Ф. 859, картон 6, №6.

439. Желающие могут в этом убедиться, прочитав соответствующее место в мемуарах Коленкура на с. 71 указ. издания.

и будет защищаться, если на него нападут. В заключение он раскрыл перед ним карту России и сказал, указывая на далекие окраины:

— Если император Наполеон решился на войну и судьба не будет благосклонной к нашему справедливому делу, то ему придется идти до самого конца, чтобы добиться мира»⁴⁴⁰.

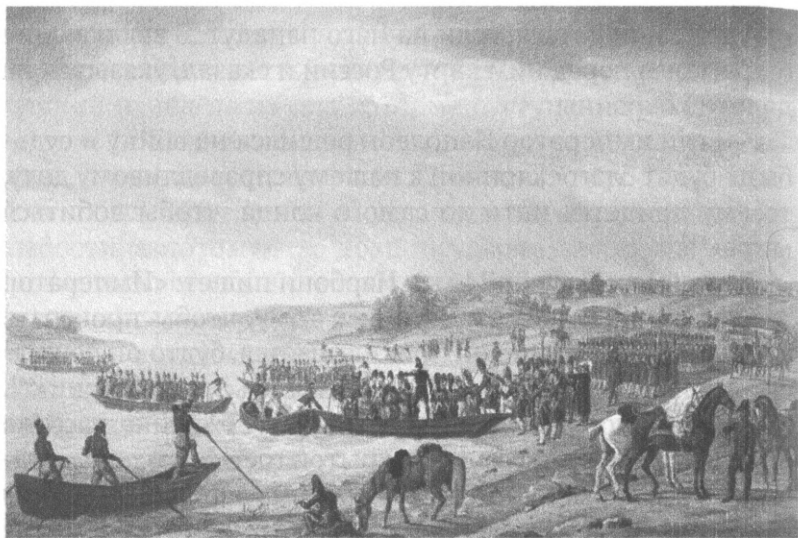
В письме к Даву от 24 мая Нарбонн пишет: «Император Александр по-видимому, готов к тому, чтобы проиграть две или три битвы, но он прикидывается, будто он решился, если понадобится, продолжать биться в Татарии»⁴⁴¹. Это ироничное заявление и есть подтверждение пассажа Коленкура о карте России, раскрытой государем перед графом Нарбонном. Кроме того, Нарбонн уверил при личном свидании императора Наполеона о том, что русские не только не перейдут в наступление, но и в большом смущении стоят на границе и будут оборонять её. Одновременно граф передал новые сведения о дислокации русских войск. Эти сведения были положены в основу корректировки плана кампании в начале июня 1812 г., когда император считал возможным самому начать наступление переходом Немана и движением к Вильно, где он рассчитывал нанести первое поражение 1-й армии русских. Увы, Наполеон не мог тогда знать, что информация, полученная гр. Нарбонном в Вильне от французского секретного агента Д. Савана, была тонкой дезинформацией, разработанной русской разведкой в штабе Барклая, а сам ротмистр в отставке Д. Саван с начала 1811 г. был двойным агентом, работавшим добровольно на русское командование⁴⁴².

Наконец, надо отметить ещё один стратегический просчёт, вызванный миссией гр. Нарбонна. Речь идет о том, что М.И. Кутузов, ведущий в эти дни в Бухаресте пе-

440. Коленкур А. де. Указ. соч. С. 71–72.

441. РО РНБ. Ф. Шильдера. Ф. 859, картон 6, №6.

442. Энциклопедия. Ст. «Саван». С. 35, авт. В.М. Безотосный; ст. «Нарбонна миссия». С. 495, авт. В.С. Парсамов; ст. «Разведка русская». С. 605, авт. В.М. Безотосный.

Альбрехт Адам.

Переход итальянского корпуса Евгения Богарне через Неман.

реговоры с великим визирем о мире между Россией и Османской империей, сумел использовать сведения о переговорах государя с гр. Нарбонном как вернейшее свидетельство того, что Александр и Наполеон вот-вот обо всём договорятся и Турция останется в дураках, если будет по-прежнему тянуть время и немедленно не заключит мир с Россией. Поэтому 22 мая по старому стилю великий визирь подписал мирный трактат с Кутузовым, естественно, не зная, что 20-го по ст. ст. графу Нарбонну вежливо, но твердо предложили покинуть Вильну. Таким образом, к России отошла Бессарабия, а наша Дунайская армия, насчитывавшая без малого 40 тыс. штыков, теперь могла медленно, но неотвратимо двинуться с берегов великой балканской реки на север, превращаясь тем самым в стратегический резерв русских армий, прикрывавших западную границу. В тот самый резерв, который в середине ноября месяца появится на роковых берегах заснеженной реки Березины под Борисовом и Студянкою.

Итак, французы и император изготовились в середине июня 1812 г. к вторжению в Россию, но их целью были совсем не Москва или Санкт-Петербург, а стремительный разгром главных русских сил на западной границе России и через это принуждение её государя, Александра I, к подписанию мира, ставящего его и всю обширную Российскую империю в подчинение империи Французской и её государю Наполеону Бонапарту. Русский же император и его военный министр ген. Барклай де Толли сделали всё или почти всё, чтобы вселить в державного вождя Франции уверенность, что именно это и надо сделать и это даст ему желанную победу. Сами же русские военные вожди готовились начать стратегическое отступление, имевшее, как мы видели, целью измотать противника и перейти в контрнаступление. Однако ни та, ни другая сторона не смогли правильно рассчитать ни свои, ни неприятельские силы и возможности.

Коренные ошибки обоих планов Наполеона как осенью 1811 г., так и в мае-июне 1812 г. вырастают из предположения, что русские либо вторгнутся в герцогство Варшавское, либо будут обороняться на линии своей границы. Эти ошибки вытекали из ЖЕЛАНИЯ императора, чтобы война была молниеносной, ибо по-другому победить Россию — означало вторгнуться вглубь неё и подвергнуть себя и армию миллиону непросчитываемых случайностей. Что есть ЖЕЛАНИЕ? Мотив для приведения в движение нашей ВОЛИ. Для государства и государя осуществление ВОЛИ в расширенном масштабе — это война. К. Клаузевиц абсолютно прав, когда говорит: «Итак, война — это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнять нашу волю»⁴⁴³. Воля императора Наполеона в том, чтобы война с Россией была молниеносной, и этой воле он подчиняет своё планирование и убеждает сам себя, на основании несовершенных данных разведки, что русские собираются

⁴⁴³ Клаузевиц К. О войне. М., 1934. С. 13.

поступить именно ТАК, как ему хочется и как ему остро необходимо. В этом и есть, собственно, коренная ошибка.

Русская же разведка и штаб Барклая, и сам военный министр, и солидарный с ним император Александр постоянно подбрасывают ложную информацию французской разведке, графу Нарбонну и в конечном счете самому императору французов. Информацию, которая, как поленья, разжигающие пламя очага, питает уверенность Наполеона, что русские планируют всегда войну именно так, как он этого ХОЧЕТ. Таким образом, не он навязывает свою волю русским, но они подчиняют его волю своей и «подталкивают» его совершить ложный шаг: напасть на Россию, перейдя её границу, ибо по-другому ОНИ победить его, лучшего полководца Европы, не могут. Интересен вопрос: искренен ли Александр, когда говорит Нарбонну, что не хочет начинать войну? Думается, что как всякий здравомыслящий человек он в этот момент искренен, но даже он, всемогущий самодержец всероссийский, уже не может остановить запущенный механизм «подталкивания», ибо император Наполеон уже до такой степени решился воевать, так глубоко поддался своей излюбленной страсти, как подметил Коленкур, что искренне миролюбивые желания русского государя только ещё больше «взводят» воинственные желания императора Франции. И снова прав Клаузевиц: «Война есть не что иное, как расширенное единоборство»⁴⁴⁴, и в этом смысле императоры сейчас борются друг с другом, и позиция Александра, понимаемая Наполеоном как человеческая и государственная «слабость», разжигают в нём соответственно его человеческую и государственную «силу». Его не остановить, он «хочет» войны и как человек, и как мужчина, и как государь и никак не может понять, что Александр силен этой «слабостью», что, как только французы перейдут Неман, русские обретут великую моральную силу в защите СВОЕЙ земли, своей Родины и она

444. Там же.

будет питать их, несмотря на всё несовершенство их организации и их планов, как питала Антея сила его матери-земли, а ему, Наполеону, недостает геркулесовых сил, чтобы сокрушить эту необозримую мощь, которую дают русскому человеку его земля, его Отечество.

Дорогой и глубокоуважаемый читатель, я, скромный автор, без какой-либо доли самоиронии скромный, вовсе не льщу себя мыслью, что я открыл или сказал сейчас в предыдущей части своего сочинения что-либо новое в историческом знании о Отечественной войне 1812 г. Но я страстно хочу и даже желаю, чтобы вы снова внимательно перечитали всё, что было выше сказано о планах войны обеих сторон. Ибо именно ПЛАН всегда определяет первую фазу любой войны, а уже дальнейшее развитие хода военных действий напрямую зависит от того, удалось или нет реализовать план на начальном этапе войны.

Так уж получается всегда, что ни одна война, даже самая что ни на есть молниеносная, никогда не развивалась точно по плану во всех его деталях, хотя, конечно же, чем менее война была протяженной во времени, тем более её ход совпадал со стратегическими планами побеждающей стороны. Однако чем дольше во времени война разворачивалась, тем больше вступали в силу разнообразные факторы, сопротивляющиеся исполнению задуманного и запланированного, и тем не менее война как процесс военных действий совпала с планами как в деталях, так и в целом. И всё же, если на первом этапе войны план её более или менее, но близок к реализации, то и возможность достичь цели войны увеличивается. Вот почему, как бы ни казались утомительными описания планов войны, они крайне необходимы читателю для уяснения хода военных действий.

Итак, война встала уже на пороге России. Главные «ворота», через которые могло осуществиться вторжение, «сторожили» Первая и Вторая русские западные армии. Первая западная армия, начальство над которой при-

нял М.Б. Барклай де Толли, огромной дугою выгибалась по литовской земле, вдоль среднего течения Немана, от Россиен на северо-западе до Лиды на юге⁴⁴⁵. Её I корпус раскинулся от Россиен до Кейден, насчитывал 23,2 тыс. человек при 120 орудиях⁴⁴⁶, командовал им ген.-лейт. гр. П.Х. Витгенштейн; II корпус стоял в районе Оржишек и насчитывал 14,6 тыс. человек, при 78 орудиях⁴⁴⁷, командовал корпусом ген.-лейт. К.Ф. Багговут; III корпус дислоцировался вокруг Новых Троков Виленской губ., в нём было 17,1 тыс. человек⁴⁴⁸, командир ген.-лейт. Н.А. Тучков 1-й; IV пехотный корпус в этот момент расположился в Олькениках, того же Троковского уезда и так же прикрывал, как и III, непосредственно Вильно (совр. Вильнюс), в корпусе было 12,7 тыс. человек при 72 орудиях⁴⁴⁹, командовал им ген.-адъютант, ген.-лейт. гр. П.А. Шувалов; V корпус находился у Свенцяи, и так как перед началом войны им командовал вел. кн., цесаревич Константин Павлович⁴⁵⁰, то костяк корпуса составляла гвардейская пехотная дивизия, а также Первая сводно-гренадерская и Первая Кирасирская дивизии; VI корпус дислоцировался у г. Лиды в Гродненской губ. и прикрывал одновременно обход Вильно с юга и путь на Полоцк к Западной Двине, корпус состоял из примерно 17 тыс. человек и 112 орудий⁴⁵¹, командовал корпусом ген. от инфантерии Д.С. Дохуров. Такое расположение II–VI корпусов прикрывало фронтально столицу Литвы Вильно и одновременно обеспечивало от обхода левый и правый фланги группировки.

Во второй линии находились резервные кавалерийские корпуса, которые могли, если это потребуется, выдвинуться вперёд и соединиться со II–V пехотными корпусами.

445. Теперь город Лида находится в Гродненской области Белоруси.

446. Энциклопедия. Ст. «Первый отдельн. пех. corp». С. 51, авт. А.А. Подмазо, С.В. Шведов.

447. Там же. Ст. «Второй пехотный корпус». С. 163–164, авт. А.А. Подмазо.

448. Там же. Ст. «Третий пехотный корпус». С. 711, авт. А.А. Подмазо, С.В. Шведов.

449. Там же. Ст. «Четвертый пехотный корпус». С. 780, авт. А.А. Подмазо.

450. Там же. Ст. «Пятый пехотный корпус». С. 600, авт. А.А. Подмазо.

451. Там же. Ст. «Шестой пехотный корпус». С. 801, авт. А.А. Подмазо, С.В. Шведов.

Дислокация кавалерии была в июне 1812 г. следующая: I корпус стоял у Вилькомира, под командою ген.-адъют., ген.-лейт. Ф.П. Уварова, любимца императрицы Марии Федоровны, императоров Павла I и Александра I. Расположение у Вилькомира (нынешнего Укмерге) на пересечении важнейших дорог на юго-востоке центральной Литвы позволяло двинуть I кав. корпус как к Ковно, так и к Вильно, как соединиться с гр. Витгенштейном в Кейданах (совр. Кедайняй), так и прикрыть отступление I Зап. армии к Двинску (совр. Даугавпилс) или же к Дрисскому лагерю. II кав. корпус ген.-адъют. бар. Ф.К. Корфа⁴⁵² дислоцировался у Сморгони в 120 км восточнее Вильно и мог быть как притянут к ней, в случае решения дать генеральное сражение у стен литовской столицы, так и прикрыть отступление её центра к Двинску либо Дриссе и даже оперировать частично во фланг преследующим её французам. Наконец, III кав. корпус под командованием г-м гр. П.П. Палена⁴⁵³ квартировал у Либиады, южнее Лиды и таким образом прикрывал левый (южный) фланг I Зап. армии, в лице VI пех. корпуса. В случае необходимости оба корпуса могли быть притянуты к Вильно либо отступать на восток в составе своей армии⁴⁵⁴.

Однако ещё один корпус I армии был расположен весьма странно — это летучий казачий корпус войскового атамана Войска Донского, ген. от кавалерии, М.И. Платова, состоявший из 12 тыс. человек. Весной 1812 г. он стоял в Белостоке, затем 13 (25) июня переместился в Гродно и получил приказ «действовать неприятелю во фланг и тыл вправо от Гродно»⁴⁵⁵. Очевидно, что его направляли рвать

452. Численность на 1.VI.1812 — 24 эск. (148 офиц., 3260 нижн. чин., при 12 оруд.) — Энциклопедия. Ст. «Второй резервный кавалерийский корпус», с. 164, авт. А.А. Подмазо, В.М. Безотосный.

453. Численность 24 эск. (146 офиц., 2862 нижн. чин., при 12 оруд.) — Энциклопедия. Ст. «Третий резервный кавалерийский корпус», с. 164, авт. А.А. Подмазо, В.М. Безотосный.

454. 454 — текста нет

455. Это произошло накануне вторжения и по воспоминаниям ген. И.Ф. Паскевича // 1812 в воспоминаниях современников. М., 1995. С. 80.

коммуникации ядра французской группировки, нацеленной на Ковно. Но силы неприятеля были несоизмеримо велики по сравнению с величиной казачьей конницы, к тому же дислокация корпуса и в Белостоке, и даже в Гродно ставила его в изолированное положение как от I, так и от II Западных армий и могла погубить корпус. Опасность этого сразу же возникла в первые дни войны, и Платов с трудом сумел примкнуть ко II Западной армии и отступал с нею до Смоленска. Эта ошибка в расположении казачьего корпуса была вызвана в свою очередь ошибкой в оценке общей массы сил неприятеля, готовых перейти в наступление накануне открытия военных действий. Из-за неё сразу же была ослаблена I Западная армия, численность которой, согласно Клаузевицу⁴⁵⁶, составила (с корпусом Витгенштейна), но без корпуса Платова — 90 тыс. человек, а по данным гр. А.А. Аракчеева (без корпуса Витгенштейна) — 111,8 тыс. человек⁴⁵⁷. Штаб I армии находился в Вильно, сюда же со своею Свитой прибыл и государь Александр Павлович.

Вторая западная армия дислоцировалась на территории Гродненской губернии, командующим был 19 марта 1812 г. назначен ген. от инфантерии кн. П.И. Багратион. VIII пех. корпус под командою ген.-лейт. М.М. Бороздина растянулся от Волковыска, где была его штаб-квартира до Мостов на берегу Немана⁴⁵⁸, VII пех. корпус, командир ген.-лейт. Н.Н. Раевский концентрировался у Нового Двора, но его левый фланг тянулся на юг до Пружан⁴⁵⁹. Таким образом, правый фланг и центр армии были прикрыты рубежом реки Волковыси, левобережного притока Немана, текущий почти по прямой с юга на север, она прикрывает и Мосты, и Волковыск, стоящий на ней, лишь Новый Двор находится у её истоков. С юга эта позиция прикрыта

456. Клаузевиц К. 1812 год. С. 162.

457. ЦГВИА, ф. Аракчеева, д. 82, л. 3–6.

458. 1812 год в воспоминаниях современников. С. 79; 24 батал., 20 эск., 60 оруд. — Энциклопедия. Ст. «Восьмой пехотн. корпус», с. 253, авт. В.М. Безотосный.

459. Там же. С. 79; Энциклопедия. Ст. «Седьмой пехотный корпус», с. 648–649, числ. до 16,5 тыс. чел., авт. Ю.Л. Епанчин.

водоразделом бассейнов Немана и притоков Мухавца и Пны, т.е. северо-запад Брестской области. Кавалерию армии составлял IV кав. корпус под командою ген.-майора гр. К.К. Сиверса 1-го⁴⁶⁰, дислоцирован был в Зельве, стоящей на шоссе, ведущем из Волковыска в Слоним и далее на Барановичи. Летучий казачий отряд ген.-майора Н.В. Иловайского 5-го был выдвинут в сторону Белостока, так же как и корпус М.И. Платова у Гродно, он оказывался изолирован от армии, главная квартира которой находилась в Волковыске, перед началом боевых действий. Её силы составляли 45–50 тыс человек при 270 орудиях.

Вообще мы видим, что развертывание I и II Западных армий было совершено по одинаковому принципу: фронтом на запад, фронт прикрыт водным рубежом, пехотные корпуса в 1-й линии развертывания, кавалерийские во второй линии, казачьи силы сведены в отдельные летучие корпуса, выдвинутые далеко вперед. Обе армии старались дислоцировать таким образом, чтобы они, как бы угрожая перейти границу и двинуться в Пруссию и герцогство Варшавское, одновременно имели дороги для отступления на восток, согласно плану войны Барклая де Толли. Однако II армия одновременно по своему расположению могла выполнить и другую задачу, на что обращает внимание в своих воспоминаниях И.Ф. Паскевич: «В главной квартире 1-й армии с часу на час ожидали известия о переправе не-

*Джордж Доу. Портрет
Ивана Фёдоровича Паскевича. 1823*

460. Численность на 1.VI.1812 — 4,6 тыс. человек при 12 оруд. — Энциклопедия. Ст. «Четвертый резервный кавалерийский корпус». С. 780, авт. Н.А. Рогожин, В.М. Безотосный.

приятеля через Неман между Ковно и Меречем и решились на новый план: генералу Платову приказано было сосредоточить свой корпус около Гродно и идти неприятелю во фланг. 2-я армия должна была следовать сему движению, обеспечивая тыл корпуса Платова»⁴⁶¹. Такое использование II армии в общем соответствовало концепции плана генерала Пфуля, но при огромном перевесе сил неприятеля могло погубить её. На это обращал внимание Барклай кн. Багратион, который, по воспоминаниям И.Ф. Паскевича, критиковал идею военного министра, если не будет возможности дать сражение при Вильно, собрать I армию и отступить к Свенцянам (совр. литовский гор. Швенчёнемей), и дать сражение там, ибо: «Кн. Багратион замечал, что с предположением собрать 1-ю армию у Вильно и с отделением 2-й армии он находится “в большой опасности, чтобы быстрым стремлением неприятеля на Вильно не только быть отрезанным от 1-й армии, но даже от назначенного ему пути отступления. Что одно верное обозрение карты доказывает, что по отступлении 1-й армии к Свенцянам неприятель, заняв Вильно, может предупредить отступление 2-й армии в Минск и по крайности пути будет там прежде, нежели она достигнет туда отступая”»⁴⁶². Последующие события доказали правоту князя Петра Ивановича. Но изменить ничего уже было нельзя.

Между тем общее положение дел стало толкать императора Франции перейти русскую границу. Рано утром, в 6 часов 9 мая 1812 г. Наполеон в сопровождении императрицы Марии-Луизы выехал из старой королевской резиденции Сен-Клу, близ Парижа, и устремился навстречу своей судьбе: он спешил нагнать Великую армию, уже шедшую по дорогам Германии через Одер в герцогство Варшавское. Уже 16 мая он прибыл в Дрезден, столицу Саксонии, его встречали, как и положено встречать нового цезаря: «Саксон-

461. Там же. С. 80. Это же подтверждает и А.И. Михайловский-Данилевский в своем труде «Отечественная война 1812 г.». М., 2004. С. 23–24.

462. Там же. С. 80.

ская королевская чета выехала навстречу их величествам в Плауен. Въезд в Дрезден совершился при свете факелов. Австрийский двор прибыл туда через два дня»⁴⁶³. Здесь, окруженный мелкими германскими владельцами, австрийской императорской семьей и покорствующим ему во всем королем прусским, Наполеон провел две недели. Здесь принял он и графа Нарбонна, вернувшегося из Вильно от нашего государя, здесь после того, как граф уверил его, что русские не перейдут границы, но и не откажутся от своих требований относительно очищения Пруссии и герцогства, как предварительных условий для переговоров, император начал понимать всю щекотливость создавшегося положения. Вот он, новый цезарь Запада Европы, новый Карл Великий, которому покорствуют десятки народов, окруженный полутора десятком монархов во главе с ещё недавно горделивым Францем Габсбургом, сияет как новый, ещё более могущественный король-солнце, чудесным образом снова вознесенный на престол Франции. Его легионы горделиво маршируют так далеко на север и восток, как не могло пригрезиться не только Людовику XIV, но и самому Гаю Юлию Цезарю. И что же? Ничего. Россия, на которую обращено всё это величие и могущество, не смущена, и она не оробела, она не просит у него, смиренно опустив главу и трепеща от ужаса, мира. А что же он? Ведь вся Европа, затаив дыхание, ждет, ждет с ужасом и с привычной обреченностью, что лучи его императорского светила, овеществленные в его грозную армию, перунами Зевса падут на голову московитов и разнесут их силу в клочья. Но этого не происходит, Марс не обнажает своего меча, Тартар не отверзает своего смертоносного зева. Почему?⁴⁶⁴

Почему колеблется император Франции нанести уже занесенный удар, чего он ждёт, что его смущает? Именно

463. Коленкур А. де. Указ. соч. С. 69.

464. Автор специально стилизуется под псевдоантичный стиль тогдашней газетной риторики, чтобы читатели могли представить себе тогдашнюю публицистическую моду.

этих вопросов, которые вот-вот могли начать возникать, не может допустить Наполеон. Он не может допустить, чтобы по бесчисленным кофейням и ресторациям Парижа и Вены, Берлина и Мюнхена, Венеции и Милана начал бы лёгким, почти неслышным дуновением перелетать от столика к столику этот вопрос «почему?». Ибо он может спонтанно породить ответ, ответ, сжимающий сердце тайной, слабо тлеющей в тысячах сердец, но никогда не гаснущей до конца надеждой — он боится! Если этот ответ сорвется с уст, то власти его над Европой придет конец. Он решился: 29 мая Наполеон покинул Дрезден и устремился в Глогау на Одере, утром он уже покинул его и поскакал в Польшу. Вскоре Познань открыл ему приветливо свои ворота, 7 июня он был уже в Данциге (совр. Гданьск) на берегу Балтийского моря: «Первыми словами, с которыми император Наполеон обратился к губернатору Данцига генералу Раппу, были:

— Что делают ваши купцы со своими деньгами? Начинается война. Я теперь займусь ими»⁴⁶⁵.

Итак, война. Через 15 дней в Вильковышках, на берегу Немана он подпишет свой приказ по Великой армии о её начале, там будет пророческая фраза: «Рок влечёт за собою Россию: её судьбы должны свершиться». Увы тебе, сын адвоката из маленького городка Аяччо, увя тебе, великий человек — это тебя влечет неумолимо рок, это твоя судьба должна теперь свершиться. Впрочем, и судьба России тоже начинает свершаться, но совсем, совсем не так, как ожидал этого, как страстно хотел император Франции.

Однако и ещё одна, чисто прозаическая причина толкала его начать — нехватка продовольствия в Пруссии и Польше: «Солдаты 1-го корпуса имели в ранцах продовольствия на две недели. Князь Экмюльский⁴⁶⁶, который находился уже на берегах Немана, построил там пекарни,

⁴⁶⁵ Коленкур А. де. Указ. соч. С. 74.

⁴⁶⁶ Маршал Франции Л.-Н. Даву так именовался с 1809 г. за заслуги в войне с Австрийской империей.

где заготавливали хлеб по мере прибытия корпусов. К авангарду были прикомандированы печники»⁴⁶⁷. Об этом же, но более откровенно пишет и гр. Сегюр: «Там (в Торуне — Б.К.) его ушей достигли жалобы поляков, которых наши союзники беспощадно грабили и оскорбляли. Наполеон обратился к Вестфальскому королю (Жером Бонапарт) со строгими упреками и даже угрозами... Если запасов провианта было достаточно ...то всё же не хватило фуража, не так легко перевозимого, и наши кавалеристы бывали вынуждены резать зелёную рожь на корню и снимать соломенные крыши с домов, чтобы доставать корм лошадям. Правда, они не ограничивались только этим; но если дозволяется одно бесчинство, то как запретить другие?»⁴⁶⁸ Итак, надо было спешить, чтобы воспользоваться ресурсами русской Литвы, раз в Пруссии и Польше взять ничего уже было нельзя. Так вопросы снабжения могут влиять на принятие окончательных решений.

А между тем французское командование не имело никаких сведений о мерах, предпринимаемых русской стороной: «Князь Экмюльский, генеральный штаб и все остальные жаловались на то, что не удалось до сих пор получить никаких сведений и ни один разведчик не вернулся с того берега. Там, на другом берегу, видны были лишь несколько казачьих патрулей. Император произвел днем смотр войск⁴⁶⁹ и ещё раз занялся рекогносцировкой окрестностей. Корпуса нашего правого фланга знали о передвижениях неприятеля не больше нашего. О позиции русских не было никаких сведений. Все жаловались на то, что ни один из шпионов не возвращается, что очень раздражало императора. Лишь из Мариамполя поступили сведения о том, что русская армия отступает и перед нами находятся только казаки. Император решил, что русские

467. Коленкур А. де. Указ. соч. С. 75.

468. Ф.П. де Сегюр. Поход в Россию. Записки адъютанта императора Наполеона I. Смоленск, 2003. С. 27–28.

469. Этот эпизод происходит 23 июня 1812 г.

сосредотачиваются в Троках, чтобы защитить Вильно.

После обеда император вызвал меня... он снова стал задавать мне различные вопросы, касающиеся России: об образе жизни жителей, о запасах, имеющихся в городах и деревнях, о состоянии дорог. Он спросил меня, отличаются ли русские крестьяне энергией, способны ли они взяться за оружие, как испанцы, и организовать партизанские отряды⁴⁷⁰, а также думаю ли я, что русская армия отступила и сдаст ему Вильно без боя. По-видимому, он очень хотел сражения. Он приводил ряд аргументов, чтобы доказать мне, что русская армия вопреки сообщениям из Мариамполя не могла отступить и тем самым сдать столицу Литвы, а следовательно, русскую Польшу без боя: она не могла этого сделать хотя бы потому, чтобы не обесчестить себя в глазах поляков. Он добивался, чтобы я высказал своё мнение об этом отступлении»⁴⁷¹.

Коленкур в этом отрывке мастерски передает ощущение тревоги и неизвестности, охватившее весь штаб императора перед переходом Немана. И сам Наполеон хоть и решился, но всё же, как видно из вопросов, еще чуть-чуть колеблется: он жаждет сражения у Вильно и не хочет верить в то, что не найдет там русских, ибо тогда нет смысла в уже решённом переходе через границу. Он жаждет, чтобы русские ждали его у ворот столицы Литвы, он не хочет верить единственной правдивой весточке своих шпионов, он рассуждает о бесчестии для русских отступить без боя, но поверьте, любезный читатель, что ежели неприятель упрекает вас в бесчестии, когда вы совершаете правильный и полезный для вас шаг, это означает, что он страстно желает, чтобы вы ТАК не поступили и тем самым дали бы себя разгромить. Пошлите его к чёрту, со всеми его рассуждениями, и выполняйте обдуманый вами маневр без колебаний.

⁴⁷⁰ Как интересно, если только Коленкур не ошибается задним числом, значит, у Наполеона перед началом вторжения могла мелькнуть мысль о возможности народной войны русского крестьянства!

⁴⁷¹ Коленкур А. де. Указ. соч. С. 76–77.

Одновременно надо отметить, что маркиз очень точно схватил главное в душевном состоянии императора — страстное желание дать сражение уже при Вильно и тут же победить русских: «Он много говорил... о разворачивании его сил и о быстрых передвижениях и пришел к выводу, что русские корпуса не смогут спасти свой обоз и свою артиллерию. Он думал даже, что многие из них придут в расстройство и не смогут уйти от его быстрого наступления. Он подсчитывал, сколько часов понадобится ему, чтобы дойти до Вильно, и забрасывал меня вопросами, как будто я ездил по этой дороге и как будто вопрос заключается в том, чтобы доехать туда на почтовых»⁴⁷². Для людей, серьезно изучающих военное искусство, здесь важно заметить и понять, какое значение придает Наполеон скорости передвижения войск как двойному фактору успеха на войне: а) быстро отступающий и преследуемый противник рискует потерять свои обозы, артиллерию и прийти в организационное расстройство, что облегчает победу над ним; б) быстро наступающая армия, при условии её хорошей организационной структуры (а Наполеон уверен в этот момент, что у него таковая имеется), обязательно дезорганизует противника своим стремительным преследованием и одержит над ним полную победу на поле боя. Несомненно, что в этом абзаце его рассуждения о быстроте и её результатах полностью тождественны знаменитой формуле А.В. Суворова — «глазомер, быстрота, натиск». У настоящих полководцев интеллектуальный инструментарий и понимание сути военного искусства всегда одинаковы.

Ну что ж, он решился, аргументы, заставлявшие его наступать, и политически, и с военной точки зрения нам понятны. Сейчас он перейдёт Неман по трём, уже наводившимся в этот момент недалеко от Ковно мостам, и война, давно уже решённая в его сознании, обретёт плоть и кровь. И кровь эта прольётся без числа.

⁴⁷². Там же. С. 77.

Глава V

Все очевидцы отмечают, что первый шаг был омрачен дурным предзнаменованием: император в шинели польского солдата произвёл рекогносцировку русского берега Немана и поскакал к своему штабу. «Когда император скакал галопом по полю, из-под ног его лошади выпрыгнул заяц, и она слегка отскочила набок. Император, который очень плохо ездил верхом, упал наземь, но поднялся с такой быстротой, что был на ногах прежде, чем я подоспел, чтобы его поднять. Он вновь сел на лошадь, не произнеся ни слова... князь Невшательский⁴⁷³ тотчас же коснулся моей руки и сказал:

— Мы сделали бы гораздо лучше, если бы не переходили через Неман. Это падение — дурное предзнаменование...

Каждый думал об этом падении, и на лицах некоторых чинов штаба можно было прочесть, что римляне, верившие в предзнаменования, не перешли бы через Неман»⁴⁷⁴.

Между тем саперы ген. Ж.Б. Эбле⁴⁷⁵ готовились начать наводить мосты. Наступила ночь с 23 на 24 июня, несколько саперов на лодке переехали Неман: «Всё было тихо и спокойно в этой чужой стране, которую им рисовали такими мрачными красками!

Однако к ним скоро подъехал простой казачий офицер, командовавший патрулем... По-видимому, он не знал, что перед ним находится вся вооружённая армия Наполеона. Он спросил у этих чужестранцев, кто они такие.

— Французы! — последовал ответ.

— Что вам нужно [...] и зачем вы пришли в Россию?

Один из саперов возразил ему резко:

— Воевать с вами! Взять Вильну! Освободить Польшу!

473. Маршал Л.А. Бертье, начальник Генерального штаба.

474. Коленкур А. де. Указ. соч. С. 76.

475. Начальник мостовых экипажей (понтонеров) Великой армии в 1812 г., граф империи, дивизионный генерал.

Казак удалился и исчез в лесу. Трое наших солдат, увлечённые избытком рвения и стремясь исследовать лес, произвели в него несколько выстрелов»⁴⁷⁶.

Известный русский историк, великолепный знаток Наполеоновской эпохи и армии Франции О.В. Соколов, утверждает, что эта стычка произошла с отрядом вольтижеров 13-го лёгкого полка⁴⁷⁷. Классический русский историк XIX столетия А.И. Михайловский-Данилевский пишет, что полк этот был польский, и называет фамилию казачьего офицера: «Начальник разъезда Жмурин, произведя несколько ответных выстрелов, стал, по приказанию командира полка графа Орлова-Денисова, отходить назад»⁴⁷⁸. Таким образом, честь первыми из русских дать выстрелы, открывшие Отечественную войну 1812 г., принадлежит Лейб-гвардии Казачьему полку!

Между тем саперы наводили мосты, по которым ещё ночью 1-я пехотная дивизия ген. Ш.А.Л.А. Морана-первого перешла Неман выше Ковно⁴⁷⁹. С восходом солнца глазам очевидцев открылась величественная картина: «В трехстах шагах от реки, на самом возвышенном месте, виднелась палатка императора. Вокруг неё все холмы, все склоны и долины были покрыты людьми и лошадьми. Как только солнце осветило все эти подвижные массы и сверкающее оружие, немедленно был дан сигнал к выступлению. Тотчас же эта масса пришла в движение и, разделившись на три колонны, направилась к трем мостам... Горячность, охватившая их, была так велика, что две дивизии авангарда, оспаривая друг у друга честь первыми вступить на чужой берег, начали драку, и только с трудом удалось успокоить их»⁴⁸⁰.

«Император переправился через реку утром, как только первая дивизия заняла позицию на другом берегу, и,

476. Сегюр де Ф.-П. Указ. соч. С. 34.

477. Соколов О.В. Погоня за миражом. Родина. № 67. 1992. С. 21.

478. Михайловский-Данилевский А.М. Указ. соч. С. 18.

479. Коленкур А. де. Указ. соч. С. 78.

480. Сегюр де Ф.-П. Указ. соч. С. 37.

казалось, был очень удивлен, узнав, что русская армия, стоявшая под Вильно, отступила уже три дня тому назад. Нужно было показать ему целый ряд донесений и представить ряд приехавших оттуда лиц, чтобы он поверил этому сообщению... По всем направлениям в поисках сведений были разосланы поляки⁴⁸¹. Сам император сообщил о начале войны своей жене в следующих выражениях: «Мой друг, я перешёл Неман 24-го числа в два часа утра. Вечером я перешёл через Вилию. Я завладел городом Ковно. Никакого серьёзного дела не завязалось. Моё здоровье хорошо, но жара стоит ужасная»⁴⁸². В письме к Марии-Луизе он не пожелал даже вспомнить о драме, венчаразвернувшейся у него на глазах при переправе через Вилию: «Через реку во главе 200 добровольцев, вызвавшихся пловцов, переправлялся де Геенэк»⁴⁸³. Он оставил свой полк лёгкой пехоты и кинулся в полном снаряжении в реку, чтобы спасти одного улана, которого увлекло течением. Император нашёл, что этот поступок заслуживал бы всяческой похвалы, если бы был совершён обыкновенным человеком, но отнюдь не подобал командиру полка перед лицом неприятеля. Он сказал это де Геенэку»⁴⁸⁴. Почему он так поступил?

Его волновала не судьба нескольких десятков солдат, а судьба кампании, он спешил настигнуть и разгромить русскую армию: «Император хотел, чтобы все летели на крыльях. 27-го он переночевал в Овсянишках, а 28-го в девять утра прибыл в Вильно. Это быстрое движение при отсутствии продовольственных складов исчерпало и разорило все запасы и все жилые места, находившиеся по пути. Авангард ещё кормился, а остальная часть армии умирала от голода. В результате перенапряжения, лишений и очень холодных дождей по ночам погибло 10 тыс.

481. Коленкур А. де. Указ. соч. С. 78.

482. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 475.

483. Командир 13-го пехотного полка.

484. Коленкур А. де. Указ. соч. С. 78.

лошадей. Много солдат из молодой гвардии умерло во время переходов из-за усталости, холода и лишений. Начальники хотели, чтобы эта молодёжь соревновалась с воинскими частями, умевшими перенести столько трудностей, лишений и опасностей; молодёжь пала жертвой этого неуместного пыла»⁴⁸⁵.

Но все эти усилия и жертвы не увенчались ничем — русские исчезли бесследно, император устремился в Вильно, «он надеялся, что Александр будет оспаривать у него эту столицу. Звуки выстрелов, казалось, подтверждали эту надежду, как вдруг ему объявили, что вход в город открыт. Он двинулся туда, озадаченный и недовольный. Он обвинял генералов авангарда, что они выпустили русскую армию... Эта вспышка у такого человека, как Наполеон, не столько заслуживала порицания, сколько внимания, как доказательство, какое огромное значение он придавал быстрой победе»⁴⁸⁶. Граф Сегюр более чем прав в этом своем замечании.

«Русская армия исчезла. Надо было отправляться за нею в погоню», — пишет далее адъютант императора граф Сегюр. И действительно, куда же подевалась 1-я Западная армия?

23 июня Свита государя давала ему празднество в поместье ген. Беннингсена — Закрет, неподалеку от Вильно⁴⁸⁷, там и было получено известие о переходе французов через Неман близ Ковно. «Это известие осталось тайной нескольких лиц, облеченных доверием царя, и танцы и ужин продолжались. Но к крайнему нашему удивлению, рано утром на другой день получено всеми в Главной штаб-квартире приказание о выступе оной из Вильны по тракту к Свенцянам, куда перенесены были глав[ные] квар[тиры], как царские, так и главнокомандующего... во время пребывания в Свенцянах, вследствие общего рас-

485. Там же. С. 79.

486. Сегюр де Ф.П. Указ. соч. С. 38.

487. Волконский С.Г. Указ. соч. С. 191–192.

поряжения о движении армии, были посланы от государя через Аракчеева по всем корпусным командирам флигель-адъютанты с предписанием направления движения для каждого»⁴⁸⁸.

Одного взгляда на карту достаточно, чтобы понять, что Свенцяны выбраны потому, что отсюда наикратчайший путь к берегам Зап. Двины: как к Двинску, так и Дриссе. Накануне начала военных действий государь стал колебаться относительно правильности выбора Дрисского лагеря как места сосредоточения 1-й Западной армии, об этом свидетельствует К. Клаузевиц⁴⁸⁹. Чтобы оценить состояние работ в лагере, 23 июня туда и был отправлен из Вильно Клаузевиц, ещё до того, как стало известно о вторжении неприятеля⁴⁹⁰. Но выслушать отчёт Клаузевица для принятия окончательного решения было уже некогда: Наполеон перешёл Неман. Поэтому-то главные квартиры государя и Барклая отправлялись в Свенцяны и все корпуса стали отходить для соединения там же и последующего выбора дальнейшего пути отступления. Клаузевиц, осмотрев работы в Дрисском лагере, остался ими, равно как и самим местом, выбранным для лагеря, весьма недоволен⁴⁹¹, но когда он вернулся, то 28 июня застал Главную квартиру и государя уже в Свенцянах, поэтому диспутировать о том, стоит или нет отступать к лагерю, было уже поздно; при той дислокации, какую приняла 1-я Западная армия, иного пути уже не было. Но вставал вопрос, можно ли воспользоваться лагерем для той цели, к которой его предназначал ген. Пфуль, т.е. длительной обороны в этих укреплениях, при действиях армии кн. Багратиона во фланг и тыл Наполеона, блокирующего Дрисский лагерь. Клаузевиц считал, что это невозможно исполнить и лагерь надо оставить. Но заявить во время

488. Там же. С. 192.

489. Клаузевиц К. 1812. С. 39.

490. Там же.

491. Там же. С. 39–42.

доклада государю, происходившего в присутствии ген. Пфуля, который ему все эти дни так протезировал и взял к себе в адъютанты, он не мог. Однако сумел так высказаться о положении дел в лагере, что не утвердил уверенности государя в правильности дрисской позиции, а наоборот, ещё более поколебал её косвенными намеками⁴⁹². Именно после этого Александр начал совещаться с другими чинами Свиты относительно полезности лагеря, а те «высказывались против лагеря более категоричным образом»⁴⁹³. Между тем русская армия продолжала отступать к Дрисскому лагерю.

Меж тем ещё 25 июня государь отправил к Наполеону министра полиции ген. А.Д. Балашова, напутствуя его, он сказал: «Хотя, впрочем, между нами сказать, я и не ожидаю от сей посылки прекращения войны, но пусть же будет известно Европе и послужит новым доказательством, что начинаем её не мы»⁴⁹⁴. Вручив позднее письмо для императора, государь велел на словах добавить, что «если Наполеон намерен вступить в переговоры, то они сейчас начаться могут с условием одним, но непреложным, т.е. чтобы армии его вышли за границу; в противном же случае государь даёт ему слово, что докуда хоть один вооружённый француз будет в России, не говорить и не принять ни одного слова о мире»⁴⁹⁵. Пример, прямо скажем, довольно редкий в истории: как человек очень умный, Александр прекрасно понимает, что Наполеон не отступится, но желает показать всем, и в первую очередь западноевропейцам, что Россия и её государь в этом конфликте безупречны. Одновременно хотелось бы отметить, что государь с самого начала прекрасно понимает и постоянно подчеркивает, что вспыхнувшая война есть не просто единоборство Франции с Россией, но Россия безусловно пра-

492. Там же. С. 42–43.

493. Там же. С. 43.

494. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 477.

495. Там же. С. 477.

ва, отстаивая свою честь и независимость, что её против её воли втянули в борьбу и тем хуже для напавшего.

Это поведение вполне согласуется с текстом Манифеста-приказа, обращенного к войскам: «...Все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого нами спокойствия. Французский император, нападением на войска наши при Ковно, открыл первый войну. Итак, видя его, никакими средствами непреклонного к миру, не остается нам ничего иного, как, призвав на помощь свидетеля и защитника правды, Всемогущего Творца Небес, поставить силы наши против сил неприятельских. Не нужно мне напоминать вождям, полководцам и воинам нашим об их долге и храбрости. В них издревле течет громкая победами кровь славян. Воины! Вы защищаете Веру, Отечество и свободу. Я с вами. На зачинающего бог»⁴⁹⁶. Необходимо обратить внимание читателя, что в призыве к войскам на месте имени государя стоит высокое имя СВОБОДЫ, казалось бы, невозможное в приказе самодержца и повелителя миллионов крепостных рабов. Этот факт говорит о том, как на самом деле смотрел император Александр I в этот момент и на самодержавие, и на крепостничество.

Педант, быть может, скажет, что мы здесь отклонились от темы сочинения, но читатель внимательный и вдумчивый поймет, что мысли и чувства о России, о власти и о народе, волновавшие императора Александра, отразились в этом важнейшем обращении к русской армии, прозвучавшем в первый день войны, обещавшей быть столь необычайной, и стали определять всё дальнейшее поведение русского государя в 1812 г.

Вернемся же к нашей военной теме. Плох или хорош был Дрисский лагерь, в этот момент определяющего значения уже не имело, хотя участники событий тогда думали иначе. Важно же, как оказалось, было другое: не

⁴⁹⁶ Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 19.

приняв сражения при Вильно и отступая к лагерю, 1-я Западная армия, может быть, и не лучшим образом, но начала осуществлять общий замысел плана войны — завлекать Великую армию в безграничные пространства России, истощать её длительными переходами по небогатой ресурсами стране. Наполеону поневоле приходилось теперь, чтобы догнать русских, отказываться от руководящей идеи своего предвоенного плана: никоим образом не углубляться в Россию и победить либо на берегах Вислы, либо в приграничном сражении. Сама логика развернувшегося наступления, необходимость поддержания славы и непобедимости своего оружия толкали теперь императора вслед за русской армией вглубь России. Таким образом, предвоенный план императора Франции в его стратегической сущности разваливался на глазах, выше мы уже говорили, что это могло не только привести к искажению задач войны, но и поставить под удар саму возможность её успеха. Исходя из этого Наполеон решился предпринять самые действенные меры, чтобы переломить неблагоприятно для него складывающуюся ситуацию. Главными своими задачами он теперь считал: первое, разъединить навсегда 1-ю и 2-ю русские Западные армии; второе, как можно скорее настигнуть 1-ю армию и, навязав ей генеральное сражение, уничтожить. Обе эти задачи казались ему выполнимыми благодаря имевшемуся превосходству в силах над каждой из русских армий.

Следствием этого решения было то, что 1 июля (нов. ст.) Наполеон двинул на Барклая и государя, сосредоточивших у Свенцяи II, III, IV и V пехотные корпуса, а также I и II кав. корпуса, французскую кавалерию маршала Иохима Мюрата, а от Вилькомира (Укмерга) повернул к Свенцянам корпуса маршалов Удино и Нея, т.е. II и III, таким образом, 110 тыс. французов наступали на фронте в 70 км⁴⁹⁷ своеобразным уступом: лев. фланг — Удино —

497. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 275–276.

далее всего отстоял на запад; Ней в центре у Гедройча выдвинулся вперед и Мюрат на правом фланге у Бойрена грозил обойти левый фланг русской армии и пресечь её сношения как с III кав. корпусом гр. Палена и VI пех. корпусом Д.С. Дохтурова, так и со II русской Западной армией.

Одновременно части I корпуса маршала Даву двинулись против армии кн. Багратиона. Правая колонна: пехотная дивизия ген. Дессэ, кав. бригада ген. Кастекса и Бордесуля с приданным 1-м пех. полком из дивизии ген. Компана — под общим командованием ген. Э. Груши шли от Вильно на Лиду. Средняя колонна — дивизия Компана, кирасирская дивизия Валанса и две кав. бригады Кольбера и Пажоля — под личным командованием кн. Экмюльского⁴⁹⁸ шли от Вильно на перехват дороги из Лиды на Ошмяны, отрезая тем самым путь VI русскому корпусу ген. Дохтурова и III кав. корпуса ген. гр. Палена к соединению с I русской Западной армией. И, наконец, левая французская колонна — пехотная дивизия ген. Лорана, кирасирская дивизия ген. Сен-Жермена и две польских бригады, и уланы из дивизии Брюейра — под общим командованием ген. Нансути, в состав чьего 1-го корпуса кавалерийского резервы эти кавалерийские части и входили, двинулись через Михайлишки на Глубокое, т.е. в обход левого фланга I русской армии, в общем направлении к Западной Двине⁴⁹⁹. Таким образом, маршал Даву (кн. Экмюльский) имел с собою, идя наперехват II армии кн. Багратиона, далеко не все силы своего I корпуса, который исчислялся перед началом кампании в 69,5 тыс. человек⁵⁰⁰. На 1 июля он насчитывал 60,2 тыс. человек⁵⁰¹, а так как при главных силах императора Наполеона были оставлены три из пяти пехотных дивизий корпуса, то в

498. Напоминаем: это титул маршала Даву.

499. Энциклопедия. С. 555, 557–558.

500. Энциклопедия. Ст. «Первый армейский корпус Великой армии», авт. А.А. Васильев. С. 558.

501. Там же. С. 558.

действиях против кн. Багратиона князь Экмюльский имел 5-ю пех. дивизию ген. Компана — 13,8 тыс. человек перед началом кампании⁵⁰² и 4-ю пех. дивизию ген. Дассэ — 11,2 тыс. человек перед началом кампании⁵⁰³. Учитывая убыль в людях за первую неделю изнуряющего движения, всего в пехотных и кавалерийских частях, которые вёл с собою маршал Даву, вряд ли насчитывалось более 25 тыс. человек, т.е. почти в два раза меньше, чем у кн. Петра Ивановича Багратиона, особенно учитывая, что атаман Платов не смог выполнить приказ о присоединении к I Западной русской армии, доставленный ему флигель-адъютантом кн. С.Г. Волконским⁵⁰⁴, и присоединился ко II армии.

В этот момент корпус М.И. Платова подходил к Лиде, а корпуса Д.С. Дохтурова и гр. Палена были уже у Ошмян, теперь всё зависело от того, кто первым — маршал Даву или русские — займет этот уездный город тогда Виленской, а ныне Гродненской области. Рассчитывать на помощь II армии Дохтуров и Пален не могли, ибо Багратион в этот день⁵⁰⁵ уже сосредоточил её в районе г. Слоним на юге Гродненской губ. и между ними теперь было 150 км по прямой. Однако 29 июня кав. отряд полковн. К.А. Крейца имел под Ошмянами дело с кавалерийской бригадой ген. Пажоля и, отбросив его, удержал город для прохода корпусов Дохтурова и гр. Палена. Особенно за этот переход ген. А.П. Ермолов хвалит гр. Палена: «Отряд гусар из окрестностей Гродно догнал 6-й корпус на пути его, потому что им командовал генерал-майор граф Пален, прошедший в продолжение трех дней почти двести верст... Надобно знать графа Палена, чтобы не казалось это чрезвычайным. При отличных способностях, пламенный и ледовитый по обстоятельствам, предприимчивый

502. Энциклопедия. Ст. «Пятая пех. дивизия Великой армии», авт. А.А. Васильев. С. 776.

503. Энциклопедия. Ст. «Четвертая пех. дивизия Великой армии», авт. А.А. Васильев. С. 596.

504. Волконский С.Г. Указ. соч. С. 193.

505. 1 июля 1812 г.

и осмотрительный, когда требуется»⁵⁰⁶. Зная нелюбовь ген. Ермолова к немцам вообще, это замечание его дорого стоит. От себя добавим, что этот отличный кавалерийский генерал был сыном гр. П.А. Палена, возглавившего заговор 11 марта 1801 г., приведший к свержению с престола и убийству императора Павла I. После прохождения Ошмян оба корпуса соединились с I Западной армией уже в Дрисском лагере. Таким образом, Даву не смог выполнить первую из задач, поставленных императором.

Действия армии кн. Багратиона развивались в гораздо более драматических обстоятельствах: 2 июля он выступил из Слонима на северо-восток к Новогрудку, откуда можно было бы продвигаться к Вилейке для дальнейшего соединения с I русской Западной армией, как того требовала директива императора Александра I, полученная кн. Петром Ивановичем 30 июня (н. ст.)⁵⁰⁷. Таким образом, изменялась концепция первоначального плана русского командования, возникшая под влиянием идей ген. Пфуля: отказывались от действия II армией во фланг и тыл главным силам Наполеона, начав трезво оценивать их размеры. Однако выполнить директиву оказалось не так-то просто.

В Слониме кн. Багратион провел 1 июля, а уже 2-го выступил согласно директиве государя к Новогрудку, начав опасно сближаться с колоннами Даву. Между тем к Гродно, выполняя повеление своего брата, шел Жером Бонапарт, король Вестфальский, со своим корпусом, но двигался он слишком медленно, чтобы успеть оказать помощь маршалу Даву, это несколько облегчало пока положение кн. Багратиона, который к 3 июля, пройдя 80 км, вышел к Николаеву на Немане и стал готовить переправу. Уже 4-го Верхний Неман был перейден и можно было на завтра идти к Воложину, откуда открывался путь на Сморгонь.

506. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 125.

507. Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 24.

гонь или Вилейку, т.е. к I русской армии либо к Минску. Но вечером 4-го стало известно, что в Воложине отряд ген.-майора И.С. Дорохова, это был авангард IV корпуса, отрезанный неприятелем в начале наступления от главных сил и неделю шедший среди французских колонн, но, благодаря воинскому таланту Дорохова, сумевший проскользнуть между ними⁵⁰⁸. От Дорохова кн. Багратион узнал, что идти на Вилейку уже нельзя. Одновременно от М.И. Платова пришло известие, что польские уланы наседают в р-не Вишнева⁵⁰⁹, где однако разбиты и отогнаны, но всё равно угрожают так же перерезать путь на север. Однако кн. Багратион решил всё-таки идти с боем на прорыв и повелел удерживать и Вишнево, и Воложин до его появления. Идти было решено двумя эшелонами: впереди VII корпус, за ним VIII, а IV кав. корпус в арьергарде. Готовясь атаковать, кн. Багратион отдал приказ по войскам, выдержанный в духе незабвенного Суворова и его «Науки побеждать»: «Наконец неприятельские войска с нашими встретились, и генерал от кавалерии Платов гонит их и бьёт. Нам надо их атаковать храбро, быстро, стрельбою не заниматься; артиллерии бить метко; иррегулярным⁵¹⁰ войскам стараться окружать их фланги и тыл — сие им способно, но только должно мастерски поступать. Регулярная кавалерия атакует быстро, но весьма стройно, не рассыпаясь никак. Эскадроны должны в атаке друг друга подкреплять, имея резервы и фланги прикрытия. Кавалерия должна быть расположена по-шахматному.

...Во время стрельбы как можно менее высылать стрелков⁵¹¹, разве где по флангам будут леса — тогда засаду делать. Корпусным командирам стараться и всё внимание обратить на то, чтобы неприятеля поражать штыками в колоннах и наступать на него, коль скоро он будет опро-

508. Там же. С. 22.

509. Отечественная война 1812 г. СПб., 1914. Материалы ВУА. Т. XIII, с. 256.

510. Т.е. нерегулярным, имеются в виду казаки.

511. Это противоположно французской тактике пехотного боя, когда значительная часть полка — вольтижеры — рассыпались в стрелковые цепи или группы.

кинут. Конная артиллерия должна действовать сильно⁵¹², равно и кавалерия, но весьма стройно, без малейшего замешательства. Сие весьма нужно в том случае, ежели неприятель будет иметь резервы, чем может он привести в расстройку наступающих; и для того нам стараться иметь войска в колоннах и в готовности, а как скоро все⁵¹³ обратятся в бегство, тогда сильно колоть казакам⁵¹⁴, а регулярным подкреплять сомкнуто и весьма стройно.

Армию в боевой порядок выстраивать не тесно, а так, чтобы локтями только могли трогать товарища, — сие нужно для свободного заряжения ружей. Когда неприятельская кавалерия нападет на пехоту, то ту же минуту построить сомкнутую колонну во все стороны или батальон каре⁵¹⁵.

Все атаки делать с криком, а особливо казакам; во время наступления барабаны бьют скорый поход и музыка играет⁵¹⁶.

...Я уверен в храбрости вверенной мне армии и что всякий чин потщится благоразумно и храбро действовать, ибо государь наш всемилостивейший и любезное отечество сего требуют, и мы должны доказать сыновнюю нашу любовь и непобедимую храбрость. Господам начальникам войск вселить в солдат, что все войска неприятеля не иначе что как сволочь со всего света, мы же русские и единовверные. Они храбро драться не могут, особливо же бояться нашего штыка. Наступай на него! Пуля мимо. Подойди к

512. Т.е. конная артиллерия сопровождает кавалерию, чтобы своим огнем поддерживать её атаку или прикрывать отступление, вообще, быстрый и точный маневр артиллерии — половина успеха в бою.

513. Т.е. французы.

514. Все западноевропейские мемуаристы конца XVIII — середины XIX вв. согласно отмечали невозможность при отступлении противостоять ударам казачьих пик, гораздо более страшных как оружие в сравнении с саблём.

515. Любимое построение русской пехоты при отражении турецкой конницы, введенное ещё в армии гр. П.А. Румянцева в 1-ю русско-турецкую войну и впоследствии широко применявшееся А.В. Суворовым.

516. Очень верное понимание того, что крики «ура!» и знаменитый казачий «визг» в сочетании с военной музыкой создавали в атакующих полках необычайный эмоциональный подъём, перерастающий в пресловутый «порыв» — залог сокрушительного удара в штыки.

нему — он побежит. Пехота, коли, кавалерия, руби и топчи! Г.г. офицеры наши свету доказали храбрость, преданность, ревность и послушание, следовательно, ныне они более и более в глазах моих оправдывают заслуженную признательность. Тридцать лет моей службы и тридцать лет, как я врагов побеждаю через вашу храбрость. Я всегда с вами и вы со мною!

Ударим крепко и победим врага. Тогда нам честь, слава и благодарность родины, а любезному отечеству нашему победою врага, дерзнувшего вступить в землю русскую, принесем спокойствие и самое блаженство»⁵¹⁷.

Да простит нам терпеливый читатель, что так долго испытывали его внимание столь пространном цитированием боевого приказа кн. Петра Ивановича Багратиона, приведенного, однако же, в сокращении. Но лучше один раз дать высказаться человеку талантливому о предмете, ему знакомом или любимом, чем бесконечно рассуждать посредственно о деле серьёзном и важном. В этом приказе полководец сжато и образно раскрыл все принципы тогдашней тактики и самого боя русской армии, боя, построенного на прекрасном знании характера русского солдата и офицера и великолепном владении всеми необходимыми приёмами нашей тактики, выработанной предыдущими пятьюдесятью годами непрерывных боев и походов под предводительством знаменитого гр. Румянцева-Задунайского и бессмертного Суворова. Если трудолюбивый читатель возьмет в свои руки его «Науку побеждать» и сличит её с текстом приказа, то он сам увидит, где был почерпнут источник вдохновения кн. Багратиона, и поймет, что он был и учеником Суворова, и всегда был проникнут наступательным духом его тактики и стратегии. Несомненно, что офицеры и солдаты-ветераны, выдавшие и помнившие Суворова, в словах этого приказа вновь слышали пламенную речь их любимого

⁵¹⁷. Военный сборник. 1903 год.

военного вождя, снова как бы ставшего перед их рядами и вновь зовущего их на битву и на победу. Этот приказ, может быть, и есть самый великолепный памятник князю Багратиону. И каждый офицер и солдат армии России должен читать его, прочувствовать и осмыслить его, чтобы стать настоящим русским солдатом. Однако вернёмся к нашему повествованию.

Но в ночь на 5-е командующему армией донесли, что неприятель занял Слоним. Теперь армия оказывалась охваченной с тыла, фланга и фронта, кн. Петр Иванович принял решение отказаться от прорыва на север, отступить через Минск на Борисов для соединения с I армией. Он перешёл снова на левый берег Немана и двинулся в обход, о чём донёс государю рапортом 6 июля с марша, находясь уже в Кореличах⁵¹⁸. Здесь провёл он весь день, ожидая донесений от Платова и Дорохова, а получив их лишь 7-го вечером, приказал Дорохову выйти к Воложину, оседлавшему одну из трех дорог к Минску, и удерживать его, пока II армия будет двигать из Корелич на дорогу к Минску, идущую от Бреста и Слонима через Барановичи. Атаману Платову князь приказывал идти через Воложин на Радошковичи и там «оседлать» 3-ю дорогу на Минск, идущую из Вильны через Сморгонь и Молодечно, т.е. ту самую, по которой двигался сам маршал Даву через Ошмяны. Казалось бы, всё было предусмотрено, но М.И. Платов не выдержал давления колонны ген. Э. Груши и в ночь на 7 июля перешёл Неман, уничтожив мост у Николаева, и пытался, сманеврировав на восток, снова перейти Неман выше по течению, но тут все мосты были уже уничтожены французами. Тогда атаман со своими казачьими полками повернул на юго-восток на местечко Мир, превратившись таким образом в арьергард II русской Западной армии, которая уже «спустилась» из Корелич также на юго-восток до Несвижа, находясь теперь юго-западнее

518. Гарин Ф.А. Изгнание Наполеона. М., 1948. С. 61–63.

Минска. Здесь к нему прибыл 7 июля фл.-адъютант полк. А.Х. Бенкендорф с приказом государя идти через Минск на сближение с I русской Западной армией, но так как Бенкендорф сам проехал через Минск накануне занятия его французами, то, сообщив об этом кн. Багратиону, тем самым дезавуалировал приказ государя⁵¹⁹.

Через сутки, 9 июля, начались двухдневные бои М.И. Платова с польскими уланами дивизии ген. А. Рожнецкого, которых атаман разбил и обратил в бегство. Это была первая заметная победа русского оружия в начавшейся войне и одержали её не кто-нибудь, а наши донские казаки. А.П. Ермолов очень верно заметил об этих боях: «Атаману Платову представился первому случай... доказать польской коннице, что в нас сохранилась прежняя поверхность над поляками, казакам предоставлена честь возобновить в сердцах их сие чувство»⁵²⁰.

А.Х. Бенкендорф, находившийся тогда в штабе кн. Багратиона, отмечал, к каким результатам стратегического характера привела эта победа: «Князь приостановился в Несвиже в то время, как его аррьергард под начальством генерала Платова разбил и совершенно рассеял значительные силы кавалерии, которые неприятель выслал для преследования его по пятам. Это блистательнейшее дело, несколько охладившее пыл польской конницы, дало больше свободы движениям князя Багратиона, и он решился постараться предупредить неприятеля в Могилеве»⁵²¹.

Дорога туда вела из Несвижа через Слуцк на Бобруйск и далее в Могилев. Это решение вызвало у государя неудовольствие, когда он получил его с А.Х. Бенкендорфом, и он высказал его в письме от 17 июля, одновременно дав понять, как ценит он князя и каков теперь будет план действий обеих западных наших армий: «Кн. Петр Иванович. Получил Я рапорты ваши с фл.-ад. Бенкен-

519. Записки Бенкендорфа. 1812 год. Отечественная война. М., 2001. С. 37–38.

520. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 135.

521. Бенкендорф А.Х. Указ. соч. С. 38.

дорфом и кн. Волконским⁵²², так же из Слуцка от 1 июля (ст. ст. — Б.К.), с прискорбием усмотрел Я из письма вашего к гр. Аракчееву, что вы сомневаетесь в доверенности Моей к вам. Сия доверенность во мне никогда не колебалась, и на сей счет прошу вас быть совершенну покойну. Я умею ценить военные достоинства ваши, и лутчим доказательством оному может вам служить назначение вас в столь важное время главнокомандующим 2-ю армию. Направление вас сперва на Вилейку, а потом на Минск было сделано в надежде, что быв столь часто в походах с славным нашим полководцем кн. Суворовым-Италийским, вы предупредите неприятеля на сих важных пунктах не столь для того, чтобы совершенно соединиться с 1-ю армиею, как для постановления 2-й армии на направление, имеющее в тылу центр России, чтобы действия обеих армий сделались удобнее и деятельнее. По рапорту вашему, вы могли быть в Минске 27-го числа, неприятель же занял оный 26-го и, по самым достоверным известиям, состоял не более как в 6000. Посему, продолжав быстро марш ваш на Минск, вы несомненно оного вытеснили и прошед за Минск по обстоятельствам, либо удержали сие место, либо могли уже свободно отступить на Борисов, где опять наступление неприятеля могло быть предупреждено. Но ныне следует помышлять о будущем, а не о прошедшем. Я твердо надеюсь, что появление неприятеля в Свислочи не остановит вас идти на Бобруйск, дабы после направить путь ваш за Днепр и, прикрывшись оным, иметь в виду предупредить неприятеля на Смоленск...

...На сих днях ожидаем мы происшествий важнейших. Но не забывайте, что до сих пор везде мы имеем против себя превосходство сил неприятельских, и для сего необходимо должно действовать с осмотрительностью и для одного дня не отнять у себя способов к продолжению деятельной кампании. Вся цель наша должна к тому кло-

---

522. Кн. Сергей Григорьевич.

ниться, чтобы выиграть время и вести войну сколь можно продолжительную. Один сей способ может нам дать возможность преодолеть столь сильного неприятеля, влекущего за собою воинство целой Европы. Будьте уверены, что вы найдете всегда во Мне совершенную готовность отдавать полную справедливость вашим заслугам. Я уверен, вы не замедлите дать Мне случай на опыте оное вам доказать...»⁵²³

Это письмо написано на марше по пути в Дрисский лагерь, недовольство императора вполне понятно: сближение армий невозможно, ни стратегический план Барклая, ни план Пфуля, как бы ни пытался государь ранее сопрячь их в нечто целое, теперь невозможны. Надо понять, стоит ли далее исполнять план Пфуля. Если нет, то как быть дальше? Какой ход должны принять события, какую стратегическую линию движения выбрать?

Интересно отметить, что государь, порицая кн. Багратиона, ставит ему в пример Суворова, весьма прозрачно намекая, что «воспитанник» генералиссимуса мог бы и прорваться через Минск, занятый авангардом Даву, и тем самым резко изменить стратегическую картину на театре войны, действуя по-суворовски. На первый взгляд, можно сказать, что император не прав, что он подходит к ситуации схоластически, что прорыв через занятый Минск мог бы привести к затяжному сражению и подошли бы основные силы Даву, что привело бы к большим потерям, и даже в случае удачи далее II армия двигалась бы, «таща на хвосте» массу французско-польской конницы, а может быть, и лёгкую пехоту неприятеля. Однако тут возникают два возражения. Первое: мы видели, что реально действовавшие силы маршала Даву против Багратиона равнялись 25 000 человек, а на минском направлении — лишь треть из них. Следовательно, роковой опасности для II армии, имевшей на минском направлении не ме-

523. Бенкендорф А.Х. Указ. соч. Ст. «П.Н. Гранберг». С. 133–134.

нее 40 000, эти силы неприятеля не представляли, если только не считать, что 10–12 тыс. французов равноценны вышеуказанному количеству русских. Второе возражение сформулировано не мною, а знаменитым А.П. Ермоловым, находившимся в этот момент в I армии, командуя гвардейской пехотной дивизией и постоянно общавшимся с государем: «Маршал Даву поспешал к Минску с сильным корпусом, но тогда ещё голова одного приближалась к Минску⁵²⁴. Князь Багратион мог бы предупредить Даву в Минске, и если бы даже встретился с его войсками, то, конечно, с одними передовыми, как то известно сделалось после⁵²⁵, надобно было, и он должен был решиться атаковать, предполагая даже понести некоторую потерю, чтобы овладеть дорогою на Смоленск. Изменила князю Багратиону всегдашняя его предприимчивость. К тому же скорость движения его замедляли худые от Несвижа дороги и переправы через Неман у местечка Николаева. Так же, получая о неприятеле вести преувеличенные, он возвратился к Несвижу и через Слуцк пошёл на Бобруйск... С сего времени на соединение обеих армий отняты были все надежды»⁵²⁶. Как видим, прославленный генерал солидарен в своей оценке происшедшего с государем, хотя и находит смягчающие обстоятельства. Но объективность требует привести в защиту кн. Петра Ивановича мнение участника отступления II армии, впоследствии знаменитого полководца николаевского времени, а тогда командующего 26-й пех. дивизией ген. И.Ф. Паскевича: «На пути к Минску получено было известие, что неприятель показался уже и в этом городе. Это было 25 июня⁵²⁷ (т.е. 7 июля н. ст.). Жар был невыносимый. Люди совершенно изнурились от сорока- и пятидесятиверстных переходов по пескам. Пробиваться силою было невозможно. Кн. Ба-

524. Этот пассаж текстуально совпадает с 6000 из письма государя.

525. Снова совпадение с письмом государя.

526. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 128.

527. На самом деле Минск был занят 26 июня (8 июля н. ст.).

гратион решился отступить не на Минск, но через Несвиж, Луцк к Бобруйску. Армия прибыла в Несвиж 26 июня. За это отступление к Несвижу обвиняли кн. Багратиона. Но, напротив, нельзя не отдать справедливость его военному соображению. Он видел, что всего нужнее было сохранить армию и что соединение с I армиею по прежнему направлению невозможно, ибо впереди его был Даву с 50 тыс., а позади король Вестфальский с 80 тыс. человек»⁵²⁸.

Серьезнейшим из доводов в защиту решения князя надо признать неимоверную жару и крайнюю усталость войск, превосходящие же силы Даву, как мы уже видели, были мифом, но вполне понятным, ибо во время военных действий обе противных стороны склонны весьма преувеличивать силы неприятеля, стоящие перед ними. Таким образом, спор о том, прав или нет был кн. Багратион, не пойдя через Минск на прорыв, надо оставить открытым, ибо осуждать его, сидя в кабинете при спокойном свете ночной лампы, кажется нам делом недостойным, но и безусловно оправдывать представляется трудным. Время покажет, кто прав.

Интересно другое: государь очень разумен, когда пишет далее: «ныне следует помышлять о будущем, а не о прошедшем» и тут же набрасывает новую коммуникацию и указывает теперь же новый стратегический узел, куда надобно успеть прийти и прикрыть от неприятеля, — Смоленск⁵²⁹. Таким образом, мы видим, что Александр не поддаётся смятению, наоборот, он постоянно анализирует ситуацию и планирует будущее. Назвав Смоленск, государь тем самым показывает, что он вполне осознает важность удержать его, иначе, если Даву и там предупредит Багратиона, то кампания будет проиграна, так как армии уже точно не встретятся и I будет оттеснена от Центральной России и Москвы на северо-запад, т.е. обречена

528. 1812 год в воспоминаниях современников. Указ. соч. С. 82.

529. Бенкендорф А.Х. Указ. соч. С. 134.

на истощение из-за скудости ресурсов региона и слишком длинной облической коммуникации через Тверь с верхней Волгой и черноземным центром с их ресурсами.

Очень важна ещё одна фраза в его письме к кн. Багратиону: «Вся цель наша должна к тому клониться, чтобы выиграть время и вести войну сколь можно продолжительную. Один сей способ может нам дать возможность преодолеть столь сильного неприятеля...»⁵³⁰ Из неё мы можем заключить, что русский государь в этот критический момент вовсе не вёл себя неуверенно и не стремился давать генерального сражения, как утверждал Л.Г. Бескровный⁵³¹. Наоборот, он напряженно старался выработать решение, правильно понимая значение фактора времени, т.е. необходимость продолжительной войны, а называя Смоленск, тем самым внутренне, ещё не добравшись до Дрисского лагеря, уже считал его, этот лагерь, бесполезным, но не оглашал пока своего мнения. Приняв это во внимание, можно понять смысл фразы А.П. Ермолова, следовавшей сразу после того места, где мы прервали его цитирование: «Государь император изволил сообщить мне полученное известие⁵³² и не скрыл, сколь горестно оно для его сердца, но утешительно мне было видеть, что можно надеяться на его твердость»⁵³³. Именно эту внутреннюю твёрдость Александр и будет демонстрировать в критические моменты войны. Что же касается военного совета и частных консультаций, которые он провел, находясь в Дрисском лагере с 8 по 16 июля⁵³⁴, то это объясняется тем, что после Аустерлица государь был не уверен в своих военных способностях и считал нужным прислушаться к голосу генералитета. Его стратегические дарования ещё раскроются в период Отечественной войны и найдут полное выражение в кампании 1813–1814 гг. Но это пока ещё впереди, а

530. Там же. С. 134.

531. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 290.

532. Об отступлении Багратиона на Бобруйск.

533. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 128.

534. I армия прибыла в лагерь с 10 по 11 июля и должна была там отдохнуть.

сейчас, по точному замечанию А.Х. Бенкендорфа: «Император слишком скромно ещё оценивавший собственные военные способности, поверил в этом отношении голосу своей армии и, к счастью, покинул Дрисский лагерь, предав его общей критике»⁵³⁵.

Наполеон совершенно верно, с политической точки зрения, в разговоре с ген. Балашовым, посланцем Александра, в Вильно осудил тот факт, что государь возглавил наши армии: «Я слышу, что император Александр сам становится во главе командования армиями? Зачем это? Он, значит, приготовил для себя ответственность за поражение. Война — моё ремесло, я к ней привык. Для него это не то же самое. Он — император по праву своего рождения; он должен царствовать и назначить генерала для командования. Если тот поведет дело хорошо — наградить, если плохо — наказать, уволить. Лучше пусть генерал будет нести ответственность перед ним, чем он сам перед народом, ибо и государи тоже несут ответственность, этого не следует забывать»⁵³⁶. Но император был не прав, считая, что у государя нет военных способностей. У него был и ум, и большой здравый смысл: уже Аустерлиц научил его, что, не имея военного образования, не надо вмешиваться в командование армиями, и в 1807 г. он предоставил военное руководство Беннингсену. Да, Александр стал брать своеобразные уроки стратегии у ген. Пфуля, но не надо думать, что он слепо уверовал в тевтонский гений последнего. Главное, пожалуй, чему он научился в эти годы, и скорее всего вопреки, а не благодаря Пфулю, так это уметь «видеть карту» стратегически, т.е. посредством топографии представлять себе пространство, его особенности, скрытые и явные препятствия, их взаимную связь с сетью коммуникаций и ресурсами населённых пунктов, командное значение коммуникаций и городов для кон-

535. Бенкендорф А.Х. Указ. соч. С. 39.

536. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 482.

троля над территориями и, самое главное, определение главного стратегического пункта усилий армии.

Государь Александр Павлович доказал это уже в начале зимы 1809 г.: «Ему принадлежит идея (и блестящая идея) перехода Ботнического залива по льду... Император Александр повелел Кноррингу открыть кампанию 1809 г. переходом Балтийского моря по льду с целью перенести военные действия в самую Швецию и овладением Стокгольма, склонить Густава IV на мир.

Не веря в успех предприятия, генерал Кнорринг и старшие начальники затягивали и откладывали его выполнение. К выступлению их побудил лишь присланный Государем Аракчеев. 1 марта 1809 г. армия двинулась, наконец, тремя колоннами по льду Ботнического залива... Переход по льду удался блистательно и по справедливости может считаться одной из славнейших страниц нашей военной истории... Довести всю операцию до конца не пришлось. В Швеции под влиянием “Ледяного похода” русской армии произошел государственный переворот. Густав IV был низложен...»⁵³⁷

Летом 1809 г. государь предлагал кн. Багратиону, командовавшему тогда нашей армией на Дунае, покончить войну с турками, нанеся удар через Балканы, ссылаясь, как и в приведенном выше письме, на пример Суворова и переход швейцарских Альп. Теперь же именно он находился с конца апреля 1812 г. в центре управления нашими армиями. К нему стекалась вся информация о приготовлениях неприятеля. С полным осознанием неизбежности вторжения писал государь 22 июня (н. ст.) гр. Н.И. Салтыкову: «Ежедневно ожидаем быть атакованы. С полной надеждой на Всевышнего и на храбрость российских войск готовимся отразить неприятеля»⁵³⁸. Мысль о призыве народа к оружию пришла Александру на ум сразу после

537. Керсновский А.А. Указ. соч. С. 221, 242–243.

538. Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 18.

возвращения ген. Балашова из безрезультатной поездки к Наполеону, отказавшемуся вывести свои войска из России. В письме к Барклаю де Толли от 9 июля (н. ст.) из Дрисского лагеря государь написал: «Я решился издать Манифест, чтобы при дальнейшем вторжении неприятелей воззвать народ к истреблению их всеми возможными средствами и почитать это таким делом, которое предписывает сама Вера. Надеюсь, что мы окажем столь же твердости, как и испанцы»⁵³⁹. Как видим мы из текста письма, государь уже в этот момент рассчитывает на религиозные и патриотические чувства народа.

О деятельном руководстве говорит и целый ряд важнейших распоряжений по формированию в тылу резервов, потребных для скорейшего увеличения сил действующих армий. Тут был и набор рекрутов по 5 с 500 душ в губерниях Лифляндской, Эстляндской, Витебской, Могилевской, Волынской, Подольской⁵⁴⁰ — т.е. в губерниях, огромной дугой охвативших намечавшийся театр военных действий, откуда рекруты могли бы поступать в действующие I, II и III армии; создать в Смоленске наблюдательный корпус из 17 рекрутских батальонов⁵⁴¹ — эта задача была очень трудной из-за огромных пространств и плохих дорог, по которым через эти пространства должны были бы двигаться эти батальоны, да и времени продолжающееся отступление на её исполнение не дало бы. Очень важным был приказ Дунайской армии следовать в Волынскую губернию для соединения с III, или Обсервационной, армией ген. А.П. Тормасова⁵⁴², таким образом мог быть создан ударный кулак для равномерно как атаки в Варшавское герцогство или против австрийцев, так и для вступления с юга в Белоруссию и создания угрозы для коммуникации главной массы войск Великой армии.

539. Там же. С. 26.

540. Там же.

541. Там же.

542. Там же.

Очень важно было приказание киевскому генерал-губернатору М.А. Милорадовичу «сформировать в Калуге из рекрутских депо 1-й линии корпус в 55 батальонов», 34 эскадрона и 23 роты артиллерии. В рескрипте Милорадовичу, между прочим, было сказано: «Ваши резервы должны будут служить основанием для образования большого воинского ополчения, которое мы признали нужным произвести в государстве»⁵⁴³. Что бросается в глаза — то это тот факт, что данную деятельность Александра I и Барклая даже не привели, не то что не рассмотрели, в своих сочинениях ни Е.В. Тарле, ни Л.Г. Бескровный, являвшиеся, несомненно, выдающимися исследователями истории Отечественной войны 1812 г. Вот почему нам пришлось обратиться к ним, чтобы прокомментировать всего одну фразу как в мемуарах А.Х. Бенкендорфа, так и в «Записках» А.П. Ермолова.

Что же касается отступления II армии, то оно в этот момент облегчилось одним важным событием: отрешением по воле императора от командования VIII корпусом Жерома Бонапарта, короля Вестфальского. Самый младший из братьев императора, как, впрочем, и все остальные братья Бонапарт, кроме Люсьена, талантами, а особенно военными, не блистал. Командование VIII корпусом получил потому, что его великий брат посчитал, что командование обороною Варшавы и средн. течения Вислы можно осуществлять и такому «полководцу», ведь все равно император всё решит столь тщательно спланированным фланговым обходом русских. Но теперь, когда вся громадная Великая армия перешла в наступление, Жером был совершенно не на месте: мало того, что у него не было никакого глазомера, он оказался неспособен на элементарную быстроту и тем более натиск.

Войска короля Вестфальского вышли к Неману слишком поздно, а после переправы задержались в Гродно на

---

543. Там же.

4 дня. Наступление VIII корпус начал лишь 4 июля (н. ст.), после того как император подчинил Жерома маршалу Даву. Молодой король обиделся и в тот же день оставил свои войска и уехал в Кассель, это было грубейшим нарушением дисциплины, но к чести Жерома — он до конца остался верен своему брату в его несчастьях, а в 1815 г. храбро сражался при Катр-Бра и Ватерлоо. Эти события ослабили давление на тылы II армии, тем более что вестфальские войска, входившие в корпус, понесли большие потери от переутомления во время маршей по июльской жаре, и уже в сражении при Валутиной горе 14 августа участвовало всего 3 батальона пехотных и 2 вольтижерских и 1 легкая рота⁵⁴⁴. Отсюда можно понять, что части VIII корпуса Великой армии не могли оказать существенной помощи маршалу Даву в июле, тем более, что маршал мог поддерживать с ними связь и осуществлять руководство только посылкою распоряжений по плохим дорогам, часто окольным путем на расстоянии в 150–170 км. Таким образом, маршал мог противопоставить кн. Багратиону только свои собственные силы, которые, как мы видели, явно уступали силам II армии.

Между тем Наполеон рассчитывал именно на то, что войска Жерома и Даву зажмут II армию в клещи. Он был разгневан так, что, диктуя письмо к брату, велел маршалу Бертье написать: «Скажите ему, что его действия невообразимо отвратительны. Все плоды моих маневров и самый лучший случай, какой только мог представиться, потеряны вследствие странного забвения элементарных азов войны»⁵⁴⁵. Но делать было нечего, теперь многое зависело от Даву.

Багратион покидал Слуцк, куда он отступил из Несвижа, 15 июля, но авангард Даву, идя более короткой дорогой на Могилев, чем русские, уже 13 июля занял Игумен,

544. Энциклопедия. С. 228, ст. «Двадцать третья и Двадцать четвертая пехотн. дивиз. Великой армии». Авт. А.И. Попов.

545. Лашук А. Указ. соч. С. 500.

нависая над путями, избранными русским генералом, с севера. Одновременно войска ген. Груши шли на Борисов, нацеливаясь далее на Оршу. Багратион, опасаясь вестфальцев, задержал 8-й пех. корпус в Слуцке вместе с артиллерией, но вестфальцы так и не появились. Между тем 7-й пех. корпус русских 17 июля форсированным маршем прибыл в Бобруйск, а 18-го (н. ст.) сюда же подошел и 8-й пех. корпус⁵⁴⁶. II армия пережила ещё один кризис и могла идти к Могилеву.

Пока происходили все вышеописанные события, связанные с отступлением кн. Багратиона от Волковыска до Бобруйска, император Наполеон переживал в Вильно один из тяжелейших периодов своей военной карьеры. Его план войны развалился на глазах, неприятель отступает, не принимая сражения. Коленкур очень точно заметил о тогдашнем состоянии императора: «Потерять надежду на большое сражение перед Вильно было для него всё равно что нож в сердце. Он льстил себе надеждой, что князю Эсмюльскому больше повезет в его движении против Багратиона и что корпуса, которые двинутся к Двине, настигнут левый фланг русских. Всех офицеров, прибывающих из разных корпусов, он прежде всего спрашивал: «Сколько взято пленных?» Он хотел трофеев, чтобы поднять дух поляков, но никто их не присылал»⁵⁴⁷. Император провёл в Вильно 18 дней, случай небывалый для него, тем более на начальном этапе войны. Он вырабатывал новый план кампании. Надо было принять концептуальное решение: что предпринять дальше? Выбор был невелик: или остаться в Литве и превратить её в базу для продолжения войны, или идти за русскими, идти так быстро, чтобы настигнуть их армии и разбить их поодиночке, не углубляясь роковым образом в недра бескрайней России.

Остаться в Литве. В 1812 г. это территория современ-

546. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 283.

547. Т.е. маршала Иохима Мюрата.

ных республик Литва и Беларусь, именовавшихся до 1795 г. Великим княжеством Литовским, являвшимся конфедеративным членом Речи Посполитой, которую мы в просторечии именуем Польшей. Таким образом, «остаться в Литве» — означало сначала занять огромный неправильный четырехугольник, ограниченный с севера Западной Двиной, с востока — верхним и частично средним Днепром, а с юга — р. Припять и её болотным Полесьем. «Остаться в Литве» — означало опереться здесь окончательно на польско-литовскую шляхту, и тогда вряд ли освободить от крепостного гнёта православное белорусское крестьянство и мещанство, последнее получило волю при присоединении белорусских городов к России в 1772–1795 гг. Насколько будут белорусы в деревнях и евреи в городах и местечках лояльны к французской администрации, сказать было бы трудно, ибо польская и литовская шляхта с её католической нетерпимостью вполне захотела бы взять реванш за то ограничение своего извечного произвола, который уже нельзя было осуществлять с момента присоединения к России. А не допустить польско-литовского реванша французам было бы трудно, ибо опереться в тогдашней Литве они могли только на поляков.

Против решения «остаться в Литве» был ещё один серьёзный фактор. Сейчас, в июле 1812 г., у Великой армии очевидное преимущество в численности и в инициативе по отношению к отступающим русским армиям. Но если остаться в Литве, то значит, от наступления перейти к обороне в этом огромном четырехугольнике, с его ограниченными ресурсами, уже подорванными военными действиями. Выдержат ли здешние ресурсы содержание Великой армии до 1813 г., когда только и можно будет возобновить прерванную кампанию? Сегодня русских меньше и они отступают к Двине и Днепру, но пройдет 10 месяцев и каковы станут их силы к маю 1813 г., когда

война возобновится? Вопрос, ответ на который весьма затруднен. Зато точно можно сказать, что силы Великой армии на территории занятой Литвы придётся значительно уменьшить, ибо немцев, итальянцев, долматинцев-иллирийцев и прочих явно потребуется отпустить к осени на родину, ибо их боевые качества и сейчас-то, когда наступление и победа кажутся близкими, весьма невелики. А что станет с ними осенью или на пороге зимы? Кроме того, есть непрекращающаяся война в Испании, в костёр которой приходится посылать постоянно всё новые воинские контингенты. А ещё есть необходимость постоянного военного присутствия на границах Пруссии и вообще в государствах Рейнского союза и на берегах Северного моря для борьбы с английской контрабандой. А ещё нужно военное присутствие на границах Австрийской империи, чья верность Союзу вынужденная и временная. Нет, Великую армию на территории Литвы придётся сократить по целому ряду причин, и тогда к маю 1813 г. численный перевес будет у русских армий, с трёх сторон окружающих Великое княжество и могущих с большими шансами на успех вторгнуться в него.

А как поведут себя за 10 месяцев вынужденной паузы Пруссия и Австрия? Как поведет себя подвластная Европа и скрытая оппозиция во Франции, увидев, что война против России не завершена как всегда победоносным громовым ударом, а заморожена до следующей весны? Вот и получалось, что «остаться в Литве» было практически невозможно. Значит, идти вперёд как можно скорее, нагнать и разгромить русских — это решение и принял император Наполеон. «Во время своего пребывания в Вильно император проявлял невероятную активность. Ему не хватало не только дней, но и ночей. Адъютанты, офицеры для поручений, штабные офицеры носились по всем дорогам. По-прежнему он с нетерпением ожидал донесений из корпусов, двинувшихся в поход... К его великому сожа-

лению, стычки оставались безрезультатными. Он вполне основательно надеялся, что у князя Экмюльского дойдет дело до боя с Багратионом, и радовался, что этому генералу, правой руке старика Суворова, придётся схватиться с самым доблестным из его соратников. Он был очень недоволен стычкой авангарда неаполитанского короля с неприятельской кавалерией. Генерал де Сен-Женье и довольно много солдат попали в плен⁵⁴⁸. Тем временем наше левое крыло продвигалось. Маневры императора приняли определённый характер, и 17 июля он выехал из Вильно, чтобы присоединиться к своей гвардии в Свенцянах.

Там император получил донесение неаполитанского короля⁵⁴⁹, подробно сообщавшего ему о неудаче, постигшей его кавалерию. Одновременно он ему сообщил, что укрепленный Дрисский лагерь был эвакуирован русскими 18 июля и русская армия... начала общее отступление. Багратион был бы отрезан от Барклая и южных губерний, если бы он не поторопился начать отступление. Так как император давно предсказывал этот неминуемый успех, то он явился хорошим предзнаменованием. Он вскружил голову и воспламенил даже людей, наиболее холодно относившихся к "этому польскому делу", как называли кампанию в ставке.

Император тотчас же решил направиться в Глубокое. Гвардия немедленно была двинута в этом направлении. Император... продолжал наступательное движение в те-

548. Гор. Друю на Зап. Двине заняла 1-я бригада 2-й полк. кав. дивизии, во главе с г.-м. Сен-Женье. Гр. П.Х. Витгенштейн, обнаружив это, приказал г.-м. Я.П. Кульневу навести мост и атаковать. В ночь с 14 на 15 июля (н. ст.) навели переправу и Кульнев отправил в налёт Гродненский гус. п. во главе с подполк. В.Ф. Ридегером. Тот на рассвете врасплох атаковал неприятеля, разбил бригаду и пленил г.-м. Сен-Женье и до 200 солдат. «Если я заслуживаю какое воздаяние, — доносил Кульнев, — то прошу за особую милость наградить Ридегера вместо меня». Через месяц Ридегер стал полковником. Сен-Женье был пленен гродненским хорнетом Глебовым и стал первым французским генералом, попавшим в руки к русским в 1812 г. — Бантыш-Каменский Д.М. Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов. Ч. IV. СПб., 1841. С. 6; Энциклопедия. С. 615, 652. Ст. «Ридигер Федор Васильевич». С. 615, авт. А.А. Елисеев; ст. «Сен-Женье». С. 651–652, авт. В.Н. Шиканов.

549. Т.е. маршала.

чение всей ночи, надеясь, что быстрота маневра позволит ему настигнуть русскую армию, в Глубокое он приехал утром»⁵⁵⁰.

Глубокое находится на дороге из Свенцяи в Полоцк и действительно дает возможность успеть, заняв его, перехватить пути отступления Багратиона и Александра I к Витебску. Одновременно, перейдя Зап. Двину в Полоцке, можно угрожать движением на Себеж и на Псков или Невель, а оттуда на Псков или Новгород, чтобы в любом случае создать хотя бы мнимую угрозу Санкт-Петербургу.

Именно в этот момент в стане русских происходили важные события, во многом определившие ход войны в дальнейшем. Во-первых, государь Александр Павлович начал получать критические отзывы о самой идее остановить I армию в Дрисском лагере и там обороняться. Первым, судя по всему, её высказал только что прибывший из Берлина, бывший там послом до объявления войны гр. ген-лейт. Х.А. Ливен, беседовавший перед этим с рядом прусских офицеров в Берлине, в том числе и с Шарнгорстом, — их отзыв, переданный им государю, был единодушен: отступать, не ввязываясь в крупные сражения ранее Смоленска⁵⁵¹. Следующим был фл.-адъютант гр. А.Ф. Мишо, бывший по образованию военным инженером⁵⁵². Наконец, против этой идеи высказался и маркиз ген-лейт. Ф.О. Паулучи, пьемонтский выходец, отличившийся перед этим, командуя Кавказским корпусом. При объезде лагеря он прямо высказался о том, что увидел: «Государь! Вы видите бестолковость этих укреплений, воздвигнутых Вольцогеном⁵⁵³, и поэтому имею вам сказать, что Вольцоген или полный дурак, или из-

550. Коленкур А. де. Указ. соч. С. 86.

551. Клаузевиц К. Указ. соч. С. 43.

552. Там же. С. 47–48.

553. Л. Вольцоген, барон, вюртембергский и прусский офицер, в русской службе с 1807 г., с 1811-го фл.-адъют. Государя, выбрал место для Дрисского лагеря, но на военном совете выступил против размещения там I армии. Пользовался большим доверием Барклая де Толли.

менник, но в обоих случаях вы не должны иметь к нему доверия". Что государь ему отвечал, не было слышно, но что я высказываю — есть чисто буквальный перевод того, что на французском языке сказал Паулучи», — пишет кн. С.Г. Волконский⁵⁵⁴. Сам Клаузевиц в своём сочинении о 1812 г. высказался весьма категорично: «Если бы русские сами добровольно не покинули этой позиции, то они оказались бы атакованными с тыла, и безразлично, было бы их 90 000 или 120 000 человек, они были бы загнаны в полукруг окопов и принуждены к капитуляции»⁵⁵⁵. Наконец, против был и сам Барклай: «Я не понимаю, что будем делать со всею нашей армией в Дрисском лагере... заключившись в лагере, мы должны будем или со всех сторон ожидать нападения, или выслать сильный корпус, чтобы иметь сведения, где находится неприятель. Мне кажется, лучше... большую часть армии расположить на левом фланге вне укрепленного лагеря, чтобы прогнать неприятеля, который приближается с этой стороны, или действовать во фланг и тыл тем силам, которые направлены против князя Багратиона; потому что невозможно предполагать, чтобы неприятель в одно и то же время с одинаково превосходными силами действовал и против нас, и против князя Багратиона»⁵⁵⁶. Правда, из этого письма понятно, что Барклай ещё не представлял себе точно размер сил Наполеона, но зато видно, что заперать I армию в Дрисском лагере никоим образом не собирался.

I армия прибыла в лагерь 10–11 июля (нов. ст.). К этому времени у Барклая уже были точные данные о силах неприятеля, и атаковать его он уже не собирался, но зато тем более не хотел оставаться в дрисской мышеловке, предполагая соединиться с армией кн. Багратиона. Его поддержал ген. Л.Л. Беннигсен. Государь, видя осуждение генералитетом позиции в Дриссе, велел собрать во-

554. Волконский С.Г. Указ. соч. С. 196–197.

555. Клаузевиц К. Указ. соч. С. 41.

556. Цит. по Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 288.

енный совет. На обсуждение его был подан ряд записок, так ген. А.П. Ермолов предлагал оставить лагерь: «Теперь идти на неприятеля, гнать его, где бы он ни был, напасть, драться со всей жестокостью»⁵⁵⁷. Конечно, этот план при всей его патриотичности был самоубийственен, но зато вызвал назначение А.П. Ермолова начальником штаба I армии. Ермолов об этом «скромно» не упоминает⁵⁵⁸, а весьма пространно рассказывает, как пытался отказаться от столь высокого, но и притом ответственного поста, однако же ему «не помогла» даже поддержка Аракчеева, предлагавшего другого кандидата — ген.-лейт. Н.А. Тучкова 1-го, но государь был непреклонен: «Окончанием разговора была решительная его воля, чтобы я вступил в должность»⁵⁵⁹. Таким образом, именно Александр, вопреки даже Аракчееву, выбрал Ермолова на этот важнейший пост и тем лишний раз показал, кто стоит во главе русских войск.

Но тогда же император одобрил и записку уже упоминавшегося нами фл.-адъютанта, полк. А.И. Чернышева, предлагавшего совершенно противоположное: сражения не давать, отступать, не теряя времени, вглубь страны, довести резервы из рекрутов до 100 тыс. и подготовить новую линию укрепленных лагерей у Ржева, Вязьмы, Дорогобужа, Гжатска и между Медынью и Юхновым и только после этого перейти в наступление⁵⁶⁰. Один взгляд на карту Тверской, Смоленской, Московской и Калужской губерний говорит о том, что военные способности у «парижского любезника» и военного разведчика были, так как он предлагает охватить смоленский тракт, которым неприятель мог кратчайшим путем идти на Москву, с трех сторон и «сжать» Великую армию на подступах к Москве, угрожая её коммуникации с Великой Литвой и Польшей.

557. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3483, л. 25; цит. по Л.Г. Бескровный. Указ. соч. С. 289.

558. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 128.

559. Там же. С. 129.

560. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 289.

Очевидно, что здесь и можно было бы добиться перелома в войне, но лишь при одном условии, что силы Великой армии на этом рубеже истощатся до критической массы, но практика показала, что их хватит и на сражение при Бородино и на занятие Москвы, т.е. французы могут продвинуться и восточнее рубежа, предположенного Чернышевым. Удивительного в этом ничего нет — ведь во главе их стоял Наполеон.

Однако важно, что Александр сразу же после Военного совета, решившего единогласно, что надо оставить Дрисский лагерь, тут же отправил и А.И. Чернышева, и гр. А.Ф. Мишо, и полк. Эйхена «ехать в Москву и отыскать места, удобные для укрепленных лагерей, которые могли бы служить опорой для армии в случае перенесения театра войны к Москве»⁵⁶¹. Тогда же, прощаясь с гр. Мишо, государь сказал ему: «Может быть, не будете вы иметь времени приготовить лагерь надлежащим образом, тогда поезжайте к Волге, даже дальше. Ежели судьба захотела бы испытать мою твердость, то у меня останется ещё много способов и пространства, чтобы далеко завести неприятеля»⁵⁶².

И, наконец, тогда же император приказал заготовить в Твери, Ржеве, Туле и Калуге 278 624 четверти разного хлеба, муки, круп и овса, а запасы из Тульской губернии перевезти в Калугу⁵⁶³.

Все эти факты говорят, что император Александр умел быстро принимать решения и оценивать данные ему советы, что он вовсе не цеплялся со слепым упорством за Дрисский лагерь, удостоверившись в его опасности для армии. А главное, он умел выбирать людей на руководящие посты: назначение «пламенного» Ермолова, человека образованного и умного, должно было при случае активизировать рассудительного и осторожного Барклая, а

561. Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 28–29.

562. Там же. С. 29.

563. Там же. С. 29.

тот, естественно, должен был «смирять» начальника штаба, если Ермолов не в меру «возгорится». Очень важно то, как государь быстро отреагировал на записку Чернышева: только обладая стратегическим складом ума, можно, находясь в Дриссе, уже начать готовить театр военных действий на подступах к Москве и даже приучать себя к мысли о возможном оставлении первопрестольной, ради выигрыша войны⁵⁶⁴. Трезво обдумав всё это, трудно не согласиться с мнением А.А. Керсновского.

Во-вторых, после решения оставить Дрисский лагерь было признано целесообразным разделить 1-й корп. гр. П.Х. Витгенштейна от I армии и дать ему самостоятельную задачу — оперируя на правом берегу Зап. Двины в её среднем течении, прикрывать пути на Псков и Санкт-Петербург. Именно это и привело вскоре к уже вышеупомянутому успеху Гродненского гусарского полка при Друе и предопределило сражение при Клястицах — первую крупную победу русских войск в 1812 г. Тогда же решено было Дунайскую армию адм. П.В. Чичагова, до этого предназначенную для вторжения в Иллирию⁵⁶⁵, отправить с берегов Дуная на север, на украинскую Волынь для соединения с III армией ген. А.И. Тормасова. Таким образом, уже в конце сентября на стыке русской Украины, австрийской Галиции (Зап. Украина) и южных районов герцогства Варшавского была бы собрана ударная армия около 50 тыс. человек, которая могла бы, оперируя на Брест и Кобрин, войти с юга в Великую Литву и угрожать операционной линии Наполеона, связывавшей его с Западной Европой⁵⁶⁶. Наконец, было принято решение созывать ополчение, чтобы создать из него новую армию, или «вторую стену», на которую бы могла опереться действующая армия и черпать из неё резервы либо усилиться ей, если

⁵⁶⁴ А именно об этом говорит нам наставление, высказанное гр. Мишо.

⁵⁶⁵ Французская провинция на побережье Адриатического моря, ныне принадлежащая Хорватии.

⁵⁶⁶ Так в действительности и произошло, и это соединение позволило попытаться окружить отступающего Наполеона при Березине.

потерпит неудачу в сражении с самим Наполеоном.

Таким образом, Дрисский лагерь стал местом принятия важнейших стратегических решений, исполнение которых начало подготавливать исподволь, несмотря на продолжающееся отступление, будущую победу над неприятелем.

Был собран военный совет с участием М.Д. Баркляя де Толли, А.А. Аракчеева, кн. П.М. Волконского — нач. Гл. штаба, пр. Г. Ольденбургского — ген.-губ. Тверской, Новгородской и Ярославской, Гл. директора водяных и сухопутных сообщений, зятя и доверенного лица государя, флиг.-адъютантов, полковников А.Ф. Мишо и Л. Вольцогена; по докладу гр. Мишо, поддержанного Вольцогеном, было решено оставить лагерь и выступить на соединение с армией кн. Багратиона.

Для выполнения этого решения «июля 2-го дня (т.е. 14 июля н. ст.) армия перешла за Двину и расположилась у Дриссы»⁵⁶⁷. Таким образом, Западная Двина прикрывала I армию от французских войск, тут-то I корпус гр. Витгенштейна и был отдален от армии, получив самостоятельную задачу. Встал вопрос, куда отступать для соединения со II армией. ...«принц Александр Вюртембергский»⁵⁶⁸, дядя императора... предложил занять намеченную им позицию под Витебском, которая по его описанию была неприступна. Итак, решено было двинуться в Витебск... В Витебске рассчитывали уже во всяком случае соединиться с Багратионом, притом дорога на Витебск продолжалась дальше на Смоленск, где выходила на большой московский тракт; она представляла вполне естественную линию отступления для соединения как с Багратионом, так и с подкреплениями, двигавшимися из центральных областей. Это направление было признано генералом

⁵⁶⁷ Ермолов А.П. Указ. соч. С. 130.

⁵⁶⁸ Пр. А. Вюртембергский имел большой военный опыт в прежних войнах с Французской республикой, на русскую службу приглашен по рекомендации А.В. Суворова; позицию выбрал лично, зная хорошо местность как белорусский воен. губернатор и витебский, и могилевский губернатор.

Барклаем единственным по своей целесообразности, вероятно, скорее по этим соображениям, чем из-за обещанной герцогом Александром Вюртембергским сильной позиции под Витебском. Очевидно, дело обстояло именно так, и автор почувствовал огромное облегчение и радость, когда он увидел, что оно приняло такой оборот»⁵⁶⁹.

Итак, занятие фланговой позиции по отношению к неприятелю было окончательно оставлено и сдано в архив, теперь главной задачей становилось соединение I и II русских армий в единую военную силу, долженствующую остановить неприятеля. «Июля 4-го числа армия двинулась и в три дня пришла к Полоцку»⁵⁷⁰.

Тут решился вопрос о пребывании государя в рядах армии. Сам он покидать её в этот трудный час не хотел, но его родные и придворные смотрели на это по-другому. Первой заговорила об отъезде вел. кн. Екатерина Павловна, она писала ему: «Я считаю вас таким же способным, как все генералы, но вам нужно играть роль не только полководца, но и правителя. Если кто-нибудь из них дурно будет делать свое дело, его ждут наказание и порицание, а если вы сделаете ошибку, все обрушится на вас, будет уничтожена вера в того, кто является единственным распорядителем судеб империи, должен быть опорой...»⁵⁷¹ С этой же позиции подошли к вопросу и находившиеся в походе при государе гос. секретарь адм. А.С. Шишков, мин. полиции ген. А.Д. Балашов и ген. А.А. Аракчеев. Они подали адрес на имя государя, прося его отправиться через Москву в С.-Петербург и снова соединить в своих руках все нити военного и гражданского управления страной. Очень положительно оценил отъезд государя из армии К. Клаузевиц, участвовавший в этих событиях: «При таких обстоятельствах император принял

⁵⁶⁹ Клаузевиц К. Указ. соч. С. 49.

⁵⁷⁰ Ермолов А.П. Указ. соч. С. 131.

⁵⁷¹ Переписка императора Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 76.

решение отказаться от командования армией, временно поставить во главе всех войск генерала Барклая, сперва отправиться в Москву, а оттуда в Петербург, чтобы повсюду ускорять работу по усилению армии, позаботиться о снабжении её продовольствием и другими запасами и организовать ополчение, в котором взялась бы за оружие значительная часть населения империи. Несомненно, что лучшего решения император принять не мог»⁵⁷². Однако не все были довольны его отъездом. Так, А.П. Ермолов в своих «Записках» отмечает: «Отъезд государя произвел на войска неприятное впечатление. Появляясь каждый день весёлым и сохранявшим спокойную наружность, не только не было мысли об опасности, но никому не представлялись обстоятельства худыми, и каждый оживлялся его присутствием. Но оно не менее нужно было и внутри России. Надобно было унылый дух возбудить к бодрости или постепенно приготовить к перенесению больших бедствий... Отъезд был необходим! Сетующему войску обещано скорое его возвращение, и всё возвратилось к прежнему порядку, или, по крайней мере, не увеличился беспорядок»⁵⁷³.

Подводя итог сказанному, можно отметить, что государь покидал армию против своего внутреннего убеждения, но по необходимости, что его присутствие, по авторитетному свидетельству Ермолова, ободряло и вдохновляло солдат, что его авторитет не мешал генералитету, как утверждали такие авторитетные советские историки, как Е.В. Тарле⁵⁷⁴ и Л.Г. Бескровный⁵⁷⁵, а наоборот, действовал объединяюще, так как заставлял их, генералов, напрягать свои усилия для принятия оптимально верных решений и действовать согласованно. Именно отъезд Александра I немедленно привел к тяжелейшему

572. Клаузевиц К. Указ. соч. С. 48.

573. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 133.

574. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 491–493.

575. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 291–292, 293.

раздору между кн. Багратионом и Барклаем из-за верховного руководства действиями и в конце концов по- нудил избрать верховного главнокомандующего в лице М.И. Голенищева-Кутузова. Наконец, перед тем как по- кинуть в Полоцке войска, император подписал два мани- феста, послужившие призывом к образованию народного ополчения.

Первый был обращен к Москве: «Неприятель вошел с великими силами в пределы России. Он идет разорять наше Отечество. Того ради, имея в намерении, для на- дежнейшей обороны, собрать новые внутренние силы, наипервейше обращаемся мы к древней столице предков наших, Москве. Она всегда была главою прочих городов российских, она изливала из недр своих смертоносную на врагов силу; по примеру её, из всех прочих окрестностей текли к ней, наподобие крови к сердцу, сыны Отечества, для защиты онаго... да составит и ныне сие общее рвение и усердие новые силы, и да умножатся оные, начиная с Москвы, во всей обширной России. Мы не умедлим сами стать посреди народа своего в сей столице и в других госу- дарства нашего местах, для совещания и руководствова- ния всеми нашими ополчениями, как ныне преграждаю- щими пути врагу, так и вновь устроенными на поражение онаго, где только появится...»⁵⁷⁶

Второй манифест обращался уже ко всей России: «Не- приятель вступил в пределы наши и продолжает нести оружие своё внутрь России, надеясь силами и соблазнами потрясть спокойствие великой сей державы... Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам. Да встретит он в каждом дворяни- не Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина. Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества. Святей-

576. Цит. по Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 30.

ший Синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Народ русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров; соединитесь все: со крестом в сердце и с оружием в руках, никакие силы человеческие вас не одолеют...»⁵⁷⁷ И сегодня, двести лет спустя, при чтении возвышенных строк этого обращения кровь закипает в венах и сердце бьётся чаще в груди всякого истинного сына нашего Отечества⁵⁷⁸.

Итак, 6 июля (18 н. ст.) Александр I покинул армию и отправился в Москву призывать народ к ополчению. Вдохновенные слова манифестов предшествовали ему.

Меж тем император Наполеон с 11 июля (н. ст.) находился в Глубоком. Он разработал новый план операций. Предполагая, что Барклай не захочет быть окружённым в Дрисском лагере и попытается соединиться с кн. Багратионом, император, чтобы не допустить этого, решил переправить свою гвардию, IV и VI корпуса на правый берег Зап. Двины, между Дисною и Полоцком, преградив тем самым I русской армии путь на Витебск и Смоленск, и заставить её либо принять сражение, либо отойти к Пскову. Чтобы отвлечь внимание Барклая от этого маневра, было предписано маршалу Мюрату демонстрациями удерживать русских на месте. Маршалу же Макдональду, который со своим X корпусом, составленным из пруссаков, баварцев и вестфальцев, 24 июня перешёл Неман в Тильзите и уже выдвигался к Риге, было приказано двинуть часть сил вверх по Двине к Якобштадту (совр. Елабпилсу) и далее, чтобы оттянуть на себя часть русских войск. Одновременно Даву и король Жером должны были активизировать своё наступление против князя Багратиона. Всё теперь

⁵⁷⁷ Там же. С. 30–31.

⁵⁷⁸ Автором обоих манифестов является Государственный секретарь, адмирал Александр Семёнович Шишков, участник русско-шведской войны 1788–1790 гг., награжденный золотой шпагой «За храбрость». Филолог, писатель Российской Академии. Идеолог консервативно-патриотического движения.

зависело от быстроты исполнения императорского плана.

Вначале настроение у Наполеона было хорошее: «Император был страшно рад, когда узнал об эвакуации Дрисского лагеря... Отъезд Александра из армии также казался ему успехом. Он с полным основанием приписывал его своим быстрым передвижениям, которые помешали соединению главных сил русской армии, принудили Александра эвакуировать без боя свой лагерь, чтобы искать в более глубоком тылу тот пункт, где может произойти соединение... Он надеялся своими быстрыми маневрами принудить русскую армию принять сражение, которого он желал, или же деморализовать и изнурить её непрерывным отступлением без боя. Он говорил так же, что корпусу Багратиона не удастся соединиться с главными силами армии, что он будет захвачен или разгромлен, по крайней мере частично, и это произведет большое впечатление в России...»⁵⁷⁹

К 14 июля (н. ст.) Мюрат и три дивизии, изъятые из корпуса Даву ещё в начале операции, сосредоточились к юго-западу от русского лагеря; III корп. маршала Нея был у Дрисвят, а II корп. марш. Удино у Динабурга. Главные силы французов спешно шли фланговым обходом для средоточения в Глубоком. Но уже в этот день I русская армия покинула Дрисский лагерь, а 16-го двинулась в Полоцк. Наполеон узнал об этом 20-го (н. ст.) и приказал ускорить марш, чтобы упредить Барклая, но уже 21-го ему стало известно, что русские покинули Полоцк (это произошло 19-го, а днем ранее государь оставил войска). Движение русских определилось на Витебск, и это кардинально изменило всю обстановку для Наполеона: сделанные усилия оказывались бесплодными, обходной маневр был сорван. Император принял новое решение — ускоренным маршем идти к Витебску, все корпуса, собравшиеся у Двины и Глубокого, двигались по обеим берегам реки к этому

⁵⁷⁹ Коленкур А. де. Указ. соч. С. 87–88.

губернскому городу. Группа Мюрата шла левым берегом, II кавалерийский корпус ген. Л.П. Монбрена и III пехотный маршала М. Нея переходили реку у Дисны и действовали I русской армии в тыл. Вице-король Италии Евгений Богарне с IV пехотн. и VI кав. корп., а также гвардия должны были выйти к Бешенковичам в излучине Двины, переправиться через неё и укрепиться, угрожая дороге из Полоцка в Витебск, по которой шла I русская армия. Но Барклай в это время УЖЕ был на марше по этой самой дороге и, пока французы ещё спешили к Бешенковичам, уже миновал опасный участок её и 23-го (н. ст.) подошёл к Витебску. Наполеону вторично не удалось охватить I армию на марше и перерезать её коммуникации со Смоленском и Москвою, сама уже погоня за Барклаем и его армией ещё глубже завлекала Великую армию в Россию и тем самым растянула и затруднила её коммуникацию и снабжение.

Барклай дал армии передышку, кроме того, ему надо было время, чтобы III кав. корп. и VI пех. корп., прикрывавшие отход по полоцкой дороге, смогли присоединиться к армии, также надо было получить продовольствие из «магазинов» Витебска и Велижа. Меж тем III, IV и V пех. корпуса русских с I кав. корпусом перешли на левый берег Зап. Двины и заняли позицию на р. Лучесе на дороге к Бешенковичам.

В это самое время армия кн. Багратиона 19 июля (н. ст.) начала движение через Ст. Быхов к Могилёву, где был мост через Днепр. Надо было пройти 120 верст, но французы, занявшие 12 июля (н. ст.) Борисов и 13-го (н. ст.) Игумен, так же двигались, но их затормозило самоустранение от командования короля Жерома Бонапарта. Даву 14-го (н. ст.), сосредоточив свои главные силы у Игумна, ждал подхода войск Жерома, но вместо этого 15-го получил от него письмо с уведомлением о сложении с себя обязанностей командующего корпусом. А так как Даву мог распоряжаться только своими войсками, то до 19 июля (н. ст.)

он вынужденно бездействовал, ибо его группа, как мы уже отмечали, насчитывала едва ли более 25 тыс. человек. Между тем ещё одна группа французских войск ген. Груши двигалась из Борисова к Березине в сторону Орши, т.е. удалялась от Даву на северо-восток. 19 июля (н. ст.) Груши занял Оршу, прервав таким образом связь Витебска и Могилёва.

Даву в этот день 19-го двинулся на Могилёв, ему надо было преодолеть 80–85 верст, 20 июля авангарды Даву заняли Могилёв. Багратион уже занял Рогачев главными силами и продолжал путь на север к Могилёву, войска двигались двумя эшелонами: в 1-м шли VII пехотн. и IV кав. корпуса, во 2-м — VIII пех. корпус, авангард состоял из казачьих полков, 2 полков регулярной кавалерии и артиллерийской роты. Даже узнав о подходе неприятеля к Могилёву, кн. Багратион не изменил своего решения, посчитав, что сможет навести мосты через Днепр южнее города. Главное, считал он, своим выдвижением остановить стремление противника к Смоленску и, перейдя Днепр, пробиться на соединение с I армией.

На марше II армия сильно растянулась: авангард подходил к Могилёву, а арьергард ещё был у Бобруйска. В 8 часов утра 21 июля (н. ст.) казачий авангард полк В.А. Сысоева и отступивший к нему из Могилёва полк А.И. Грессер, с двумя запасными батальонами егерей, атаковали 3-й франц. конно-егерский полк⁵⁸⁰ и погнали его до самого Могилёва, куда уже стала прибывать французская пехота, заставившая казаков отойти. Так начались бои за Могилёв.

Кн. Багратион приказал ген. Н.И. Раевскому силами его VII пех. корпуса, 15 тыс. при 72 орудиях⁵⁸¹, произвести разведку боем и в случае успеха овладеть городом. И.Ф. Паскевич силы французов и русских в бою определяет в своих записках: «Переметчики⁵⁸² донесли кн. Багратиону, что в Могилёве только от 7 до 10 тыс. неприятелей. Поэтому

580. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 3506, л. 35–35 об. Цит. по Бескровный Л.Г. Указ. соч., с. 301.

581. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 301.

582. Перебежчики.

князь приказал атаковать их и занять город. Генерал Равевский взял с собою из 12 дивизий 6-й и 42-й егерские полки, а из моей дивизии⁵⁸³ два батальона... Маршал Даву, ожидая на себя нападения, заранее приготовился к обороне. Мост при Салтановке был завален и прорублены ружейные бойницы в стенах корчмы, лежащей на левом берегу оврага, прикрывавшего всю линию французов, мост при мельнице Фатовой был сломан и в соседних домах так же проделаны бойницы»⁵⁸⁴. Количество французских войск генерал Паскевич, сам участвовавший в бою, определяет в 15 батальонов⁵⁸⁵, из них 4 в первой линии при дер. Салтановке и дер. Фатовой, 2 перед дер. Сельцом, остальные в резерве во 2-й линии. Кавалерию он определяет в 48 эскадронов⁵⁸⁶. Исходя из штатной численности батальонов⁵⁸⁷ и эскадронов⁵⁸⁸ и естественной убыли от боёв, стычек и истощения сил на походе, можно предположить, что пехоты было около 8 тыс., а кавалерии около 5 тыс. человек в строю. Это, естественно, совершенно разнится с численностью войск маршала Даву, приведенной Л.Г. Бескровным: «24 тыс. пехоты и 4 тыс. конница при 56 орудиях»⁵⁸⁹. Но уважаемый советский историк не приводит, откуда он взял свои цифровые данные. Хотя в уже упоминавшихся мемуарах И.Ф. Паскевича и сказано: «Пехота маршала Даву состояла из двух полков дивизии Компана, в коих было 25 батальонов»⁵⁹⁰. Но здесь явно какая-то описка, ибо в 2 полках не может быть 25 батальонов, ибо их по штату полагалось 4 действующих, а пятый оставался в полковом депо в месте постоянного квартирования полка⁵⁹¹. Был ли знаком Л.Г. Бескровный с «Записками»

583. 26-я пех. дивизия.

584. Паскевич И.Ф. Записки. Указ. соч. С. 84–85.

585. Там же. С. 85.

586. Там же.

587. Чуть более 1000 человек. Соколов О.В. Армия Наполеона. СПб., 1999. С. 117.

588. От 192 до 232 человек. Соколов О.В. Указ. соч. С. 126.

589. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 301.

590. Паскевич И.Ф. Указ. соч. С. 85.

591. Соколов О.В. Указ. соч. С. 121.

И.Ф. Паскевича? Мы знаем, что был⁵⁹², но знаем и то, что в его времена методика подсчета численности неприятеля практиковалась чаще всего по штату, а не фактической численности, как хорошо известно.

Бой 23 июля (н. ст.) шёл тяжело из-за неверного предположения о численности неприятеля и состояния укрепленной позиции: «Кн. Багратион, не имея точных сведений о силе неприятеля и полагая, что против нас было не более 6 тыс., прислал своего адъютанта с приказанием к генералу Раевскому, чтобы он, собрав все войска своего корпуса, смело атаковал позицию французов и взял бы Могилёв»⁵⁹³. Результатом этих распоряжений явились жаркие схватки у дер. Салтановка и Фатовая. Сам Паскевич командовал боем у Фатовой и оставил яркое описание центрального эпизода боя: 2 батальона Орловского и Нижегородского полков, перейдя мост и выбив неприятеля из деревни, попали в западню, и четыре французских батальона, лежащие во ржи, поднялись в 30 саженьях, сделали залп и ударили в штыки. Бой завязался рукопашный. Французы бросились на белое знамя Орловского полка⁵⁹⁴ и взяли его у убитого подпрапорщика⁵⁹⁵. Наш унтер-офицер выхватил его у француза, но сам был убит. Ещё раз оно было схвачено нашими, и в драке древко сломано. В это время адъютант Орловского полка бросился в середину, отнял знамя и вынес его из схватки. Полковник Ладыженский был ранен в челюсть и упал. Половина наших батальонов убита или ранена. Они принуждены были отступить и отброшены в лес. Их преследовали два батальона. Устроив батарею, мы перестреливались полтора часа»⁵⁹⁶.

Не лучше было положение и под Салтановкой, где атаковал сам Н.Н. Раевский: «Леса, окружавшие деревню

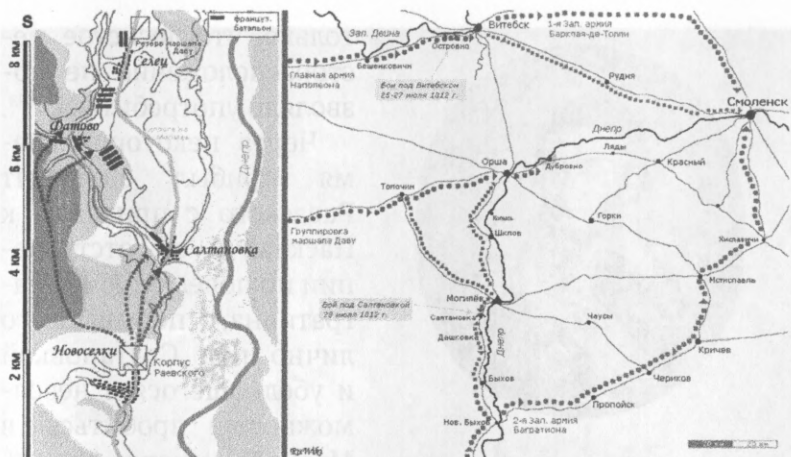
592. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 302, сноска 1.

593. Паскевич И.Ф. Указ. соч. С. 85.

594. Знамя батальона, его потеря — бесчестие для полка.

595. Знаменосец в те годы либо дворянин-юнкер, либо очень заслуженный унтер-офицер.

596. Паскевич И.Ф. Указ. соч. С. 87.

Карта боя при Салтановке 11 июня 1812 года

Салтановку, не позволяли подойти к ней иначе как по большой дороге, вдоль которой была неприятельская батарея. В конце дороги был ещё заваленный мост. Смоленский полк 12-й дивизии двинулся вперёд с удивительной твердостью, но не мог овладеть мостом. Генерал Раевский и Васильчиков, спешившись шли впереди колонны, но выгоды местоположения уничтожали все усилия мужества наших солдат. Они не могли ворваться в деревню и на дороге выдерживали весь огонь неприятельской батареи. Между тем я со своей стороны, перестреливаясь с неприятелем, послал донесение генералу Раевскому, что встретил на левом фланге не 6, но, может быть, 20 тыс.⁵⁹⁷ Поэтому, если необходимо сбить его, то прислали бы мне в подкрепление несколько батальонов. Генерал Раевский ответил, что атаки его отбиты, что он потерял много людей и потому не может прислать мне более одного батальона.

Это было около 4 часов пополудни. Войска мои уже утомились. Одна кавалерия не была еще в деле, и то потому

⁵⁹⁷ Преувеличение сил неприятеля, вполне естественное для участников сражения, находящихся в эпицентре боя, но недопустимое для историков, исследующих битву в тиши кабинета.

Гравюра С. Карделли.
Генерал Раевский с сыновьями
в 1812 году. 1812

только, что лесистое месторасположение не позволяло употребить её»⁵⁹⁸.

Через некоторое время прибыл адъютант Раевского с приказом к Паскевичу об отступлении по повелению кн. Багратиона, побывавшего лично под Салтановкой и убедившегося в невозможности пробиться в Могилёв и через него⁵⁹⁹. Вечером производилось тяжёлое, с арьергардными боями отступление на прежнюю позицию при сел. Дашковке, куда и прибыли русские уже

ночью⁶⁰⁰. «С рассветом 13-го (25-го н. ст. — Б.К.) числа мы двинулись к Старому Быхову. 14-го перешли мост в Новом Быхове⁶⁰¹ и ночевали в Пропойске⁶⁰². Кн. Багратион беспокоился, чтобы неприятель не предупредил его в Мстиславле, но, не встретив его здесь, мы 17-го (29-го н. ст.) прибыли в Мстиславль и беспрепятственно продолжали путь к Смоленску. Этим обязаны мы делу под Салтановкой. Маршал Даву хотя и получил в подкрепление в ночь после сражения весь свой корпус, но не выступил из Могилёва и укрепил его вспомогательными батареями. Сражение под Могилёвом произвело на него большое влияние. Он сам признавался, что никогда не видел пехотного дела столь упорного... Здесь я узнал, как жестоки

598. Паскевич И.Ф. Указ. соч. С. 87.

599. Там же. С. 88.

600. Там же. С. 89.

601. Т.е. через Днепр.

602. С 1944-го г. Славгород Могилёвской области.

Н. С. Самокиш. Подвиг солдат Раевского. 1912

сражения против регулярных войск, и особенно против французской армии 1812 г.»⁶⁰³. На этом можно было бы и поставить точку в деле о сражении при Салтановке, но, «судя по личной переписке Раевского, он не был доволен результатами боя, считая, что Багратиону следовало бы поддержать действия его корпуса основными силами армии»⁶⁰⁴. Другое порицание кн. Багратиону за это же сражение, но в совсем ином роде высказал А.П. Ермолов: «Действие генерала Раевского, заслоняя совершенно движение армии, представляло князю Багратиону удобство, которым не помыслил он легко воспользоваться и, сделав беспрепятственно ускоренный переход, выиграть расстояние для избежания преследования. Но вместо того армия расположилась на ночлег на той позиции, которую

⁶⁰³ Паскевич И.Ф. Указ. соч. С. 89.

⁶⁰⁴ Энциклопедия. Указ. соч. С. 637; см. Личные письма ген. Н.Н. Раевского, в кн. 1812–1814 г... Из собрания Гос. Ист. музея. М., 1992.

генерал Раевский занял после сражения»⁶⁰⁵. Так или иначе результаты салтановского боя были оценены участниками и современниками далеко не однозначно, но одно очевидно: как бы там ни было, потери, понесенные в нем, и появление казаков Платова на следующий день «у самых окопов Могилёва»⁶⁰⁶ заставили маршала Даву воздержаться от преследования, и как писал всё тот же А.П. Ермолов: «Грубая ошибка Даву была причиною соединения наших армий; иначе никогда, ниже за Москвою, невозможно было ожидать того, и надежда, в крайности не оставляющая, исчезала»⁶⁰⁷.

Несколькими днями ранее ген. П.Х. Витгенштейн одержал, наконец, и первую победу в этой войне, обратившую вспять силы одного из неприятельских корпусов, действовавших под командованием маршала Удино⁶⁰⁸. Корпус ген. гр. Витгенштейна, иначе I корпус, с 5 (17 н. ст.) июля получил задачу удерживать среднее течение Двины и тем прикрыть Псковское, Петербургское и отчасти Рижское направление. Состав корпуса — 36 бат. пех., 27 эск. кав., 9 арт. рот. — 108 оруд., 1 казачий полк, всего 25 тыс. человек⁶⁰⁹. Одновременно Ригу прикрывал отд. корпус ген. И.И. Эссена — 18 тыс. человек, а Двину под столицей Латвии прикрывало 8 канонерских лодок⁶¹⁰.

Непосредственно на Ригу был нацелен X корпус маршала Макдональда — 36 бат. пех., 16 эск. кав. к 84 орудиям, с 23 июля н. ст. прусские части X корпуса пытались осуществить блокаду Риги, но полностью выполнить эту задачу не смогли. Другая часть X корпуса заняла 21 (н. ст.) июля Якобштадт (совр. Екабпилс — Латвия) и двинулась к Динабургу (совр. Даугавпилс — Латвия), каковой до этого пытался неудачно занять Удино, двинувшийся после этой

605. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 136–137.

606. Там же. С. 137.

607. Там же.

608. Второй армейский корпус Великой армии.

609. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 325.

610. Там же.

неприятности вверх по Двине и 26 (н. ст.) июля подошедший к Полоцку, который и занял. Однако эти успехи не привели к прямому контакту X и II корпусов: между ними был разрыв в 100–120 км и действия маршалов не были ими скоординированы.

Император Наполеон, недовольный этим, приказал маршалу Удино выйти из Полоцка и двинуться на Себеж, где планировалось соединиться с Макдональдом, после чего уничтожить I корпус русских, но так как Макдональд оперировал на Динабург, то Удино 27 (н. ст.) июля, выступив из Полоцка на Себеж, соединиться с ним никак не мог. Зато гр. Витгенштейн удерживал отрядом ген. майора А.Ю. Галена войска Макдональда у Динабурга, двинулся наперерез маршалу Удино, стараясь занять дер. Клястицы, через которые шла дорога на Себеж и Псков. Но Удино первый занял Клястицы 18 (30 н. ст.) июля. Гр. Витгенштейн, узнав об этом, собрал военный совет, «на котором единодушно положено: атаковать неприятеля, не теряя ни минуты»⁶¹¹. И около 17:00 30 июля наш авангард силами 3731 человека при 12 орудиях⁶¹² атаковал под предводительством ген. майора Я.П. Кульнева у Якубова части пех. дивизии ген. Леграна, составлявшие авангард корпуса маршала Удино. Завязался встречный бой, обе стороны вводили резервы, он завершился к 23:00 с превосходством русских. В три часа утра следующего, 19 (31 н. ст.) июля гр. Витгенштейн, ещё вечером 30-го возглавивший войска, возобновил сражение. Выдающуюся роль сыграла наша артиллерия в центре боевого порядка: «Французские колонны, остановленные перекрёстным огнем наших батарей, смешались и стали отходить. Гр. Витгенштейн, в свою очередь, воспользовался беспорядком в рядах неприятельских, двинул вперёд всю свою линию: центр французов не мог устоять против стреми-

611. Бантыш-Каменский Д.М. Указ. соч. Ч. IV. С. 7.

612. Там же.

тельного нападения русских, поддержанного огнем артиллерии, отступил к селению Клястицы... но вскоре был принужден оставить и эту позицию. Тогда граф Витгенштейн начал обходить правее французов. Удино, зажегши мост на речке Нише, отступил по дороге к Полоцку. Русские бросились вперед и по горевшим брёвнам перешли речку, утвердившись на противном берегу. Генералу Кульневу поручено было преследование неприятеля»⁶¹³.

Если же рассказывать о боях за Клястицы более подробно, то дело это произошло следующим образом. К началу операции силы у противников были следующие: у маршала Н.Ш. Удино — 28 тыс. человек при 114 орудиях, у ген. П.Х. Витгенштейна — 23 тыс. человек при 108 орудиях. Удино, стремясь восполнить директиву императора точными сведениями о расположении русских, поэтому распылил свои силы. Генерала П. Мерля с его 9-й пех. див. (всего 19 батальонов) он отправил к д. Симошино Дрисского уезда Витебской губернии, в 15 км к югу от Клястиц. В то же время 6-я легкая кавалерийская бригада генерала Ж. Корбино, состоявшая из 8 эскадронов, была двинута к с. Волынцево, т.е. на 40 км к северо-западу от Полоцка, уже занятому французами. Таким образом, маршал накануне столкновения с 1-м русским корпусом сам себя ослабил примерно на 8 тыс. человек.

В это же время ген. Витгенштейн с большей частью корпуса направился к Друе, чтобы, перенаправившись там на левый берег Зап. Двины, атаковать с тыла. Но в Друе граф получил сообщение, что французы идут к Себежу, тогда Витгенштейн послал за Зап. Двину только авангард ген. Я.П. Кульнева, а сам решил идти к Себежу. По дороге он получает донесение, что части маршала Макдональда переправляются у Якобштадта (совр. Екабпилс-Латвия), и тогда уже Витгенштейн в третий раз решает переменить направление движения и идти уже на

---

613. Там же. С. 9.

войска X фр. корпуса, чтобы не дать им соединиться со II корпусом маршала Удино.

Пока происходили эти маневры, Кульнев, с рассветом 15 июля (ст. ст.) переправившись на левый берег Зап. Двины, силами донского казачьего подполковника Платова 4-го полка сбил с позиции пикеты 10-го польского гусарского полка и погнал их. Подоспел Гродненский гусарский полк подполковника Ф.В. Ридигера, и поляков опрокинули на 7-ю легк. нав. бриг. ген. Ж.М.Н.Д. Сен-Женьеса. Преследование длилось 10 верст, генерал был пленен, а с ним ещё 3 офицера и 139 низших чинов. Среди пленных был и офицер французского Генерального штаба, у которого была записка, из неё явствовало, «что корпус Удино собирается в селении Белом, откуда пойдет на Себеж на соединение с Макдональдом, чтобы отрезать наш корпус от Пскова⁶¹⁴».

Я.П. Кульнев немедленно отправил этот документ П.Х. Витгенштейну и вернулся за Зап. Двину. Командующий корпусом, получив это поистине бесценное сообщение, решил идти к Клястицам, чтобы опередить Удино и перехватить дороги на Себеж и Псков, теперь силы Я.П. Кульнева снова составили авангард нашего 1-го корпуса. Меж тем к Клястицам двигался и маршал Удино, в 11 часов 18 июля части 6-й пех. див. ген. К. Леграна и кавалерийская бригада ген. Б.П. Кастекса заняли Клястицы. Маршал, по-прежнему не имея верных сведений о русских, выслал к д. Якубово 3 пехотных полка из дивизии Леграна. Со своей стороны авангард Я.П. Кульнева в составе двух эскадронов гродненцев, донского казачьего Платова 4-го полка, 25-го и 26-го егерских полков и 1-й конно-артиллерийской роты подполковника И.О. Сухожанета, около 14 часов дня переправился через речку Свольня и подошел к Якубово, имея 3730 человек при

614. Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 61.

12 орудиях⁶¹⁵. Завязался бой, Витгенштейн не только отдал приказ о немедленной атаке, но и отправил на помощь егерскую бригаду полковника Г.Н. Фролова, в составе 23-го и 24-го егер. полков и арт. роту № 14.

В 17 часов дня, оттеснив передовые части неприятеля, Кульнев уже занял высоты перед Якубовым. В центре стояла арт. рота Сухозанета, справа 25-й, слева 26-й егерские полки, гродненские гусары были помещены в резерв. Генерал Легран, убедившись в многочисленности русского авангарда, перешёл в атаку, бой носил тяжёлый характер, но жестокий карательный огонь нашей артиллерии, в особенности 2 конных орудий, остановил наступление французов и позволил удержать позиции до подхода подкреплений, а затем заставить их отступить до Якубово. Настал вечер 18-го числа, к Леграну приблизился резерв, 8-я пех. дивизия ген. Ж.А. Вердье, тогда маршал Удино велел снова атаковать и авангард Кульнева был оттеснён. Но узость позиции не позволяла французам развернуть более 12 орудий, русская же артиллерия, 14-я батарея и 1-я конная роты, превосходили их вдвое. Это сыграло решающую роль в вечерней схватке: понесла большие потери, французы отошли. Основная часть их войска развернулась за Якубово, в селе же осталась лишь часть пехоты. Канонада стихла только с наступлением полной темноты в 23 часа.

Настало 19 июля, уже в 3 часа утра был открыт огонь по Якубово, 23-й егерский полк атаковал в штыки и ворвался в селение, но был вытеснен. Удино решил, что этот момент упускать никак нельзя, и перешел в наступление. Центр нашей позиции составляли Севский и Калужский пехотные полки — бригада ген.-майора К.Ф. Казачковского и 26-й егерский, правый фланг — 23-й, 24-й и 25-й егерские полки при 14 орудиях, левый фланг — Пермские и Могилевские пехотные полки — бригада ген.-майора

615. Энциклопедия. Ст. «Клястицы». С. 346–347, авт. М.И. Чиняков.

кн. А.В. Сибирского при 12 орудиях. Пехота, из-за условий местности, была развернута в одну линию в батальонных колоннах.

Французские части были развернуты в две линии: в 1-й дивизия ген. Леграна, у Якубова, в резерве дивизия Вердье, лёгкая кавалерия ген. Кастекса равномерно распределена по всей линии. Кирасирские полки из 3-й тяжелой кавалерийской дивизии ген. Ж.П. Думерка были во 2-й линии, так как не могли действовать из-за лесистой местности.

Французская пехота атаковала дважды, но оба раза была отбита как в центре, так и на нашем левом фланге, во многом это была заслуга нашей артиллерии, действовавшей умело и превосходившей неприятеля численно. Французы заколебались, и тогда уже гр. Витгенштейн атаковал их, сначала смял центр противника, а потом и его левый фланг. Французы стали отступать, а потом просто бежали до Клястиц. Они пытались задержаться на песчаных высотах у р. Ниши, но безуспешно; русские взяли высоты, а противник откатился за Нишу. Французские стрелки и орудия, укрытые за строениями Клястиц, мешали теперь русским переправиться через Нишу. Витгенштейн, видя это, передвинул кавалерию вверх по реке и приказал строить мост, кавалерия наша искала броды на Нише. Удино, видя, что его могут обойти с правого фланга, приказал зажечь мост через Нишу и отходить. Вот тогда батальон Павловского гренадерского полка атаковал прямо через горящий мост, кавалерия наконец-то нашла брод, переправилась через речку и ворвалась в селение. Французы отступили до р. Дриссы и, лишь перейдя её, в 4 верстах за Сивошином нашли и заняли удобную позицию.

В донесении государю гр. Витгенштейн так описал финал сражения: «Французы спаслись только помощью лесистых мест и переправ через маленькие речки, на которых истребляли мосты, чем затрудняли почти каждый

шаг и останавливали быстроту нашего за ними преследования, которое кончилось вечером... Все селения и поля покрыты трупами неприятельскими. В плен взято до 900 человек и 12 офицеров»⁶¹⁶. Потери французов составили до 2000 человек убитыми и 912 человек ранеными; у русских убито 1195 человек, ранено 2502 человека и 504 пропавших без вести⁶¹⁷.

Атаку через горящий мост запечатлел через 30 лет на своем полотне, по заказу императора Николая I, баварский живописец П. Хесс, он верно изобразил штыковой удар 2-го батальона Павловского гренадерского полка, предводимого капитаном Крыловым и майором Кишкиным. Под ярким июльским солнцем жарко блестят конусовидные медные налобники гренадерских «митр», воспетых бессмертным Пушкиным во вступлении к «Медному всаднику»:

«Люблю воинственную живость
Потешных Марсовых полей,
Пехотных ратей и коней
Однообразную красоту;
В их стройно-зыблемом строю
Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных,
Насквозь простреленных в бою».

Так совершилась первая полная победа русских войск в 1812 г. Узнав о ней через несколько дней, М.И. Кутузов, возглавлявший тогда Санкт-Петербургское ополчение, был обрадован и сказал своим помощникам: «Хорошо! Едва ли бы кто отделал лучше!»⁶¹⁸

Однако завистливая судьба никогда не желает, чтобы

616. Источники: Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 61–63; Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 326–327; Энциклопедия. Ст. «Клястицы». С. 346–347.

617. Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 327.

618. Там же. С. 11.

счастье человеческое было полноценным. Уже на следующий день, 20 (1 августа н. ст.) июля храбрый Кульнев, один из главных героев Клястицкого боя, нарушив приказ гр. Витгенштейна не переходить р. Дриссу ранее прибытия главных сил корпуса, «побуждаемый предприимчивым духом своим, он перешел её... в три часа пополудни, в дождливое туманное утро, опрокинул при деревне Москалинке неприятельский арьергард; двинулся далее к деревне Боярщине. Здесь маршал Удино позволил русскому авангарду войти в теснину, находившуюся перед его фронтом и, потом открыв действие своих батарей, привел в беспорядок кавалерию Кульнева, двинул вперед свои колонны, опрокинул наш авангард, обратил его в бегство... Кульнев хотел прикрыть отступление Гродненским гусарским полком и был смертельно ранен пушечным ядром, которое оторвало ему обе ноги выше колена»⁶¹⁹.

Французы, по приказу Удино, развивая успех, перешли р. Дриссу, но при дер. Головчине встретили весь I корпус и были разбиты, потеряв 1200 убитыми и ранеными, а 2000 плененными, и бежали за Дриссу. Гр. Витгенштейн лично управлял атакою, был ранен пулею вскользь в правый висок, остался в строю, но после долго страдал от болей, вызванных ранением. Бои возобновились 30 (11 августа н. ст.) июля под Головчиною, и снова гр. Витгенштейн, несмотря на боли от ранения, одержал победу над силами Удино, маршал ретировался под самые стены Полоцка⁶²⁰.

Вести об этих победах благотворно отзывались в сердцах жителей Пскова, Новгорода и Санкт-Петербурга, укрепляя в них веру в конечную победу оружия нашего в развернувшейся войне, а гр. Витгенштейну принесли навсегда славу «Спасителя Санкт-Петербурга» и благодарную память потомства.

Между тем I русская армия отступала из Полоцка в Ви-

619. Там же. С. 11–12.

620. Там же. С. 13.

тебск. Она стала у речки Лучесы по дороге на Бешенковичи, Барклай де Толли прекрасно понимал все выгоды и недостатки такого положения, с одной стороны, он находился на операционной линии, прикрывавшей пути как к Твери, так и к Смоленску и Москве, с такого местоположения при известных обстоятельствах возможен переход в контрнаступление. Но с другой стороны, именно этих обстоятельств и не было: не хватило пополнения продовольствием и резервами, неприятель уже занял Оршу, а оттуда до Смоленска столько же, как и от Витебска, но главное, I и II армия разъединены и поэтому слишком слабы, чтобы перейти в наступление будучи врозь. Отсюда Барклай решил обороняться на подступах к Витебску до подхода кн. Багратиона, о котором он получил 12 (24 н. ст.) июля неправильные сведения, что тот взял Могилёв. В ночь с 12 на 13 июля (24 на 25 н. ст.) Барклай отправил кн. Багратиону приказ о наступлении из Могилёва на Оршу и Витебск для соединения с I армией.

12 (24 н. ст.) июля французские авангарды приблизились к Бешенковичам и выяснили, что русские уже находятся в Витебске. Узнав об этом, Наполеон приказал ускорить движение к этому городу. Барклай меж тем двинул IV корпус гр. А.И. Остермана-Толстого к Бешенковичам, но французы уже заняли и их, и Островно и двигались к Витебску. На дороге в 8 км от Витебска утром 13 (25 н. ст.) июля произошла авангардная стычка, в которой Л.-гв. гусарский и Л.-гв. Драгунские полки⁶²¹ одержали верх и погнали французскую кавалерию к Островно, где напоролась на главные силы кавалерии маршала Мюрата, командовавшего авангардом — 8000 кавалерии, 1000 пех. при 18–20 орудиях. Русских было до 1000 кавалеристов, их опрокинули, захватили 6 орудий конной артиллерии, но вскоре столкнулись с пехотой гр. Остермана-Толсто-

⁶²¹ По другим сведениям это был не гвардейский, а Нежинский драгунский полк.

го — до 8 тыс. штыков, так начался бой за Островно. Он продлился двое суток, 25 и 26 (н. ст.) июля, понесшие потери войска гр. Остермана сменила 3-я пех. дивизия ген. П.П. Коновницына, отбивавшая весь день 26-го атаки кирасиров Э. Нансути и пехотинцев А. Дельзона. Упорный бой длился от 8 утра до 17 вечера, Коновницын постепенно отходил, сменив две позиции, пока у дер. Добрейко не соединился с 1-й гренадер. дивизией ген. Н.А. Тучкова 1-го, который и принял командование, отойдя за р. Лучесу.

Для любопытствующего и методичного читателя несомненно составит интерес более подробное описание боев под Островно. Арьергард гр. Остерман-Толстого состоял из собственного войска IV пехотного корпуса: 11-я и 23-я пехотные дивизии ген.-лейтенанта Н.И. Лаврова и ген.-майора А.Н. Бахметева, 2-й сводно-гренадерской бригады⁶²² полковника А.И. Ефимовича и Изюмского гусарского полка. Перед началом боевых действий, по штатному расписанию насчитывала 12,7 тыс. человек при 72 орудиях. Корпус к моменту боя численно уменьшился, но, чтобы повысить его эффективность и маневренность, к этому времени он был усилен драгунской бригадой, состоявшей из Ингерманландского и Нежинского драгунских полков, Л.-гв. Драгунским, Л.-гв. Гусарским и Сумским гусарским полками, а также ротой конной артиллерии⁶²³. Общая численность его составляла перед боем 8000 штыков и 2000 сабель.

У маршала И. Мюрата, короля Неаполитанского, имелись в распоряжении к началу боя 1-я легкая кавалерийская дивизия ген. П.Ж. Брюйера, барона империи, и 1-я тяжелая кавалерийская дивизия ген. А.Л. Де-

622. Формировались из сводно-гренадерских батальонов, создаваемых из гренадерских рот, имевшихся в каждом пехотном полку и сводившихся в батальоны в составе своей дивизии перед началом войны. Бригада А.И. Ефимовича была сформирована из таких сводно-гренадерских батальонов 11, 17 и 23-й пехотных дивизий. Имела №2.

623. Энциклопедия. Ст. «Островно». С. 535–536; авт. М.К. Чиняков.

кре де Сен-Жермена, барона империи. Состав дивизии П.Ж. Брюйера ярко указывает на присущее этой войне механическое объединение в составе войсковых соединений разных национальных частей:

7-й и 8-й гусарские полки — французские;

9-й шеволежерский полк — гамбургский;

16-й конно-егерский — французский;

6-й и 8-й уланский полки — польские;

2-й свободный гусарский полк — прусский;

4 эскадрона Бранденбургского и Померанского гусарских полков №№ 3 и 5 — прусские⁶²⁴.

Дивизия же ген. А.Л. Декре де Сенжермена состояла из 3 французских кирасирских №№ 2, 3 и 9 полков, а также 1-го эскадрона 1-го французского шеволежерского полка. По штатному расписанию обе дивизии имели 18 орудий.

Бой начался на рассвете 13 (25) июля. По лесной дороге навстречу друг другу двигались 8-й гусарский и 16-й конно-егерский полки французов и 2 эскадрона гвардейских гусар при поддержке батареи конной артиллерии. Вот как описал начало боя в 1818 г. его участник подпоручик 2-й батареей роты 11-й арт. бригады Г.П. Мешетич: «...По диспозиции маршевой впереди шли 2 эскадрона лейб-гусар, за ними — конная батарея, два полка пехоты и один егерской, пешая полубатарея⁶²⁵ и стороною полк драгун; войдя в густой лес по обеим сторонам дороги, нашли в оном корчму, ночью разбитую французами, и, по показанию хозяина, неприятель только в 4 верстах; кажется бы, начальнику отряда по случаю лесистого дефиля следовало выпустить стрелков, удалив кавалерию, но сего не было сделано»⁶²⁶. Расплата за это легкомыслие последовала очень скоро: «Лейб-гусары, завидя передовые посты неприятеля в лесу, погнались за ними и встречены спешив-

624. Энциклопедия. Ст. «Первая легкая кавалерийская дивизия Великой армии». С. 555, авт. А.А. Васильев.

625. В её составе и был Г.П. Мешетич.

626. 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Указ. соч. С. 42.

шимися шассерами⁶²⁷ по обеим сторонам дороги пулями; проскочивши оных, за лесом во множестве неприятельской конницы сих храбрых неосторожных сонм исчез, как капля во множестве воды; скакавшая за ними конная батарея г[осподина] подполковника Кандыбы, не будучи никем остановлена, подверглась рубке оной, не сделавши и выстрела; едва шесть орудий пробилось, а шесть взяты в плен⁶²⁸. Подошедшая пехота с пешею большого калибра полубатареею⁶²⁹ оттеснили конницу назад, но с этим вместе множество неприятельских орудий открыли огонь, пешая полубатарея долго противилась неприятелю, но приведена была в совершенное расстройство потерей людей и лошадей, часть орудий была подбита, командир оной г[осподин] подполковник Котляров и в одно же время два генерала — командиры полков также были убиты»⁶³⁰.

Пока происходила описанная выше завязка боя, подходил весь корпус гр. Остерман-Толстого и разворачивался в боевой порядок. Он расположился по обеим сторонам дороги на Витебск: первую линию составила 11-я пехотная дивизия ген.-майора Н.Н. Бахметьева перед нею артиллерия, во 2-й линии развернулись 23-я пехотная дивизия его брата ген.-майора А.Н. Бахметьева, она была в батальонных колоннах, подкреплённые Сумским гусарским полком. А Ингерманландский драгунский полк находился влево от дороги наблюдать за правым флангом французов. Фланги же корпуса прикрывала лесистая местность болота.

Король Неаполитанский развернул свои силы следующим образом: левый фланг у Островно составила кирасирская дивизия ген. Сен-Жермена, она была развернута в три полковых линии, к ней примыкал и 1-й шеволежерский полк. Центр боевого порядка: в 1-й линии 8-й легкий

627. Т.е. конными егерями (в русской армии их тогда не было).

628. Там же. Это показание Г.П. Мешетича полностью согласуется с записью в журнале ген.-квартирмейстера 1-й Западной армии К.Ф. Толя. Там же. С. 42.

629. На ней и служил Г.П. Мешетич.

630. Там же. С. 42.

пехотный полк, за ним вторая линия из 16 эскадронов 1-й легкой кавалерийской дивизии. Ещё 12 эскадронов её составили правый фланг. Пехота ген. Дельзона опаздывала.

Между тем артиллерийский огонь французов всё усиливался, тогда-то, очевидно, батарея, в которой служил Г.П. Мешетич, и понесла описанные им потери, равно и были убиты командиры пехотных полков. Теперь гр. Остерман-Толстой и ингерманландские драгуны атаковали правое крыло, т.е. эскадроны ген. Брюйера, но их порыв был опрокинут 6-м и 8-м полками польских улан. Наши драгуны откатились, а в руки противников попало 200 ингерманландцев. В этот же час 7-й и 8-й полки французских гусар атаковали на Витебской дороге, но были отбиты русской пехотой. Огонь французской артиллерии усилился.

Очевидно, к этому моменту относится тот знаменитый эпизод боя 13 (25) июля, который вошёл в историю Отечественной войны и описан Г.П. Мешетичем: «В сие время выведен был один батальон пехоты из кустов, множество неприятельских орудий устремилось на него ядрами, целые ряды жестоко вырывались из фронта; когда было доложено графу Остерману-Толстому о напрасной убыли и потере людей, он, под березой стоя, нюхая табак, сказал: “Стоять и умирать”. Хороша смерть со славою, когда она полезна, сбережение людей в оное время нужнее было»⁶³¹. Как бы то ни было, слова командующего быстро облетели наши полки, а вскоре стали достоянием всей армии русской и вот уже более двухсот лет считаются в ней примером чудесной стойкости и верности долгу и присяге её воинов.

Французские егеря вели меткий огонь по центру наших позиций, необходимо было их оттеснить, и тогда Остерман-Толстой приказал трем батальонам пехоты атаковать их в штыки. Пехота наша, увлекшись атакою, закрыла в какой-то момент собою директорию стрельбы для артил-

631. Там же. С. 43.

лерии и одновременно открыла свой фланг для атаки кавалерии противника. Воспользовавшись этим, бригадный генерал Н.Ф. Руссель д'Юрбаль при поддержке кирасиров барона Жакино контратаковал и вынудил нашу пехоту отступить. Не теряя присутствие духа, гр. Остерман решил провести двойной охват флангов противника, завязался упорный бой русской пехоты против конницы И. Мюрата, в результате польские уланы и 2-й прусский сводный гусарский полк отбили атаки на правом, а шеволежеры 9-го (гамбургского) полка, поддержанные кирасирами, — на левом флангах. Пока шли эти схватки, незаметно подбирался вечер, в этот момент подошла, наконец, дивизия ген. А.Ж. Дельзона. Теперь у французов было двойное превосходство в силах, Мюрат пропустил эту пехоту через лес в обход левого фланга русских; до этого момента русская «пехота, прикрывшись в кустах, удерживала неприятеля до вечера, и он шагу не мог сделать вперёд; наконец решился выпустить множество стрелков в кусты, но удерживался сильно нашими стрелками. Ночь нападение их прекратила и упорную защиту россиян от 9 часов утра и до позднего вечера. Отряд русский состоял не свыше как шести тысяч весь и понес значительный урон, около половины убитыми и ранеными и в плен взятыми», свидетельствовал Г.П. Метешич⁶³².

Ночью с 13 (25) на 14 (26) июля главнокомандующий 1-й Западной армии М.Б. Барклай де Толли прислал 3-ю пехотную дивизию ген. П.П. Коновницына и одну кирасирскую дивизию из кавалерийского корпуса Ф.П. Уваров. Эти новые и свежие части заняли позицию, прикрытую оврагом у дер. Куковачино. Остерман же той же ночью отвёл свой сильно потрепанный корпус на позицию позади полков Коновницына и стал играть уже роль его резерва, кирасиры расположились тут же, но в бой 14 (26) июля не вступали из-за сильно пересечённой местности.

632. Там же. С. 43.

Тогда же усилились и силы И. Мюрата, к нему подошел корпус пасынка Наполеона, вице-короля Италии, Евгения Богарне. Теперь с рассветом 14 (26) июля французские линии ожили, начали готовиться к атаке, в 8 часов утра дивизия Дельзона и тяжелая кавалерия из корпуса Ш.М.А. Шампьюна де Нансути начали атаку 3-й пехотной дивизии. Одновременно П.П. Коновницын, не смущаясь двойным превосходством противника, атаковал левый фланг Дельзона и рассеяли 84-й линейный полк и батальон хорватов, французские части дрогнули и побежали. Чтобы прикрыть это бегство, маршал Мюрат повел за собой польских улан, а другие французские генералы смогли восстановить порядок и вернуть бежавших в боевые порядки. Теперь уже русской пехоте пришлось вернуться в лес. На правом фланге неприятеля сдерживал наш сильный артиллерийский огонь и овраги, мешавшие его кавалерии.

Примерно в 14:00 к сражающимся французским корпусам прибыл сам император Наполеон и взял командование в свои руки. Прошло около часа, и полки наши стали отходить. Меж тем, как вспоминает А.П. Ермолов: «Главкомандующий, желая иметь точные сведения, приказал мне отправиться на место боя. Вскоре после прислан генерал-лейтенант Тучков 1-й (Николай Алексеевич — Б.К.) с гренадерскою дивизией, и положение наше было твердо! В два дня времени неприятель сражался с главными своими силами, которых чувствуемо было присутствие по стремительности атак их. Ни храбрость войск, ни самого генерала Коновницына бесстрашие не могли удержать их (т.е. французов — Б.К.). Опрокинутые стрелки наши быстро отходили толпами. Генерал Коновницын, негодуя, что команду над войсками принял генерал Тучков, не заботился о восстановлении порядка (ну вот, ещё и ревность между нашими генералами! — Б.К.), последний не внимал важности обстоятельств и потреб-

ной деятельности не оказывал. Я сделал им представление о необходимости вывести войска из замешательства и обратиться к устройству. Они отдали кирасир, прибывших с генерал-адъютантом Уваровым, и другие излишние войска, производившие тесноту, и сделали то, по крайней мере, что отступление могло быть не бегством»⁶³³.

Как мы видим, Ермолов даёт завершению боёв при Островно и поведению генералов П.П. Коновницына и Н.А. Тучкова далеко не такую абсолютно положительную оценку, как это обычно принято в отечественной историографии.

Потери этих кровавых дней составили для русской армии 3764 человека, из них убитыми 827⁶³⁴. Французы потеряли в этих боях 3704 человека, в том числе 300 пленными⁶³⁵. Среди убитых со стороны русских ген.-майор М.М. Окулов, командовавший пехотной бригадой в 4-м пехотном корпусе, со стороны французов — бригадный генерал, барон империи Ж.К. Руссель, командир 2-й бригады, 13-й пехотной дивизии. О гибели его существует две версии: первая гласит, что он был застрелен по ошибке французским часовым во время посещения вечером 14 (26) июля аванпостов; вторая исходит от Л.Э.А. де Лабомы, 2-го капитана-инженера-географа при штабе Е. Богарне, утверждавшего в своих мемуарах, что Руссель был застрелен из пистолета русским драгуном.

Так или иначе поздним вечером Наполеон овладел полностью нашей позицией, а «в ночь Коновницын и Остерман отступили к Витебску»⁶³⁶.

В ночь на 15 (27 н. ст.) июля к Барклаю де Толли при-
был адъютант кн. Багратиона, ротмистр Л.-гв. Гусарского

633. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 140.

634. Источники: Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 296; Ермолов А.П. Указ. соч. С. 140; Михайловский-Данилевский. Указ. соч. С. 44–45; 1812 год. Воспоминания воинов русской армии. Указ. соч. С. 42–43; Энциклопедия. Ст. «Островно». С. 535–536. Авт. М.К. Чиняков; Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 г. Т. 1. СПб., 1859. С. 203.

635. Богданович М.И. Указ. соч. С. 203.

636. Михайловский-Данилевский. Указ. соч. С. 45.

полка св. кн. А.С. Меншиков⁶³⁷, с сообщением о неудаче боя за Салтановку и отступлении II армии через Мстиславль к Смоленску. Положение Барклай снова становилось опасным, а двухдневные бои, проведенные с таким мужеством, теперь обесценивались этими новыми обстоятельствами. На военном совете, проведенном ночью, военный министр принял решение отступить к Смоленску. Прикрытие этого маневра было возложено на III кав. корпус гр. П.П. Палена, уже, как мы видели, проявившего выдающиеся способности во время отступления в июне. Его действия 27 и 28 (н. ст.) июля высоко оценил А.П. Ермолов: «Глаза мои не отрывались от авангарда и славного графа Палена. Отдаляющаяся армия, вверив ему свое спокойствие, не могла оградить его силами неприятелю соразмерными, но поколебать мужества его ничто не в состоянии! Я скажу с Горацием: “Если разрушится вселенная, в развалинах своих погребет его неустрашенным”. До пятого часу продолжалось сражение с равным упорством... оставя неприятеля, удивленного порядком, и город им занят не прежде следующего утра с большою осторожностью»⁶³⁸.

Об арьергардных боях за Витебском Ермолов вспоминает так: «В одном переходе от Витебска арьергард имел сильное кавалерийское дело. Граф Пален лично распоряжался действиями конницы, удержал успех на нашей стороне, и далее неприятель ограничился одним наблюдением за продвижением наших колонн»⁶³⁹.

Наполеон, преодолевая все эти дни стойкое сопротивление арьергардов I русской армии, стремился к вполне определённой цели: «Император, который так желал сражения, пускал в ход всю свою энергию и весь свой гений, чтобы ускорить движение. Он добивался сражения и тем

637. Ермолов, ук.соч.с.144 : цитата из Горация , это цитата внутри мемуаров Ермолова.

638. Там же. С. 144.

639. Там же. С. 145.

больше мечтал о нем, что, по слухам, в Витебске находил-ся император Александр. Сражение под Островным, последовавшее за сражением под Бешенковичами, было достаточно кровопролитным и окончилось в нашу пользу, но это был не больше как арьергардный бой, при котором неприятель, по существу, добился желательного для него результата, ибо он задержал наше движение, принудил нас занять позиции и, следовательно, остановил нас на несколько часов»⁶⁴⁰, справедливо отмечал А. де Коленкур. Он же вспоминает о бое на Лучесе: «Русских отбросили к Лучесе, маленькой речке, впадающей в Двину недалеко от Витебска. Ночью было ускорено движение всех корпусов и всех артиллерийских резервов... в надежде, что завтра или, самое позднее, послезавтра состоится генеральное сражение — предмет всех желаний и упований императора... Неаполитанский король уверял, что все маневры неприятеля указывают на подготовку к сражению. Император и вся армия слишком сильно желали этого сражения и поэтому тешили себя надеждой, что великий результат близок»⁶⁴¹.

Однако после следующего дня, когда шел бой с арьергардом Коновницына, «воз был и ныне там»: «После этого боя, который снова сильно задержал наши маневры, армия двинулась вперед, и на другой день мы оказались перед фронтом неприятеля, занимавшего высоты, окаймляющие большую возвышенность перед Витебском. Нас отделяла от него только Лучеса... День прошел в маневренных передвижениях ...целью которых было нащупать и выяснить позиции друг друга... император был весел и уже сиял лучами славы — до такой степени он верил в то, что померяется силами со своими врагами и добьётся результата, оправдывающего его поход. Который завёл его уже слишком далеко»⁶⁴².

640. Коленкур А. де. Указ. соч. С. 88.

641. Там же. С. 88.

642. Там же. С. 89–90.

Именно этой ночью, разложив огромное количество бивачных костров, соблюдая строжайшую тишину, Барклай де Толли увёл I армию из Витебска, прикрываясь арьергардом гр. Палена. Наступившее утро открыло французам истину: «Нельзя представить себе всеобщего разочарования и в частности разочарования императора, когда на рассвете стало несомненным, что русская армия скрылась, оставив Витебск. Нельзя было найти ни одного человека, который мог бы указать, по какому направлению ушёл неприятель, не проходивший вовсе через город»⁶⁴³.

Император Наполеон разослал авангарды в разных направлениях, объехал брошенный русский лагерь, стараясь понять размеры ушедшей армии. Узнав о неудачной стычке у Ложесны, прибыл туда и с гвардией встал на бивуак «и оставался там часть дня, а также и на следующий день, чтобы выждать донесений (29 июля н. ст. — Б.К.).

Местных жителей не было видно, пленных не удавалось взять, отставших по пути не попадалось; шпионов мы не имели»⁶⁴⁴. Лишь с большим трудом захватив двух крестьян, узнали, что русская армия ушла далеко вперёд. Тогда Наполеон «принял, наконец, решение и счел нужным дать армии необходимый отдых. Часть кавалерии уже изнемогала; артиллерия и пехота были очень истомлены; дороги были полны отстающими, которые разрушали и грабили всё. Было необходимо организовать наши тылы, выждать результаты операций наших корпусов, оставшихся на Двине»⁶⁴⁵. Таков был итог столь уже глубокого проникновения внутрь России. Тогда же император, по словам Коленкура, сделал первые серьезные наблюдения над изменением русскими войсками способа ведения операций: «В Ложесне — вечером, после схватки нашего авангарда с казаками, — я услышал от императора его

643. Там же. С. 90.

644. Там же. С. 90-91.

645. Там же. С. 91.

первые рассуждения о новой манере войны, усвоенной русскими. Он жаловался в особенности на то, что стычки, происходившие ежедневно, не давали никаких пленных, что лишало его возможности получить определенные сведения о русской армии»⁶⁴⁶. Наблюдение было верное, но император не сделал для себя верных выводов: Россия — это не Германия и Австрия, здесь народ совсем другой, нравы гораздо более суровы, материальных привязанностей к скудному жилью и достатку гораздо меньше, чем в зажиточной Центральной Европе. Характер крестьян и солдат, из них же набираемых, упорный и стойкий, а самое главное: вступив в русские пределы, Великая армия воспринимается простым народом и войсками как лютый враг, с которым нельзя иметь никакого дела, кроме одного — разгромить и уничтожить. Потому-то ныне русские ведут себя совсем не так, как в 1805 или даже в 1807 году, и чем далее он будет проникать в Россию, тем дела будут у него идти всё хуже и хуже.

Скажем здесь хотя бы два слова о положении дел в Великой армии в момент пребывания в Витебске. Красноречивее всего свидетельствуют о нём сами участники похода. Приведем отрывок из воспоминаний гр. Чезаре Ложье де Беллекура⁶⁴⁷: «Если королевская гвардия вместе с одной дивизией счастливо устроились и отдохнули от пережитых бедствий, то далеко не для всех выпало такое счастье. Многие отряды и теперь испытывают слишком тяжелые лишения; настоящего отдыха, в котором они так нуждаются, для них нет... Верные своей системе, русские и здесь (повсюду, где успели) сожгли свои магазины, рассыпали зерно и уничтожили всё, чего не могли захватить. Отдельным отрядам приходится для поддержки своего

⁶⁴⁶. Там же. С. 91.

⁶⁴⁷. Ч. Ложье рядовым солдатом полка велитов итал. гвардии участвовал в войне в Испании 1808–1809 гг., несколько раз ранен, награжден кавалерским крестом орд. Почетн. Легиона. 1.XII.1810 произв. в мл. лейт. Поход 1812 г. совершал ст. адъют. полка гвард. велитов, в корпусе пр. Евгения Богарне, вице-короля Италии, пасынка имп. Наполеона. Гр. Ложье был очень предан Наполеону.

существования прибегать к собственным средствам: они делают набеги, которые в результате только подрывают основы дисциплины, разоряют население и озлобляют его против нас.

Армия уже уменьшилась на треть со времени перехода через Неман. Многие солдаты, под влиянием голода, отделились от армии, отыскивая пищу, и были убиты на флангах; другие заперлись в покинутых господских домах, где нашли достаточно припасов, чтобы жить в довольстве, выбрали себе начальника и охраняют себя по-военному, не помышляя об армии, к которой они принадлежат... высшее начальство, насколько это возможно, всё ещё запрещает мародёрство и отдельные набеги солдат в поисках пропитания. Но иногда, в силу необходимости, приходится прибегать к таким средствам. Тогда действуют методически и с возможным соблюдением требований гуманности... Поддаются мародёрству и самые твердые люди: иногда они возвращаются, иногда нет. Возвратившись, приносят с собой очень немного»⁶⁴⁸.

Не менее ярко и точно воспоминания Г.У.Л. фон Рооса, военного врача Вюртембергской армии⁶⁴⁹: «К нам прибыл полковой аудитор Крафт... Он привёз с собой захваченную добычу, деньги и вести о том, что делается в тылу армии: утешительного мало. Он рассказывал о великой нужде и о всё возрастающем бедственном положении людей, о пожарах, грабежах, разбое, о развалинах, опустошенных дорогах, полях и лесах, об огромном количестве трупов людей, погибших от жары, голода и жажды, об отощавшем скоте и о болезнях, царящих во всех лагерях... наших земляков он встретил в лагере под Лесной; грустно было видеть, прибавил он, как офицеры и солдаты лежали по

648. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 86–87.

649. Генрих фон Роос, происходил из семьи военного врача, совершил на стороне Франции, в составе вюртембергских войск, походы 1805, 1806, 1807 и 1814 гг. В кампании 1812 г. участвовал в качестве гл. хирурга 3-го вюртем. кон.-егер. полка пр. Людвига (2-й кав. корпус Великой армии). Его воспоминания очень точны в деталях повседневной жизни.

лагерю больные, понос захватил их настолько сильно, что нельзя было производить учения, — больше того, едва возможно было отправлять обычную службу. Все дома наполнены были больными, многие умирали...»⁶⁵⁰

Картину, созданную Роосом, отчасти подтверждает и гр. Ч. Ложье: «Довольно часто бывало, что расположимся на биваке, раздобудем топлива, изготовим скудную порцию мяса, разобьем палатки — и вдруг неожиданный приказ идти дальше. Тогда при новой остановке приходится начинать всё сначала!... И вот солдаты, усталые, раздосадованные, приведенные в уныние этими приказами и контрприказами, опрокидывают котелок с готовым уже супом и, придя на новый этап (т.е. стоянку — Б.К.), подавленные усталостью, бросаются на землю и засыпают, ни о чем больше не думая»⁶⁵¹.

Об отношении местного населения к неприятельским солдатам снова и очень ярко повествуют воспоминания Рооса — командир полка посылает одного унтер-офицера, знавшего по-польски, с 6 солдатами вперед собрать продовольствие. Тот привез его, но: «Здесь, — говорил он, — приходит конец тем местам, где население за нас, дальше — люди становятся другими. Все против нас; все готовы либо защищаться, либо бежать; везде меня встречали неприязненно, с упреками и бранью. Никто ничего не хотел давать, мне приходилось брать самому, насильственно и с риском, меня отпускали с угрозами и проклятьями. Мужики вооружены пиками, многие на конях; бабы готовы к бегству и ругали нас так же, как и мужики. Верховые разъезжают с места до места, сообщают о том, что делается, есть у них доски для подачи сигнала, а распоряжаются ими помещики»⁶⁵². Ничего удивительного в сообщении вюртембергского офицера не было, ибо «дальше» началась Смоленская губерния, коренная Россия, где народ

650. Россия первой половины XIX в. глазами иностранцев. Л., 1991. С. 91.

651. Там же. С. 87.

652. Там же. С. 92.

уже был готов к сопротивлению. Ведь именно здесь уже побывал государь Александр I и уже обратился к смоленскому дворянству с призывом создать ополчение и давать отпор врагу. Вюртембержец, собственно, и столкнулся, как это видно из его рассказа, с первыми проблесками народного сопротивления. Дальше, как мы знаем, оно будет лишь расти и становиться ожесточеннее, от ругани народ перейдет к топору и рогатине. Из этого рассказа мы видим с вами, как война превращается в Отечественную.

После этих нескольких ярких и полнокровных свидетельств о состоянии войск Великой армии к концу июля и о начинающемся сопротивлении русского народа вражескому нашествию обратимся к соединению I и II русских армий и обороне Смоленска.

Барклай де Толли образцово провел отступление I армии от Витебска до Смоленска, так как император Наполеон вторично за эту кампанию остановился, теперь в Витебске ибо идти дальше, не подтянув отставшие корпуса, не выяснив положение на своих флангах — Шварценберга и Ренье на Волыни, Макдональда под Ригию и Динабургом, Удино у Полоцка, было просто невозможно и опасно. Да и Даву после потерь, понесенных у Могилёва, и не получив пока помощи от распавшегося VIII корпуса короля Жерома, не мог двигаться быстро от Орши на Смоленск. Все эти обстоятельства пошли русским на пользу, как отмечал находившийся тогда при корпусе гр. Палена полковник К. Клаузевиц: «Таким образом, русские, занимавшие ранее растянутую линию фронта, выиграли время для того, чтобы соединиться у Смоленска, причем ни одна часть не была отрезана. Итак, ошибочное движение их к Дриссе пошло им на пользу. Переход до Смоленска был выполнен без малейших затруднений, и арьергардам всех трех колонн, хотя они находились ежедневно на виду у неприятеля, не пришлось выдержать ни одного серьезного боя»⁶⁵³.

653. Клаузевиц К. Указ. соч. С. 60.

Одновременно и войска II армии шли к Смоленску через Пропойск, Кричев и Мстиславль. Их фланговый марш прикрывала завеса из казачьих полков. Наконец, авангард I армии; V и VI корпуса, достиг Смоленска, через три дня явилась вся армия 18 июля (30 н. ст.) в этот стариннейший русский город. «Тотчас приступлено к заготовлению хлеба и сухарей. Магазины были скудны, из губерний не могли привозить вдруг большого количества припасов»⁶⁵⁴. Вскоре стало известно, что II армия уже близко, её командующий поспешил в Смоленск: «Князь Багратион приехал к главнокомандующему, сопровождаемый несколькими генералами, большой свитой, пышным конвоем. Они встретились с возможным изъявлением вежливости, со всеми наружностями приязни, с холодностию и отдалением в сердце один от другого. Различные весьма свойства их, нередко ощутительна их противоположность»⁶⁵⁵.

К этому времени князь Багратион уже был сильно настроен против Барклая, которого подозревал во всех возможных грехах. Свое недовольство он изливал в письмах ко всем нам известному гр. А.А. Аракчееву, надеясь, что тот доложит их государю. Ход весьма ловкий и говорящий об умении князя действовать при дворе. Уже в письме от 26 июня (8 июля н. ст.) наш пылкий полководец пишет: «Я ни в чем не виноват: растянули меня сперва, как кишку, пока... неприятель ворвался к вам без выстрела; мы начали отходить, не знаю за что; никого не уверить ни в армии, ни в России, чтобы мы не были проданы. Я один всю Россию защищать не могу... Я вас прошу непременно наступать, как приятеля, а то худо будет и от неприятеля, а может быть, и дома шутить не должно. И русские не должны бежать... Я не имею покою и не живу для себя, бог свидетель, рад всё делать, но надобно иметь и совесть, и справедливость. Вы будете отходить назад, а я всё про-

654. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 149.

655. Там же. С. 149.

бывайся. Ежели для того, что фигуру мою не терпит, лучше избавь меня от ярма, которое на шее моей, а пришли другого командовать, но за что войска мучить без цели и удовольствия? Советую наступать тотчас... Пожалейте государя и Россию. Зачем предаваться законам неприятельским тогда, когда мы можем их победить весьма легко? ...Вот вам моя откровенность и привязанность государю моему и отечеству. Если не нравится, избавьте меня, и я не хочу быть свидетелем худых последствий... Хорошо ретироваться 100–150 верст, но, видно, есть злодей государю и России, что гибель нам предлагает. Итак, прощайте. Я вам всё сказал как русский русскому, но если ум мой иначе понимает, прошу в том простить»⁶⁵⁶.

Если в этом письме «злодей» не назван по имени, то в письме, которое Багратион послал своему давнему приятелю А.П. Ермолову 3 (15 н. ст.) июля, он говорит уже без придворных обиняков: «Стыдно носить мундир, ей-богу, я болен... Что за дурак... Министр Барклай сам бежит, а мне приказывает всю Россию защищать. Пригнали нас на границу, растыкали как шишки, стояли рот разиня, загадили всю границу и побежали... Признаюсь, мне все омерзело так, что с ума схожу... Прощай, Христос с вами, а я зипун надену»⁶⁵⁷. Конечно, это слова, но слова, высказанные не пылким ротмистром, а командующим армией, и кому: начальнику штаба главной русской армии, поставленному на этот пост самим государем. Ермолов был настроен весьма отрицательно к Барклаю и его осторожной стратегии и тактике. Так, он сам в своих «Записках» утверждает, что Барклай неприязненно относится к нему: «Главногокомандующий после разговора моего с ним»⁶⁵⁸ не переменил расположения своего ко мне, или нелегко было то заметить, ибо ни холоднее, ни менее обязатель-

656. Материалы Военно-ученого архива Генерального штаба. Отечественная война. Отд. I. Т. XVI. С. 215–216.

657. Цит. по Тарле Е.В. Указ. соч. С. 499.

658. Выше Ермолов утверждал, что Барклай не хотел соединяться с Багратионом, а он, Ермолов, наоборот, его к этому призывал в Смоленске. Записки. С. 148.

ным в обращении быть никак невозможно»⁶⁵⁹. При этом почтенный Алексей Петрович скромно умалчивает, что сам всячески интриговал против Барклая и поддерживал против него кн. Багратиона, а Барклай про это знал, но терпел. Именно отсюда его «холодность и необязательность», а не из нежелания объединиться с Багратионом, к чему призывает «честный» Ермолов.

В последующую неделю неприязнь Багратиона и интриги Ермолова только усилились: на военном совете было принято предложение генерал-квартирмейстера I армии, ученика Кутузова, полк. К.Ф. Толя атаковать «рассеянно» стоящие между Витебском и Оршею по направлению к Смоленску корпуса Великой армии. Общее движение направить к местечку Рудня. Барклай согласился скрепя сердце. Движение началось 26 июля (7 августа н. ст.), но уже на следующий день Барклай, опасаясь удара французов в обход своего правого фланга, переменял общее направление на Поречье. Начались контрмарши на жаре, без подвоза продовольствия и фуража, без крупных источников воды, и кн. Багратион «взорвался». 29 июля (10 августа н. ст.) в 4 часа дня он пишет Ермолову: «Я не имею ни сена, ни овса, ни хлеба, ни воды, ни позиции... два дня пробывшая здесь первая армия всё забрала и всё съела... неприятель может из Рудни занимать нас фальшиво, а к Смоленску подступить; тогда стыдно и нехорошо!»⁶⁶⁰ Очевидно, у князя уже было письмо к нему от Ермолова: «Вы соглашаетесь с предложениями министра»⁶⁶¹. Я не хочу сказать, что Вы повинуетесь ему, но пусть и так, в обстоятельствах, в которых мы находимся, я стану на колени перед скромностями и умеренностями Вашими. По крайней мере то, что Вы пишете к человеку или слишком привязанному к своим мнениям, или слишком надеющемуся на себя, или, наконец, не внемлющему и не

659. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 149.

660. Цит. по Тарле Е.В. Указ. соч. С. 533.

661. Т.е. Барклая.

разумеющему возможности обстоятельств⁶⁶², — пишите, Ваше сиятельство, пишите Государю. Вы исполните обязанность Вашу относительно к нему. Вы себя оправдаете перед Россией. Пишите, Ваше сиятельство, или молчание будет обвинять Вас»⁶⁶³.

И кн. Багратион тогда же 29 августа (10-го н. ст.) пишет резкое письмо о том, что происходит, и о том, что он думает о Барклае, и пишет всё тому же Аракчееву, прекрасно понимая, что это письмо будет читать и государь: «Истинно и по совести скажу, что я никакой претензии не имею, но со мною поступают так неоткровенно и так неприятно, что описать всего невозможно. Воля государя моего! Я никак вместе с министром не могу. Ради бога пошлите меня куда угодно, хотя полком командовать, в Молдавию или на Кавказ, а здесь быть не могу. И вся главная квартира немцами наполнена, так что русскому жить невозможно и толку никакого нет. Воля ваша, или увольте меня хотя отдохнуть на месяц. Ей-богу, с ума свели меня от ежеминутных перемен, я ж никакой в себе не нахожу. Армия называется только, но около 40 тыс., и то растягивают, как нитку, а таскают назад и в бок. Армию мою разделить на два корпуса, дать Раевскому и Горчакову, а меня уволить. Я думал, истинно служу Государю и отечеству, а на поверку выходит, что я служу Барклаю. Признаюсь, не хочу»⁶⁶⁴.

Несомненно, что эти и другие письма князя Багратиона сыграли вскоре свою роль в смещении Барклая де Толли и избрании М.И. Кутузова. Однако главной причиной этого явилось сражение при Смоленске и оставление его.

Из Витебска к Смоленску вели три дороги. Северная — через Поречье, нанеси французы удар через неё, и русская армия будет отброшена к югу от Московской дороги, идущей через Смоленск. Центральная — через Рудню, по ней

662. Т.е. Барклаю.

663. Цит. по Грибанов В.Н. Указ. соч. С. 191. Подстрекательство А.П. Ермолова раскрыто здесь во всей неприглядной полноте.

664. Материалы Военно-ученого архива. Указ. соч. Т. XVI. С. 217.

можно нанести удар по русским и городу в лоб, очевидно, поэтому и потому, что она самая короткая, её предложил для своего удара К.Ф. Толь. Наконец, южная, левым берегом Днепра, из Орши через Красный на Смоленск, в обход I и II армий, стоящих на правом берегу Днепра, дорогой почти такой же длины, как через Рудню, но более короткой, чем через Поречье. По какой же пойдет неприятель? Толь предлагал ударом в центр, по Рудню, спутать карты противника и заставить его оттянуть свои корпуса от Смоленска к Витебску. На самом же деле Наполеон, находясь в Витебске с 16 по 23 июня (28 июля — 4 августа н. ст.), приводил в порядок войска, занимаясь организацией тыла, вел текущие дела по управлению своей гигантской империей, выжидал и взвешивал шансы дальнейших своих действий.

Именно в Витебске он узнал о поражении саксонского корпуса ген. Рейнье от частей III армии ген. Торماسова.

Бой при Кобрине происходил очень далеко от Витебска и тем более Смоленска, на западе Белоруссии, почти в семидесяти километрах к западу от Бреста-Литовского. В начале кампании, в конце июня 1812 г. корпуса: австрийский кн. К.Ф. фон Шварценберга (всего 30,6 тыс. при 60 орудиях) и саксонский ген. Ш.Э.Л. Рейнье, графа империи (около 19 тыс. при 50 орудиях) — вступили в западную Гродненскую губернию нынешней Белоруссии с задачей вторгнуться на Волынь. Главную роль играл более многочисленный корпус кн. Шварценберга. Уже 7 (19) июля корпуса соединились в Слониме, откуда двинулись на юго-запад губернии с целью овладеть Брест-Литовском, а потом, повернув на восток, пройти северной кромкой Полесья на Пинск и оттуда на Мозырь, овладев которым можно было, начав «спускаться» на юг р. Припять, создать угрозу Киеву.

Помешать этому должна была 3-я Западная армия (Обсервационная), которой командовал генерал от кавале-

рии А.П. Тормасов, отличившийся в своё время в 1789 г. при Каушанах, а в 1791 г. под Бабадагом и Мачином против турок, за что тогда и был награждён орд. Св. Георгия 3-го класса; в 1794 г. он отличился против Т. Костюшко при Мацеёвицах и во время штурма Праги Варшавской. В 1808–1811 гг. с успехом служил главнокомандующим в Грузии и на Кавказской линии, 3-ю армию возглавил уже весною 1812 г. Она насчитывала к началу войны 46 тыс. человек при 168 орудиях, располагалась в Волынской губернии в районе Луцк-Дубно, в последнем был её штаб. На А.П. Тормасова первоначально была возложена задача прикрыть Волынь и Подолию от австрийцев, которые могли бы оперировать в сторону Киева; армия его, таким образом, находилась южнее Западного Полесья.

Однако корпус Шварценберга перед началом войны был передвинут на север, уже на территорию герцогства Варшавского, таким образом, опасность вторжения на Волынь из австрийской Галиции уменьшилась. И хотя Тормасов знал, что действия Шварценберга будут носить фиктивный характер, он оставил 2 драгунских и 3 казачьих полка наблюдать австрийскую границу, а сам, получив приказ Александра I 5 (17) июля «решительно действовать во фланг и тыл неприятельских сил, устремлённых против 2-й Западной армии»⁶⁶⁵, выступил искать и разгромить корпус ген. Рейнье, после чего идти в герцогство Варшавское. Он отправил 6 батальонов в Мозырь на усиление корпуса ген. Ф.Ф. Эртеля, а сам с 18-й пехотной ген.-майора кн. А.Г. Щербатова и кавалерийским корпусом ген.-майора, генерал-адъютанта, гр. К.О. Ламберта двинулся на Брест-Литовск, планируя по овладении им повернуть на Кобрин.

Между тем корпуса Рейнье и кн. Шварценберга уже двинулись из Слонима на Пружаны, имея целью оттуда

⁶⁶⁵ Ахлестышев Д.П. Двенадцатый год. Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего 3-й Западной армией генерала от кавалерии А.П. Тормасова. СПб., 1912 г. С. 577.

идти на Кобрин и далее, на Брест-Литовск. В это же время император Наполеон решил перенаправить австрийский корпус на северо-восток и соединить его со своими главными силами — соответствующее распоряжение было отправлено кн. Шварценбергу. Причиной этого было совершенно неверное представление императора о силах Тормасова; военная разведка французов считала их в 9000 рекрутов. Поэтому-то, приказывая Рейнье наступать одними силами его саксонского корпуса⁶⁶⁶, он в конце своего приказа писал генералу: «Тормасов ничтожен перед Вами, у него остатки трех батальонов, плохие рекруты, негодные в дело... Обстоятельства дел таковы, что мы угрожаем Москве и Петербургу, и когда же тут думать Тормасову о наступательных действиях с его жалкими войсками»⁶⁶⁷.

Таким образом, корпус кн. Шварценберга уходит, выполняя волю императора Наполеона, а корпус Рейнье движется уже из Пружан на Кобрин, постепенно сближаясь с сильнейшим противником. 12 (24) июля два эскадрона саксонских улан из полка подполковника Зейшвица заняли Брест-Литовский, а пехотная бригада ген. Генриха фон Кленгеля уже пару дней находилась в Кобрине, она являлась авангардом своего корпуса. Однако части дивизии кн. А.Г. Щербатова были уже на подходе и ночью его казаки в 8 верстах от города захватили саксонский разъезд, который «почему-то» не стал хранить военной тайны и сообщил о слабости своих сил в Бресте. В это же время эскадрон саксонцев капитана Хеймана, спешившего в город, был встречен казаками, применившими свой излюбленный «вентерь»⁶⁶⁸, и едва унёс ноги, «проводимый» донцами до самого Кобрина.

А уже утром 13 (25) июля Татарский уланский и Евпаторийский конно-татарский (фактически уланский —

666. [Fabry G] La campagne de Russe (1812), т. 1. Paris, 1900. P. 47–48.

667. Нестерчук Л.М. Отечественная война 1812 года на Брестчине. Брест, 1990. С. 48.

668. Притворное отступление, заманивание в засаду.

Б.К.) полки из дивизии Щербатова внезапно ворвались в Брест-Литовск и выбили саксонцев, и те бежали в Кобрин, чтобы вторично за 24 часа возвестить ген. фон Кленгелю о приближении русских войск. Между тем гр. Ламберт, шедший по другой дороге, привел свою кавалерию в Брест и принял общую команду над авангардом⁶⁶⁹. Ген. фон Кленгель, конечно же, не остался безучастным к стремительному ухудшению своего положения и тут же известил о происходящем генерала Рейне. Тот, не имея точного представления о количестве и общем местоположении русских сил, подкреплений не прислал, а лишь приказал удерживать Кобрин до 16 (28) июля.

У фон Кленгеля в городе было два пехотных полка: Короля и Низемойшель и уланский полк принца Клеменса, т.е. 4 батал., 3 эскадрона и 8 орудий или свыше 2360 солдат при 69 офицерах. Он разместил теперь их на 3 въездах в город по 2–3 роты с 2 орудиями при каждом, на рыночной площади 1 батальон резерва; въезды забаррикадировали, так же приспособили к обороне дома, монастырь и полуразрушенный форт начала XVIII в.

Силы, объединенные под началом гр. Ламберта, состояли из 10 батальонов, 24 эскадронов, 6 казачьих полков и 18 орудий, к ним присоединился также отряд ген.-майора Е.И. Чаплиц, их-то и повел неустрашимый Ламберт на Кобрин. Основная масса войск А.П. Тормасова — 3 кавалерийских и 11 пехотных полков — шла туда же совсем с другого направления по южной дороге и отставала примерно на полперехода. Авангард гр. Ламберта и кн. Щербатова уже приближался к Кобрину. Наступало 15 (27) июля 1812 г.

Выполняя приказ ген. Тормасова, отряд ген. Е.И. Чаплица обходил город с востока, чтобы отрезать саксонцам отступление на Городец к ген. Рейнье и его основным силам. Чтобы до поры отвлечь внимание противника,

⁶⁶⁹ Ахлестышев Д.П. Указ. соч. С. 510.

ген-майора Е.Н. Чаплица отправил атаковать Кобрин с юга отряд из 2 эскадронов павлоградских гусар, 1 эскадрона лубенских гусар и сотни казаков полка Барабанщикова 2-го, под общей командой павлоградского майора Остроградского по Ковельской дороге⁶⁷⁰. Сам же в 5 часов развернул перестрелку по Антопольской дороге, огонь стал разгораться. Прошёл час, и по Брестской дороге подошли основные силы кавалерии гр. Ламберта, и к 7 часам саксонская пехота и кавалерия были им оттеснены к городу, но, закрепившись в заранее оборудованных домах, преграждали возможность войти в Кобрин с запада. Одновременно кавалерия Чаплица перехватила обоз из 120 подвод, отходивший по Антопольской дороге.

Между тем в 9-м часу утра подтянулись основные силы самого ген. А.П. Тормасова, два пехотных полка были непосредственно придвинуты к городу, а остальные окружили его, саксонцы оказались в мышеловке. В 9 часов 13-й егерский полк майора Н.Н. Избаши пошел в атаку двумя колоннами, путь ему прокладывали своим огнём два орудия. Кобрин был практически весь деревянный, и теперь он пылал как коробок спичек, к концу боя из 630 домов уцелело всего 62. В огне пожара метались перепуганные женщины и дети, ревущий скот, дым пожара окутал городок и затмевал солнечный свет.

Между тем гр. Ламберт отрядил подполковника кн. В.Д. Мадатова с эскадроном александрийских гусар, 2-м Башкирским и донским казачьим Власова 3-го полками перейти через реку Мухавец, на которой стоит Кобрин. Они заняли дорогу на Пружаны и таким образом блокировали городок еще и с севера. И здесь саксонская кавалерия была оттеснена в город, который уже пылал. Граф послал на правый берег Мухавца ещё четыре эскадрона гусар, улан и драгун. Саксонские уланы при поддержке 2 орудий пытались прорваться на Пружаны, но были отбро-

⁶⁷⁰ Ахлестышев Д.П. Указ. соч. С. 148.

шены, на левом берегу Ламберт ввёл в дело также 2 орудия, а когда саксонская пехота попыталась их атаковать, её отбили огнём спешенные драгуны. Но и войти в город наша кавалерия не могла из-за упорного огня саксонской пехоты.

Тогда ген. Тормасов решил прибегнуть к общему штурму. Около 11 часов утра с трех сторон русские колонны пошли на приступ. Главный удар осуществлял ген.-лейтенант Е.И. Марков 1-й, герой многих битв и походов, особенно отличившийся в 1810 г. при штурме Базарджика и в 1811 г. в знаменитом окружении армии великого визиря при Слободзее. Этот испытанного мужества ветеран повел на штурм Рязский и Апшеронский пехотные полки, и, хотя саксонцы яростно сопротивлялись, уже в полдень была взята рыночная площадь. К часу дня они удерживали лишь церковь и полуразрушенный форт, куда свезли уцелевшие пушки. Ген. фон Кленгель до конца не терял управления войсками, но в половине второго кончились боеприпасы, и, когда 13-й егерский полк пошел в штыки в форт, командир саксонской бригады приказал сложить оружие. Так закончился бой под Кобриным. В плену оказались сам генерал-майор, 3 полковника, 6 штаб- и 57 обер-офицеров, 2234 унтер-офицера и рядовых, в том числе 164 раненых; захвачено 8 орудий и 4 знамени. Саксонцы потеряли убитыми 1 офицера и 108 солдат, потери русских составили 77 убитых и 181 раненый.

Получив известие о разгроме и пленении бригады фон Кленгеля, ген. Рейнье 15 (27) июля отступил к Слониму, преследуемый русскими. Император Наполеон, узнав о происшедшем, приказал кн. Шварценбергу повернуть назад и соединиться с VII корпусом Рейнье, таким образом лишив себя его поддержки на главном направлении. Только 31 июля (12 августа) объединенные австро-саксонские силы осмелились при Городечно атаковать часть 3-й Резервной армии.

Император Александр I не поскупился на награды: мужественный командир 13-го егерского полка, майор Избаша получил орден Св. Георгия 4-й степени, ген. Е.И. Чаплиц — орден Св. Анны 1-й степени с бриллиантами, гр. К.О. Ламберт был пожалован золотой саблей «За храбрость» с алмазами. И, наконец, ген. А.П. Тормасов был награжден орд. Св. Георгия 2-й степени, однако заметим, что эта награда явно превышала масштаб боя, особенно если учесть, что через две недели после неудачного сражения при Городечно Тормасов отступил перед соединёнными силами Рейнье и кн. Шварценберга, оставив вскоре и Кобрин, и Брест-Литовский.

Тем не менее в середине июля (по ст. ст.) 1812 г. русская победа при Кобрине оказала угнетающее влияние на поляков в герцогстве Варшавском. Вот как описал их настроение французский посол в Варшаве, архиепископ Д.Ж.Ф. де Придт в своём донесении: «В один миг все жители бросились с правого берега Вислы на левый. Бегущие прибывали со всех сторон. В Варшаве опасались мщения русских и говорили, что они смотрят на Варшаву как на источник своих бедствий. С этого времени упал общий дух и более уже не воскресал. Захваченные врасплох, мы не имели никаких средств к защите. Верховное правительство, предвидя угрожающую опасность, приняло все меры для обеспечения своего отъезда, спасения казенного имущества, учреждения в своем отсутствии временного управления и обезоружения русских покорностью»⁶⁷¹.

Получив это известие, император послал письмо кн. Шварценбергу, в котором приказал идти австрийцам на помощь к Рейнье. Это было стратегическое решение: до сего момента Наполеон хотел притянуть австрийский корпус к Великой армии, как знать, что произошло бы на

⁶⁷¹ Михайловский-Данилевский. Указ. соч. С. 58–59. Источники: Ахлестышев Д.П. Двенадцатый год. Ист. док-ты. Тормасова. СПб., 1912; Нестерчук Л.М. Отечественная война 1812 г. Брест, 1990; [Fabry G] La campagne de Russe (1812), t. 1. Paris, 1900. P. 47–48; Михайловский-Данилевский. Указ. соч. С. 55–59; Энциклопедия. Ст. «Кобрин». С. 350–351, авт. А.И. Попов.

поле Бородино, если бы не это решение. Одновременно император узнал и о поражении Удино при Клястицах, и о заключении мира между Россией и Англией, и о заключении союза России со Швецией и Англией. Всё это вместе взятое требовало принятия радикального решения: прекратить поход и «окопаться» в Великой Литве, на границе которой он теперь находился, или идти дальше, т.е. на Смоленск, и попытаться там разгромить русские армии и получить долгожданный мир от «поверженного» Александра. Наполеон решил идти вперед. Его план был таков: из Витебска, из Лиазны, из Рудни, из Орши начать движение, причем из первых трех пунктов «спускаться» на юг к Днепру, а из Орши на восток, навстречу этим корпусам, соединиться на левом берегу Днепра и ударить через Красный на Смоленск с юга, пока обе русские армии оперируют на Рудно по правому берегу реки. 31 (12 н. ст.) августа первые части Великой армии вышли из Витебска, а 2 (13 н. ст.) августа двинулась и старая гвардия во главе с императором. Наполеон вступил в коренную Россию, в самую её сердцевину, видевшую на берегах своих рек и у стен своих городов варягов, монголов, поляков, не раз горевшую от их руки, но пережившую их всех.

Итак, 26 июля (7 августа) Барклай совершил переход на Рудино, но из-за ошибки разведки перевел 1-ю армию 27 (8) августа на дорогу, ведущую к Поречью, а 2-ю армию приказал перевести на рудненскую дорогу. Результатом этого маневра явилась потеря 3 дней, бешенство кн. Багратиона и его письмо к Аракчееву, которое мы уже цитировали. Но никакого наступления французов ни по Пореченской, ни по Рудненской дороге не происходило. Между тем кн. Багратион стал беспокоиться по поводу Красненской дороги, так как Красный занимала 27-я пех. дивизия ген. Д.П. Неверовского, набранная в прошлом, 1811 г. и боевого опыта не имевшая, при ней небольшое число кавалерии и артиллерии. 31 июля (12 августа н.ст.) передо-

вые части французов двинулись на юг к Днепру. Барклай стал передвигать I армию на Рудненскую дорогу, а II отправил к Надве, на дорогу, шедшую параллельно Рудненской. А 2 (14 н. ст.) августа обе армии заняли это положение, кн. Багратион волновался о Красном и писал об этом Барклаю, и в этот день сам был уже в 9 км от Смоленска, между городом и Катынью. Между тем в этот же день у местечка Россасна на Днепре император начал переправу и продолжал её весь следующий день 3 (15 н. ст.) августа, тогда как еще 2-го (14-го) кавалерия Мюрата и пехота Нея атаковали Красный и дивизию Д.П. Неверовского.

Бой 2 (14) августа явился одной из славнейших страниц в истории русской армии. Мыслимое ли дело? Дивизия, состоявшая из рекрутов, прикрытая Харьковским драгунским полком, 3 казачьими полками и 12 орудиями, весь день, отступая от Красного, отбивала атаки французской кавалерии, предводимой самим Мюратом. Ход боя примечателен: Неверовский вывел дивизию из Красного и построил её, прикрывшись оврагом к востоку от окраины города, который защищал батальон 49-го егер. полка при 2 орудиях. Маршал Ней взял город атакой, лично возглавив роты 24-го легкого полка. Русские егеря, потеряв обе пушки, отступили к 27-й дивизии. Тогда Мюрат, не желая делиться славою с Неем, перекрыл ему свою конницей дорогу и начал атаки на русскую пехоту. Наши драгуны и казаки на флангах были опрокинуты и потеряли 5 конных орудий, остальные 5 были вывезены на Смоленскую дорогу, и Неверовский вообще остался без артиллерии. Тогда он не растерялся и построил полки своей дивизии в шахматном порядке в две линии батальонных каре, которые, отстреливаясь батальным огнем⁶⁷², отходили линия через линию, отбивая огнем все новые атаки французской кавалерии, и постепенно подтянул их к дороге. «Неверовский сомкнул свою пехоту в колонну и заслонился

⁶⁷² Т.е. всем фасом каре.

деревьями, которыми обсажена дорога. Французская кавалерия, повторяя непрерывно атаки во фланги и тыл генерала Неверовского, предлагала наконец ему сдаться. Он отказался, люди Полтавского полка, бывшего у него в этот день, кричали, что они умрут, но не сдадутся. Неприятель был так близко, что мог переговариваться с нашими солдатами. На первой версте отступления был самый большой натиск французов, но деревья и рвы дороги мешали им врезаться в колонны.

Стойкость нашей пехоты уничтожила пылкость их натиска. Неприятель беспрестанно вводил новые полки в дело, и все они были отбиты. Наши, без различия полков, смешались в одну колонну и отступали, отстреливаясь и отражая атаки неприятельской кавалерии. Таким образом, Неверовский отошел ещё семь верст...⁶⁷³

В этот день пехота наша покрыла себя славой. К стыду же французов надо сказать, что при 15-тысячной кавалерии и дивизии пехоты была у них только одна батарея. Если бы они имели с собою всю артиллерию, тогда бы Неверовский погиб. Немного также чести их кавалерии, что 15 тыс. в сорок атак не могли истребить 6 тыс. нашей пехоты»⁶⁷⁴.

И.Ф. Паскевич абсолютно прав: неудача французов в этот день целиком на совести маршала Мюрата, не допустившего в дело пехоту и атаковавшего хотя и лихо, но совершенно бесполезно без поддержки артиллерии на дороге, чьи естественные препятствия «гасили» силу кавалерийской атаки. Действия же Д.П. Неверовского весьма хороши, но особенно выучка, которой он в течение предыдущего года подверг своих новобранцев, теперь так блестяще выдержавших первый же жестокий экзамен войны.

673. Однако после этого ему пришлось пожертвовать арьергардом колонны, когда вошли в деревню и березы со рвами, защищавшие колонну, оборвались, но далее снова отступали с боем и отбились.

674. Паскевич И.Ф. Указ. соч. С. 92.

Петер фон Гесс. Подвиг генерала Неверовского под Красным.

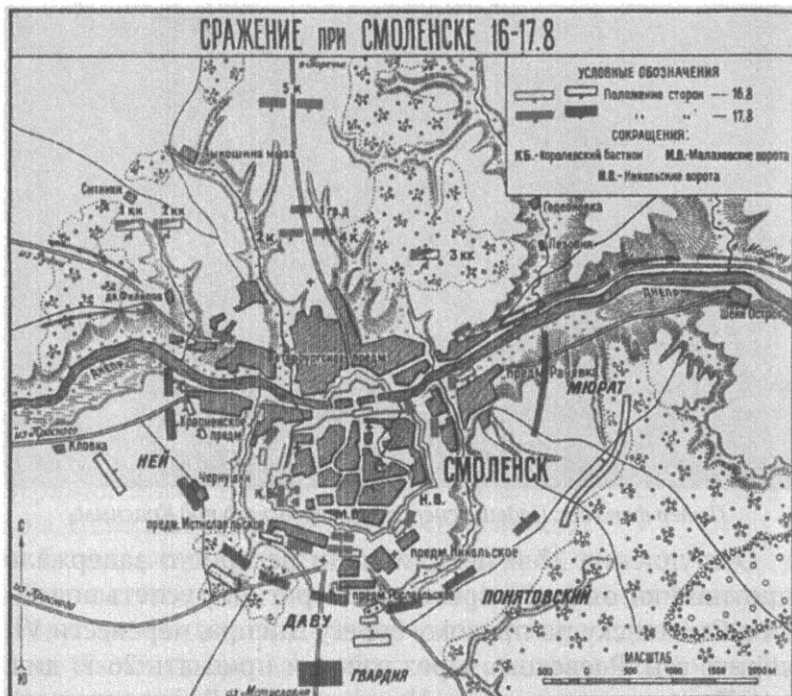
Отступление 27-й пех. дивизии не просто задержало противника, оно дало время кн. Багратиону успеть подойти к Смоленску по правому берегу Днепра, перевести VII корпус ген. Раевского через город и прислать 26-ю див. ген. Паскевича на помощь Неверовскому. Всё это срывало расчёт императора Наполеона войти в Смоленск ранее, чем к нему подойдут I и II русские армии. Посему подвиг ген. Д.П. Неверовского должен навсегда остаться в памяти русской армии и нашего народа.

Смоленское сражение последовало через сутки после боя при Красном. 3 августа ген. Н.Н. Раевский, согласившись с мнением И.Ф. Паскевича⁶⁷⁵, занял позиции на смоленском форштадте, распределив полки своего корпуса по Красненскому, Мстиславскому, Рославльскому и Никольскому предместьям⁶⁷⁶. Центр позиции составляло «большое земляное укрепление неправильной формы, называемое Королевским бастионом... все земляные укрепления обвалились, ибо Смоленск был совершенно заброшен»⁶⁷⁷.

675. Там же. С. 93–94.

676. Энциклопедия. Указ. соч. С. 664.

677. Паскевич И.Ф. Указ. соч. С. 94.

Карта сражения под Смоленском 4–6 августа 1812 года

На Королевском бастионе расположились Полтавский пех., 5-й и 42-й егерские полки при 18 орудиях. Расстановки войск заняли всю ночь с 3 на 4 (15–16 н. ст.) августа. Лишь под утро, вспоминал Паскевич, «устроившись таким образом, мы ожидали прибытия неприятеля. Около 6 часов утра я лёг отдохнуть. Через полчаса меня разбудили. Неприятель уже показался»⁶⁷⁸. Вскоре началась атака французами всех предместий, но началось это, в отличие от утверждения Паскевича, не в 7–8 часов, а в 9 часов утра по прибытии императора Наполеона. Атакой руководил М. Ней, три батальона 46-го лин. полка в трех батальонных колоннах атаковали Рославльское предместье, Королевский бастион и вдоль Днепра русский правый фланг.

⁶⁷⁸. Там же. С. 94.

Паскевич подробно описал эту атаку: он привел из резерва 6 батальонов, французы, пройдя под градом ядер и картечи, уже приближались к «рытвине, составлявшей в том месте ров Смоленской крепости. Только что я успел выстроить один батальон, как французы были уже на гласисе⁶⁷⁹. Орловский полк открыл ружейный огонь и остановил неприятеля. Несколько раз покушался он выйти из оврага, несколько раз бросался на нашу пехоту, но каждый раз встречал наш сильный огонь и принужден был возвращаться в овраг. Тела его покрывали гласис. Замечая, что атаки неприятеля слабеют, я приказал 1-му батальону Орловского полка броситься на него в штыки»⁶⁸⁰.

Несмотря на первоначальную заминку, оба батальона орловцев атаковали, тут приспела атака Ладожского и Нижегородского пехотных полков, и неприятель, понеся большие потери, был совершенно отражен. Вскоре французы вновь двинулись вперед, но далее оврага не пошли и оттуда вели перестрелку. Не удались атаки и на флангах форштадта. Между тем между 9 и 12 часами стало видно, что сюда прибывает вся французская армия. Н.Н. Раевский просил помощи, кн. Багратион ответил с марша запискою: «Друг мой! Я не иду, а бегу, желал бы иметь крылья, чтобы скорее соединиться с тобою. Держись, Бог тебе помощник»⁶⁸¹. Около полудня, как пишет Паскевич, показались авангарды II армии. Это укрепило защитников Смоленска и физически, и морально. Император Наполеон, прибыв к 9 часам к Смоленску и видя неудачу войск Нея, приказал отложить атаки до 5 (17 н. ст.) августа, надеясь тогда-то разбить обе армии, когда соберутся все его силы. Предвкушая будущую победу, он радостно воскликнул: «Наконец-то русские в моих руках!»⁶⁸² Он думал, что назавтра решится судьба кампании, и в очередной раз обманулся. Через

679. Пологая насыпь перед рвом крепости.

680. Там же. С. 94–95.

681. Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 89.

682. Там же.

десять лет на острове Св. Елены император диктовал своим секретарям об этом августовском дне: «Он (Наполеон) обошёл слева русскую армию, переправился через Днепр и подступил к Смоленску, куда он прибыл на 24 часа раньше русской армии, которая задержалась в своем отступлении, один отряд из 15 тыс. русских, который случайно оказался в Смоленске, имел счастье защищать это место один день, что дало время Барклаю де Толли подойти назавтра. Если бы французская армия неожиданно взяла Смоленск, она бы перешла Днепр и неожиданно остановила бы русскую армию, несобранную и в беспорядке, этот крупный случай был упущен»⁶⁸³.

Император совершенно прав: «крупный случай» выпадает редко на войне и упускать его непростительный грех. Но тем, значит, выше слава войск русского VII корпуса, слава Раевского и Паскевича, своей мужественной обороной введших самого Наполеона в этот грех и в очередной раз вырвавших из его рук победу в этой тяжелейшей, этой наистраннейшей для него и Отечественной для нас с вами войне. На следующий день атаки Смоленска возобновились, но уже не только II, но и I армия стояли на правом берегу Днепра. Корпус Раевского был ночью с 4-го на 5-е сменен VI корпусом Д.С. Дохтурова, из состава I армии. Не только Наполеон, но и кн. Багратион жаждали в это утро 5 (17 н. ст.) августа генерального сражения. Барклай, отлично поняв желание императора Франции, не пожелал ему подыгрывать и дал приказ об отступлении по Московской дороге, проходящей и сегодня по правому берегу Днепра. Даже такой его критик, как А.П. Ермолов, признал правильность этого решения и критиковал предложение К.Ф. Толя провести войска через город и атаковать французов двумя колоннами, пройдя крепостными воротами⁶⁸⁴. Один лишь князь Пётр Иванович желал дать

683. Паскевич И.Ф. Указ. соч. С. 96; Ср. Михайловский-Данилевский. Указ. соч. С. 89–90.

684. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 165.

бой непременно и, хотя и подчинился приказу об отступлении, но тут же написал ген. Аракчееву новое страстное письмо с обвинениями в адрес Барклая: «Я клянусь вам моей честью, что Наполеон был в таком мешке, как никогда, и он мог бы потерять половину армии, но не взять Смоленска. Войска наши так дрались и так дерутся, как никогда. Я удерживал их с 15 тысячами более 35 часов и бил их, но он⁶⁸⁵ не хотел оставаться и 14 часов»⁶⁸⁶.

Весь день 5 (17) августа Наполеон сначала ждал, что русские выйдут из города и сразятся с ним, а в середине дня, получив известие, что их войска двинулись по московской дороге прочь из города, выдвинул вперед до 150 стволов орудий и начал канонаду, подготавливая атаку. Сначала он хотел, чтобы корпус А. Жюно переправился через Днепр и не было пантеонов для переправы. Тогда было решено атаковать Смоленск в лоб — решение отчаянное и неблагоразумное. Генеральный штурм начался в три часа дня. Части Дохтурова и 3-я дивизия П.П. Коновницына мужественно отразили приступ на всех пунктах. Снова отличился Неверовский и командовавший артиллерией I армии ген. И.П. Кутайсов⁶⁸⁷. В подкрепление была послана также «4-я дивизия принца Евгения Вюртембергского. Полетели полки по следам молодого начальника, отличного храбростью, ими любимого!»⁶⁸⁸ Это было около 5 часов вечера, когда Л.-Н. Даву атаковал Малаховские ворота и добился некоторого успеха, но был отброшен вскоре принцем Евгением и его доблестной пехотой. Повторные атаки между 6 и 7 часами вечера успеха не дали. Вот как описывает Ермолов то, что предстало тогда его глазам: «Сражение продолжалось с жестокостью; урон с нашей стороны чувствителен; урон неприятеля несравненно больший, ибо нас от действия артиллерии охраняли кре-

685. Т.е. Барклай де Толли.

686. Цит. по Бескровный Л.Г. Указ. соч. С. 314.

687. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 164.

688. Там же.

постные стены. За час до вечера неприятель был близко к стенам; часть предместья по левой стороне во власти его; единственный мост наш на Днепре осыпаям был ядрами; город во многих местах объят пламенем; вне стен не было уже ни одного из наших стрелков. Не пощадил Наполеон Польские войска в сем случае, и они, рабственно покорствуя его воле, понесли на себе главнейшую часть всей потери»⁶⁸⁹.

Сражение затихало. В этот день город обороняло 20 тыс. при 180 орудиях, имея против себя большую часть французской армии при 300 орудиях, в сражении действовало не менее 45 тыс. человек. За два дня боев потери наши составили 11 620 человек убитыми, ранеными и без вести пропавшими. Потери неприятеля, по нашим источникам, достигли 14 тыс. человек, по французским — 6 тыс. человек⁶⁹⁰. Главная цель императора — навязать русским генеральное сражение и разгромить их — снова была сорвана.

II армия двинулась на восток по приказу Барклая, не смотря на внутреннее сопротивление кн. Багратиона. Военный министр именно этим движением в донесении к государю объяснял пребывание 5 (17) августа I армии в городе: «Цель наша состояла в том, чтобы, занимая там неприятеля, приостановить исполнение намерения его достигнуть Ельни и Дорогобужа, и тем представить князю Багратиону нужное время прибыть беспрепятственно в Дорогобуж»⁶⁹¹. А.П. Ермолов ясно высказал своё мнение о том, ради чего стоило удерживать либо почему стоило оставить Смоленск: «Защита могла быть необходимою, если главнокомандующий намеревался атаковать немедленно. Но, собственно, удерживать за собою Смоленск в разрушении, в котором он находился, было совершенно бесполезно»⁶⁹². Барклай можно понять: оправдываясь в

689. Там же.

690. Энциклопедия. Указ. соч. С. 166.

691. Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 92.

692. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 168.

задержке в Смоленске, он следствием оправдывает причину — драться за Смоленск его вынуждали обстоятельства, а не собственное желание, а вот уходил он действительно по желанию, но должен был прикрыть это желание обстоятельствами. Почему? Генералитет обеих армий был резко и открыто недоволен тем, что он оставил Смоленск и продолжает отступать. Об их настроении ясно и ярко повествует в своих воспоминаниях сэр Роберт Т. Вильсон, английский комиссар при русской армии: «В течение ночи город был очищен⁶⁹³... Около одиннадцати часов вечера генерал Барклай послал меня обратно в город, разузнать о происходящем⁶⁹⁴: принц Евгений Вюртембергский, генерал Дохтуров и другие генералы уверяли меня, “что они продержатся еще девять дней, если получают припасы, поскольку укрепления нимало не пострадали”. Когда я рапортовал об этом генералу Барклаю и указывал, сколь пагубно, по их мнению, будет оставление “священного града Смоленска” для морали войска, он заметил: “В этом отношении опасаться нечего, я все предусмотрел — Святая Дева (икона) в безопасности у нас в лагере⁶⁹⁵; она единственный предмет, сообщающий важность сему городу для русских; её будут везти в парадной карете вслед за армией, и для охраны уже назначен постоянный батальон”. Вскоре после рассвета неприятель вошел в город и начал стрельбу через реку»⁶⁹⁶.

В своём дневнике об отношении русских к оставлению Смоленска Вильсон пишет гораздо откровеннее, чем в «Повествовании»: «Ещё до рассвета войска покинули город. Невозможно описать всеобщее негодование. Гибель множества храбрецов, бесполезное разрушение домов и строений, подозрение, что тут не обошлось без указки

693. Т.е. сам город Смоленск на левом берегу Днепра.

694. Т.е. в Санкт-Петербургское предместье на правом берегу Днепра.

695. Ермолов утверждал, что это сделал он. — См. Записки. С. 166.

696. Вильсон Р.Т. Повествование о событиях, случившихся во время вторжения Наполеона Бонапарта в Россию и при отступлении французской армии в 1812 г. (далее — Повествование). М., 2008. С. 134.

Альбрехт Адам. Наполеон перед горящим Смоленском. 1837

Бонапарта, зрелище объятых пламенем святого города и многое другое — всё это сильно действовало на чувства русских. Даже я в сию минуту разочарования и досады сожалел о понесенных мною трудах и тяготах (ибо мне приходилось бывать на волосок от гибели) ради того, что главнокомандующий почёл необходимым... К ночи, ввиду огромного пожара горевших семисот смоленских домов и после бомбардирования города нашей артиллерией получился “ордер” главнокомандующего, который армия выполнила с великой неохотой, “поелику образ Пресвятой Девы столь долго пребывал в сем месте” (такое суеверие, возможно, происходило от князя-воина⁶⁹⁷, который хорошо понимал удобство здешней позиции... Поелику я не предполагал, что может произойти генеральная баталия и у меня была настоящая надобность встретиться с Императором, я... в сопровождении барона Бринкена

⁶⁹⁷ Кн. П.И. Багратион.

отправился в Санкт-Петербург. Я вез рекомендательное письмо генерала Барклая и горячие мольбы всей армии открыть Императору правду»⁶⁹⁸.

В письме же лорду Кэткарту от 27 августа 1812 г. Вильсон пишет: «Не могу привести для вас, милорд, более сильный образец существующего недовольства, чем слова генерала Платова, сказанные Барклаю в моём присутствии после оставления Смоленска: “Видите, сударь, на мне одна шинель. Я не надену русский мундир, он для меня позорен!”»⁶⁹⁹ Позднее, оказавшись в столице, он на вопрос Государя о словах Платова подтвердил ему сказанное атаманом⁷⁰⁰. При этом необходимо отметить, что одновременно английский генерал отдает должное личному воинскому мужеству Барклая, так описывая бой у Валутиной горы 7 (19) августа. Вильсон пишет: «Осыпаемые картечью, ядрами и ружейным огнем, русские на какое-то мгновение отступили, ища защиты за гребнем холма, однако генерал Барклай, предупрежденный канонадой из Любина и Валутиной горы о новой опасности для его авангарда, поскакал вперед с обнаженною шпагою во главе своего штаба (где был и я с двумя моими русскими адъютантами) и останавливал бегущих криками: “Победа или смерть! Защитим позицию или погибнем!”, собственным своим примером одушевив всех, отбил высоту и, благодаря Богу, сохранил армию»⁷⁰¹.

И, наконец, во всё том же письме лорду Кэткарту он дает развернутую характеристику Барклаю де Толли: «Следует сказать, что генерал Барклай не пользуется доверием армии. Мне было бы крайне неприятно сообщить что-либо противное его интересам, если бы общественное благо величайшей важности не зависело от верного

698. Вильсон Р.Т. Дневник путешествий, службы и общественных событий в бытность при европейских армиях во время кампаний 1812–1813 года. Письма к разным лицам (далее — Дневник). СПб., 1995. С. 49–50.

699. Вильсон Р.Т. Дневник. С. 133.

700. Вильсон Р.Т. Повествование. С. 120.

701. Там же. С. 116.

понимания его способностей и намерений.

Следовательно, долг мой, сколь бы он ни был тяжел, объявить, что, по моему мнению, генерал Барклай запуган (если можно так выразиться) репутацией противостоящего ему неприятеля. Я уверен, что маневрирование его не основано на какой-либо определенной и заранее обдуманной системе, что марши производятся без достаточной подготовки, единственно во избежание значительной неудачи на случай более энергических, чем до сих пор действий неприятеля»⁷⁰². Увы, отчасти это мнение подтверждает в своем сочинении и К. Клаузевиц, так же наблюдавший в эти дни отступление наших армий: «Продолжение отступления по прямой дороге, следовавшее затем, происходило исключительно под давлением обстоятельств»⁷⁰³. Барклай в своем сознании отнюдь не был доволен результатами напряженных усилий, сделанных под Смоленском, хотя и был вынужден делать вид, что рассматривает их как победу; жутко было на его душе; тяжким бременем лежало на его совести сознание, что он приближается к Москве, не попытавшись хорошо подготовленным генеральным сражением остановить или отбросить вторгнувшегося неприятеля»⁷⁰⁴.

Ситуация для Барклая становилась критической: теряя авторитет из-за оставления Смоленска, он делался объектом неповиновения и подозрений если не его лично, то относительно его подчиненных. Ядро негодования находилось во II армии и возглавлялось самим кн. Багратионом. Наиболее характерной в этот момент явилась «сцена», устроенная 10 (22 н. ст.) августа кн. Петром Ивановичем полковнику бар. К.Ф. Толю, ген.-квартирмейстеру I армии по поводу позиции на берегах р. Уши перед Дорогобужем, на которой предполагалось дать, наконец, генеральное сражение. Клаузевиц и Ермолов, бывшие

702. Вильсон Р.Т. Дневник. С. 133.

703. Т.е. обстоятельства руководили Барклаем де Толли, а не он ими.

704. Клаузевиц К. Указ. соч. С. 74.

свидетелями этой сцены и одинаково высоко ценившие таланты К.Ф. Толя, описали её. Клаузевиц, кроме того, высоко ценил выбранную позицию и замысел расположения на ней русских войск: «Если не сегодня-завтра предстоит сражаться, то лучше сражаться здесь, чем в каком-нибудь другом месте»⁷⁰⁵. Но оба мемуариста в один голос пишут, что кн. Багратион был чрезвычайно недоволен этой позицией⁷⁰⁶, а так как Толь стал весьма запальчиво отстаивать своё о ней мнение, то князь пригрозил ему разжалованием в солдаты⁷⁰⁷. Как пишет об этом деле Клаузевиц: «В России подобное выражение является не только фразой... К этой угрозе никак нельзя было отнестись с пренебрежением. Барклай смог бы заступиться за своего генерал-квартирмейстера, лишь выступив в качестве главнокомандующего, и категорическим приказанием заставить князя Багратиона замолчать и повиноваться, но он был далек от этого. Проявить такую авторитетность, пожалуй, было для него и практически невозможно вследствие сложившихся взаимоотношений, к тому же он не обладал достаточно властным характером для такого выступления»⁷⁰⁸.

Самое отвратительное в этом инциденте было то обстоятельство, что он произошел на глазах вел. кн. цесаревича Константина, наследника престола, и всех корпусных командиров, а также генералитета⁷⁰⁹. Таким образом кн. Багратион, страшая полк. К.Ф. Толя, унижал в глазах всех военного министра, а тот не только не вступился за своего подчиненного, являющегося одним из главных лиц его штаба, но и просто промолчал и смирился с тем, что позицию вообще признали непригодной, а главное, с тем, что кн. Багратион вел себя так, как будто это он, а не Барклай, военный министр и главнокомандующий. Воистину прав был ген. Р.Т. Вильсон, когда писал о нем:

⁷⁰⁵. Там же. С. 75.

⁷⁰⁶. Клаузевиц К. Указ. соч. С. 75; Ермолов А.П. Указ. соч. С. 176.

⁷⁰⁷. Клаузевиц К. Указ. соч. С. 76; Ермолов А.П. Указ. соч. С. 176.

⁷⁰⁸. Клаузевиц К. Указ. соч. С. 76.

⁷⁰⁹. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 175.

«В минуты сражения я видел его храбрым, распорядительным и умным генералом, но качества сии, особливо в русской армии, недостаточно выказывать лишь на поле брани. Надеюсь, сама необходимость и понимание того, что он уже не восстановит доверенность своих солдат и офицеров, вынуждают его просить отставки, но вместе с тем продолжать службу отечеству в качестве заслуженного начальника, хотя и не на столь высоком посту»⁷¹⁰.

Что можно добавить к этому жесткому, но справедливому выводу? Так всё и случилось в ближайшие дни. Уже 7 (19 н. ст.) августа Багратион в очередном письме Аракчееву призывает сместить Барклая: «...Надо командовать одному над двумя. Ваш министр, может, хороший по министерству, но генерал не то что плохой, но дрянной, а ему отдали судьбу всего нашего Отечества! Я, право, с ума схожу от досады, и простите меня, дерзко пишу; видно, тот не любит Государя и желает гибели нам всем, кто советует заключить мир и командовать армиею министру!

Итак, я пишу вам правду, готовьтесь ополчением, ибо министр самым мастерским образом ведёт в столицу за собою гостя. Большое подозрение подает всей армии и флигель-адъютант Вольцоген; он, говорят, более Наполеона, нежели... и он всё советует министру»⁷¹¹. Через три дня после этого письма последовали угрозы в адрес К.Ф. Толя в присутствии Барклая. Кстати, относительно фл.-адъют. полк. Вольцогена А.П. Ермолов не постеснялся и через многие годы в своих «Записках» рассказал, как атаман М.И. Платов «в веселом расположении ума, довольно смешными в своем роде шутками говорил мне: “Вот, брат, как надобно поступать. Дай мысль поручить ему обозрение французской армии и направь его на меня, а там уже моё дело, как разлучить немцев. Я дам ему провожатых, которые так покажут ему французов, что в дру-

710. Вильсон Р.Т. Дневник. С. 133.

711. Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч. С. 103.

гой раз он их не увидит". Атаман Платов утверждал, что знает других достойных равной почести... Много посмеявшись с атаманом Платовым, я говорил ему, что есть такие чувствительные люди, которых может оскорбить подобная шутка, и филантропы сии... выставляют себя защитниками прав человека»⁷¹². Хороши, с позволения сказать, шутники! До какой степени могла разболтаться дисциплина, тем более что Вольцоген флигель-адъютант Государя! Действительно, Барклаю справиться с этими господами было уже невозможно.

Как же был выбран новый главнокомандующий и как возникла кандидатура Михайлы Илларионовича Голенищева-Кутузова? В начале мая 1812 г. он всё ещё был главнокомандующим Молдавской армией и всё ещё вёл переговоры с турецкой делегацией о мире. Он сумел 5 (17 н. ст.) мая убедить Галиба-эфенди подписать предварительные статьи мирного трактата, а 6 мая в Бухарест прибыл адмирал П.В. Чичагов, назначенный заменить Кутузова на посту главнокомандующего. Адмирал вез с собою два рескрипта, подписанных государем: первый — на случай, если мир еще не заключен, им генерал отзывался в столицу для занятия поста в Государственном совете, второй же, в случае уже заключенного мира, призывал полководца на берега Невы для «награждения за все знаменитые заслуги»⁷¹³ перед государем и отечеством. Естественно, что адмирал вручил ему второй рескрипт. Благодаря ловкости М.И. Кутузова, сумевшего изобразить визит гр. Нарбонна, о котором мы уже говорили, как пролог к примирению России и Франции, султан приказал официально подписать мир, что и произошло в Бухаресте 16 (18 н. ст.) мая. Генерал подписал договор в качестве главного уполномоченного на переговорах. В обстановке надвинувшейся войны это был крупный успех: к России

712. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 177.

713. Кутузов М.И. Указ. соч. Т. 3. С. 867.

переходили Бессарабия и левый берег устья Дуная с Измаилом, Турция примирялась с Россией, наконец, 52-тыс. Молдавская армия высвобождалась как стратегический резерв готовой вот-вот разразиться войны.

Государь, дождавшись ратификации договора султаном, наградил Кутузова 29 (ст. ст.) июля 1812 г., когда война с Наполеоном была уже в разгаре, возведением в княжеское достоинство, с титулом светлости⁷¹⁴. Полководец мог быть доволен: даже Суворов за свои победы в Италии, став князем, титула светлости от Павла I не получил.

По сдаче армии генерал отбыл в Санкт-Петербург, по пути он посетил свое волынское поместье Горошки, откуда, получив известие о начале войны с Францией, отправился в столицу, куда и прибыл 26 (ст. ст.) июня. Так как неприятель перешёл Зап. Двину, то 15 июля (ст. ст.) государь назначил Михайло Илларионовича командующим создающегося для защиты столицы Нарвского корпуса. Не прошло и двух дней, как согласно воле императора Александра избирались начальники губернских ополчений. Маститого генерала избрало санкт-петербургское дворянство, его известила об этом делегация во главе с губернским предводителем А.А. Жеребцовым и пригласила его в дворянское собрание: «Кутузов приехал, остановился посреди залы, возле стола и, дав пройти первому впечатлению, произведенному его присутствием, произнес следующие слова: “Господа! Я вам многое хотел говорить... скажу только, что вы украсили мои седины...” — слезы полились из глаз его»⁷¹⁵.

Несмотря на всю сентиментальную трогательность этой сцены, Кутузов, со всей присущей ему придворно-дипломатической ловкостью, а равных ему в ней мало встречается лиц на страницах нашей истории, заявил, что он принимает начальство над столичным ополчени-

714. Там же. Т. 4. С. 47–48.

715. Бантыш-Каменский Д.М. Указ. соч. Ч. 3. С. 60–61.

ем, но... с одним условием: «что ежели он будет вызван к другой комиссии или каким-либо образом это упражнение не будет угодно Государю, тогда он сдаст свою должность другому, по избранию дворянства»⁷¹⁶. Если только читатель хочет действительно постигнуть характер Михаила Илларионовича, то мы настоятельно рекомендуем ему перечитать эту фразу и вдуматься в её смысл. Кутузов предстает в ней человеком не просто умным, но и тонким и изворотливым: он рад принять высокую и почетную должность и одновременно, зная неприязненное отношение к себе Государя, боится от его неудовольствия по поводу своего избрания, если оно не отвечает планам государя, и одновременно оказывается, что он помышляет и о другой «комиссии», ибо дела, судя по сообщениям, идут так плохо, что эта «комиссия» вполне может и последовать.

О том, насколько Кутузов был проницателен, говорит тот факт, что в этот же самый день 17 (29 н. ст.) июля московское дворянство избрало его начальником своего губернского ополчения, при этом не стесняясь присутствием в столице самого государя. Очевидно, что с этой демонстрации отношения дворянства к его ведению войны и его избранникам, т.е. Барклаю де Толли, в сознании Александра стала укореняться мысль о Кутузове как о возможном кандидате на пост верховного главнокомандующего и над Барклаем, и над Багратионом, о кандидате, чья персона будет не только приемлема для дворянства, но и примирит государя с критиками из стана столбовой аристократии.

О том, что это не пустые домыслы, говорит нам сцена из воспоминаний гр. ген.-адъют. Е.Ф. Комаровского: «В сей столице петербургское дворянство собирало тоже ополчение, и сие дворянство подчинило своих ратников тоже М.И. Кутузову. В сем качестве он приехал явиться к

⁷¹⁶ Там же. С. 61.

государю. Это было в Таврическом дворце; я, увидивши сего славного генерала, подхожу к нему и говорю:

— Стало быть, дворянство обеих столиц нарекло ваше превосходительство своим защитником и Отечества!

Михаилу Ларионовичу неизвестно еще было, что московское дворянство избрало его тоже начальником своего ополчения. Когда он узнал от меня о сем назначении, с полными слез глазами сказал:

— Вот лучшая для меня награда в моей жизни! — и благодарил меня за сие известие»⁷¹⁷.

Надо знать обычаи двора и то, каким тонким вельможей, при этом большим доверенным лицом и человеком, близким всегда к Александру, являлся гр. Комаровский, чтобы оценить это приветствие. Эту мысль подтверждает и то обстоятельство, что титул светлейшего князя М.И. Кутузов получил ПОСЛЕ избрания его предводителем ополчения в Москве и Петербурге.

Кутузов со всей присущей ему основательностью занялся составлением Санкт-Петербургского ополчения и в четыре недели довел его до 12 985 человек⁷¹⁸. Однако события мчались вперед «на курьерских», как сказали бы в XIX столетии, и вот уже за три дня до возведения полководца в княжеское достоинство гр. Ж. де Местр 26 июля (7 августа н. ст.) пишет в очередном письме из Санкт-Петербурга: «Теперь все ждут битвы при Смоленске; по всей видимости, это будут для той или другой стороны новые Канны»⁷¹⁹, и признаюсь, я не могу думать о сем без содрогания... Я боюсь даже помыслить о последствиях проигранной битвы за Смоленск... Повсюду, где нет настоящего командования, ждать успеха — это всё равно что рассчитывать на чудо. Может быть, в конце концов согласятся с давнишней моей мыслью, каковая сейчас входит в моду,

717. Комаровский Е.Ф. Указ. соч. С. 120.

718. Бантыш-Каменский Д.М. Указ. соч. С. 61.

719. Знаменитая битва 216 г. н.э., когда Ганнибал разгромил консульскую армию римлян и обеспечил, на время, господство над половиною Италии.

чтобы сделать Кутузова фельдмаршалом и устранить тем самым все иные претензии, а генерал-квартирмейстером при нём поставить Паулуччи⁷²⁰. Оба сии персонажа хорошо понимают друг друга, а Кутузов весьма хорош, если конечно, Императора не будет в армии; иначе он обратится просто в царедворца, думающего лишь об угождении повелителю, а не о войне. Таковой характер особливо опасен в России, где влияние государя совсем иное, чем в других странах»⁷²¹.

Это письмо интересно во многих отношениях. Во-первых, мнение дворянства в Санкт-Петербурге за Кутузова, это подтверждается и письмом сенатора Н.М. Логинова, статс-секретаря императрицы Елизаветы Алексеевны, жены государя, весьма близкого ко двору и отлично информированного, к гр. С.Р. Воронцову, нашему послу в Лондоне: «Вся публика кричала Кутузова послать», об этом же писал тогда же ген.-губернатор Москвы гр. Ф.В. Растопчин государю: «Москва желает, чтобы командовал Кутузов»⁷²². Но особенно интересно, что эту же мысль высказывал ранее уже и сам гр. де Местр. Если это так, то он лишний раз доказал свое глубокое понимание русских дел и русских людей, ибо его характеристика Кутузова как полководца и как придворного куртизана должна быть по справедливости признана самой точной. Сам же способ распространения им мнений в великосветских салонах и признание их основательности подтверждаются русскими современниками: «[Этот] государственный, кабинетный и салонный муж не имел равного себе в аристократическом обществе, в котором он господствовал. Всё превращалось в слух, когда, сидя в кресле с высоко поднятой головой... граф де Местр отдавался ясному потоку своего красноречия, смеялся от души, изящно приво-

720. Маркиз, ген.-адъютант Александра I, с 1807 г. на русской службе, в 1811–12 гг. главнокомандующий в Грузии, покорил Дагестан; де Местр считал его способным военачальником.

721. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 213–214.

722. Русский архив. 1892. №8. С. 443–444.

дил доводы и оживлял беседу, руководя ею»⁷²³. Выдвигая мысль о назначении Кутузова в великосветских салонах, граф действовал вполне в духе отцов-иезуитов, чьим учеником он был в отрочестве и с которыми был весьма близок в годы пребывания в С.-Петербурге. О том, насколько верно понимал де Местр и Кутузова как ярчайшего представителя русских придворных кругов, и вообще русские нравы, любознательный читатель может понять из чтения соответствующих мест в письмах сардинского посланника за июль 1812 г.⁷²⁴

Итак, общий голос дворянства обеих столиц был за Кутузова, за него же высказывались, как мы увидели, и проницательнейшие из иностранцев. Но, скажем прямо, глас публики хотя и громок, но весьма импульсивен и далеко не всегда объективен. Об этом свидетельствует требование, перед походом 1806 г. в Пруссию, назначить главнокомандующим престарелого гр. фельдмаршала М.Ф. Каменского: «В 1806 г. общий голос в пользу графа Каменского, тогда 69-летнего старца, был почти столь же единодушен, как в двенадцатом году в пользу Кутузова»⁷²⁵. Государь невысоко ценил этого «остатного из орлов Екатерины» и был прав, но уступил требованию дворянства, потерявшего после Аустерлица доверие к генералам нового времени и считавшего, что «старый конь борозды не испортит», а значит, раз выученик «екатерининского века», да еще и соперник самого Суворова, то Бонапарта одолеет. Что же произошло? «Остатний орел» не выдержал и трех недель сверхнапряжения руководства действующей армией, ум его временно «помрачился» и, отдав сумбурный приказ об отступлении, граф и фельдмаршал оставил самовольно войска накануне сражения с французскими авангардами. Что же будет теперь, если вновь

⁷²³ Литературное наследство. М., 1937. Т. 29–30. С. 608 // Цит. по Местр де Ж. Указ. соч. С. 11

⁷²⁴ Местр Ж. де. Указ. соч. С. 209–217.

⁷²⁵ Михайловский-Данилевский А.И. Описание второй войны Императора Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 гг. СПб., 1846. С. 74.

уступить «общему гласу двух столиц»?

Но события просто галопировали: 5 августа (ст. ст.) к государю из главной квартиры I армии прибыл сам кн. и ген.-адъют. П.М. Волконский, один из давнишних и ближайших к Александру людей, герой Аустерлица. Он привез пакет донесений и писем от Барклая и высшего генералитета, включая и письмо гр. П.А. Шувалова, адресованное самому императору. Граф был ровесник государя, аристократ и гвардеец, ему хорошо известный, его генерал-адъютант, в 18 лет он так отличился при штурме Варшавской Праги, что Суворов исходатайствовал ему крест Св. Георгия 4-го кл. В Швейцарском походе был ранен прямо в бок в бою на пер. Сен-Готард, в Шведскую войну в марте 1809 г. прославился взятием Торнео и пленением целого корпуса неприятеля. В начале кампании 1812 г. командовал IV пех. корпусом. И вот этот боевой генерал и ему хорошо известный человек пишет государю 1 августа (ст. ст.): «Если ваше величество не дает обеим армиям одного начальника, то я удостоверяю своей честью и совестью, что всё может быть потеряно безнадежно... Армия недовольна до того, что и солдат ропщет, армия не питает никакого доверия к начальнику, который ею командует... Продовольственная часть организована наихудшим образом, солдат часто без хлеба, лошади в кавалерии несколько дней без овса; вина в этом исключительно главнокомандующего, который часто так плохо планирует марши, что главный интендант ничего не может поделывать! Генерал Барклай и князь Багратион очень плохо уживаются, последний справедливо недоволен. Грабеж производится с величайшей наглостью... Неприятель свободно снимает жатву и его продовольствие обеспечено... Нужен другой начальник над обеими армиями, и нужно, чтобы ваше величество назначили его, не теряя ни минуты, иначе Россия погибла»⁷²⁶. Письмо было на французском языке, т.е.

⁷²⁶ Отечественная война в письмах современников (1812–1815 гг.). Изд. Н.

предполагало частный, интимный характер переписки. Шувалов писал 31 июля из-под Смоленска, а 5 августа (ст. ст.) родная сестра государя вел. кн. Екатерина Павловна пишет ему из Ярославля, требуя назначить нового главнокомандующего и предостерегая августейшего брата от того, чтобы лично возглавить армии: «Ради бога, не берите командования на себя, потому что необходимо без потери времени иметь вождя, к которому войско имело бы доверие, и в этом отношении вы не можете внушить никакого доверия. Кроме того, если бы неудача постигла лично вас, это оказалось бы непоправимым бедствием вследствие чувств, которые были бы возбуждены»⁷²⁷. Это жестокое и обидное для самолюбия Александра письмо придет уже после избрания Кутузова, оно говорит нам не столько о военных способностях императора, сколько о том, что сестра его снова в критических обстоятельствах, как и в 1807 г., после Тильзита, пыталась играть самостоятельную политическую роль и, если не руководить братом, то уж точно нравственно влиять на него. Кстати, резкий тон письма можно, кроме всего, объяснить ещё и состоянием беременности, которое в это время Екатерина Павловна переживала.

Наконец, в пакете бумаг, привезенных кн. Волконским, был и рапорт Барклая де Толли от 30 июля (ст. ст.) об отступлении от Поречья к Смоленску⁷²⁸. Колебания, если они еще и были у государя, были теперь отброшены. В тот же день он повелел составить Чрезвычайный комитет из первейших сановников для выбора кандидата на пост главнокомандующего. В тот же день комитет собрался в 19 часов в доме у своего председателя ген.-фельдм. гр. Н.И. Салтыкова, в комитет вошли член Государственного Совета светл. кн. П.В. Лопухин, любимец Павла I; гр. В.П. Кочубей, бывший член Негласного Комитета и друг

Дубровина. СПб., 1882. № 65. Граф Шувалов — Александру I.

727. Тарле Е.В. Указ. соч. С. 551.

728. Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 146.

государя; с.-петербургский ген.-губернатор, бывший военный министр, человек, известный своей исключительной честностью, ген. от инфантерии С.К. Вязьмитинов и министр полиции, ген.-адъют. А.Д. Балашов. Присутствовал на заседании как личный представитель государя гр. А.А. Аракчеев.

Сановники выбирали кандидатуру из списка шести старейших полных генералов: гр. П.А. фон дер Палена, бар. Л.Л. Беннингсена, А.П. Тормасова, кн. П.И. Багратиона и Д.С. Дохтурова. То, что кандидатура гр. П.А. Палена вообще рассматривалась, весьма странно, ибо всем членам комитета было хорошо известно, что организатор убийства Павла I глубоко антипатичен государю Александру Павловичу, да и со времени заключения мира с Турцией в 1791 г. на войне граф более не бывал. Также странно, хотя и должно быть лестно для Д.С. Дохтурова, что он тоже оказался в этом списке, ибо он, в отличие от других четверых кандидатов, армиями никогда не командовал. Из оставшихся четверых полных генералов наибольший опыт военный, а также опыт дипломатический был только у М.И. Голенищева-Кутузова. Он ранее остальных стал генералом от инфантерии, он дважды командовал армиями, конечно, он был виновен, с гражданской позиции, в Аустерлицком погроме, как мы это уже рассмотрели, но отступлением своей армии в октябре-ноябре 1805 г. руководил блестяще. А во главе Дунайской армии в 1811 г. разгромил турецкую армию при Рушуке и позднее пленил её при Слободзее. Он вовремя заключил Бухарестский мир в мае 1812 г., и дворянство обеих столиц требует именно его, а не кого-либо ещё. Он коренной, исконно русский столбовой дворянин, хорошего рода, он богат, наконец, государь только что пожаловал его титулом светлейшего князя. Чего же еще желать государю, который только что сам его возвеличил? В 22 с половиною часа того же 5 (ст. ст.) августа Чрезвычайный комитет и Аракчеев согласно приняли решение об из-

брании кандидатуры Кутузова⁷²⁹.

Теперь кандидатуру надо было представить на утверждение государю. Как это происходило и как потом представлялся сам Кутузов, мы знаем опять-таки из воспоминаний гр. Комаровского. Ходатаем от Комитета был направлен исполняющий обязанности военного министра, племянник А.В. Суворова, кн. А.И. Горчаков, действие происходило в Каменноостровском дворце Александра, существующем и по сей день: «Князь Горчаков, бывший ко мне всегда чрезвычайно расположен, приезжает с докладом к императору и говорит мне:

— Ах, любезный друг, какую я имею ужасную комиссию к государю! Я избран ходатаем от всего комитета гг. министров, чтобы просить его величество переменить главнокомандующего армиею и вместо Барклая назначить Кутузова. Ты знаешь, как государь жалует Барклая и что сие — собственный выбор его величества.

Я с нетерпением ожидал, когда князь Горчаков выйдет из кабинета императора. Действительно, случай был редкий, чтобы какое-либо место, хотя составленное, впрочем, из первейших государственных чинов, — предложило государю нашему, противу воли его, переменить лицо, и какое же? — главнокомандующего армиею⁷³⁰, тем более, что император, как известно было, не весьма благоволил тогда к генералу Кутузову. Наконец, я увидел князя Горчакова, выходящего из кабинета государева; видно, что у них был продолжительный и жаркий разговор, ибо князь имел лицо как пламя⁷³¹. Он мне сказал:

— Слава богу, я успел. Нельзя не дивиться кротости и милосердию государя; представь себе, что я осмелился, наконец, сказать его величеству, что вся

729. Кутузов М.М. Сб. документов. Т. IV. Ч. I. С. 71–73.

730. Сравните с гр. Местр де Ж. Указ. соч. С. 214 от слов «уважение к власти...» и до конца письма.

731. Это чуть ли не единственное свидетельство о несдержанности Александра, как жаль, что кн. Горчаков, обвиненный в коррупции, умер в 1817 г., не написав мемуаров, и содержание разговора осталось неизвестным.

Россия желает назначения генерала Кутузова, что в отечественную войну приличнее быть настоящему русскому главнокомандующим.

Государь приказал князю Горчакову дать знать генералу Кутузову, чтобы на другой день поутру он приехал к его величеству. Моё дежурство ещё продолжалось, когда генерал Кутузов прибыл на Каменный остров. Я с ним был один.

— Мне предстоит великое и весьма трудное поприще, — сказал Михаил Ларионович, — я противу Наполеона почти не служил, — он всё шёл вперёд, а мы ретировались; может быть, по обстоятельствам нельзя было иначе. Скажите мне, — продолжал он, — кто находится в главной квартире Барклая из чиновников, занимающих место по штабу? Я никого не знаю.

Я назвал ему всех, и, когда он услышал, что обер-квартирмейстерскую должность отправляет барон Толь, он мне сказал:

— Я этому очень рад, он мой воспитанник, он выпущен из первых кадетского корпуса, когда я оным командовал⁷³².

После сего позвали его к государю. Выходя из кабинета его величества, генерал Кутузов сказал мне:

— Дело решено — я назначен главнокомандующим обеих армий⁷³³, но, затворяя уже дверь кабинета, я вспомнил, что у меня ни полушки нет денег на дорогу; я воротился и сказал: «*Mon maitre, je nai pas un sou d'argent*»⁷³⁴. Государь пожаловал мне 10 000 рублей.

Простясь со мной, генерал Кутузов уехал, и мне более не случалось уже с ним никогда видаться»⁷³⁵.

732. Бар. К.Ф. Толь был замечен Кутузовым ещё в 1795 г. Маститый генерал сам преподавал ему тактику, небогатый юноша из Эстляндии стал на долгие годы домашним человеком в семье Кутузова; к 1812 г. у него за плечами была отличная военная карьера, с прибытием светлейшего князя к армии он стал его правой рукой в Главной квартире.

733. На самом деле над ВСЕМИ действующими армиями.

734. Мой государь, у меня нет денег ни копейки (вольн. пер. с франц.).

735. Комаровский Е.Ф. Указ. соч. С. 120–121.

В достоверности воспоминаний гр. Комаровского никогда не было оснований сомневаться, описываемые им люди предстают перед нами как живые во всей подробности бытовых мелочей, выдумать которые невозможно.

В рескрипте на имя Кутузова, написанном Александром в тот же день 8 (ст. ст.) августа, он назначил полководца главнокомандующим над всеми действующими армиями⁷³⁶. Тогда же были посланы рескрипты одинакового содержания Барклаю де Толли, кн. Багратиону, адм. П.В. Чичагову и А.П. Тормасову, в них говорилось: «Разные важные неудобства, происшедшие после соединения двух армий, возлагают на меня необходимую обязанность назначить одного над оными главного начальника. Я избрал для сего генерала от инфантерии князя Кутузова, которому и подчиняю все четыре армии. Вследствие чего предписываю вам со вверенною вам армиею состоять в точной его команде»⁷³⁷. Точнее выразить свою мысль государь не мог: Кутузов превращался им в верховного главнокомандующего, сам же император сохранял присущее ему по праву положение верховного вождя русской армии.

Однако самым назначением Кутузова Александр доволен не был, ибо полководец был ему лично неприятен и в его способностях после Аустерлица он не то чтобы сомневался, ведь побил же Кутузов недавно турок, но не был уверен, что их достаточно для борьбы с Наполеоном, в сравнении с которым турки явно проигрывали. Но что делать? «Я не мог поступить иначе, как выбрать из трех генералов, одинаково малоспособных быть главнокомандующими, того, на которого указал общий голос... в общем, Кутузов в большом фаворе среди публики как тут, так и в Москве»⁷³⁸, — написал всё в тот же наполнен-

736. Бантыш-Каменский Д.М. Указ. соч. С. 62–63.

737. Михайловский-Данилевский А.И. Указ. соч. С. 105.

738. Переписка Александра I с сестрой, великой княгиней Екатериной Павловной. СПб., 1910. С. 82.

ный делами день 8 (ст. ст.) августа государь своей сестре Екатерине Павловне. Не изменил он мнения о полководце тем более после сдачи Москвы. Вот что написал император сестре 18 сент. (ст. ст.), возвращаясь к вопросу о назначении 40 днями раньше нашего героя на его высокий пост: «...В Петербурге я обнаружил, что все единодушно высказываются за назначение главнокомандующим старика Кутузова: это был общий вопль. Вначале то, что мне известно об этом человеке, заставило меня воспротивиться⁷³⁹, но когда в письме от 5 августа Ростопчин известил меня, что вся Москва желает, чтобы командовал Кутузов, находя, что и Барклай, и Багратион не способны на это, а Барклай между тем, как нарочно, только и делал одну глупость за другой под Смоленском, я не мог поступить иначе, как уступить единодушным пожеланиям и назначить Кутузова... Принеся в жертву моё самолюбие, покинув армию, ибо утверждали, что я там приношу вред... в то время как я не имел иного желания, как в ней остаться, и твердо решил возвратиться туда перед назначением Кутузова, и когда я отказался от этого только после этого назначения, отчасти по памяти о том, к чему угодливый характер этого человека привел при Аустерлице, и отчасти следуя Вашим советам...»⁷⁴⁰ Но в чем же тогда суть, спросит нас пытливый читатель? А она в том, что, презрев собственное самолюбие, он поступил как подобает государю: вручил судьбу армии тому, на кого в этот момент указало мнение дворянства, как бы этот человек ни был ему неприятен, тому, кто сумел найти ключ к сердцу русского солдата и одушевить его. Как ни странно, об этой способности Кутузова поведали нам отнюдь

739. Как тут не вспомнить едкую характеристику гр. А.Ф. Ланжерона от мая 1812 г.: «Кутузов уехал, он нас растрогал при отъезде. Он был очень любезен и очень тронут. Пусть господь даст ему фельдмаршальский жезл, покой, тридцать женщин и пусть не даст ему армии» — цит. по Е.В. Тарле. Указ. соч. С. 556. Конечно, граф ядовит и пристрастен, но пороки Кутузова-человека тут обрисованы точно. Они-то и отвращали от него императора Александра.

740. Вел. кн. Николай Михайлович. Указ. соч. С. 107–108.

ни А.П. Ермолов или П.И. Багратион (от М.Б. Барклая де Толли такого свидетельства ожидать было бы странно). Об умении воздействовать нравственно на войска, присутствующему Кутузову, пишет скромный очевидец событий, перешедший в мае 1812 г. из прусской армии на службу в армию русскую, К. Клаузевиц, проделавший всю первую половину похода от Вильно через Смоленск и Бородино до Тарутинского лагеря. Свидетельство этого человека, честного и храброго офицера, стремящегося быть всегда объективным и бывающего критичным только тогда и там, где это действительно необходимо, для нас особенно ценно. Итак, вот что он пишет о нравственном влиянии М.И. Кутузова на войска в момент прибытия и до прихода в Тарутино: «Итак, прибытие Кутузова вновь побудило в войсках чувство доверия; злой демон в лице чужестранца изгнан заклятием чисто русского человека, нового Суворова в несколько уменьшенном масштабе; теперь уже не сомневались, что в ближайшее время будет дано настоящее сражение, в котором видели кульминационный пункт французского наступления... Кутузов был старше Барклая на 15 лет; он приближался к семидесятому году жизни и не обладал той физической и духовной дееспособностью, которую нередко можно ещё встретить у военных в этом возрасте. В этом отношении он, следовательно, уступал Барклаю, но по природным дарованиям, безусловно, его превосходил. В молодости Кутузов был хорошим рубакой и отличался при этом большой духовной изощренностью и рассудительностью, а также склонностью к хитрости. Этих качеств уже достаточно, чтобы стать хорошим генералом... По нашему мнению, Кутузов проявил себя лично в этой роли далеко не блестяще⁷⁴¹ и даже значительно ниже того уровня, какого можно было от него ожидать, судя по тому, как он действовал раньше.

⁷⁴¹ В роли командующего русской армией, сражающейся с Наполеоном в 1812 г.

Однако автор стоял недостаточно близко к этому полководцу, чтобы с полной убежденностью говорить о его личной деятельности... И всё же в целом Кутузов представлял гораздо большую ценность, чем Барклай. Хитрость и рассудительность обычно не покидают человека даже в самой глубокой старости; и князь Кутузов сохранил эти качества, с помощью которых он значительно лучше охватывал как ту обстановку, в которой сам находился, так и положение своего противника, чем это мог сделать Барклай с его ограниченным умственным кругозором... Наполеон попал в скверную историю, и обстановка начала сама собою складываться в пользу русских, счастливый исход должен был получиться сам собою без больших усилий. Кутузов, наверное, не дал бы Бородинского сражения, в котором, по-видимому, не ожидал одержать победу, если бы голоса двора, армии и всей России не принудили бы его к этому. Надо полагать, что он смотрел на это сражение как неизбежное зло⁷⁴². Он знал русских и умел с ними обращаться. С неслыханной смелостью смотрел он на себя как на победителя, возвещал повсюду близкую гибель неприятельской армии, до самого конца делал вид, что собирается для защиты Москвы дать второе сражение, и изливался в безмерной похвальбе; этим он льстил тщеславию войска и народа; при помощи прокламаций и возбуждения религиозного чувства он старался воздействовать на сознание народа⁷⁴³. Таким путем создавалось доверие нового рода, правда, искусственно внушенное⁷⁴⁴, но все же имевшее в своей основе истину, а именно

742. Весь этот последний пассаж очень совпал с историософским взглядом Л.Н. Толстого и был использован великим писателем в его философских рассуждениях в романе «Война и мир», сцена же Бородинского сражения и поведение во время него Кутузова были просто написаны под впечатлением рассуждений К. Клаузевица, как нами приводимых, так и опущенных по недостатку места.

743. Эта мысль прямо переключается с рассуждением гр. де Местра, высказанная в письме из Полоцка 22 июня (3 июля н. ст.) 1812 г.: «Надобно принимать в соображение нравственную сторону войны, каковое свойство и создает настоящего генерала». — Местр Ж. де. Указ. соч. С. 208.

744. Начет ИСКУССТВЕННОСТИ внушения можно было бы и поспорить с Клаузевицем.

плохое положение французской армии. Таким образом, это легкомыслие и базарные выкрики хитрого старика⁷⁴⁵ были полезнее для дела, чем честность Барклая... словом, простой, честный и дельный сам по себе, но ограниченный Барклай, не способный проникнуть в самую суть обстановки столь гигантского масштаба, был бы подавлен моральными возможностями французской победы, в то время как легкомысленный Кутузов противопоставил им дерзкое чело и целый поток хвастливых речей. Он сумел счастливо использовать тот огромный прорыв, который уже обнаружился во французской армаде»⁷⁴⁶.

Если уважаемый читатель внимательно читал мои примечания на рассуждения Клаузевица, то мой любезный читатель понял, что если учесть то обстоятельство, что как немец и рафинированный интеллект, Клаузевиц не мог вполне понять русской души, русского духа, которым во всём его как хорошем, так и дурном содержании была просто переполнена душа Михаила Илларионовича, то станет ясно, что наш прусский офицер выставил Кутузову очень высокий балл именно как полководцу, умеющему играть на струнах своего народа, облечённого как в солдатскую шинель, так и в серую некрашеную сермягу ополченца или крестьянина.

Интересно, что гораздо точнее понял Кутузова граф Ж. де Местр, но на самом деле в этом нет ничего удивительного. Понаблюдайте пристальнее за национальными чертами сынов прекрасной Италии и вы увидите много общего с нашим нечерноземным характером: открытость и простодушная хитрость, общительность и

745. На этот упрек невозможно всерьез обижаться, когда знаешь историю жизни Клаузевица. Этого, по сути, разночинца, путем огромных духовных усилий превратившего себя в интеллектуала и философа военного искусства, вращавшегося в кружке избранной берлинской духовной элиты, должны были сильно коробить некоторые приемы М.И. Кутузова. Кроме того, как истый пруссак и как культурный немец, Клаузевиц был чужд простоте и раскованности, счётке и весёлой хитрице, меткому остроумию, составляющим суть русского народного духа, присущего во многом Кутузову.

746. Клаузевиц К. Указ. соч. С. 79–81.

сердобольность, темпераментное размахивание руками в разговоре, любовь к широкому застолью и женскому полу, лёгкость на крепкое слово и внутреннюю потребность к пению, для выражения чувств, переполняющих душу. После этого всего обратимся и к его оценке полководца: «Тем временем все взоры обратились на генерала Кутузова, коего всё общество призывало на пост главнокомандующего. Ему не менее семидесяти лет⁷⁴⁷, он толст и тяжел, но зато умен и необычайно хитер; более того, это царедворец, что, хотя само по себе и недурно, несколько раз сослужило для него плохую службу. Он обезображен ужасной раной: пуля наискось пробила ему голову и вышла возле глаза, который сместился настолько, что пострадал и другой глаз по известной связи двух органов. Кутузов плохо видит, с трудом держится на лошади и постоянно засыпает. Несмотря на таковое ослабление физических сил, он был до крайности привязан к одной молдаванке, о чем много говорили во время войны с Турцией... Он с отличием исполнил свой долг во время переговоров, которые завершились много лучше, чем того ожидали. Однако же несомненно и то, что Император по той или иной причине недолголюбивает его, возможно, из-за слишком уж большой угодливости. Государь этого не переносит... Как бы то ни было, Император совсем не склонялся в пользу Кутузова, но, по-моему, учитывал всё-таки и общественное мнение, неожиданно сделал его князем Империи, и тогда все стали говорить: “Это лишь для того, чтобы не дать ему фельдмаршальского чина”. Мнение всего общества вскоре дошло до такой точки, что Император уже не мог сопротивляться и ко всеобщему удовольствию назначил князя Кутузова главнокомандующим. Несмотря на все его физические недостатки, ничего лучше нет»⁷⁴⁸.

747. На самом деле 65 лет.

748. Местр Ж. де. Указ. соч. С. 218–219.

Так обрисовал Кутузова гр. де Местр в письме от 2–3 (14–15) сентября 1812 г., т.е. до получения известий о Бородинском сражении. Если его суждение показалось вам недостаточно восторженным или уважительным, не торопитесь осуждать пьемонтского посланника. Пройдет два месяца, и 28 октября (9 ноября) он напишет: «В течение сего достопамятного 1812 года русские заслужили славу, для которой неприменимы такие слова, как *если бы и однако*: это слава всеобщего единодушия, беззаветной верности и неколебимой стойкости, что касается достоинств чисто военных, на мой взгляд, ограничиваются они только заслуживающей высшего восхищения храбростью»⁷⁴⁹.

Могут сказать мне, но это же мнения иностранцев, пусть они и хвалят русскую храбрость и верность, но ведь недостаточно высоко ценят Кутузова. Хорошо, посмотрим, что написал кн. Петр Иванович Багратион гр. Ф.В. Ростопчину, так ратовавшему о назначении Кутузова, в письме от 16 августа (ст. ст.) о новом главнокомандующем: «Хорош и сей гусь, который назван и князем, и вождем! Если особенного он повеления не имеет, чтобы наступать, я вас уверяю, что тоже приведет к вам, как и Барклай...⁷⁵⁰ Теперь пойдут у вождя нашего бабьи сплетни и интриги»⁷⁵¹. Мало этого, тот же гр. Ростопчин утверждал, что немного позднее кн. Багратион называл Кутузова «мошенником, способным изменить за деньги»⁷⁵². Эти высказывания знаменитого полководца не украшают его, а главное, вскрывают такую картину разнуздавшегося честолюбия и нервного возбуждения, что становится грустно оттого, что начинаешь понимать, какие страсти, какая борьба за власть в соединенной армии разгорелись накануне Бородинского сражения. Никакого восторга по поводу это-

749. Там же. С. 231.

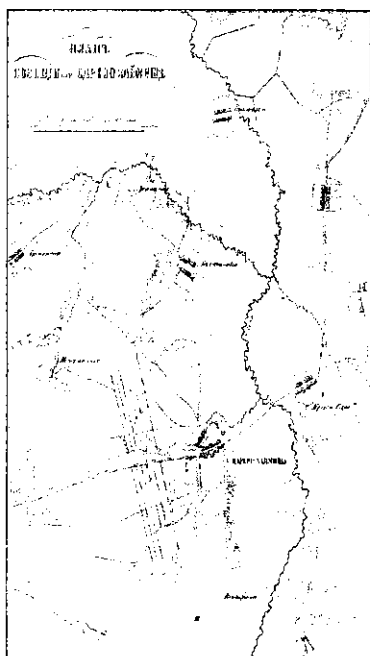
750. Т.е. Наполеона в Москву.

751. Изд. Дубровин Н.Ф. Указ. соч. С. 101.

752. Пожар Москвы. М., 1911. Т. 2. С. 53.

го назначения не высказал и герой боя под Салтановкой и обороны Смоленска ген. лейт. Н.Н. Раевский: «Переменив Баркляя, который невеликий полководец, мы и тут потеряли»⁷⁵³. Недоволен был видеть во главе армий М.И. Кутузова и легендарный своей отвагой ген. от инф. М.А. Милорадович, называвший его «низким царедворцем»⁷⁵⁴. Наконец, А.П. Ермолов весьма сдержанно комментирует его назначение: никак не оценивая полководческих талантов светлейшего, он ограничивается весьма прохладной похвалой этому факту в том смысле, что «возродило оно ощутительным образом в каждом из подчиненных надежду на прекращение отступления, большую степень порядка и успеха»⁷⁵⁵.

Но кто же тогда обрадовался прибытию в армию Кутузова? Это были те, кого Барклай де Толли удалил из армии в эти тяжелейшие последние дни своего командования: за строптивость и дерзость — полк. К.Ф. Толь⁷⁵⁶, за плохое командование арьергардом — атаман М.И. Платов⁷⁵⁷. Оба они оказались без места в Москве, и оба же вернулись в армию тут же по приказу М.И. Кутузова и вместе с ним⁷⁵⁸.

*Карта позиции
при Царёво-Займище*

753. Личные письма ген. Н.Н. Раевского (1812–1814 гг.). М., 1992. С. 218, 226.
754. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского А.И. Русская Старина. 1897. № 6. С. 467.

755. Ермолов А.П. Указ. соч. С. 183.

756. Там же. С. 183.

757. Там же. С. 183.

758. Там же.

Но главное было в том, что обрадовались младшие офицеры и простые солдаты, та основная масса войск, что была далека от высших армейских сфер, дрязг, интриг, что нравственно истомилась постоянным отступлением и жаждала сразиться с неприятелем. Именно эти настроения отражены в воспоминаниях простых офицеров, дошедших до нас: «Вдруг электрически пробежало по армии известие о прибытии нового главнокомандующего, князя Кутузова. Минута радости была неизъяснима. Имя этого полководца произвело всеобщее воскресение духа в войсках от солдата до генерала... офицеры весело поздравляли друг друга. Старые солдаты припоминали походы с князем ещё при Екатерине, его подвиги в прошедших кампаниях»⁷⁵⁹.

Ещё более конкретную картину воодушевления дают опубликованные через десятки лет воспоминания Н. Митаревского: «Приезду его все чрезвычайно обрадовались, так что доходило до энтузиазма. Фельдмаршал усилил арьергард, который каждый день по возможности удерживал французов, и армия регулярно поутру подымалась, днем имела привал. А вечером останавливалась на ночлег, что продолжалось до самого Бородина. Солдаты это заметили, называли другими порядками и были очень довольны»⁷⁶⁰. Вот это наблюдение, сохраненное цепкой памятью молодого офицера, выдумать нельзя, слишком уж много мелких, реалистичных и тем более ценных деталей, восстанавливающих не придуманную под влиянием чужих, позднее прочитанных мемуаров «общую» атмосферу, а пробуждающих в памяти то, что было на самом деле, то, о чем говорилось на привале у бивачного костра, то, из-за чего солдаты были на самом деле довольны, довольны не по официальному приказу быть довольными, а потому, что видели и чувствовали ЗАБОТУ о них, о

759. И... Р... Походные записки артиллериста. Цит. по Гарин Ф.А. Указ. соч. С. 186.

760. Митаревский Н. Воспоминания о войне 1812 г. Цит. по Гарин Ф.А. Указ. соч. С. 189.

малых сих. Поэтому-то веришь и выводу Н. Митаревско-го: «С прибытием Кутузова всё как будто встрепенулось; начали говорить, что Кутузова нарочно прислали, чтобы он дал генеральное сражение, на что Барклай де Толли не мог осмелиться, и что Кутузов ищет только выгодной позиции»⁷⁶¹.

Эти воспоминания Н. Митаревского отчасти подтверждает ...А. де Коленкур, приводящий ответы плененного казака, допрашиваемого самим императором Наполеоном 31 августа (н. ст.): «Император повелел подойти казаку... это был брюнет пяти футов ростом, с живыми глазами, открытым и неглупым лицом, серьезный на вид; ему можно было дать от 30 до 36 лет; казалось, он был очень огорчен тем, что попал в плен, а в особенности тем, что потерял свою лошадь...»⁷⁶² По словам казака, русские открыто жаловались на Барклая, который, как они говорили, помешал им драться под Вильно и под Смоленском, заперев их в стенах города. Два дня назад в армию прибыл Кутузов, чтобы сменить Барклая. Он не видел его, но один молодой штабной офицер приезжал вчера, чтобы поговорить с казачьим офицером, его командиром, и сообщил ему эту новость, добавив, что дворянство принудило Александра произвести эту перемену, которой армия была очень довольна»⁷⁶³.

Но более всех прибытием Кутузова был доволен именно император Наполеон: «Это известие показалось императору весьма правдоподобным»⁷⁶⁴ и доставило ему большое удовольствие; он повторял его всем.

Медлительный характер Барклая изводил его. Это отступление, при котором ничего не оставалось, несмотря

⁷⁶¹. Там же.

⁷⁶². Очень правдоподобное замечание, поведение характерное для казака, лошадь которого чаще всего его собственная, к которой он чрезвычайно привязан и от которой чаще всего зависит его собственная жизнь. Такого рода огорчение выдумать мемуарист не мог.

⁷⁶³. Коленкур А. де. Указ. соч. С. 120.

⁷⁶⁴. Известие о том, что русская армия довольна прибытию Кутузова.

на невероятную энергию преследования, не давало надежды добиться от такого противника желанных результатов...

Узнав о прибытии Кутузова, он тотчас же с довольным видом сделал отсюда вывод, что Кутузов не мог приехать для того, чтобы продолжать отступление; он, наверное, даст нам бой, проиграет его и сдаст Москву, потому что находится слишком близко к этой столице, чтобы спасти её; он говорил, что благодарен императору Александру за эту перемену в настоящий момент, так как она пришлась как нельзя более кстати. Он расхваливал ум Кутузова, он говорил, что с ослабленной, деморализованной армией ему не остановить похода императора на Москву. Кутузов даст сражение, чтобы угодить дворянству, а через две недели император Александр окажется без столицы и без армии; эта армия действительно будет иметь честь не уступать свою древнюю столицу без боя; вероятно, именно этого хотел император Александр, соглашаясь на эту перемену; он сможет теперь заключить мир, избежав упреков и порицаний со стороны русских вельмож, ставленником которых является Кутузов, и он сможет теперь возложить на Кутузова ответственность за последствия неудач, которые он потерпит; несомненно, такова была его цель, когда он пошел на уступку своему дворянству»⁷⁶⁵.

По занятии 1 сентября (н. ст.) Гжатска Наполеон укрепился в своем убеждении о близости сражения: «Новый главнокомандующий не может продолжать эту систему отступления, которую осуждает общественное мнение России. Он поставлен во главе армии с условием держаться. Та система войны, которой они придерживались до сих пор, должна, следовательно, измениться»⁷⁶⁶.

При размышлении над текстом из мемуаров Коленкура бросаются в глаза два обстоятельства. Первое — Напо-

765. Коленкур А. де. Указ. соч. С. 121.

766. Там же. С. 122.

леон радуется назначению Кутузова по тем же мотивам, что и простые русские солдаты в воспоминаниях Митареvского: смена главнокомандующего — верный признак прекращения отступления и будущего сражения. Такое сходство восприятия у императора Франции и простых русских солдат говорит о могучем солдатском инстинкте, пронизывающем все существо как у них, так и у Наполеона: отступление без понятной цели, так же как и преследование, цели не достигающее, равно противны им. В сражении видят они, обе эти столь разные противоборствующие стороны, смысл, сокровенный смысл тяжких физических и нравственных усилий, претерпеваемых этими жаркими и душными летними неделями на пространствах для одних родной и священной, а для него беспредельной и враждебной земли. Битва должна решить ВСЁ, и поэтому битвы они жаждут. Вот почему так рады они все приезду Кутузова.

Второе — это рассуждения Наполеона о том, что битва кончится поражением русских, сдачей Москвы и подписанием мира. Как военный гений, Наполеон верно чувствует, что в силах победить русскую армию, а следовательно, и занять Москву, но из этих верных предположений он делает совершенно ошибочный вывод. Он рассуждает о мотивах назначения Александром Кутузова как циничный политик макиавелистического склада, предполагающий во всем лишь эгоистический и прагматический расчет оппонента и не признающий за противоборствующей стороной каких-либо возвышенных мотивов. Он готов приписать их себе, но начисто лишает противника права также обладать благородными побуждениями, он скорее готов определить их как глупость или дряблость, чем осознать, что неприятель может ЛЮБИТЬ свое Отечество и обладать возвышенностью души. Может быть, поэтому ему и было приятно слушать рассуждения простого казака, которого он воспринимал как существо примитивное,

а потому и понятное, и отвечающее тому представлению о русских, какое он, Наполеон, себе о них давно уже составил. Он слушал этого пленного, но главного так и не услышал, как не услышал и Коленкур, хотя исправно всё записал: «Французы дерутся хорошо, но неосторожны. Они любят грабить, а казаки пользуются этим, чтобы каждый день захватывать в плен много французов, и отнимают у них добычу... Казакам нравится Неаполитанский король, который носит большой султан, потому что он храбр и всегда первым кидается в бой. Они дали себе слово не убивать его, но хотят захватить в плен»⁷⁶⁷. Русские не собираются сдаваться, они собираются побеждать и поэтому так радуются приезду Кутузова.

Наверное, в этом есть и народный характер войны: государь сомневается, но сдаваться не собирается, генералы грызутся за власть в армии, но войска, вся эта масса простых русских людей, строевых офицеров, солдат и казаков, не собирается сдаваться, как и их царь. Она собирается победить.

Мы много и долго разбирали отношение современников в августе 1812 г. к личности М.И. Кутузова и его назначению. Мы видели, как восприняли его солдатская и офицерская толща народная, мы видели, как отнесся к его приезду в армию Наполеон. Пора посмотреть, что же сделал для приближения победы в эту вторую половину августа, после назначения Кутузова, государь Александр Павлович.

На следующий день после подписания рескрипта на имя князя Кутузова, 9 августа (ст. ст.) государь отправился в Финляндию, там он должен был в Або (современное Турку) встретиться с наследником Шведским принцем, маршалом Бернадотом. Задача Александра I состояла в том, чтобы побудить главу Швеции поддержать активно Россию в её борьбе с Наполеоном, как это было обуслов-

⁷⁶⁷. Там же. С. 121.

лено в ранее заключенном в марте 1812 г. Петербургском договоре. Личное свидание глав двух государств должно было устранить все имевшиеся противоречия и ускорить начало совместных действий. Переговоры проходили с 15 (27 н. ст.) по 18 (30 н. ст.) августа 1812 г. В их ходе Карл-Юхан, так теперь именовали Бернадота в Швеции, предложил передать назад Аландские острова, а Финляндию передать на время, в обеспечение военных усилий и посылки 30-тыс. армии, во главе с ним, против Наполеона. Государь за несколько часов перед тем получил известие о падении Смоленска, однако, не смутился этим, он ответил шведскому наследному принцу: «хотя Он и дорожит его дружбою и тесной связью с Королевством, однако не уступит ни аршина земли, даже если бы довелось ему удалиться в Сибирь и там сражаться за неприкосновенность Империи»⁷⁶⁸. Бернадоту пришлось смириться с тем, что даже в столь критическую минуту невозможно добиться никаких территориальных уступок от русского самодержца. Была достигнута устная договоренность, что 20-тыс. Финляндский корпус русских войск под командованием бар. ген.-лейт. Ф.Ф. Штейнгеля будет переброшен в Ригу для борьбы против французских войск маршала Макдональда.

Договор, заключенный в Або 18 (30 н. ст.) 1812 г., укреплял военный союз между двумя странами: подтверждалась, в частности, Померанская экспедиция, осуществленная весною 1813 г. и ставшая вступлением Швеции в войну с Наполеоном в критический момент Зарубежного похода русских войск, освободивших Европу в 1813–1814 гг. Но главное значение свидания в Або было в том, что, не потеряв ни вершка финских земель, уже 18 (30) августа государь смог повелеть отправить Финляндский корпус морем на театр войны в Прибалтику. Уже 28 августа (9 сентября) войска бар. Штейнгеля высадились в

⁷⁶⁸ Бантыш-Каменский Д.М. Указ. соч. С. 63.

Ревеле (совр. Таллинн), а 10 (22) сентября они приблизились к Риге и участвовали там в боях с прусскими частями, входившими в корпус Макдональда, а в октябре 16-го (28-го) соединились с войсками гр. П.Х. Витгенштейна и, фактически составив отдельную армию, участвовали в изгнании остатков Великой армии и поражении её при Березине, в ноябре 1812 г. Таков был результат поездки государя в Або, из которой он снова вернулся в Санкт-Петербург, чтобы через несколько дней получить известие о Бородинском сражении.

Каковы бы ни были перемены в высшем командовании русской армии, как бы ни менялось настроение столичного и провинциального дворянства, какие бы слухи ни бродили среди простого народа, неизменным оставалось одно: неприятель продолжал двигаться на восток. Угроза центру страны, угроза Москве нарастала, вопрос о генеральном сражении был на повестке дня.

То, что русские не побеждены в боях под стенами Смоленска, показал уже арьергардный бой 7 (18 н. ст.) августа при Валутиной горе: действия арьергарда I армии под командованием ген. Н.А. Тучкова не просто прикрыли переход всей армии в трудных условиях с Пореченской дороги на Дорогобужскую, не только позволили I армии не потерять связи со II, но и снова сорвали попытку Наполеона обходом левого фланга русских рассеять их армию и нанести ей тяжелейшее поражение. Стойкость Тучкова, самоотверженность Барклая, описанная выше, спутали планы императора, выявили сохранившуюся боеспособность русской армии и поставили Наполеона перед фактом, что и после Смоленска война будет продолжаться.

Сколько займёт ещё она времени, было неясно, отсутствие русских пленных, которых император каждый раз так жаждал, говорило о том, что морального разложения в армиях, предводительствуемых Барклаем и кн. Багратионом нет, а значит, только генеральное сражение может

*Кристиан Вильгельм Фабер Дю Фор.
Перед Смоленском 18 августа 1812 года, 5 часов утра*

дать императору столь искомый им мир с Александром. Эта идея неотступно преследовала Наполеона, он пытался использовать любую возможность, чтобы донести её до русского государя. Так, воспользовавшись прибытием в Смоленск поручика М.Ф. Орлова, посланного справиться о судьбе ген.-майора П.А. Тучкова, тяжело раненого при Валутиной горе и взятого в плен, «император принял его и после нескольких незначительных замечаний спросил, состоится ли сражение. Он добавил, что честь русских требует, чтобы они не сдавали страну без боя, не померявшись с нами силами хотя бы раз; после этого будет легко заключить мир — подобно двум дуэлянтам, которые примиряются после поединка. Война, сказал он, является чисто политической. Он не сердится на императора Александра, который в свою очередь не должен чувствовать обиды против него»⁷⁶⁹. Очень показательным, что для передачи завуалированного предложения мира

⁷⁶⁹ Коленкур А. де. Указ. соч. С. 110.

избран обер-офицер, правда, адъютант кн. П.М. Волконского, через которого это предложение, конечно же, будет сообщено государю, но всё-таки Орлов — лицо слишком незначительное в служебном отношении, чтобы к его услугам прибегал император Франции. Значит, желание начать переговоры было уже так велико, что решили использовать первого более-менее подходящего обер-офицера из русского штаба.

Думается, что император ощущал своим здоровым инстинктом солдата, равно как и своим здравым разумом военачальника, что он проник так глубоко в недра России, что эта глубина представляет смертельную опасность для него и его Великой армии, что войну надо как можно скорее кончать, пока не поздно. Но окончить её, конечно же, надо с честью, без ущерба для престижа, и поэтому он постоянно твердит о политическом характере войны, о том, что не питает дурных чувств к русскому государю, а посему и тот не должен питать таковых же к его персоне. Сравнение создавшейся ситуации с дуэлью, апелляция к чувству чести — всё это попытка так или иначе выиграть эту «Вторую польскую войну», как он назвал её в воззвании перед войсками, накануне перехода через Неман.

Но постоянные апелляции к чести русской армии, которая-де запятнана её постоянным отступлением, апелляции, которыми заполнены воспоминания Коленкура, — это то ли сознательная, то ли подсознательная, но упорная попытка спровоцировать русский генералитет, а может быть, и императора Александра на необдуманный шаг — на сражение, чтобы очистить свою честь от обвинений в трусости. Но так как условия для генерального сражения не созрели, с русской точки зрения, то призывы к чести — это попытка растопить «ледовитость» Барклая и толкнуть его на необдуманный шаг. Ибо император Наполеон любил всегда взывать к чести своих противников тогда, когда это было выгодно ему, но не ИМ. И, наконец, сравнение

происходящих событий с дуэлью, а себя и Александра — с дуэлянтами, которые могут всегда примириться, очевидно пролив с честью толику своей крови, говорит о том, что либо император не хочет понять очевидного, т.е. что война со стороны русских, сжигающих теперь свои дома и города, начинает всё более напоминать Испанию, т.е. становится народной, а значит, бесконечной и неспособной быть им выигранной. Либо он хочет внушить Александру, что эта война «обычна» — раз она политическая, значит, не надо вести её по-народному, т.е. по-испански. А значит, можно в любой момент помириться. Так почему бы этого не сделать уже сейчас?

Думается, император не хотел видеть либо запрещал себе видеть очевидные факты, т.е. то, что русские воюют всерьёз и что это не просто гигантская дуэль двух государей и их армий, а уже гораздо нечто большее — народная война. Он знал в эти дни о манифестах Александра, призывавших к созданию народного ополчения, и не хотел поверить, что это не просто листки бумаги, а призыв к действию народа. А главное, чего не мог либо не хотел понять этот великий человек, что русский государь, которого он знал, наблюдал и оценивал в Тильзите и в Эрфурте, чьи слова на безукоризненном французском языке он слышал, чьи письма на этом же языке читал, не только утонченный культурный аристократ и венценосец, не только тонкий и лукавый византиец, но ещё и русский человек, если не вполне по крови, то уж точно по духу, по воспитанию и по вере своей. Русский по всем сильным и слабым чертам нашего национального характера. Именно русский, а поэтому также неспособный идти на примирение с врагом, вторгнувшимся на его родную землю, именно русский царь, а потому и непобедимый, как и его великий народ, который вверил ему свою судьбу.

В эти августовские дни 1812 г. война окончательно вышла из сферы только сухого расчета и холодного анали-

за, она окончательно переходила в сферу страсти, уже не вполне подвластной государям, и выиграна могла быть только тем, кто этой страсти доверится и отдастся. Война становилась Отечественной. Это император Наполеон чувствовал, в это не желал верить и поэтому предлагал мир. Но было уже поздно.

Серьезно задетое национальное чувство требовало отмщения. Уже под Смоленском у одного молодого кавалергардского офицера родилась мысль, пожертвовав собою, убить французского императора. Звали его Михаил Лунин, ему предстояло ещё стать одним из отчаянных и не смирившихся декабристов. Вот как вспоминает о его желании самопожертвования Н.Н. Муравьев: «Лунин умен, но нрава сварливого (*bretteur*). В Петербурге не было поединка, в котором бы он не участвовал, и сам несколько раз стрелялся... Он постоянно что-то писал и однажды прочёл мне заготовленное им к главнокомандующему⁷⁷⁰ письмо, в котором изъявлял желание принести себя на жертву отечеству, просил, чтобы его послали парламентаром к Наполеону с тем, чтобы, подавая бумаги императору французов, всадить ему в бок кинжал. Он даже показал мне кривой кинжал, который у него на этот предмет хранился под изголовьем. Лунин точно бы сделал это, если бы его послали, но думаю, не из любви к отечеству, а с целью приобрести историческую известность. Мы скоро с места тронулись⁷⁷¹, и намерение его осталось без последствий...»⁷⁷²

Можно поспорить с Н.Н. Муравьевым о мотивах, двигавших Луниным, но необходимо обратить внимание на его желание, пожертвовав собою, убить Наполеона. За длительную историю сопротивления императору в покоренных странах нам известен лишь один случай подобного рода: попытка 18-летнего студента Фридриха Штапса 12

770. Барклаю де Толли.

771. Переход I армии в наступление на Поречье.

772. Русские мемуары. Избранные страницы. М., 1989. С. 96.

октября 1809 г. на смотре гвардии в Шенбруне. Тихий и кроткий юноша из приличной семьи, сын протестантского пастора в Наумбурге, при нём были обнаружены всего лишь два предмета: портрет юной девушки и длинный кухонный нож. Наполеон сам допрашивал его, стремясь понять, почему тот желал его смерти. На вопрос об этом Штапс ответил: «Потому, что вы приносите несчастье моей стране», на предложение помилования студент ответил отказом просить о нем и прибавил, что испытывает «самое глубокое сожаление о том, что не сумел выполнить поставленной задачи...» — «Чёрт вас возьми! Можно подумать, что преступление для вас ничего не значит!» — воскликнул император. Юноша ответил ему уверенно и сдержанно: «Убить вас — это не преступление, это долг»⁷⁷³. Штапс был судим военным судом и расстрелян 17 октября 1809 г. Император покинул Шенбрун и Вену двумя днями раньше.

То, что пытался сделать юный мечтатель, глубоко потрясенный очередной гибелью надежд всех немецких патриотов, пришло на ум русскому дворянину и гвардейцу. Какое странное сближение двух совершенно разных людей посредством одной и той же идеи, одного и того же желания. Может быть, Наполеон Бонапарт, уроженец гористой и бедной Корсики, был брошен на авансцену мировой истории гением Революции, чтобы всколыхнуть души миллионов обычных людей, чтобы зажечь в них дремавший доселе пламень любви к Отечеству, страсть к Свободе? Кто знает. Ясно лишь одно: те огромные социальные и политические силы, которые доселе ему удавалось приводить в движение в свою пользу, теперь стали получать столь же огромное противодействие, действовавшее в конечном счёте в пользу народов. Наверное, это и есть суть и народной, и Отечественной войны.

Но как бы там ни было, а война шла своим собствен-

⁷⁷³ Тарле Е.В. Указ. соч. С. 216–217; Манфред А.З. Указ. соч. С. 560–561; Лависс и Рамбо. Указ. соч. Т. I. С. 161.

ным железным порядком и генеральное сражение уже стояло в повестке дня.

Глубже всех и точнее вскрыл суть генерального сражения Карл фон Клаузевиц, участник Бородинского сражения, проделавший войну 1812 г. в рядах русской армии, наблюдательный очевидец событий, которые вооружили его интеллект таким богатейшим материалом, что позволили ему стать великим теоретиком и философом войны. Мы уже неоднократно обращались к нему как к свидетелю событий. Теперь обратимся как к аналитику: «Что такое генеральное сражение? Это бой главной массы вооружённых сил, но, конечно, не маловажный, преследующий второстепенные цели... а бой с полным напряжением сил за подлинную победу... так как существо войны есть бой, а генеральное сражение есть бой главных сил, то на него следует смотреть как на действительный центр тяжести войны... в генеральном сражении надо добиваться победы до тех пор, пока к тому предоставляется малейшая возможность; отказаться от неё можно не из-за каких-либо обстоятельств, а лишь единственно тогда, когда выясняется совершенная недостаточность сил»⁷⁷⁴.

Почему оно имеет такую важность? «Генеральное сражение существует само по себе, ради победы, которую оно должно дать и которой в нем добиваются с величайшим напряжением. Осилить здесь, в этот час, врага — составляет задачу, на которую направлен весь военный план со всеми своими нитями; здесь сходятся все отдаленные надежды и смутные представления о будущем; здесь перед нами встает сама судьба, чтобы дать ответ на наш дерзновенный вопрос. В генеральном сражении сосредотачивается духовное напряжение не одного полководца, но и всей его армии, вплоть до последнего обозного...»⁷⁷⁵ Действительно, лучше не скажешь.

774. Клаузевиц К. Указ. соч. С. 187–188.

775. Там же. С. 193.

Наполеоновская эпоха совершенно по-новому развернула течение войны во временном пространстве. В эпоху феодализма с его ограниченными людскими и экономическими ресурсами, с плохо устроенными дорогами и редким населением войны могли тянуться в прямом смысле этого слова, вспомним Столетнюю войну 1337–1453 гг., итальянские походы французских королей конца XV — середины XVI вв., Тридцатилетнюю войну в XVII в., Северную войну Петра со Швецией 1700–1721 гг., войну за Испанское наследство 1701–1714 гг. и т.д. Даже война революционной Франции против I коалиции европейских монархов длилась с 1792 по 1797 г. Во всех этих перечисленных и во всех неупомянутых войнах было каждый раз много сражений, по размаху достойных быть названными генеральными, однако они не приводили к окончанию войны, а скорее лишь к длительным передышкам. Положение стало меняться с появлением на арене войны 26-летнего генерала Наполеона Бонапарта.

Вооруженный современными знаниями о военном деле, досконально в годы своей нищей юности изучивший историю военного искусства античности и нового времени, он обладал великим природным даром настоящего офицера и генерала. Даром, афористично сформулированным бессмертным Суворовым как «глазомер, быстрота и натиск»; глубочайший интеллект и пламенная страстность дисциплинировались в Бонапарте гигантской силой воли, помноженной на способность к молниеносному анализу. Эти-то качества позволили ему опытным путём выявить природу войны как профессии и искусства одновременно, в противодействии чужой воле и навязывании воли своей неприятелю. Венцом такого целенаправленного и энергичного приложения воли полководца в сочетании с волею армии, а это в максимальной степени стало возможно именно благодаря революции, вдохнувшей единые идеалы и единую волю как в полководца, так

и в его армию, стало ускорение течения времени протяженности процесса войны. Она стала сжиматься во времени, хотя разворачивалась на тех же пространствах, что и в XV–XVIII столетиях.

Темпоритм войны как процесса ускорялся, взаимная сцепка между боями и сражениями усиливалась, передышки сокращались по времени, значение маневра не падало, но он перестал быть известного рода самоцелью, как в XVIII столетии, а скорее превратился в средство ускорить возникновение сражения, которое трансформировалось теперь в кульминацию войны и становилось, таким образом, самым важным средством достижения победы и желанного мира. Обратимся к фактам: Итальянская кампания ген. Бонапарта началась в конце апреля 1796 г., а Композомский мир Австрия подписала в октябре 1797 г., Италия переходила под контроль Франции⁷⁷⁶. Кампания 1800 г., когда Бонапарт уже был консулом, началась в апреле, но вскоре 14 июня при Маренго в генеральном сражении австрийцы в Ломбардии были снова разбиты и опять потеряли Италию, отвоеванную для них годом раньше Суворовым⁷⁷⁷. Сама же кампания в Германии закончилась разгромом австрийцев в декабре 1800 г. при Гогенлиндене ген. Ж.-В. Моро. Кампания 1805 г. началась в сентябре, а уже 2 декабря Аустерлиц подвёл под ней черту. Эта война своей скоротечностью потрясла современников даже более, чем кампания Маренго. Однако война с Пруссией фактически в своей первой фазе, разгром Пруссии, — это война уже молниеносная: начавшись 8 октября 1806 г., она привела

⁷⁷⁶ Поход в Египет 1798–1799 гг. не характерен, ибо протекал на огромном удалении от Франции, и Бонапарт был отрезан от родины, после гибели французского флота при Абукире в 1798 г.

⁷⁷⁷ В 1799 г. Суворов в Италии совершил то же, что и Бонапарт в 1800 г. Поход русских начался в апреле, первая битва при Адде пришлось на 15–16 апреля, а 4 августа при Нови была одержана окончательная победа, и Италия, кроме Генуи, была для французов потеряна. Полководческие таланты, сила воли и глубина анализа, умение вдохнуть свою волю и свою веру в победу в войска у Суворова и у Наполеона совершенно идентичны.

к цепи непрерывных авангардных боёв, закончившихся генеральным сражением уже 14 октября при Иене и Ауэрштадте и полным военным крахом наследников военной славы Фридриха II. Уже 27 октября император победителем вступил в трепещущий и покорный Берлин. И только вмешательство России возобновило войну и продлило её ещё на 7 месяцев. Однако и весенняя кампания 1807 г. длилась с 9 по 14 июня и закончилась Фридландской победой и Тильзитским миром.

С этого времени скоротечность войны, в которой кульминацией является генеральное сражение, стала для императора своеобразной аксиомой стратегического планирования каждой новой войны, а значит, и важнейшей политической константой. К скоротечности войны приучил он постепенно и общественное мнение как Франции, так и побежденных им государств Европы. Правда, война в Испании превратилась в непрерывный процесс благодаря мужеству народа и прагматичной его поддержке англичанами. Но, ох уж это «но», мой терпеливый читатель, сам поход Наполеона против англичан и испанцев осенью 1808 г., начавшись в первых числах ноября, к 15 января (!) 1809 г. поставил на грань гибели английскую армию на севере Испании. Лишь политические тучи, сгустившиеся над Парижем и Веной, прервали этот стремительный поход по горной стране. Маршалы, оставленные на самих себя и безвольного короля Жозефа Бонапарта, такой энергии уже, конечно, не проявляли. Но сам император вскоре в 1809 г. продемонстрировал снова способность к стремительности в течение войны с Австрией. Начавшись 10 апреля, она завершилась неудачной для него битвой при Эсслинге 22 мая и победоносным реваншем 5 июля при Ваграме, а через 6 дней последовали перемирие и мирные переговоры. Учтя все вышеизложенное, можно представить себе состояние Наполеона, начавшего войну с Россией 12 (23) июня и к 20 августа (1

сентября) всё ещё не сумевшего добиться генерального сражения, а значит, и мира с русскими. Теперь понятно, почему он так обрадовался прибытию в нашу армию Михайлы Илларионовича Кутузова.

Оглавление

Введение	3
Происхождение конфликта	4
Глава I	45
Глава II	71
Глава III.	143
Глава IV.	217
Глава V	286

Библиотека «Цифровой истории»

Борис Кипнис

Славный год

Вёрстка: Анна Демешева
Дизайн: Владимир Петров
Корректор: Ольга Хлющева

Издательский дом «Тион»
Формат: 60 x 90/16
Отпечатано:
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская обл., г. Чехов,
ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru,
E-mail: sales@chpd.ru
Тел.: 8(499)270-73-59

Гарнитура: PT Serif
Печать: офсетная
Бумага: офсетная
Тираж: 1000
Заказ 1682

В соответствии
с Федеральным законом РФ
от 29 декабря 2010 года 436-ФЗ

16+